

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
К 70-летию Ю.М. Осипова	
<i>Л.А. Тутов</i>	
С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов: взгляд в будущее	9
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Апостол Археолог софийного мира	12
<i>А.А. Погребняк</i>	
Безумие и заумь: о софийной философии хозяйства (к 70-летию Ю.М. Осипова)	29
<i>В.А. Луковенко</i>	
Апология конца (к юбилею Ю.М. Осипова)	36
<i>В.И. Корняков</i>	
На повестке дня — общая мегатеория (к 70-летию Ю.М. Осипова).....	43
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Эстафета	58
<i>А.В. Бузгалин, А.И. Колганов</i>	
В поисках будущего России: «экономика для Человека», или Десять тезисов к разработке «Стратегии опережающего развития III» (неюбилейное приглашение Ю.М. Осипова к новому раунду дискуссии).....	60
<i>М.А. Румянцев</i>	
Державинские мотивы в творчестве Юрия Михайловича Осипова	66
<i>Л.И. Ростовцева, Р.Н. Ростовцев</i>	
Мыслитель. Энциклопедист. Подвижник (к юбилею Ю.М. Осипова)	70
<i>Н.И. Усик, Н.А. Шапиро</i>	
Благодаря новому времени... ..	73
<i>В.А. Гордеев</i>	
Учитель	76
<i>Т.Н. Юдина</i>	
Матрица Ю.М. Осипова — ИНОЕ (ренессанс русской софийной философии, в том числе философии хозяйства, перестроение и... новое домостроительство).....	80
Раздел II	
Булгаковедение	
К 140-летию С.Н. Булгакова	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
С.Н. Булгаков: цена прорыва	87
<i>Н. Чернокрак</i>	
Отец Сергей Булгаков — русский мыслитель в Париже.....	93
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
С.Н. Булгаков: между христианством и социализмом	95
<i>А.А. Погребняк</i>	
Актуальность Булгакова: критика экономизма как мотив первой философии	97
<i>И.В. Назаров, Н.Г. Филиппенко</i>	
Проблемы отношения Церкви и культуры в творчестве Сергия Булгакова и Василия Зеньковского	113
<i>А.А. Соболевская, А.К. Попов</i>	
Идеи С.Н. Булгакова в философии хозяйства сегодня.....	121
<i>Н. Озолин</i>	
Учение протоиерея Сергия Булгакова об «описуемости Бога» в свете православной иконологии	127
<i>С.В. Сняжков</i>	
Эпоха С.Н. Булгакова: метафизика истории	138

<i>Р.М.-А. Гусейнов</i>	
Все меняется, но все остается по-старому	151
<i>В.А. Гордеев</i>	
С С.Н. Булгаковым в запостмодерн через обращение к истокам	155
<i>А.И. Субетто</i>	
Космоноосферная парадигма философии хозяйства в контексте «метафизического коммунизма мироздания» С.Н. Булгакова.....	161
Раздел III	
Экономическая теория	
<i>А.Н. Клепач, О.В. Доброчеев</i>	
Сильной может быть только умная экономика (о духовных и физических составляющих современной экономики, или поэзия и проза экономической деятельности)	169
<i>М.Л. Хазин</i>	
Нужна новая экономическая парадигма.	192
<i>И.В. Ефимчук</i>	
Сетевой капитализм: новое — это хорошо забытое старое?	196
<i>Г.В. Будкевич</i>	
Вызовы эволюции экономической системы — адаптивная трансформация бифуркационного развития	217
<i>Т.Н. Шелегина</i>	
Сверхдлинные волны мирового, американского и российского хозяйственного развития.....	224
Раздел IV	
Актуальная философия	
<i>В.П. Океанский</i>	
Неподконтрольное в символической структуре мирового хозяйства: значение наследия Гераклита Эфесского для современной интеллектуальной культуры.....	233
<i>Т.И. Пороховская</i>	
Нравственные отношения и этическое регулирование в организациях.....	239
<i>В.Ф. Маслов, В.А. Орлов</i>	
Исторический процесс как смена цивилизаций в России.....	260
<i>П.В. Скотный</i>	
Феномен знания в науке и типологии познавательной деятельности	267
Раздел V	
Актуальная политика	
<i>С.В. Бирюков</i>	
Год 2011: начало нового электорального цикла или новой политической эпохи?	279
Раздел VI	
Рецензии и отклики	
<i>Э. Шац</i>	
Некоторые размышления о нетрадиционной традиции романа	289
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Реквием, или Откровение к Откровению?	295
<i>И.И. Рудяк</i>	
Михайловичи: Бахтин, живая книга в «Реквиеме» Осипова, «Чайка» Чехова и принцип дополнительности в искусстве	299
Научная жизнь	309
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Век Булгакова (Москва — Париж — Москва).....	309
Наши авторы	315

Contents

Part I

Philosophy of Economy

To the 70 Anniversary of Yu.M. Osipov

<i>L.A. Tutov</i>	
S.N. Bulgakov and Yu.M. Osipov: a Look in the Future	9
<i>N.B. Shulevsky</i>	
The Apostle Archeologist of Sophian World.....	12
<i>A.A. Pogrebnyak</i>	
Madness and Nonsense: about the Sophian Philosophy of Economy (to the 70 Anniversary of Yu.M. Osipov)	29
<i>V.A. Lukovenko</i>	
Apology of the End (to the Anniversary of Yu.M. Osipov)	36
<i>V.I. Korniyakov</i>	
On the Agenda — the Total Megatheory (to the 70 Anniversary of Yu.M. Osipov).....	43
<i>I.G. Shevchenko</i>	
Relay	58
<i>A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov</i>	
Searching for the Future of Russia: «Economy for Human», or Ten Thesis To the Development of «Strategy of Advanced Development III» (Unanniversary Invitation for Yu.M. Osipov to the New Round of Discussion).....	60
<i>M.A. Rumyanzev</i>	
Derzhavins Motives in Yury Mihajlovich Osipov's Creativity	66
<i>L.I. Rostovtseva, R.N. Rostovtsev</i>	
The Thinker. The Encyclopaedist. The Devotee (to the Anniversary of Yu.M. Osipov)	70
<i>N.I. Usik, N.A. Shapiro</i>	
Thanks to the New Time... ..	73
<i>V.A. Gordeev</i>	
The Teacher	76
<i>T.N. Yudina</i>	
Matrix of Yu.M. Osipov — Otherguess (Renaissance of Russain Sophian Philosophy, including Philosophy of Economy, Reconstruction and... New Housebuilding)	80

Part II

Bulgakovknowledge

To the 140 Anniversary of S.N. Bulgakov

<i>Yu.M. Osipov</i>	
S.N. Bulgakov: the Price of Breach	87
<i>N. Cernokrak</i>	
Pater Sergij Bulgakov — Russian Thinker in Paris	93
<i>F.I. Girenok</i>	
S.N. Bulgakov: between Christianity and Socialism	95
<i>A.A. Pogrebnyak</i>	
Bulgakov's Relevance: the Critique of Economism as a Motive of the First Philosophy	97
<i>I.V. Nazarov, N.G. Filippenko</i>	
The Problems of Relation between the Church and Culture in the Works of Sergey Bulgakov and Vasily Zenkovsky	113
<i>A.A. Sobolevskaya, A.K. Popov</i>	
Ideas of S.N. Bulgakov in Philosophy of Economy Today	121
<i>N. Ozoline</i>	
The Teaching of Archpriest Sergiy Bulgakov about «Describability of God » in the Light of Orthodox Iconology	127
<i>S.V. Sinyakov</i>	
Epoch of S.N. Bulgakov: Metaphysics of History	138

<i>R.M.-A. Guseinov</i>	
Everything Changes, but Remains as Before	151
<i>V.A. Gordeev</i>	
To the Afterpostmodern together with S.N. Bulgakov throw Returning to Our Beginning	155
<i>A.I. Subetto</i>	
Cosmonosphere Paradigm of Philosophy of Economy in the Context of «Universe Metaphysical Communism » of S.N. Bulgakov.....	161
Part III	
Economic Theory	
<i>A.N. Klepach, O.V. Dobrocheev</i>	
Strong Can Be just a Clever Economy (On the Spiritual and Physical Components of a Modern Economy, or Poetry and Prose of Economic Activity)	169
<i>M.L. Khazin</i>	
New Economic Paradigm is Needed.....	192
<i>I.V. Efimchuk</i>	
Network Capitalism: New Is Well-Forgotten Past?.....	196
<i>G.V. Budkevich</i>	
Calls to the Evolution of Economic System — Adaptive Transformation of Bifurcation Development	217
<i>T.N. Shelegina</i>	
Superlong Waves of World, American and Russian Economic Development	224
Part IV	
Actual Philosophy	
<i>V.P. Okeanskij</i>	
The Independent in Symbolical Culture of the World Economy: The Role of the Heraclitus of Ephesus Inheritance for the Modern Intellectual Culture	233
<i>T.I. Porokhovskaya</i>	
Moral Relationships and Ethical of Regulation in Organizations	239
<i>V.F. Maslov, V.A. Orlov</i>	
Historic Process as the Change of Civilizations in Russia	260
<i>P.V. Skotnij</i>	
Phenomenon of Knowledge in Science and Typology of Cognitive Activity.....	267
Part V	
Actual Politics	
<i>S.V. Birkov</i>	
Year 2011: the Beginning of a New Electoral Cycle or a New Political Epoch?	279
Part VI	
Reviews and Responses	
<i>E. Shatz</i>	
Some Reflections about Untraditional Tradition of Novel	289
<i>G.I. Mojsejchik</i>	
Requiem, or Revelation to Revelation?.....	295
<i>I.I. Rudyak</i>	
Bor and Bahtin in Art: Romance «Requiem» by Osipov	299
Scientific Life	309
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Bulgakov Century (Moscow — Paris — Moscow)	309
Our Authors	315

Л.А. ТУТОВ

С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов: взгляд в будущее

Аннотация. В статье дается оценка философии хозяйства — научного направления, зародившегося в России 100 лет назад, а также ее современной концепции, уже и научной школы, предложенной Ю.М. Осиповым, возрожденной на базе идей С.Н. Булгакова.

Ключевые слова: философия хозяйства, С.Н. Булгаков, Ю.М. Осипов.

Abstract. Article estimates philosophy of economy — research area, which appeared in Russia 100 years ago, as well as its modern concept and scientific school, proposed by Yu.M. Osipov, revived on the basis of the ideas of S.N. Bulgakov.

Keywords: philosophy of economy, S.N. Bulgakov, Yu.M. Osipov.

В этом году мы празднуем два юбилея: 140 лет со дня рождения С.Н. Булгаков и 70 лет исполняется Ю.М. Осипову. Два мыслителя — две разные эпохи. Их объединяют время перемен, острого глобального кризиса, необходимость переосмысления взгляда на хозяйственную реальность и поиск оптимального варианта развития нашей страны. Как и 100 лет назад на помощь в решении сложных проблем пришла философия хозяйств в лице лучших представителей экономической науки. Поэтому можно говорить о втором рождении или возрождении философии хозяйства. Датой же ее рождения является 1912 г., когда в Московском университете была защищена С.Н. Булгаковым докторская диссертация по одноименной теме. В настоящее время философия хозяйства — это не просто теория или оригинальная концепция. Она стала ярко выраженной научной школой, обусловленной не только движением абстрактной теоретической мысли, но и самой хозяйственной практикой. Произошла институционализация философии хозяйства: есть лаборатория философии хозяйства на экономическом факультете, Центр общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, создана Академия философии хозяйства, есть свой журнал, включенный в список журналов ВАК и многое другое. Особую роль в развитии научной школы играет ее лидер — глава, который определяет базовые принципы ее функционирования, формулирует и продвигает основные идеи, готовит последователей, взаимодействует с другими научными

школы, способствует формированию благоприятной институциональной среды. Ю.М. Осипов успешно выполняет все эти функции.

Современная философия хозяйства, по мнению Ю.М. Осипова, является сначала наукой хозяйственной, а затем уже философской. «Философия хозяйства — не столько завершённое знание, сколько специфическая область мысли и размышлений» [1, 302]. Философия хозяйства ставит и решает следующие глобальные вопросы: «Отчего, зачем, с какой целью, каким образом и с каким результатом реализуется хозяйство, прежде всего хозяйство человека, или homo-хозяйство? Как выполняет человек выпавшую на него роль хозяйствующего субъекта, творца, демиурга? Какова генетика и природа homo-хозяйства, откуда оно, каково его соотношение с божественным и природным хозяйством, в чем его качественная специфика? Какова телеология homo-хозяйства, как и его эсхатология?» [2, 204]. Вышеперечисленные вопросы свидетельствуют о философской природе представленной области исследования.

Так же как и С.Н. Булгаков, Ю.М. Осипов считает, что философия хозяйства открыта для дальнейших разработок и не претендует на конструктивную завершенность. Тем не менее он выделяет несколько основных смысловых опор как онтологического, так и гносеологического свойства. Во-первых, хозяйство рассматривается как жизнь и жизнь как хозяйство. По мнению Ю.М. Осипова, это самая важная онтологическая опора. По значимости ей соответствует первая гносеологическая опора, согласно которой «философия хозяйства стремится познавать метасмыслы жизни-хозяйства, разумеется, не только это, но и это в особенности» [1, 303]. Второй онтологической и одновременно гносеологической опорой является трансцендентность в широком смысле. «Вне трансцендентности философии хозяйства быть не может, а может получиться в лучшем случае лишь теория хозяйства» [1, 303]. Нравственная опора является третьей смысловой опорой, поскольку проблемы добра и зла являются важнейшими в философии хозяйства и особенно актуальны в наше время. Это очевидно из самого названия «философия хозяйства», расшифровывая которое мы располагаем рядом слов «любовь», «мудрость» и «хозяйство». То есть «философия хозяйства равнодушна к вопросу о том, как, с каким нравственным мотивом, каким образом ведется человеком хозяйство» [1, 303].

Кроме трех исходных смысловых опор имеются и частные опоры, которые выводятся из исходных. Речь идет, прежде всего, о понятийном аппарате философии хозяйства и взаимоотношениях между различными категориями. Например, соотношение хозяйства и экономики, экономики и стоимости. Так, экономика рассматривается Ю.М. Осиповым как частный случай хозяйства, а стоимость отожде-

ствляется с экономикой, поскольку стоимость самое существенное в экономике. Философия хозяйства оперирует понятиями «экономическая цивилизация», «постэкономика» или «эсхатология экономики», которые являются важными для характеристики исторического пути хозяйства, различных его этапов, кризисов, революций и форм развития. В настоящее время философия «хозяйства вышла на исключительно важный фундаментальный вывод о наличии феномена хозяйственной демиургии, а не просто труда, производства, творчества, тем более потребностей и их удовлетворения» [1, 304].

В качестве демиурга Ю.М. Осипов рассматривает человека, который идет по пути пересотворения мира в соответствии со своим представлением. Человек идет от природы к неприроде, создавая мир искусственного, что приводит к проблеме эсхатологии хозяйства, а точнее, к хозяйственному апокалипсису. В связи с этим становится актуальной идея антихозяйства, т. е. хозяйство без любви и мудрости, которое имеет логические и онтологические основания. Выход может быть найден на пути обращения к хозяйственному богословию. Речь идет о той стороне богословия, которая связана с таинственными и драматическими аспектами жизни человека. То есть хозяйственное богословие призвано придать сакральный характер хозяйству в противовес антихозяйству. Сакральная функция должна выполняться априорно. С точки зрения Ю.М. Осипова, это поможет если и не найти выход из хозяйственного тупика, то хотя бы обозначить объективно существующие проблемы, что тоже немаловажно для их разрешения в будущем.

Философия хозяйства — это направление, зародившееся в России и имеющее специфические особенности, обусловленные проблемами российского хозяйства. По мнению Ю.М. Осипова, в России в настоящее время воцарилось антихозяйство, вследствие преобладания экономической стороны хозяйства. Нет полноценного хозяйства, которое обеспечивало бы не только выживание, но и перспективу жизни. «Стоит громадная задача выхода на национальное хозяйство, ведущееся в интересах нации, страны, самой России» [1, 306]. Философия хозяйства нацелена на решение этой задачи, поскольку это философия действия, связанная с активной жизнью человека, его постоянным выбором и созиданием (или разрушением). Кроме того, философия хозяйства — это сверхцелостное знание, вбирающее в себя науку, философию, религию, обыденное знание, и отражающее даже более того, что есть сама целостность. Поэтому понять философию хозяйства можно через переживание, а не только посредством разума.

Завершая концептуальный каркас философии хозяйства, Ю.М. Осипов, так же как и К. Маркс, считает, что «хозяйство есть не

столько производство благ, сколько производство самой жизни и самого человека» [1, 307]. С этим утверждением нельзя не согласиться.

Давая в целом оценку концепции философии хозяйства, предложенной Ю.М. Осиповым, необходимо подчеркнуть значительный вклад ученого в развитие современной философии хозяйства. На базе возрожденных идей С.Н. Булгакова и других русских философов были предложены новые подходы и решения с учетом современной хозяйственной ситуации и уровня развития научного знания, разработан современный категориальный аппарат, расширены исследовательские рамки философии хозяйства до Универсума — мира человека во всем его многообразии. Предметное поле философии хозяйства открыто для всех, имеющих вкус к глубокой теоретической мысли и желающих сделать мир более совершенным.

В заключение пожелаем юбиляру и школе философии хозяйства доброго здоровья и успехов в поиске оптимального варианта развития российской хозяйственной системы, подготовке инновационно-прорывных стратегий с целью системного обновления нашей страны, продолжения работы по изучению наследия отечественной экономической мысли.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства: В 2 кн. М., 2001.
2. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства // Философия хозяйства. 1999. № 6.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Апостол Археолог софийного мира

Аннотация. Статья посвящена Ю.М. Осипову, человеку русского духа, ученому, философу, творцу, мастеру русского слова.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, философия хозяйства, софийный мир, софиология.

Abstract. This article is dedicated to Yu.M. Osipov, the man of Russian spirit, scientist, philosopher, creator, master of Russian language.

Keywords: Yu.M. Osipov, philosophy of economy, Sophian world, sophiology.

Трудно, да и реально невозможно познать человека, понять его скрытую и упрямую проективную волю, движущую всеми его желаниями, помыслами и целями. Ап. Павел вообще полагал, что познать может лишь тот, кто сам познан Господом и допущен к этому софийному деянию. Тем более нереально понять выдающегося человека, дарящего остальным людям световые энергии, питающие их ум. Но как писать и что говорить о человеке, встреча с которым преобразила в корне автора этих строк, сделав цитатствующего и философствующего книжника размышляющим существом, осознающим свои непонимание и незнание сути знания и мысли?

Юрий Михайлович Осипов! Сам язык, вернее, то, что сегодня воспринимается как русский язык, не может выразить, обозначить и описать суть, смысл, содержание, роль, значения и деяния, миссию и назначение этого человека для нашего Отечества и для всего мира людского. Талант, гений, великий ученый, академик, художник кисти, смысла и слова, организатор организаций, софийный пророк, Учитель, живой Центр возникающего нового русского мира. Даже выдающимся мыслителем его нельзя назвать, ибо на крыльях мысли своей он взлетает в небеса трансцендентные, где реалии вечности кристаллизуются в мысли. Ю.М. Осипов — тайнозритель и... соучастник этого вселенского мыслегенеза, ручейки которого достигают и земли; поэтому человек считает себя разумным существом, а многие, очень многие считают себя даже мыслителями, не подумав о том, считают ли сами мысли, разумность достойными для себя обитать в таких головах. Может быть, они как раз избегают голов, избегающих метафизики? Да, Ю.М. Осипов мыслитель, но он и сотворец первосубстанции мысли, ее живой орган, ее пламя, ее спасительный свет и ее смысловая сила.

Все эти языковые знаки не передают того уникального слияния человеческого и метафизического, слишком метафизического в человеке Ю.М. Осипове. Большинство людей незаметно сами уродуют себя, становясь чудовищно сверхчувствительными к мелочам, суете и столь же чудовищно нечувствительными ко всему великому, возвышенному, благородному. В Ю.М. Осипове сверхчеловеческие смыслы не вытеснили и не подавили человеческое, а органично сделали его выразителем своего символического содержания. Ю.М. Осипов сверхчувствителен к метафизическим и жизненным смыслам, к загадкам Иного, к незнанию и к неизвестному в известных знаниях, оставаясь малочувствительным к сопровождающим их мелочам. Осипов — человек с Большой буквы, а большими буквами философия, искусство и религия обозначают все сакральное, метафизическое, ноуменальное, ужасающе

правдивое, смотрящее на нас глазами возмездия за наше софийное безразличие.

Ю.М. Осипов — не просто человек, ученый, художник, организатор, мудрец, витязь смыслового фронта, загадочный мастер смысла и посланник тайного Слова русского, он ужасающе близко стоит рядом с оригиналом России, общаясь с ним без посредников. И этот оригинал сделал его не только своим личностным, но и в некоторой мере — ипостасным воплощением. Поэтому я мало буду касаться внешней истории жизни Ю.М. Осипова, его немалых заслуг и достижений, его гениальных прозрений и озарений тайн того мира, который формируется на наших глазах из осколков либерализма, постмодернизма, который пытается оседлать виртуальный зверь бездны. Все это известно и вызывает у одних восхищение, у других — непонятное раздражение, у третьих — глубоко скрываемое опасение. Но если крысы не бегут с корабля, значит, он доплывет до своей гавани, где и с крысами разберутся!

Цель предлагаемых заметок — узреть в творчестве Ю.М. Осипова метки за-предельного, метафизического, трансцендентного содержания, которое сегодня тихо становится мерами и пределами нового бытия, его плотью и физикой, его новыми горизонтами. Ю.М. Осипов владеет раз-мышляющим знанием, в котором Дух дышит не только, где хочет, но и где его дыхание нужнее всего. Это размышляющее знание Ю.М. Осипова питается эликсирами русской земли сырой, русского хлебопашества, русской словесности, христианской православности, научной техникой мысли, художественной силой слова, превращающего любой хаос в лад и строй властвующей мысли. Это знание достигает в нем уровня своеобразной живой личности, вызывая к помощи Софии Мудрости.

Без иронии и парадоксов можно сказать, что Ю.М. Осипов был и остается настоящим коммунистом в духе В.И. Ленина, который ведь считал, что коммунистом можно стать лишь тогда, когда освоишь все духовные богатства, которые выработало человечество! А парадокс в том, что сам-то Ленин не был коммунистом, если следовать его же формуле, отвергающей большую часть этих духовных богатств!

И натура Ю.М. Осипова вовсе не выражается его экономическими штудиями, возрожденной им философией хозяйства, его художественными созданиями, шедеврами его организационного творчества, создавшего массу уникальнейших конференций, семинаров; даже Академия философии хозяйства, Центр общественных наук, журнал и в малой доли не выражают содержание, смысл его творчества. Труды Ю.М. Осипова поражают уникальным охватом и синтезом всех существенных тем и проблем человеческого бытия. От труда и стоимости

до гламура и мировой ночи; от власти и неодирижизма до произвола и неосатанизма; от террора и криминала до глобализации и планетаризма; от империи и власти до инквизиции и модернизации; от великой русской литературы до пиара и карикатуры на слово; от аскетизма и гедонизма до кризиса и апокалипсиса; от России до Софии; от Премодерна, Модерна и до Постмодерна; от человека до чиповея; от данного к Иному; от загадок цены до тайн Кошечевой иглы финансизма; от ангельских вещаний до inferнальных сообщений; от статистики до «математистики» и мистики; от познаваемого до непознаваемого и неизвестного, остающегося вечной тайной; от Логоса, логики и логистики до Софии и смыслов ее живых; от экономики к финансономике и до наноэкономики; от домостроя до хозяйства. Нет темы, сюжета, проблемы, идеи, которые не нашли бы законного места в понимающем и размышляющем космосе Ю.М. Осипова.

Мировоззрение и ученость Ю.М. Осипова не сводятся даже к философии хозяйства, которая служит ему лишь познавательным орудием раскрытия сути русской философии, да и философии вообще, возникающей не из мифологии, а из светлой мудрости Софии и живущей ею. Ю.М. Осипов осознал, выявил подлинную сущность русской субстанции и русской философии, которые коренятся именно в Софии Мудрости. Да и не только русской философии, но и философии вообще. Философия во всей своей полноте и значимости может работать лишь в контексте Софии, лишь в Доме Премудрости ее. Философия есть мудрость — цельное, незавершенное знание, завершением которого является лишь Творец, хранящий в себе тайну преображения ничто в бытие.

Древние народы называли людей, способности которых превосходили положительную форму человечности героями, среди родителей которых были боги. Герои были известные и неизвестные. Ю.М. Осипов происходит из касты неведомых героев Софии, ибо сегодня для того, чтобы мыслить, нужно быть уже не просто героем, а сверхгероем, ибо гидре Интернета могут противостоять лишь софийные избранники. Феномен Ю.М. Осипова особенно поразителен тем, что созданный им смысловой космос, его интеллектуальное содержание абсолютно независимы от Интернета, питаются своими трансцендентными источниками и живой мыслью людей. В его трудах, в его журнале, в его конференциях мы имеем сегодня редчайший случай естественной мысли, а не интернетовской вермишели. Хотя его ум и язык не чурается Интернета как справочной машины.

Ю.М. Осипов — живой самородок русской субстанции, ее магический кристалл, через который любящие умы и алчущие правды сердца могут прозреть неслучайные, невнешние черты Руси небесной, ее пер-

вооблик, идущий к нам навстречу, готовый отдать нам все свои дары и чары. И в этом плане натура Ю.М. Осипова сродни Платону, Б. Паскалю, Г. Лейбницу, Ф. Бэкону, Дж. Вико, М.В. Ломоносову, В.И. Вернадскому, Д.И. Менделееву. Вообще, каждый народ имеет (должен иметь!) таких магически кристалльных лиц, через которые они могут видеть свои национальные оригиналы, свои первопричины человеческие.

Говорить, а тем более облекать звучащую речь в слова и тексты, по сути своей действие сакральное. Ведь изначальное Слово дало бытие всему бессловесному и наделило человека этим даром богоподобным. Поэтому говорить, «ословеснивать» в речах любые реалии — значит возвращать им исходное сакральное достоинство, выявлять их смыслы первотворящие. Говорить и писать, значит, создавать новый — объективно смысловой — космос, без которого невозможно продолжение жизни, бытия, да и ничто захиреет от тоски в своей ничтожности.

Но, о Боже! До чего же человек извратил священную и первичную природу слова! Даже Вольт со своими слугами смерти серьезней относится к языку, чем большинство людей, сделавших его средством сокрытия своих безумных дел. Слово стало трепологией, демагогией, демократией, пиаром, рекламой, хулой, средством производства бесконечной лжи, лживой жизни, средством уничтожения творения и смысла! И выхода-то почти никакого нет: благое слово осуществимо лишь в смеси с лукавством, а стремление уйти от трепологии уводит за собой в долину мертвых и благое слово. Остается лишь упование на истину Того, кто окончательно разделит зерна и плевела в слове.

Величайшее искажение природы языка состоит в том, что не язык выражает, обозначает вещи и людей, а сами вещи и люди суть объективированные слова, выражающие в своих формах и обликах тайные и незримые смыслы самого языка! Не вещи и люди дают бытие языку, Слово, а язык и слово дают плоть вещам и людям! Язык уже сказал и написал через свои воплощения все необходимое, оставив человеку лишь необходимость понять, помыслить и осмыслить воплощенное! Даже клеточки языка — «суждение», «предложение» — означают суд говорящего над самим собой, требуют от него «предложить что-то смысловое!..», а не просто повторить миллиарды раз сказанные слова. Язык грозит «судом-суждением» всем тем, кто подменяет слова-оригиналы немощными уродами. Поэтому речи, слова, тексты Ю.М. Осипова, сама натура его не просто раскрывают важные проблемы и катастрофы эпохи, а именно выявляют исходные и объективные слова-оригиналы, воплотившиеся в этой эпохе или же покинувшие ее.

Говорить и писать о бессловесных вещах и бессловесных тварях, значит, выявлять, постигать те слова и смыслы, которые их создали. Говорить и писать о словесных существах, значит, вступать в диалог с Первословом, искать его послания в наших речах и грехах.

Но говорить и писать о выдающихся, необычных людях, магически связанных со Словом, значит, исказить их бытие, ибо что может сказать малое, неизвестное и слабое человеческое слово о великом и неведомом Слове, уже ставшем человеком, его делами, мыслями, загадками, началом новой нити самой судьбы? Это неведомое Слово само теперь вразумляет последних сынов человеческих своей мудростью, укрытой в хозяйственных одеяниях. Но даже молчание само не желает молчать, а взрывает себя, вынуждая и камни вопиять к Духу! Остается одно: размышлять над тайной появления в пустоте либерализма, безумия, русофобии и антирусской патологии человека, хранящего в себе тайну Перворусского слова, хранящего, претворившего и претворяющего его в миротворный зародыш нового русского мира, смыслового космоса. И парадокс: в отчаянных попытках малых и неизвестных определить себя через большое Неизвестное малые обретают свое самосознание и цели. Сумрак, определяя себя через мрак ночей, выявляет свои последние световые гласные.

Ю.М. Осипов сам себя именует *«археорусским»*; чувствуя в себе дыхание этого изначального духа русского мира; поэтому он напоминает нам человека из другого мира — из мира оригиналов; и именно этим он увлекает, тревожит, захватывает и страшит нас своей отчужденностью и далекостью от нас, ибо в нем мы узнаем то, насколько мы сами удалились от своего оригинала. Ибо каждый невольно перед его вещим взором проверяет себя на адекватность своему неведомому оригиналу, своей истине. Он не разворачивает перед слушателями подробно-занудливой эволюции идей и эпох, а напротив, говорит как софийный человек, только что явившийся к нам с последними вестями из царства оригиналов, куда имеют доступ лишь избранные, владеющие законом единоречия философии, науки, искусства и религии. Поэтому при встрече с мыслями Ю.М. Осипова все вопросы незаметно улечиваются, становясь ответами, да не просто ответами, а ответами, которые требуют продолжения именно от узнавших их; причем, сами вопрошающие и опроблемленные люди лишь с трудом и отчасти сознают произошедшую с ними гносеологическую метаморфозу. Личный пример. Важнейшую роль в моем философском образовании сыграли (играют и поныне, но лишь питают, а не определяют мой ум!) немецкая философия и культура. Я гордился знанием труднопостижимой мудрости Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Хайдеггера, их полуморочного и никому непонятного языка. После изучения трудов

Ю.М. Осипова и смысловых контактов с ним, после усвоения критериев его оценки плодов наук, мне стало абсолютно ясно, что философия в духе Хайдеггера создана для того, чтобы воспитывать у читателей (внушать им) искусственное непонимание, разрушать естественные силы ума, души, сознания и языка. Они готовили бездумие и безумие для грядущих «еврогейцев», отучая их от всяческой рефлексии. Без великой и мировой немецкой философии Германия не смогла бы начать и вчистую проиграть две мировые войны! Софийное мышление Ю.М. Осипова беспощадно выявляет пустоту современной философии, культивирующей скрытую пустоту, агональный страх и бессознательную агрессивность. Поэтому и паразиты всех мастей страшатся пуще смерти Ю.М. Осипова, зная, что оригинал его мысли уже осудил их самым молчанием своим.

Но в Ю.М. Осипове сокрыта и живая нерешенная теорема русского духа; гипотенуза известна, это — Иное, а вот катеты да квадратура этой живой теоремы требуют прибавочной мысленной стоимости от всех существ, отважившихся ступить в сферу метафизики. Осипов — постоянный, незримый сотворец индивидуальной и общей русской жизни, да и не только русской. Поэтому не столько мы почитаем, интересуемся Ю.М. Осиповым во дни торжеств и празднеств юбилейных, сколько сам Ю.М. Осипов как перворусский посланник неведомый занимается нами, опекает, предостерегает и охраняет нас от невидимых опасностей и незримых врагов, учит нас различать их социальные личины и приторную их благопристойность. Через его дух и творения в наше бытие входит нечто таинственное, непостижимое, нечто даже неправильное, но столь необходимое, что без него жизнь не желает быть жизнью.

Человек не прост, ой, как не прост! Каждый человек есть уникальная *природная индивидуальность*, наделенная силами и способностями. Но природная индивидуальность Ю.М. Осипова вобрала в себя весь опыт творения и бытия русского племени во всех его исторических формах, его вольность и смирение перед волей Неба, его фантастическое разномыслие и вдохновение волшебным, чарующим словом, тайную мысль русских безграничных равнин и страшные застенки северной Преисподней, уникальные лесные пространства и бесконечность небес, отражающуюся в его большущих синих глазах. Все многоголосие русской природы нашло в нем свой живой орган, заговоривший языками Софии, Философии и Хозяйства. Извечное страдание русское жесткой рукой своей начертало такое необычное лицо, ставшее живой клинописной рукописью судьбы человеческой на исходе отпущенных ей времен. От лица Ю.М. Осипова веют невысказанные смыслы всех тех людей, которые мечтали стать русскими, но которым

суждено было стать их врагами. Его огромными синими глазами смотрит на нас само небо, подыскивая нам место в своих чертогах или в местах, отдаленных от лазури его чистой правды. Ю.М. Осипов — это величайшая удача природы, создавшей человека, ставшего откровением ее благостной сакральной полноты.

«Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...»

Этот софийный портрет природы поэт не сочинил, не написал, а буквально списал с археорусских натур, к которым его времена были несколько благосклонней наших бездушных бифуркаций и монофуркаций.

Но каждый человек есть и уникальный ансамбль социальных отношений, самобытная социальная субстанция, которая крайне редко достигает уровня субстанции-*субъекта*, реализующей проекты сознания, ума и языка, идущих от первопричин и оригиналов жизни. Ю.М. Осипов вырос в мире сопротивления тамбовского крестьянства, став субъектом крайне редкого и необычного типа ума, умеющего превращать насилие в средство самоосвобождения и роста, в средство созидания новых благостных целей. Его отец (см. книгу «Отец») был председателем колхоза, сумев создать суровую нормальную жизнь для людей буквально из ничего. Этот творческий опыт отца по созиданию общего бытия людей из ничего невидимыми путями вошел в социальный организм Ю.М. Осипова, став в нем неисчерпаемым источником хозяйственных инноваций, особой идеологии жизни как хозяйственной целостности. И сегодня уникальная субъектность Ю.М. Осипова связывает в единое целое и удерживает в самостоятельном полете и Центр общественных наук при МГУ, и Философско-экономическое ученое собрание, и Академию философии хозяйства, и журнал «Философия хозяйства». Ю.М. Осипов стал именно субъектом, сумевшим создать самобытную международную обществоведческую школу, в которой созревает Новый мир России, да и не только России. Уникальность и величие Ю.М. Осипова как субъекта выражаются в том, что он умеет не просто находить лучшие средства для решения данных проблем, а в том, что он умеет творить новые *цели*, новые *смыслы*, новые *ценности*, которые только и могут решать накопившиеся проблемы. Проблемы возникают от исчезновения целей, а с появлением целей они сами же находят средства своего решения.

И в этом плане Ю.М. Осипов — величайшая неудача экономизма, взрастившего в нем своего могильщика. Подобно мифическому Персею, сразившему с помощью волшебного щита (весь Олимп работал

над изготовлением этого щита!) Медузу Горгону, превращающую своим взором все живое в камни, Осипов с помощью философии хозяйства и Софии сразил экономизм, превращающий все живое в средство накопления мертвого. Он одолел экономизм самым страшным и непобедимым оружием — оружием понимания его сути, истоков и конца. А с понимающими не воюют и не спорят, их и не уничтожают, ибо без их понимания и Медуза не будет знать своей смертельной обреченности; понимающих стремятся локализовать, изолировать, загнать в научные резервации. Поэтому в характере, творениях, даже в стиле пера Ю.М. Осипова имеется некоторая сакральная скрытность. Это необходимая мера защиты святости от духов тьмы и духовно темных людей.

Но человек есть и *личность*, носитель и хранитель смыслов духа, посредством которых он может оказывать на мир большее воздействие, чем мир на него. Ю.М. Осипов является личностью высшего порядка, вооруженной силами таланта, гения Руси непобедимой. Поэтому он не только оказывает воздействие на мир, но создает и воссоздает новый мир для оригиналов русской жизни. Ю.М. Осипов достойно несет тайное знамя русского духа, его несокрушимое сопротивление даже в поражениях и падениях. Все, к чему ни прикоснется дух Ю.М. Осипова, начинает дышать и жить самостоятельной жизнью. Любая заметка, формально вступительное слово, оглавления и названия конференций, аннотации семинаров, реплики Ю.М. Осипова обретают живое смыслобытие. Даже знаки препинания в его сочинениях становятся символами запоминания непонятого в его замыслах. Ю.М. Осипов служит как бы тайным исполнителем воли Провидения, выражая в своем ведении вещи метафизические, непроявленные и символические смыслы русского бытия.

Но целостная жизнь Ю.М. Осипова не ограничивается социоприродными, культурными, интеллектуальными измерениями. Есть и высший оригинал человечности, высшая ее печать, возложенная промыслом: человек есть носитель и хранитель небесных, софийных смыслов и умений, вдохновляющих его горькую и страшную земную жизнь. И это высшая человечность, умеющая общаться с миром трансцендентным, именуется *ипостасностью*. Повторяю, именно Ю.М. Осипову (как и почти всем русским!) присущи ипостасные качества, позволяющие ему воспринимать трансцендентные и софийные смыслы мира и человека, а не сам Ю.М. Осипов является ипостасью чего бы то ни было! Именно ипостасные свойства природы позволили ему подхватить и развить эстафету русского софийного духа и софиологии, доведя их до уровня софиократии. Ипостасность преодолевает масштабы таланта, гения, великого человека, выводя своего избранника на прямой контакт с миром оригиналов. Есть люди, коих мы почи-

таем за то, что они пробуждают в нас достоинство мысли, ума, сознания и языка!

В метафизическом плане Ю.М. Осипов перерос обычную гениальность и талантливость ученого, философа и перешел на уровень ипостасного мышления, присущего людям, сознание, душа, язык и ум которых уже переживают Второе Пришествие Спасителя. Этот опыт ипостасного понимания мира запечатлен в его философии хозяйства, в его софийном, религиозно-этическом и светло-мистическом романе о романе. Представляю плохо скрываемое (но все же скрываемые!) возмущение обреченных карфагенян. Да как этак можно говорить о русском человеке, не посоветовавшись с комитетом?! Да это же нарушение прав человека! А как же быть с остальными гениями? Да что это он себе позволяет? Отвечаю! Гегель иронично заметил, что для камердинера нет героя, но не потому, что героев нет, а потому, что есть камердинеры, которые чистят сапоги героев, справедливо не видя в этом деле ничего героического. Но окружение Ю.М. Осипова состоит, слава Богу, не из камердинеров!

Ничто не ново под луной! Да и на луне, и над луной! Будущие апостолы Христа были слабыми людьми; они испугались преследований, неизбежной казни своего Учителя! И вели себя, мягко говоря, недостойно — все разбежались от него живого! Чего стоит тройкое отречение-предательство Петра? А что значит загадочная, символическая и бессмысленная провокация Иуды? Никто из них всерьез не воспринимал Христа как богочеловека, несущего спасение от смерти. Но Воскресший радикально изменил своих учеников и сторонников: они стали мудрыми, смелыми, твердыми и умелыми людьми, несущими в себе глаголы новой жизни. Может, этот постыдно-печальный опыт восприятия истины все же дан нам не зря! Может, мы осмелимся в живом, известно-неизвестном человеке все же узреть хотя бы смысл безусловный, неугасимый, непреходящий, блаженный? Смысл, могущий стать новой реальностью, миром Иным! Не могущий не стать Им!

Властный императив неизвестной и недоступной нам России избрал Ю.М. Осипова для оглашения неких и поныне еще в полной мере непостижимых целей. Удивительно, как быстро и прочно вошел он в софийный мир хозяйства и в духовный мир культуры! Такое внезапное преобразование «рядового экономиста» в мудрого знатока и в ипостасного человека замышляется и устраивается не людьми, а промыслом. Какая Россия и что именно она желает высказать Словом Осипова? Откровение какой реальности дано нам в творчестве Ю.М. Осипова? Куда мчится Русь-Тройка, вместе с дрожащими от страха на ней очередными самонадеянными кучерами? Кто вместе с Ю.М. Осиповым смотрит на Россию, оценивает ее, изображает ее для того, чтобы в ито-

ге зашифровать в страшных посланиях вещи слова спасения? До нужных сроков! Что сказал, думал, изобразил сам Ю.М. Осипов, мы знаем. Но что объективно, само собой, сказалось в его творчестве независимо уже от воли автора? С какой точки мир, Россия, человек выглядят именно таким образом и в таких обликах, как их увидел, изобразил Ю.М. Осипов?

Тайна обаяния, духовной силы и неотразимой правды слова Ю.М. Осипова коренится именно в софийной тайне христианства. Мудрость не дается от природы; ее нельзя получить путем накопления всевозможных знаний о мире, человеке и Боге. Не является она и плодом чисто философского совершенствования ума. Она дается как небесная благодать нравственно чистым душам; поселяясь в них, она делает человека постоянным Учеником вечности, а вечность — его постоянным Учителем, позволяя ему во всех, самых ничтожных, явлениях мира и жизни чувствовать, прозревать софийность божественного промысла. Мудрость есть знание-понимание, в котором человек находит сакральную точку и опору своего разума, открывает в ней высший идеал человечности.

Софийная мысль Ю.М. Осипова увидела *полное и конкретное понимание реальности*, понимание, которое охватывает в единую целостность Творца и творение, живых, нерожденных и усопших, ангелов и демонов, оригиналы и копии, бытийное и фальшивое, иллюзорное, чудесное и магическое, известное и неизвестное, воображаемое, виртуальное и невозможное. И вся эта первородная полнота вещей, людей, идей присутствует в каждой вещи, в каждом человеке и в каждой его мысли. Сам Ю.М. Осипов обмолвился однажды, что мыслит не он, а в нем и посредством него мыслит сама жизнь¹.

И не просто жизнь, а жизнь русская. А мыслит она все об одном — об Иной России, в которой царит не «шизодрой» противоречий диалектики, а любовь и единоречия Св. Троицы, в которой человек милосердно, справедливо и рачительно хозяйствует, а не произвольно, нагло, самоубийственно экономствует, в котором ум мыслит, а не умничают, в котором человек исправляет свои грехи, а не умножает их, в котором человек человеку — друг, товарищ, брат, «каменщик» и мудрец, в котором жизнь и смерть проигрывают вечности, в котором дети, играя, учатся, а не плачут, а юные девы ждут женихов, а не поругания, в котором ад невозможен, а рай не нужен, в котором самыми несчаст-

¹ «Ничего я не думаю... ничего. Это сама жизнь мною думает. Вот почему в Софию погружаться надо... В Софию прежде всего, а не в науку, Только там это самое Иное, только там... И не в одних лишь писаниях дело, а и в откровениях... новых откровениях» [1].

ными являются те, кто нуждается в счастье, в котором все только начинается и продолжается, но ничего не кончается, в котором русский дух находит самого себя.

Ю.М. Осипов увидел и узнал то, чего еще никто не видит и не знает, но что нужно всем, и что неосознанно ищут многие, не подозревая, что искомое ими уже отчасти найдено и ждет алчущих понимания. И мудрость Осипова в том-то и состоит, что он не мешает жизни высказывать свои софийные откровения, предоставив ей в качестве органа всю свою смысловую организацию и экзистенцию.

Книги и тексты Ю.М. Осипова сильны необычными своими трансцендентными смыслами и значениями, полными таинственных, чарующих и болезненных намеков, но самое главное — они полны софийными озарениями уже забываемой нами естественной жизни, нормальными акциями ума и сознания.

Поэтому тексты Ю.М. Осипова при встрече с текстами других авторов просто «забывают» их своей мощной смысловой генетикой. Их невозможно не то, что рецензировать, но даже цитировать. Парадокс! Обычно цитата сильного автора вытягивает слабые тексты, озаряя их своими смыслами, но в случае с Ю.М. Осиповым наоборот — слабые тексты просто рушатся, обнажая свою пустоту и немочь бледную. Соответственно и авторы таких текстов рискуют предстать не просто голыми королями, а «пустыми учеными». Но если голый король остается все же королем, то пустой ученый или пустой мудрец — это существо с мозговым катетером — зрелище не для слабонервных. Поэтому, несмотря на всю глубину и разноплановую силу смыслов, тексты Ю.М. Осипова осмеливаются цитировать крайне редко и крайне малый круг авторов. Очень большой риск увидеть себя не в качестве приукрашенной копии, а в качестве отсутствующего оригинала!

Есть еще одна причина, по которой многие, даже сочувствующие философии хозяйства Ю.М. Осипова, отчасти признающие ее, все же не приемлют ее как мировоззрение и идеологию, как методологию и *praxis* нового бытия. Дело в том, что при встрече с текстами Ю.М. Осипова происходит непонятное и магическое превращение, чудо, волшебство. Все вопросы и проблемы мгновенно преобразуются в ответы и решения, которые зовут к делам большим и малым! В философии хозяйства сама теория прекращает дискуссии, отвечает, *от-вечает* своими смыслами на запросы жизни, становится планом, проектом и формулами ее действия. А поскольку абсолютное большинство ученого люда занимается вопросами и проблемами, разрешение которых лишает их средств жизни, то они втайне заинтересованы в том, чтобы эти вопросы и ответы никогда никем нигде и никак бы не решались. Это во многом объясняет тот факт, что никто (!), никто из

оппонентов философии хозяйства не рискнул вступить с ней в публичную, вообще в какую-либо дискуссию, чувствуя, что она не будет с ними спорить, а просто спросит: «Пошто, друг мой сердечный, гонишь ты истину жизни своей, правду своих злополучных концепций и концептов?!». В этом плане теоретическая неуязвимость метафизики хозяйства поражает всякую волю к сопротивлению истине, безмолвно свидетельствуя, что самое важное в мире еще не найдено и даже еще не состоялось. И жить стоит ради того, чтобы стать соучастником поисков самого важного, ибо оно тоже ищет абсолютных людей, способных выразить свое присутствие в исчезающем мире. Есть рукописи и тексты, которые не только не горят, но и творят нужную им реальность; и не только творят, но и отрицают, убирают не нужную им реальность. Такие тексты являются миротворной лабораторией, в которой создаются, апробируются и запускаются в серийное производство сами причины.

Творящими текстами являются некоторые художественные, музыкальные, живописные и поэтические творения². Творящими становятся тексты философии хозяйства С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипова. Эти тексты вобрала в себя смыслы египетских и сионских мудрецов, мудрость Священного Писания христиан, умозрения философии и математические гармонии эллинов, экономические расчеты евроамериканских алхимиков, эзотерические намеки искусства, демиургическую мудрость православной Церкви и ее inferнальной инквизиции — партии Ленина, мистику русскую и казуистику антирусскую, антропофагию Возрождения и рациональное мракобесие Просвещения, inferнальность финансовономики и виртуалов постмодернизма, озаряющий разум Провидения и душевные силы откровения, метафизику «ничаво» и трансценденции «ничего», ум власти и власть ума, хаос демократической синергетики и логосную волю империй, неизвестность судьбы и судьбу неизвестности, смысловые войны людей и антилюдей, кошмары Преисподней и благодать софийных откровений, бездны отчаяния и логосные вершины исцеляющей истины, неправду Этого и правду Иного. Философия хозяйства Ю.М. Осипова вобрала в себя софийную благодать хозяйства как безвозмездного дарения, как любви, и демонически-inferнальные глубины хозяйства как борьбы со смертью и ничто, как хищной конкуренции и войны всех против всех. Бог и дьявол соучаствуют в делах философии хозяйства, действуя через парадоксы ее императивов.

² Известно, что Пифагор врачевал многие болезни посредством чтения соответствующих песен Гомера.

Феномен Ю.М. Осипова возможен только в современной России, в которой сконцентрировались все природные, исторические, человеческие, сакральные, inferнальные, властные проблемы мира. Поскольку Россия не стремится достичь «европейски» «обаянного» благополучия, то в ней сидит Первопроблема, проблема всех проблем, работа над осознанием и решением которой может отыскать метафизический алгоритм всех нерешаемых человеческих вопросов. Сама Россия и есть эта Первопроблема. Все современные смыслы земли русской стремятся сегодня к нему, в его ЦОН, дабы найти в нем Слово Свое во плоти.

Ю.М. Осипов умеет рисковать, «играть аж на разрыв аорты», но не любит сего дела, предпочитая творчество, которое требует меры, веса, числа, нравственного достоинства, практического расчета, софийной уверенности, трагической пронизательности в смыслы человеческих кошмаров, разбору которых посвящена его жизнь метафизического диагноста и врачевателя. Ю.М. Осипов — грозный тайнозритель нашей пустой, рас-христ-анной, испаряющейся в никуда эпохи; он видит то, что, видя, не видят науки и философии, воспринимая всю целостность смешанной и запутанной в разноцветьях пороков реальности, барахтающихся в ней людей. Он не плачет, не смеется, не радуется и не проклинает эту реальность, а размышляет и, понимая, вытягивает из нее лабиринтные смыслы, сюжеты, встречи, пейзажи, рюмочные, дворовые лавки, потаенные кабинеты, роковые мгновения, невообразимые беседы персон недоступных, провиденциальные стечения событий, плодящих пустоту, глупости, пороки, бараки «обаянные», трюмные трюки фемин, роковые знамения столиц, империй, миров, несмолкаемый гул реквиема.

Но и эти деяния и дела не исчерпывают провиденциальный смысл личности Ю.М. Осипова. Есть у него особая русская миссия. Он — миссионер Великой Грядущей Неизвестности, избравшей его своим Предтечей, дав ему миссию и дав же ему умения, мастерство эту миссию незаметно нести, порождая прозорливцев и ослепляя научных светил и умников. Загадочная жрица его озарений категорически заявила, что не дано мужчинам «выбирать свое предназначение, это предназначение выбирает вас».

Его личность является живым воплощением всех бед современного растерянного и потерянного человечества; но в то же время в его суровом облике таится спасительное понимание этих бед, представленное в его текстах, которые вполне можно поставить в ряд с текстами софийными и боговдохновенными. Встреча и общение с таким человеком-миром есть наивысшее образование, дающее живой алгоритм самообучения, самосовершенствования и приобщения к пониманию. Саул, встретив Христа, отрекся не только от своей религии, но и от иудейст-

ва, став апостолом Благой Вести и демиургом новой Церкви. В то же время Иуда, встретив Христа, открыл в себе незаурядные таланты провокатора, завистника и предателя, создав институт наемных убийц. Вообще, жизнь Ю.М. Осипова есть самотворящая себя живая энциклопедия миров — бывших, уходящих, возникающих, ждущих реванша и шанса. Можно вне всяких преувеличений сказать, что изучение личности, деяний и творений Ю.М. Осипова стоит университетов — как отечественных, так и заморских. Да и аспирантуру, докторантуру тоже заменяет, давая основу нравственного самостояния и достоинства человека. Осипов — это целый непознанный русский мир, изучение которого превращает изучающих в полноценных граждан этого мира. В то же время Ю.М. Осипов воплощает в себе метафизическую загадку и софийную тайну современной Руси.

Ю.М. Осипов является самым универсальным, самым глубоким, самым возвышенным, благородным и уникальным мыслителем нашей эпохи. Он владеет ключами софийной благодати и демонических бездн, затворяя этими ключами врата хозяйственного рая и экономического ада. Ю.М. Осипов ведет Великую идейно-символическую войну за смысл жизни, бытия и человека. Если люди рождаются, чтобы жить, но умирают, то каков смысл и какая ценность этой жизни? Чем она может быть оправдана перед молчанием безликой смерти? Интеллект(туалы), долженствующие иметь хотя бы хилые смыслы по этим вопросам, предали человека, мысль и сознание, обвинив в полной несостоятельности не себя, а эти идеальные органы вечности, призывая человека стать зверем, клоном, электронным призраком, мутантом, консультантом a la Voland.

И эта война предполагает неведомого императора, властоуполющающего в себе истину философии хозяйства и Софии Мудрости. Без этого тайного Властителя не было бы ни философии хозяйства, ни феномена Ю.М. Осипова, ни русской правды, не ощущался бы вкус жизни, не было бы блаженства ведающих. В глубинно земном плане Ю.М. Осипов представляет эпохальную личность постнаучной, постфилософской, постхудожественной, пострелигиозной мысли, постмысли о мысли. И это назначение его предопределено самим тайным Властителем, волей его мысли, свершающей свое новое откровение, обретающей новое самосознание в канун Второго Пришествия.

Понятно, что постичь творения такой личности невозможно и просто абсурдно. Но и благоговейное молчание тоже не выход, ибо в ее творениях есть духовные и метафизические витамины, необходимые для спасения всех страдающих авитаминозом русскости. Остается лишь жанр *комментирования*, который не ставит целью понять и рас-

крыть все тайны его творений, а лишь помочь усвоить их метафизическую оптику.

В самом нынешнем строе мыслей Ю.М. Осипова есть нечто загадочное, наводящее на мысль о его незримом личном участии и присутствии в судьбе современной России в качестве хранителя смысла просвещенного и созидательного авторитаризма. Написанное мною — это не только свет его мыслей, но и их бытие в моей жизни, ибо иначе я не знаю, как можно исследовать феномен русскости Осипова. Он всегда переоценивает других, считая их лучшими, чем они есть на самом деле; и всегда недооценивает себя, считая себя худшим, чем на самом деле. Типичная черта России и ее верных сынов!

Творчество Ю.М. Осипова представляет новый, провиденциальный, контекст софийной аналитики истории. И этот контекст содержит в себе конспирологические сюжеты, без которых лучше не братья за дело понимания.

Любой честный перед самим собой современный ученый, исследователь вынужден признать один горький, неотразимый и убийственный факт — все имеющиеся на сегодня научные, философские, технические, искусственные, оккультные знания не только умножают скорбь, но и приближают гибель человечества. Нет, есть малая доля нужных и безопасных знаний, но большинство накопленного знания грозит людям гибелью. Как понять этот факт? Или все знания служат средством зла, углубляют грехопадение, или же человечество вместе с грехом стало добывать и греховные знания, которые и завершат историю людей? Ясно одно: уничтожающие планету мусор и опасные отходы есть следствия воплощенных знаний. Сами эти ядовитые отходы доказывают, что человечество добывает не те знания, которые нужны ему. А может, это вовсе и не знания, а безумие в облике тщеславного и неосознаваемого себя знания?

Скорее, да: человек под видом знаний обретает средства самоуничтожения. Но тогда где искать спасительные знания? Опыт религиозного, христианского устройства жизни тоже почему-то ведет к инфернализации мира, а не к его сакрализации? Неужели дьявол сильнее Бога? Быть этого не может!

Попасть в цель можно лишь одним способом, а промахнуться можно бесчисленным количеством выстрелов. Так и с истиной. «Блаженны познающие и ведающие, ибо они будут познаны и изведаны Истиной!»

Ю.М. Осипов создал новый смысловой мир, мир софийных смыслов. Вернее, не создал, а открыл к нему путь — через философию хозяйства — и нашел его дверь — Софию Премудрость Божью. На этом пути и за этой дверью находится софийный мир именно тех спасительных знаний, которые нужны гибнущему современному человеку. Софийные знания изначально являются целостным ведением изу-

чаемых вещей, реальности; в них доминирует не человеческая субъективная отражательность того, что якобы нужно человеку, а откровение самих вещей, самой реальности. Не нужно реальность насилловать своим познанием, а нужно терпеливо *раз-мышлять* о ней, пока она сама не откроется человеку, который осознает и поймет то, в чем состоит его наивысшее благо. Хотя современного человека не вразумить! Он надеется путем насилия достичь своих желаний вопреки уже явным откровениям саой реальности, вопреки грозным ее знамениям. Грязному и порочному человеку доступны и знания такого же рода, он самозабвенно ищет их! Нравственному, чистому и квалифицированному человеку София Мудрость откроет другие знания, питающие, охраняющие, берегущие и укрепляющие жизнь. И этот софийный мир возможного спасительного знания уже приоткрылся в творчестве Ю.М. Осипова. И никуда нам от философии хозяйства и от Софии Премудрости Божьей не уйти; да они и не позволят человеку покинуть их, незаметно через страдания и бедствия будут поворачивать его в сторону благих дел.

Софийное умозрение Ю.М. Осипова охватило наш мир, Россию в их минуты роковые накануне Главного Дела Провидения. Какое Оно будет? Можно сказать только то, каким Оно не будет! Оно не будет похожим ни на одно из прошлых и настоящих событий, которые сами стыдятся себя, стремясь побыстрее спрятаться за очередным призраком прогресса. Но все смыслы живые России сбегаются в Центр Ю.М. Осипова, дабы обрести в нем Слово свое во плоти. Все сокрытые чаяния земли русской стремятся сегодня в этот Центр, дабы получить хотя бы глоток софийного воздуха. Где сегодня дух России? Дух России бродит по русским просторам. Ищет дух свой Дом. Русский Дом — в Центре Откровенческой Нереальности (ЦОН), пробивающей себе путь к реальности, которая пока скрыта в философии хозяйства. София — это сакральная мироустроительная хозяйка. Хозяйство — основное орудие Софии, а София — мудрость, создающая новые проекты, новые миры, новые украшения бытия; и через это постоянное обновление накапливает их вечный капитал.

Философия хозяйства и софиология Ю.М. Осипова позволяют глубже осознать, понять нашу веру православную, найти пути к ее мудрости спасительной, к родникам ее воды живой. И такая провиденциальная личность ищет дела, соразмерные ее масштабам, охватывающие мир земной, мир трансцендентный, мир человеческий, мир софийный, мир искусственный, мир ирреальный и мир призрачный, мир inferнальный и мир таинственного Иного. Таким людям, как Ю.М. Осипов, Провидение дало много, дало все, кроме одного, кроме... способности и возможности ошибаться. Ложь, обман и даже невинная ошибка для него невозможны генетически, словесно и умственно, даже если бы он этого возжелал всеми силами своими! У него

могут быть лишь неточности, в которых скрываются неразвернутые смыслы. В творчестве Ю.М. Осипова содержится и некий inferнальный мир, который мы вовсе не видим, и который видит во всей его ужасающей, пророческой и опасной глубине пока только он сам. Философия хозяйства и София Мудрость преобразуют эту inferнальную перспективу в объективную силу надежды и понимания. И мы не имеем права жить, да и ослабим способность жить, если не поймем тайные послания его последнего романа о романе.

Автор предлагаемых заметок готов принять любой удел ради прикосновения к тому Возвышенному и Неизвестному, что содержится в творениях Ю.М. Осипова! Прикосновение к этой тайне трансцендентной делает мелкими и ничтожными суетливые заботы о профессиональном имидже, освещая своими софийными и святыми смыслами сгущающийся мрак жизни. Ради этого постоянного и сладостного предчувствия и ожидания Понимания не стоит радеть о сомнительных истинах науки и чистой до неприличия философии, мудрость которых, кстати, метафизика хозяйства сохраняет до последней наночастички их недобытия.

Нам не дано разгадать волю Провидения относительно Ю.М. Осипова! Но она сбывается, даря нам пути, цели, методы, нравственный идеал, метафизическую волю к прорыву в мир оригиналов. И эта воля сбудется даже вопреки гнусному отрицанию великих русских людей русской же немыслящей материей.

Литература

1. *Юр. Михайлов*. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. М., 2010.

А.А. ПОГРЕБНЯК

Безумие и заумь: о софийной философии хозяйства (к 70-летию Ю.М. Осипова)

...Не путать субстанциальное
безумие с простым сумасшествием!
Ю.М. Осипов

Аннотация. Статья посвящена содержанию софийности философии хозяйства и особенностям стиля Ю.М. Осипова, в которых присутствуют одновременно и предметность, и сказуемость, и трансцендентность, и мудрость.

Ключевые слова: философия хозяйства, софийность, авторский стиль.

Abstract. Article is devoted to the Sophian content of philosophy of economy and to the peculiarities of Yu.M. Osipov's style, in which there are at the same time objectivity, and predictability, and transcendence, and wisdom.

Keywords: philosophy of economy, Sophian, author's style.

Знакомясь с коллегами и говоря о философии хозяйства как сфере своих научных интересов, часто в ходе завязавшегося разговора узнаешь об их отношении не только к самому предмету, но и к взглядам и позиции тех или иных конкретных мыслителей, также питающих интерес к данной проблематике. Понятно, что из современников чаще всего озвучивается имя *Юрия Михайловича Осипова*. Хочу привести две наиболее запомнившиеся мне характеристики; обе высказаны, скажем так, известнейшими российскими экономистами — первый заметил, что одного только не понимает, как это можно писать научные работы и ни на кого при этом не ссылаться, второй же, улыбнувшись, высказал предположение, что Юрий Михайлович просто... сошел с ума. Смешно было бы всерьез доказывать неправоту этих точек зрения — но и оставить их совсем без реакции не кажется чем-то правильным (как если бы то, что меня объединяет с Юрием Михайловичем, было чем-то исключительно номинальным — мол, моя точка зрения на философию хозяйства «совершенная иная», я просто публикую в журнале с соответствующим наименованием, и все тут; тем более что есть в этих оценках нечто симптоматичное, что характеризует сам проект философии хозяйства). Разумеется, расхождение во взглядах есть, и существенное, но в основании этих различий (о которых здесь говорить не будем) лежит, как мне кажется, вполне реальное, а не номинальное (редуцированное к обозначению «сферы интересов») единство — единство в понимании философии хозяйства не как частной философской дисциплины, но как наиболее продуктивной, если даже не единственно возможной формы философствования сегодня — в той мере, в какой эта «деятельность ума» претендует на адекватность «духу времени». Попробую доказать свой тезис, обратившись к последней на данный момент публикации Юрия Михайловича — статье «Русская софийная философия», открывающей сборник «Ренессанс философии хозяйства», посвященный 140-летию со дня рождения С.Н. Булгакова.

Любопытно, как ключевая мысль этого текста словно бы вступает в резонанс с приведенным выше «диагнозом» (переформулируем его так: превращение ученого-экономиста в «софийного» философа хозяй-

ства чревато безумием) — не опровергая его, но как бы обосновывая на некоем «метауровне»... Обратим внимание хотя бы на то, как в, казалось бы, совершенно взаимоисключающих смыслах автором используется одно и то же слово «окормление»: русская философия потому «софийна», что окормляется *божественной мудростью* [1, 4] — но точно также «упорно и обильно» окормляется человек и его мир «разноликим *уродством*» [1, 7]. Получается, что мировая София едва ли противоположна безумию этого мира, скорее, она в каком-то смысле смыкается с ним почти до неразличимости? — И да, и нет. Нет, поскольку именно «теряя связь с Небесной Софией, человек утрачивает и свою собственную мудрость, все более отдавая себя во власть... inferнального безумия» [1, 11]. Да, поскольку воспринимается София не всеми, а «единицами, по преимуществу *юродивыми*, теми, что не от мира сего, философами-чудаками, не слишком разумной, вполне и интимной, философией» [1, 8]. Юродивый как философ хозяйства, философ хозяйства как юродивый: вобрать в себя, отразить в себе как в зеркале все имманентное безумие мира, включая и разумность как санкционированную обществом частную форму этого безумия («этот безумный, безумный мир! — и это при явном доминировании ума, знания, расчета, математики, информатики, кибернетики, синергетики!» [1, 11]) — с тем, чтобы по возможности трансцендировать такое к его истине, какой бы «заумью» она при этом не выглядела...

«Заумь», «заумное слово» вообще в какой-то мере неизбежно для всякого философского начинания. С.Н. Булгаков в «Философии имени» говорил о «Я» как «настоящем заумном слове, в котором нет никакой идеи, никакого слова кроме простого свидетельства бытия», поскольку именно «через я мир свидетельствует о себе, что *он* есть, а следовательно, и *все* есть» [2, 81—82]. И точно также А.В. Ахутин через «заумь» определяет специфику логоса³ у Гераклита, одного из исторических учредителей подлинного философствования: «Но если строй умных речей “логоса” гомологичен всеобщей сообщенности сущего себе, он замыкает речь на себя, в себя, из *многих* значимых слов “сплавляет” *одно*, не имеющего условленного значения. Так сложное слово ума (или бытия) — правильное имя бытия — таково, что скорее уж должно быть определено хлебниковским термином — *заумное* слово. Логос сущего, истинный логос, или логос-с-умом, *заумен*, как божественный закон — источник человеческих — всегда сверх-

³ Не вдаваясь в тонкости вопроса о соотношении понятий Логоса и Софии, напомним, что быть «Логосом в мире» — назначение Софии, как об этом говорит Булгаков в «Свете невечернем» [3, 188]; что до Гераклита, то одно из его изречений гласит: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно».

законен» [4, 454]. Конечно, такому логосу соответствует особая — «замная» — логика: «Если “логос” — это речь, то речь, согласная с “логосом” *всего*, не может быть логосом-*сказуемым*, из-речением, синтаксически связным повествованием о “чем-то”, о некоем подразумеваемом подлежащем, остающемся где-то еще наряду со *сказуемым*. Речь, гомологичная складу все-единого бытия (=самому “логосу”), содержащего в себе разом все “сказуемые” возможных существований, должна быть таким вы-сказыванием, из-речением, в котором *сказуемое* возвращено, вложено в подлежащее, содержащее все возможные вы-сказывания. Но это значит, так сложенный “логос” ничего не высказывает, не сказывается *о..*, а *показывает* самой своей *формой*, как все со-держится вместе» [4, 442—443]. Резюмируя: так понятый «логос» — «это подражание — *мимесис* — в речи всеобщему складу сущего» [4, 433].

Вот почему столь показательно «ненаучными» могут быть *философско-хозяйственные* речь и письмо (если хозяйство есть целостный «склад» сущего, то *о чем* еще, в качестве предмета, он мог бы свидетельствовать? на какие источники или данные «речь» самого этого целого могла бы «ссылаться»?). Конечно, едва ли стоит полностью уподоблять тексты Ю.М. Осипова изречениям Гераклита или поэзии Хлебникова — в них явно присутствует и *сказуемость*, предметность, но ими речь как бы не в силах ограничиться, и оттого постоянно *перерастает* в «софийную заумь». Скажем так: в них осуществляется мимесис не равному себе космическому Бытию, но той трансценденции, которая непрерывно «работает в мире», как раз таки оспаривая успешность тех или иных проектов (включая науку) «уровнять» мир, привести его к форме некоего «уравнения».

Разумеется, если исходить из того, что наука — это то, чем занимаются ученые (соответственно, экономическая наука — это то, чем занимаются экономисты), то и по форме, и по содержанию философско-хозяйственные рассуждения могут быть квалифицированы как *бред* в чистом виде. Против этого заметим, во-первых, что подобное задание формы «научности» имеет вид *непристойного предложения*, ибо здесь недвусмысленно утверждается изначальная эквивалентность случайного и необходимого (тогда стоит *открыто* согласиться и с тем, что правосудие — это то, чем занимаются судьи; а чем занимаются судьи, мы знаем из «Процесса» Ф. Кафки). Во-вторых, такое утверждение обязательно предполагает, что принципы идентификации ученого и учености уже заранее известны, т. е. каждый конкретный ученый готов принять «правила игры», устои сообщества. Но тогда вопрос о трансценденции, способом которой только и осуществляется бытийная связь внутри сущего («коммунизм бытия», по Булгакову), выносится за скобки научного рассмотрения, поскольку последнее исходит из имманентности своего поля, его аксиоматики. Булгаков и

Хайдеггер показали, что научная деятельность свою изначальную мотивацию имеет в донаучной, «доонтологической» жизни — жизни, можно сказать, хозяйственной.

Любопытно вспомнить в этой связи фрейдовское понимание счастья: «Счастье — в том умеренном значении, в котором оно признано возможным, — это проблема хозяйского использования индивидуального либидо. <...> Как осмотрительный купец избегает вкладывать весь свой капитал в одно дело, так, видимо, и житейская мудрость не посоветует ожидать полного удовлетворения лишь от одного-единственного устремления» [5, 308]. Реальность счастья есть, следовательно, результат нормализации, ограничения; по аналогии можно сказать, что и научная форма истины (истины, в том умеренном значении, в каком она признана научным сообществом) тоже возникает путем нормализации некоего «первичного процесса», отсюда борьба с метафизикой, мистикой и т. п. Но гений Фрейда и его интеллектуальная честность состояли в том, что он поставил под сомнение конечную обоснованность самой нормы, здоровья — как они даны нам внутри нашей культурной жизни — вот почему «бегство в психоз» есть симптом истины, сколь бы «болезненной» она не представлялась. Наука, тем самым, имеет под собой процесс «эдипизации» философствования (ученый — прежде всего, образцовый невротик), философия же являет собой процесс непрерывного сопротивления навязыванию этой формы (отсюда философ, с точки зрения «нормального» ученого, — скорее всего, психотик).

Философский потенциал психоза впервые был подвергнут анализу Ж. Делезом и Ф. Гваттари в работе «Капитализм и шизофрения»: «Любой бред обладает историко-мировым, политическим, расовым содержанием — и еще спрашивают, не образует ли этот долгий дрейф всего лишь одно из производных Эдипа. <...> Речь о том, чтобы узнать, является ли историко-политическое, расовое и культурное содержание всего лишь частью явного содержания, формально завися от переработки, или же, напротив, за ним нужно следовать как за нитью латентного, которое спрятано от нас семейным порядком» [6, 144—145]. Как философский логос, так и речь психотика подражает в своем течении устройству сущего в целом («поток» Гераклита) — включая в себя как «превращенную форму» счастье эдипизированного невротика и картину мира «нормального» ученого (Булгаков говорит, что даже в своей анти-софийности наука все же софийна⁴).

⁴ Не представляет ли тезис о «четвертой ипостаси» нечто *бредовое* с точки зрения официального богословия? София «не участвует в жизни внутрибожественной, *не есть Бог*, и потому не превращает триипостасность в четвероипостасность, троицу в четверицу. Но она является началом новой, тварной мно-

Психотический бред, как показывают Делез и Гваттари, постоянно колеблется между двух полюсов — имперским и революционным, «паранойальным» и «шизофреническим» — поскольку само сущее устроено как их непрерывный «агон». Мне кажется, что в текстах и выступлениях Ю.М. Осипова эта тенденция тоже налицо. Прежде всего, тема имперскости, конспирологии и т. д. — именно за это его обычно критикуют левые; но, на что меньше обращают внимание, есть и другая сторона — та, которая прежде всего заключена в *самой форме* некоторых рассуждений: «А где вот такое осознаваемое незнание, там и... нет, не наука как конечная истина, не философия как самоуверенное поучение, даже не религия как табельное вразумление, а... *мудрость*, можно даже сказать — *Мудрость*, которая ни наука, ни философия, ни религия, а... пустота, ничто, нуль, ибо молчалива она, удручена, скукожена, хоть и не испугана, не угрюма, не зла» [1, 8]; или — перечисление «безумств» современного мира: «Разве не безумны ныне города-мегаполисы, искусство, литература, телевидение, Интернет, аэропорты, АЭС, автобаны, одиночные кругосветки, торговоразвлекательные центры, шоу-позорища, спорт, наука, философия, политика, университеты, цветные революции, производство, предложение, спрос, потребление, гедонизм, гламур, изобилие, избыточность, деньги, финансы, доходы, цены, богатства, наркота, гей-парады, та же фемина, гендеризм, инфантилизм...» [1, 11]. — Конечно, могут возразить, что данное перечисление полностью задано паранойальной логикой имперского субъекта, и далее должен последовать призыв к «обузданию безумия» во имя какой-то Трансцендентной Идеи, Государства, Бога и т. п. Возможно, как эмпирический индивид, Ю.М. Осипов и соблазняем иногда такого рода «решением»⁵. Но в цитируемом тексте

гоипостасности, ибо за ней следуют многие ипостаси (людей и ангелов), находящиеся в софийном отношении к Божеству» [3, 186—187].

⁵ Приведенное перечисление напоминает то, как К. Маркс описывает состав люмпен-пролетариата в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта». Известен приговор — все эти «отребья» могут стать кем угодно, только не революционерами [7, 185]. В этом — имперский момент учения Маркса, с которым polemизируют многие нынешние левые доктрины, видящие революционный потенциал именно в этих «человеческих отбросах». Кстати, проблема отбросов и вся неоднозначность ее решения впервые заявлены уже в платоновском «Пармениде», одном из ключевых текстов в том числе для софиологической традиции. Отбросы есть то, что оспаривает самотождественность идеального, хотя и предполагает таковое в качестве своего основания.

В этой связи также нужно напомнить выявленное М. Хайдеггером различие между греческим и римским пониманием истины и, соответственно, лжи — если в первом случае «ложное» понимается как «сокрытое», что не является чем-то исключенным из поля истины как «несокрытости», но, напротив, при-

мы видим все-таки *иное* заключение: «София не любит крайностей, она не приветствует ни тот же крайний гедонизм, ни тот же крайний аскетизм, не одобряет она ни религиозный фанатизм, ни безрелигиозный фатализм, ни самонадеянный атеизм. <...> Не глобализированный неокapитализм с лукавым неолиберализмом и конспиративным неокoлонизализмом нужен России и всему миру, а самый что ни на есть естественный, гуманистический, социальный и экологический *солидаризм*, когда солидарное в разнообразии и разнoверии человечество находит эффективную возможность взаимоприемлемого для всех людей, народов и рас существования, сопровождаемого совершенствованием и развитием» [1, 14].

Очередная утопия (спрашивает сам себя автор)? Голос здравого смысла, какая уж тут заумь, общее место рассуждений всякого трезво-мыслящего человека (возможное возражение против всего сказанного выше)! Однако, во-первых, философский текст зачастую еще и полифоничен — так почему этот «трезвый», «приземленный», даже «усталый» вывод не рассмотреть как один из возможных авторских голосов, лишь на данном этапе призванный подвести итог. Но, во-вторых, и это важнее, принцип солидарности предполагает некое минимальное внутреннее различие (подобное тому, что различает заумь и безумие, «линию ускользания» Делеза и «бегство в психоз» Фрейда), на основании которого из «общего места» он может превратиться в нечто поистине возвышенное, даже небывалое. В самом деле, ведь речь идет не о том, чтобы перечисленные выше «безумства» насильно подчинить некой (откуда взявшейся?) норме — к примеру, обернуть вспять все революции, от социальной до сексуальной; скорее, в самих этих безумствах должна быть обнаружена способность к трансценденции имманентного плана своей собственной субстанции, как бы ее не определять — «Глобальная Империя» или как-то еще. В этом и состоит *реальное* всякой утопии: указание на способность к отличению человека

надлежит этому полю как могущее скрываться и раскрываться, то во втором «ложное» — это именно то, что должно быть свергнуто, опровергнуто («истинное», соответственно — нечто прочное, надежное, достоверное). Римское понимание истины Хайдеггер напрямую связывает с имперскостью, повелительностью (см.: [8, 69—122]). Возможно, против моего прочтения текста Ю.М. Осипова свидетельствуют и его литературные предпочтения, которые скорее связаны с «придворно-дворянской» литературой *образца*, нежели с «*другой*, или *экспериментальной*, традицией» (терминология В. Подороги (см.: [9, 9])). И все же, мне кажется, что, несмотря на предпочтение, которое Ю.М. Осипов отдает *сознательно*, скажем, М.А. Булгакову, в бессознательном его текста (при желании, конечно — но что за философствование без желания?) можно вычитать нечто гоголевское, платоновское, обэриутское...

от себя самого — способность бытия субъектом вопреки навязываемой идентичности.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Русская софийная философия // *Ренессанс философии хозяйства* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2011.
2. *Булгаков С.Н.* Философия имени. СПб., 1998.
3. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
4. *Ахутин А.В.* Античные начала философии. СПб., 2007.
5. *Фрейд З.* Неудобства культуры // *Фрейд З.* Художник и фантазирование. М., 1995.
6. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.
7. *Сюриса М.* Фигуры человеческого отребья // *Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 глазами французских интеллектуалов.* М., 2003.
8. *Хайдеггер М.* Парменид. СПб., 2009.
9. *Подорога В.* Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М., 2006.

В.А. ЛУКОВЕНКО

Апология конца (к юбилею Ю.М. Осипова)

Праздничным судьбам вторя,
песнь — всего лишь симптом,
дом, не знающий горя,
захватчик придет потом,
и, значит, оплот непрочен
из роз и серебра,
и век двуногих просрочен
под небом, как позавчера.

Г. Бенн. У северного моря

Аннотация. Содержание статьи — одиночество в современном философском творчестве, разлад с реальной действительностью, апокалиптический конец в человеческой истории, роль настоящего хозяина и личности, крепкой семьи в переходе от современной капиталистической системы к новому типу хозяйствования.

Ключевые слова: философия хозяйства, творчество и одиночество, личность и хозяин, человеческая история.

Abstract. The content of this article is the loneliness in modern philosophical works, discord with reality, apocalyptic end in human history, the role of real host, personality and strong family in transition of the capitalist system to the new type of management.

Keywords: philosophy of economy, creative work and loneliness, personality and host, human history.

Одиночество Философа. Философия, как и искусство, требует сегодня своего самооправдания. Пусть даже это философия, максимально приближенная к самой деятельной сфере человеческого бытия — хозяйству. Нет смысла останавливаться на глубинных основаниях данного факта. Достаточно констатировать, что для современного общества философия вообще — и философия в качестве образовательной дисциплины — представляется занятием *бес-смысл-енным*, стоящим вне логики преобладающих жизненных ценностей. Актуальной остается лишь прикладная философия — философия бизнеса, философия денег, философия организации — та, которая служит лишь в качестве прилагательного, привлекающего внимание к какому-либо деятельному процессу.

Марксизм, еще недавно представленный в нашем обществе в качестве господствующей идеологии, вспоминается современниками как нечто давно прошедшее, а его случайные сторонники воспринимаются забавными и замшелыми любителями раритетов. Философия, искусство, споры вокруг идеологических парадигм мыслятся сегодня как нечто «отошедшее в прошлое» (гегелевский тезис). Самоочевидная ценность философии давно ушла в прошлое, и если ранее некая «актуальность» философии еще как-то проявлялась в ее оппозиции существующей идеологии марксизма, то с крушением советского строя и наступлением «иудиных времен» [1, 219] философия окончательно теряет всякую актуальность.

Философы современности стали ощущать — кто больше, кто меньше — свою бездомность в обществе, ставшем коммерческим, обществе бесконечной погони за выгодой и обустройством условий жизни. Философ, если он действительно философ и способен к решительным выводам, отказывается видеть в современности, слишком поверхностной и лишенной трансцендентных оснований, какой-либо смысл и самостоятельную ценность, и приходит к убеждению, что между ним и окружающими людьми, т. е. теми, для кого он творит и мыслит, не существует никакого взаимопонимания. Прежняя обращенность к миру, характерная для всякой философской мысли, сегодня уже выглядит

смешной. Наигранный пафос богемной «тусовки от философии» с ее претензией на элитаризм при тотальной неспособности как-либо повлиять на жизнь ненавидимого ею большинства ничего не стоит. Настоящий философ далек от всего этого. Настоящий философ сегодня идет по пути созидания новой общности, иногда ошибаясь и разочаровываясь в своих ожиданиях, но неизменно искренне, никогда не ограничивая свою свободу творчества. На этом пути его сопровождает внутреннее *одиночество*. Таков путь и профессора МГУ Ю.М. Осипова. В том числе путь создания школы философии хозяйства.

Одиночество — один из мотивов творчества Ю.М. Осипова. Но одиночество мыслится им далеко не только как вынужденная необходимость: «Одиночество — удел и награда, но это и завоевание, столь драгоценное, что разменять его ни на что уже невозможно» [1, 523]. Одиночество выступает так же, как необходимая предпосылка творчества:

«Одиночество,
От которого
Много творчества» [1, 523].

Или, может быть, несколько иначе — одиночество как дань свободе творчества.

Осознание конца. Просроченность века, ощущение обреченности мира, идущего несправедным путем, — едва ли не главный мотив, пронизывающий научные и творческие труды Ю.М. Осипова. Уход философии из реальной жизни, ее кризис, — очередное грозное знамение времени. Философия позволяет нам осознавать себя, т. е. быть в себе. Вне ее человека начинает вести — сносить в нечеловеческое, дочеловеческое и недочеловеческое. Вот чего боится более всего Ю.М. Осипов и предвещает, предостерегает непредвзятого читателя от наступления эпохи *киборга* (недочеловека).

«И дело тут не в материальных лишениях и физических страданиях, не в житейских неурядицах и психических изломах, а... в мучительном осознании конца — и не просто внезапного и резко закрывающего свет конца, а конца с продолжением, с его постоянным ощущением, если и не его прямым присутствием — в душе, в уме, в сознании, в бессознании, во всем организме» [1, 188]. В этих строках нескрываемый пессимизм. Ю.М. Осипов действительно пессимист, уже хотя бы потому, что не верит в исторический прогресс. Более того, для него «золотой век» давно позади. А наступившая эпоха, корни которой уходят во времена Возрождения, есть история упадка, крайние стадии разложения которой мы можем наблюдать сегодня. «Феномен Возрождения — не узко исторический феномен, не моментный, а растяну-

тый во времени, глубоко и глобально исторический феномен. Возрождение не закончилось вовсе на факте Возрождения, а эпоха Возрождения — не сотня тогдашних лет, а все с той поры течение времени — от тогда до сегодня» [1, 217]. Что будет дальше — неясно. Но поводов для оптимизма, как и возможности удержать существующее положение вещей, нет, потому что «живут теперь по преимуществу не по Богу!» [1, 235]. На реванш рассчитывать также не приходится:

«Реванша, — даже дерзкого! — уже не взять,

Ни под каким благонамеренным предлогом» [1, 659].

Мечта о сверхчеловеке обернулась крахом, а то, что следует вместо него, внушает лишь страх. На смену человеку-личности приходит безликая толпа:

«Вождей уж нет и никогда уже не будет!

— Прозрачные пришли на Землю времена,

Князь мира в них почти уже не виден,

Зато видна свободная — терпимая и гибкая — толпа» [1, 643].

Радикальный разлад. Актуальность как соответствие действительности не может быть свойством тех, кто не желает соглашаться с угасанием русского мира. НЕТ актуальности и НЕТ современности — единственно верный ответ. Как метко заметил о Ю.М. Осипове А.Г. Дугин, «его интересует не конъюнктура, но смысл. Не польза, но истина, не успех, но глубина. Не мода, но справедливость. Это вполне по-русски. Но вразрез актуальности» [2, 201].

Логично предположить, что философия хозяйства как направление научной мысли, неразрывно связанное с именем Ю.М. Осипова и свидетельствующее о кризисе современного мира, пошла вразрез с актуальностью. Вернее, у нее не было иного выбора. Никому не нравится слушать правду о предстоящем крахе сегодня, который, быть может, произойдет послезавтра, а то и через день-другой. Таким образом, наметился разлад между философией хозяйства и восприятием ее со стороны современности. В частности, разлад пошел между философией как средством образования и философией как средством мысли. Философию хозяйства крайне сложно представить в виде стандартного учебного курса. Более того, онаученная философия относится крайне враждебно к метафизической философии.

Но более всего разлад виден в сравнении философии хозяйства с преобладающей системой экономической мысли. И здесь начинается поле борьбы. Философия шагнула в область хозяйства (экономики). Произошло расширение философского дискурса. Явление невиданное, поскольку в мире науки происходит обратное. Экономический империализм завоевывает все новые позиции, выхолащивая всякий трансцендентный смысл и глубину происходящего с человеком и общест-

вом. Кроме того, подход философии хозяйства радикально иной — она, в отличие от марксизма и экономикса, отрицает само существование модели «homo economicus», убеждена, что «экономического человека» просто нет. Человек принципиально не делим — он целен, целостен. Его хозяйственная деятельность интегрирована в его сознание, в его культуру, в его дух. Никогда человек не руководствуется максимизаторскими посылами и ограничениями модели «homo economicus», а, напротив, поднимает хозяйство до своего уровня, творчески воплощая в создаваемом хозяйственном порядке свое понимание мира.

И все же сам факт существования философии хозяйства и процесс рождения самобытной русской экономической мысли — не просто констатация тех или иных процессов, это яркое наступление Традиции на поле самого экономического материализма. Ведь центр философско-хозяйственных изысканий (лаборатория философии хозяйства) институционально пребывает в МГУ, находится на экономическом факультете. Хозяйство как нечто «иное» и как нечто «большее» экономики, как трансцендентное и метареальное ее основание, в форме теории философии хозяйства нагло и бессмысленно с точки зрения академической науки, но единственно верно и истинно с точки зрения Традиции осуществляет попытку переосмысления (иначе говоря — обуздания) собственной дочери-явления — экономики, забывшей о своих корнях. Именно так и не иначе, ведь с точки зрения философии хозяйства экономикса есть лишь часть хозяйства, которую принято называть «однеженным хозяйством» [3]. Кроме того, хозяйство возникло намного ранее экономики, хотя бы потому, что «деньги, по сравнению с историей цивилизации, появились сравнительно недавно — 5—7 тыс. лет назад» [4].

Рождение философии хозяйства в МГУ имени М.В. Ломоносова — явление парадоксальное, но в чем-то и закономерное. Только закономерность здесь обратная, т. е. «закономерность наоборот», как в русских пословицах: «где есть недостаток, там ищи и избыток», «где царствует грех, там изобилует благодать». Если следовать этой образной логике, то философия хозяйства дорога нам как свежий росток жизни, произрастающий на гниющей органике университетской науки.

Древнее. Затянувшийся кризис, или непрогнозируемый, но многими ожидаемый «апокалиптический конец», обернется «новым средневековьем» [5], а может, и новым варварством, максимальным упрощением, возвращением к первоистокам. Но в целом древние времена близки к нам сегодня как никогда. Древнее живет в нас, говорит через нас, порою, оно прорывается через нас. Конечно, для современности сопричастность к чему-то первобытному, к первозданной силе, преизбытку радости и печали дается лишь через великое делание и страда-

ние. Кризис может многое изменить. В тяжелые времена древнее способно творить через наши мысли, поступки. Не ради прошлого. Но во имя будущего. По словам известного российского философа, «возможность древнеобразования сохраняется и в современной цивилизации, что проявляется и в живописи Пикассо, в романах Т. Манна или национал-социалистической идеологии» [6].

И в этом смысле возможность древнеобразования более всего сохранилась в России. В стране, в которой есть хозяйственная многоукладность. Многоукладность как неизбежность, обусловленная не только огромными и неоднородными пространствами, но и самой историей нашей страны, столь же многоликой и разнообразной, как и наши пространства. Россия различна. В ней живы Русь, живущая христианским порядком с ее монастырскими и общинными укладами, Русь воровская (казачья) с ее криминальной теневой экономикой и собственно само государство с его корпорациями, силовыми ведомствами и бюрократическим аппаратом, находящимися на «кормлении» у россиян. Что уж говорить о разнообразии укладов, обусловленных географическими и климатическими различиями ведения хозяйства в разных регионах России?! Даже советский хозяйственный строй, пройдя катком индустриализации по русской почве, не смог стереть всех этих различий. Россия принципиально неоднородна. Россия богата историческими смыслами, развернувшимися в многообразии хозяйственного мира. Мира, который никогда не вписывался в рамки той или иной экономической теории. Весь этот простор способна объять только философия хозяйства.

На затянувшийся конец истории указывают также и современные европейские философы: «История сузилась до “вероятной сферы” причин и следствий, до сферы “актуальности”. Смысл событий стал ожидаемым смыслом, события программируются» [7]. Апология конца не может быть бесконечной, и выход возможен через актуализацию архаичных форм, которые на российской почве никуда не исчезли и готовы выйти на поверхность. Либо, по образному выражению Ж. Бодрийера, нас погребут «отходы истории», либо мы используем древнее для *созидания* какой-то *новой истории*.

Созидание чего-то принципиально нового невозможно без личного, творческого начала, без динамичной роли в хозяйстве, которую зачастую берет на себя предпринимательство. Но тот или иной образ предпринимателя, представленный в экономической истории Нового времени далек от своего изначального архетипа. Мир хозяйства несет в себе не только идею хозяйства, но и содержит образ хозяина. Хозяина как архетипа, как наиболее конкретного и в то же время общего начала в хозяйстве. И действительно, куда уж хозяйству без «добраго хозяи-

на»? Экономист русского пореволюционного зарубежья П.Н. Савицкий даже выводит категорию «хозяйское ценение хозяйства», которая есть духовно-хозяйственная сущность, — ценение бытия и ценение хозяйства как таковых. Что, однако, сочетается с хозяйской волей и хозяйским глазом, которые «неуклонно направлены на поддержание и укрепление экономической жизнеспособности хозяйства, на достижение с наименьшими средствами наибольших результатов, на соблюдение бережливости» [8]. К архетипу стремится и само хозяйство, оно обретает, наконец, свое лицо и власть над собой в виде отца-хозяина. В этом — родовой смысл хозяйства, начало его истории. Как писал С.Н. Булгаков, «хозяйство характеризуется как процесс не индивидуальный, но *родовой* и исторический» [9, 136].

«Настоящий хозяин» — это не только «добрый хозяин», но и хозяин-личность, который несет ответственность по отношению ко всем и всему, что объемлет хозяйство, и потому выступает в роли должного начала по отношению к хозяйству, определяет хозяйственный порядок. Современная экономика как раз очистилась от этого начала, освободилась от хозяйской воли. Вернуться же к хозяину, или, иначе говоря, к здравому смыслу и природной необходимости придется рано или поздно. Сегодня хозяйство впало в свою крайность — экономику, с присущей ей иллюзией всевластия и порожденным ею особым носителем экономического сознания — экономическим человеком («машинной желаний», по Ж. Делезу). Достигнув крайности, хозяйство обернется другой своей крайностью — хозяйством как реальной нуждой и физиологической потребностью в пропитании и средствах к существованию. Хозяйство вернется на круги своя, вернется к своим изначальным границам — дому. Домашний мир и его обиход, собственно, уже и есть хозяйство, то, из чего оно произошло (по Аристотелю, хозяйство это «ойкономия» — домохозяйство). Вернется и к своим прежним функциям: максимальному разделению окружающего мира на мир внутренний (свой, проясненный, упорядоченный, освоенный) и мир внешний (чужой, затемненный, таящий угрозы), фиксации комбинации их различий и их отношений.

Но данному обращению хозяйства в иную крайность будет предшествовать для одних — момент расплаты, а для других — восстановление справедливости. Заплатить придется сполна. Вершить суд будет хозяин. Хозяин в образе судьи, осуществляющего распределение богатств, также воплощает собой архетип. Об этом свидетельствует мифология: «Жреческие функции отца — это функции вожака, убивающего производственное, позже жертвенное животное. Жрец убивает, расчленяет, разделяет мясо и кровь. Он кравчий и священный повар. Функции тотема-вожака в умерщвлении и раздаче тотема-зверя всему

тотему-коллективу выполняют в родовом обществе жрец (по линии религиозной) и отец (по линии семейной). За семейным или родовым столом сидит на главном месте отец-патриарх, делит и раздает семье пищу» [10, 39—40]. Семья заждалась Отца-хозяина, вскоре Он придет, убьет и разделает несправедливую, анонимную в своей предельной жестокости систему капитализма, а плоды перепроизводства раздаст своим голодным детям. В этом, собственно, и весь апокалиптический смысл философии хозяйства. Философии хозяйства как апологии конца.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Иное. М., 2006.
2. *Дугин А.Г.* Ю.М. Осипов: экономист-софиолог // *Философия хозяйства*. 2006. № 5.
3. *Осипов Ю.М.* Хозяйство и экономика: единство, противоречие... антогонизм? // *Философия хозяйства*. 2002. № 3
4. *Бугаян И.Р.* Новые и информационные технологии как современный доминантный товар. Ростов-н/Д, 2000.
5. *Осипов Ю.М.* Мировой кризис в поле зрения философия хозяйства // *Философия хозяйства*. 2008. № 5.
6. *Эпштейн М.И.* Постмодерн в русской литературе. М., 2005.
7. *Бодрийяр Ж.* Иллюзия конца, или Прекращение событий // *Социальная теория: история, современность, перспективы*. СПб., 2008.
8. *Савицкий П.Н.* Хозяин и хозяйство // *Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн*. М., 1993.
9. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // *Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1*. М., 1993.
10. *Фрейденберг О.М.* Введение в теорию античного фольклора // *Миф и литература древности*. М., 1998.

В.И. КОРНЯКОВ

На повестке дня — общая мегатеория (к 70-летию Ю.М. Осипова)

Аннотация. Познание Неизвестного титанами науки реализует заданную Природой миссию человечества, ее осмысление в мегатеории. Провалы Запада с ее созданием, феномен Кена Уилбера. Значение деятельности Ю.М. Осипова, Центра общественных наук.

Ключевые слова: силы Природы, мегатеория, философия хозяйства, политэкономия, синтез.

Abstract. The struggle with the Unknown of the science's Titans is realizing the Nature's mission of mankind and megatheory's requirements. West's traps in megatheory's constructions, Ken Wilber's phenomenon. Significance of Yu.M. Osipov's and Centre of Economic Sciences' activities.

Keywords: nature, megatheory, philosophy of economy, political economy, synthesis.

Время Леонардо. Человек изначально ставится создавшими его силами Природы на тропу абсолютных поиска-разведки: кто я? где я? зачем я? И что же мне следует делать, как и для чего жить? Увы, homo sapiens куда как несовершенен, и многие (если не большинство) до сих пор живут биологически-растительно, даже не поднимая голов к этим спеленавшим и пронзающим вопросам. Тем тяжелее груз тех, кто принял вызов. Им противостоит грандиозная тройственная задача, причем все три составляющих — бесконечных протяженности и сложности, заведомо превосходящие, увы, конечные физиологические и духовные возможности отдельных людей.

Задача первая. Превращая свое время своим собственным внутренним усилием в непрерывную напряженную самоучебу, прорваться к тому фронту, который противопоставляет Непознанное (Неизвестное) — Познанному (Знанию), разделяет-отделяет их. «Процесс познания захватывал... — вспоминает о своем студенчестве гениальный математик современности Г.Я. Перельман. — Мы забывали о днях недели и времени года» [1]. Прорваться и постоянно пребывать, концентрировать свои всежизненные активность, энергию, духовные силы в этой «фронтальной» и «прифронтальной» зоне. Причем никто туда пирогами не манит. А каждое движение — сквозь-через тернии, по тем самым каменистым тропам, о которых честно сообщил вскарабкавшийся по ним автор «Капитала».

Задача вторая. «Никто не обнимет необъятного». Обнаружить, локализовать свои собственные область, объект, предмет исследования, то, на что решаешь затратить дарованную тебе искру жизни. Великие относят этот выбор к критическим факторам успеха. Так, нобелевский лауреат Н.Н. Семенов любил повторять, что обнаружение в Непознанном противоречия — не что-нибудь, как счастье — счастье! — ученого. Но это скорее для научно-естественного направления. Для гуманитариев сходная роль принадлежит целым пластам-царствам социальной жизни своей и иных стран, уходящим в глубины прошлой и будущей истории, да еще обвитым-перевитым многими личными судьбами поработавших здесь исследователей. Ректор МГУ академик

И.Г. Петровский говорил нам, тогдашним студентам: если математик в 23 года — не доктор наук, он не математик. Законом же современного гуманитарного знания является, пожалуй, обратное: особые длительность-трудность завершения самоопределения ученого с предметом его исследования, достигнутые иной раз и после защиты диссертаций, где-то в возрастной нише в ареале пятидесяти лет, а то и больше. Вот и Ю.М. Осипов лишь после десятков и десятков монографий, сотен статей, уже обретши международную научную известность, пришел к важнейшему выводу, что разрабатываемая им философия хозяйства — не позитивная наука, оперирующая некоторым своим, пусть и необъятно развернутым предметом исследования, а особый научный метод, — разница!

И эти две задачи обнимаются-охватываются сплетающейся с ними наитруднейшей *третьей*: собственно познанием Непознанного для последующей гармонизации всего сущего, включая всю живую субстанцию и саму Природу.

Человечество — сила Природы, и добросовестный исследователь не имеет иного выхода, кроме как признать очевидное: человечество создано Природой в порядке ее движения к познанию самой себя и, далее, преобразованию своей исконной первой Природы во вторую, рукотворную, для, конечно, гармонического соответствия с собой. (Правда, человечество ныне из самых низких побуждений полномасштабно воюет с Природой, но этому наступит конец: Природа этого не потерпит. Пронизанное грубо хватательными, пиратской жадности инстинктами-рефлексами человечество будет поставлено на место, грозный ответ Природы, конечно же, не за горами.) И Природа не только ставит, но и по-своему, своими неисповедимыми путями, без явных признаков антропогенности (тем самым никогда не будучи, так сказать, поймана за руку), сообщает-напоминает человечеству о его обязанностях-долгах перед нею.

Кто сомневается в этом мало всеведении-всезнании — также и руководстве живой субстанцией со стороны Природы — пусть задумывается хотя бы над следующими фактами. И устойчиво-постоянно, и в то же время неожиданно-непредвидимо — что, конечно, не поддается логическим суждениям, — рождаются-появляются люди с необъяснимо яркими, блестящими способностями-дарованиями, которые даже и называть-то принято не как-нибудь, а природными, естественными, почему-то посвящающие себя опять же не тривиальностям, в которые тянет окружение (не суете вокруг обеденного стола), а сторонней большинству людей триединой задаче. Природа здесь как-то общается с людьми, предписывает им свои решения, но — никому не известным способом (возможно, отчасти и через метаболизм тел людей). Причем

процессы получения этими людьми решений проблем (восхождения к новым знаниям) непостижимы. Это нередко сон и весьма часто — подсказка некими полужашифрованными, но понятными символами-феноменами-обстоятельствами-ситуациями. Кстати, эти же зашторенные силы порой заинтригованно, но опять же без признаков антропогенности вмешиваются и в реальную жизнь конкретных землян. Так, давно замечено, что в периоды больших войн в воюющих странах рождаются главным образом мальчики. Каким образом, почему — никто не знает. Природа!

Уже несколько подобных фактов вправе обозначить проблему. А если фактов — нескончаемый поток, лавины, если они упорно не считаются с принятыми-признанными антропогенными рациональными объяснениями и следуют одними и теми же шаблонами (повторяя их вновь и вновь), можно ли с порога отвергать напрашивающиеся объяснения, опираясь на их расхождение с привычными способами представления фактов науки, общепринятой логикой? Которой, кстати, и так весьма неуютно под напором открытий вроде двойственной корпускулярно-волновой природы света, неопределенности положения электрона на орбите и т. д.

Суть предполагаемой и предлагаемой (пусть и не новой) идеи в том, что создание-функционирование живой субстанции, ускорение ее и Природы трансформации через приход крупных талантливейших исследователей, нарастающее обогащение развития цивилизации качеством инновационного развития (с выдающимся повышением производительности труда), достаточно обозначившаяся ноосферная миссия человечества задаются-генерируются одними и теми же силами Природы. Это она, Природа, стоит за необъяснимыми появлением и инициативной вроде бы из себя вырывающейся субъектной деятельностью титанов науки и духа вроде Леонардо да Винчи, Николы Теслы. Они приходят в мир с далеко не всегда ясно осознаваемым, но неизменно действенным грузом своей ответственности перед Высшими Силами за то реальное содержание своих жизней, которое нередко большинством окружающих не понимается, этому большинству не нужно. Но не зависящий от их индивидуальной воли груз Леонардо неостановимо побуждает их вновь и вновь входить в Неизвестное, отвоевывая от него (часто в ущерб своим личностным обиходным интересам) все новые и новые пространства.

Эти мысли о грузе Леонардо не выходят из головы, когда соприкасаешься с научной и организаторской деятельностью Юрия Михайловича Осипова. И со стороны масштаба этой деятельности, и с ее держательно-проблемной стороны.

Уже масштаб научно-творческой деятельности юбиляра захватывает воображение. Навряд ли кто-либо брался за явно неподъемное дело точно подсчитать объемы изданного и опубликованного им. Это многие-многие сотни публикаций всех видов, а пожалуй — и жанров. Нам, общающимся с ним, стало бы как-то не по себе, непривычно, а в чем-то и неуютно, если бы в той нашей интеллектуальной среде обитания, с которой мы сроднились-свыклись за последние годы, вдруг не оказалось почти всегда «шершавых», беспокойных, напряженно пульсирующих, чувствительно задевающих (а то и возмущающих-задирающих, с таким «наждачком» для мысли) осиповских материалов. Но присутствуют и моменты полной неожиданности, внезапности. Я испытал таковые, читая книгу «Иное», а также опубликованное под всевдонимом (прежде всего — «Реквием»). Имею в виду не просто впечатление от такого появления Юрия Михайловича на новых и новых, совсем не экономических духовных пространствах. Откровением стало содержание столь необычных работ. И здесь тоже, вроде бы не на своих «территориях» Осипов опять же своими необычными постановками и лексикой «взъерошивает» твои как будто бы выношенные, самые устоявшиеся знания, вызывая новые и новые дискуссии с самим собой.

Самый глубокий отклик вызывает не касающийся экономики великолепный, подлинный шедевр нашего автора об А.С. Пушкине. Конечно же, каждый из нас идет по жизни с «нашим всем» в душе. Но Ю.М.Осипов характеризует это величайшее чудо русского народа и всего человечества с таким проникновением и такими красками, что непременно обогащает всякое сколь угодно расцветченное индивидуальное представление. И опять же в этих работах — присущая всему облику Ю.М. Осипова «шершавость» его понимания, мыслей, как бы «вздыбливающая» и сознание, и подсознание собеседников. Я, например, не могу принять его трактовки русского поэта № 2 — М.Ю. Лермонтова.

«Лермонтов — не проект, а лишь точка отсчета, однако для движения не вверх, а вниз. Для России, хотя бы той России, которую знал и которую предчувствовал наш замечательный гений, будущего уже не было, — и пророчествующий такую перспективу — *будущее без будущего* — не мог не быть отвергнутым. Он и ушел внезапно, никем по сути не понятым, никому и не помогший, особенно и не оплакиваемый».

Я не соглашаюсь с этим: для меня стихи, творчество, личность Лермонтова звучат совсем не так. Не вхожу в особую полемику, но в моей аксиологии Михаил Юрьевич остается поэтом высшей сакральной ценности, всего прекрасного и благородного, в творчестве которо-

го земля — «в сияньи голубом» и «звезда с звездой говорит», который «сохранил и блеск лазурных глаз, / И звонкий детский смех, и речь живую, / И веру гордую в людей и жизнь иную». По моим ощущениям, русский человек идет не от Лермонтова, — он идет к Лермонтову. Но, разумеется, провел меня заново через эти мысли и чувства, по своему укрепил в них опять же он, Ю.М. Осипов, влекомый своим грузом Леонардо в новые и новые духовные дали.

Мировоззренческие разломы эпохи и поиски мегатеории на Западе. До буржуазного переворота я ощущал мировоззренческие дискомфорты и их практические выражения весьма спокойно, полагая, что множась противоречия будут разрешаться как бы естественным путем, по мере накопления у социума «материала» и для их надлежащего выявления, и для соответственного научно-практического регулирования на базе именно данного социума, без его коренного уничтожения, и в этом ключе писал о предстоящем. Но, вопреки моим ожиданиям, судьба определила СССР почти мгновенную гибель, причем самый, пожалуй, невероятный и разрушительный ее способ, перекрывший все то, что я был в состоянии вообразить. Все десятилетиями функционирующие социальные системы обладают той или иной социальной устойчивостью, концентрирующейся вокруг ее управления. Но в СССР само это управление оказалось в руках ее, социальной системы, сознательного смертельного врага-разрушителя. Последовал вдребезги разнесший СССР и ряд социалистических стран, пошедший сверху вниз взрыв-крах.

Однако при этом не наступило ровно никакого ренессанса якобы победившей капиталистической системы. Все произошло с точностью до наоборот: за двадцать лет с особой выраженностью продемонстрирована ее, «победителя», полнейшая непригодность обеспечить восходящее развитие цивилизации. Сейчас становится все более ясно, что исторические события последних десятилетий — выражение и отзвук отсутствия у современной нам цивилизации убедительной для всех людей, захваченных глобальным историческим процессом, научной мегатеории, надлежащего знания-понимания своей объективно предначертанной мировой линии и, конечно же, той системы социальных отношений, которая надежно обеспечивала бы ее, цивилизации, успешное продвижение к ноосфере.

Отсутствие мегатеории мировой линии человечества — это явление еще более чрезвычайного порядка, нежели изменение общественного строя в СССР и ряде стран, тревожный сигнал, «бухенвальский набат» для каждого мыслящего человека в том смысле, что под вопросом исполнение человечеством его вселенской миссии. Не удивительно, что поражение идеологии «шестой части» света, реально претендовавшей

на цивилизационное первенство, сопровождалось всплеском всемирных мировоззренческих поисков. Об этих мировоззренческих поисках уже пишут как о цивилизационной революции, состоящей из двух не соединяющихся потоков, идущих один с Запада, а другой — из бывшего СССР.

В первом потоке особенно громко заявляют о себе интегративисты Кена Уилбера, предлагающие себя направляющими эволюции человечества в новый, неограниченный ценоз через превращение интеллектуальной и духовной потенции человека в способ его самовоспроизводства. У нас в общественных науках ныне пока еще нет достаточно широкого обсуждения идей и предложений интегративистов, в том числе и сочинений их лидера. Мне, например, представляется, что речь идет о движении в некоторой степени религиозного, а не только научного окраса, в котором сам Кен Уилбер, бритоголовый американец, практиковавший буддизм, сочетает роли страстного гения-гиганта философии, мистического пророка и «постмодерновой» рок-звезды, публично медитирующей на темы тотальности нашего существования. Свою первую книгу написал в 23 года, сегодня же у него 30 книг. Он — самый переводимый на Западе автор (переведен на 25 языков, на его работы в Интернете более миллиона ссылок), в США издано 8-томное собрание его работ. Его «трансперсональная психология» пытается объединить практически все области знания (физику, биологию, теорию систем, теории хаоса, искусства, поэзии, эстетики, все значительные школы и направления антропологии, психологии и психотерапии, великих духовно-религиозных традиций Востока и Запада и т. д.). В числе восхищающихся Кеном Уилбером сегодня есть и марксисты, видящие в нем, возглавляемых им интегративистах и следующей за ними читающей-задумывающейся публике ту часть ныне существующего поколения, которая уже преодолевает «тот рубеж между предысторией и собственно историей, о котором говорил К. Маркс» [2, 8].

Полагаю, что пример Кена Уилбера и его интегративистов, действительно, свидетельствует о резко возросшем, даже катастрофическом мировоззренческом голодании нашего поколения. Само существование советского марксизма вместе с достаточно уверенно-успешно функционировавшим мощным государством, дававшим ценнейшие неотъемлемые бесплатные социальные гарантии огромному населению, создавало сотням миллионов, миллиардам людей хотя бы надежду на успешность поиска справедливого некапиталистического свободного будущего и духовного освобождения-раскрепощения. Теперь же на них отовсюду надвинулась одна лишь капиталистическая пер-

спектива, сдобренная информационными технологиями. И тут Кен Уилбер...

На мой взгляд, его пример и весь феномен интегративистов вовсе не устанавливает, не обнаруживает провозглашаемого якобы овладения здесь движением в будущее, о чем пишут он и его сторонники. Если здесь что и устанавливается, то обострение, новый фазис всемирной борьбы за умы, которая всегда имела наиважнейшее значение для сохранения позиций, победы в социальных отношениях. Кен Уилбер с его талантом, дарованиями, тягой к публичным массовым монологам, выраженным (по-видимому, также и гипнотическим) воздействием на многие индивидуальности, жаждой «научить» их мыслить «эволюционно» и «интегративно», несклонностью к острым актуальным социальным проблемам — подлинная находка для истеблишмента, для того, чтобы «нагрести» вокруг пророка побольше индивидуальностей и социально стерилизовать их.

Какие я вижу основания для такого понимания «интегративизма»?

Прежде всего, это невиданная мощь финансирования. У кого в обществе деньги — всем ясно, как ясно и то, что их расходуют не абы как, но по счету. Не кто-нибудь, а западная элита, истеблишмент профинансировали Кену Уилберу И-И (Интегральный институт) — связывающий в единую сеть и финансирующий теоретиков-интегративистов из числа продвинутых специалистов в тех или иных областях знания. На соответствующем сайте (www.integralinstitute.com) отображены и многочисленные проекты И-И, и его разветвленные подразделения, и возможности стать участником «величайшей Цивилизационной революции нового тысячелетия». В институте — отделения интегральной психологии, духовности, политики, медицины, экологии, интегрального образования, дипломатии и бизнеса со списками вовлеченных исследователей высочайшего уровня. Все эти структуры и специалисты заняты якобы тем, чтобы знания о мире превратить в преобразование себя как способ бытия в преобразованном мире. Разрабатываются Интегральная операционная система (ИОС) и Интегральный методологический плюрализм (ИМП) для «интеграции тела, разума, души и духа в самости, культуре и природе». Проект функционирует как учебный и тренинговый для «революционного» перехода в «интегральное тысячелетие».

Это не все. В рамках И-И разворачивается Интегральный университет, или Мультиплекс (<http://multiplex/integralinstitute.org>) с системой веб-сайтов интегрального обучения, через которые действует вход в Интегральную общину с богатой обучающей, информирующей и планирующей инфраструктурой и огромным интерактивным взаимодействием убежденных и присоединившихся. Создаются академические

учебники и мультимедийные презентации для использования в университетах и школах. На сайте IntegralNaked сам Кен Уилбер систематически ведет «обнаженные» диалоги на интегральные темы, причем каждый может активизировать или скачать соответствующие тематические аудиопотоки. Этот далеко неполный обзор обширного Интегрального проекта Кена Уилбера можно завершить указанием на разрастание его отделений в Европе — в Германии, Австрии, Италии, Швейцарии. И это в условиях, когда даже профсоюзы, участие в которых материально выгодно работникам, во многих случаях скукоживаются, не могут сохранить членства. Сказанного вполне достаточно для иллюстрации как того, насколько велики финансовые возможности гуру-лидера, так равно и того, что сегодня его проекты получают множественную поддержку от сил, «правлящих бал» в современном обществе. И это не удивительно.

Интегративисты не оспаривают существующих социальных отношений — сиречь распределения богатства, не акцентируют на них особого внимания. Де-факто перед нами старая песня о победе самосовершенствования, одних только сознания и совести над всеми пороками, деформирующими человека, его личность, и всеми препятствиями к их неограниченному саморазвитию. Отличие от множества прежних теорий в том, что ищущие наступательные совесть-сознание теперь иначе вооружены. Они обогащены массой крупных открытий-озарений, раскрываемых многими самыми современными источниками с установкой, что все это, делая индивидуальное сознание интегральным, научает его многому новому и чрезвычайно важному. И, конечно, фактор соучастия столь выдающейся личности блестящей талантливости, почти пророческого дара, высочайших организаторских способностей, как Кен Уилбер. Это — не практика скромного пассивного ожидания Шарля Фурье с его объявлениями в газете насчет поисков богачей, желающих преобразовать общество. Это почти принудительное индивидуальное просеивание практически всей массы членов общества с «промыванием» в современнейших рекламных потоках с их многообразными психическими-техническими ухищрениями на предмет заполучения заветного согласия «да». Казалось бы, «победа» Кена обеспечена. И, судя по публикациям, литературе, он уже располагает немалым количеством таких ответов. Однако, как и многие десятилетия назад, ни в обиходной жизни, ни в восприятии ее ценностей у подавляющего большинства американцев значимых изменений не произошло. Никому не приходит в голову усомниться, что перед нами развитая капиталистическая страна, у социально активного населения которой — традиционное патриотически-капиталистическое мировоззрение, не столь уж отличное от эпохи

Теодора Рузвельта и не обнаруживающее сколько-нибудь приметных признаков «осуществляющейся в настоящее время *бесшумной и невидимой* революции [2]». Почему?

Да потому, что в «слоеном пироге» или, лучше, в «ансамбле» мировоззренческих идей каждого человека давно установлена неизбежная соподчиненность составляющих «инструментов». Безусловное значение, абсолютное первенство имеют (сохраняют) необходимости, обеспечивающие жизнедеятельность субъекта. Пока индивид не прекращает и не прерывает обычных традиционных социально определенных действий обеспечения своей жизни, реально («всамделишно») господствуют все его давние мировоззренческие установки, породившие эти действия, а установки «невидимой революции», якобы уже «свергшие» тысячелетний опыт, «преодолевшие» его, вроде бы осудившие и отвергшие отсталое мировоззрение прошлых эпох при этом не подают признаков жизни, молчат, и слышны лишь там и постольку, где и поскольку не затронута сложившаяся социально-экономическая практика. Ясно, что для «революционеров» такой мировоззренческий «прорыв» в лучшем случае — самообман. Это ни к чему не обязывающие, никаких значащих общественных перемен не требующие благие порывы, никак не формирующие социально-экономического (т. е. определяющего) лица общества и исчезающие («как дым, как утренний туман») при соприкосновении с реальными (унаследованными от прошлого) социальными практиками.

Расцветившие беллетристические салюты современным успехам Запада в обретении «революционного» мировоззрения нового тысячелетия, лично Кену Уилберу неосновательны. Мировоззрение, оставляющее в стороне социально-экономическое устройство общества и его совершенствование, таковым не является. Социальная литература всех направлений давно, десятилетия и десятилетия, пестрит многочисленными признаниями и свидетельствами об отсутствии у современного капиталистического Запада крепящего его (идеологически и социально-экономически) мировоззрения исторического оптимизма, о наличии в нем весьма крупных антикапиталистических сил, о тяжелой затронутости-пораженности самой его структуры апокалиптическими и эсхатологическими моментами.

Об исследованиях, инициируемых Ю.М. Осиповым, Центром общественных наук. С момента образования ЦОН мы, с подачи, прежде всего, Ю.М. Осипова, широко обсуждаем проблемы современной мегатеории на его дискуссионной площадке. Не знаменательно ли, что само рождение ЦОН наложилось именно на падение подпираемого советской государственностью мировоззрения, на материальное и духовное обрушение великой страны, ее, казалось бы, тотальное унич-

тожение? Понятно, мировоззренческие проблемы — сложнейшие, их решение требует многотрудных долгих усилий. Но сосредоточение на них интеллектуальных сил социума — историческая неизбежность. И для Ю.М. Осипова, как мне представляется, это было сверхзадачей старательно собираемого им коллектива многих самобытно мыслящих специалистов — не одних только обществоведов, но и ученых естественно-научного знания.

Необходимо признать: до завершенной мегатеории пока еще далеко. Но царящая в ЦОН полнейшая научная свобода куда эффективнее силовых методов продвигает сотрудничающих ЦОН ученых в переосмыслении, самокритике годами вынашиваемых взглядов, тем самым готовя их к участию в разработке нового научного мировоззрения, де-факто втягивая в нее. Знаю это по себе. Я в вопросах методологии и многих общетеоретических решений остаюсь марксистом, но благодаря ЦОН вижу и постоянно убеждаюсь, что, вопреки надеждам многих его выдающихся представителей, в современных научно-технических, экономических, социальных и духовных условиях марксизм утратил былую привлекательность в глазах большого числа интеллектуалов, трудящихся. Для марксистов здесь ситуация исторического вызова: если это учение как мировоззрение верно и для новых, современных условий, в нем должны наличествовать и быть найдены такие развороты, которые восстановят, даже усилят его убедительность и в новых условиях.

ЦОН как место рождения-развертывания мировоззрения человечества для его современного и предстоящего развития обладает многими преимуществами. Одно из основных — особое почитание в качестве отца-основателя личности и творчества выдающегося мыслителя С.Н. Булгакова (1871—1944). В науке С.Н. Булгаков — решительный противник как предвзятости, заданности методологических и методических подходов, так и легких «расставаний» с добытыми (тяжким исследовательским трудом) научными истинами. Самое главное же — он ушел от марксизма по причинам, сходным с теми, которые поколебали многих марксистов наших дней. С.Н. Булгаков не нашел в марксизме, в его экономической теории убедившего бы его раскрытия фактора человеческой личности, человека. По его мнению, марксисты недостаточно отразили значение трудового начала, актуальность человека, трудовую природу жизни.

Пробелы здесь несомненны. Вспоминаю, как сам ломал голову, познакомившись с идеями В.И. Вернадского 1944 г. о человеческой мысли как планетарной природной силе. Согласно нашим тогдашним учебникам, мысль вторична, и творящими силами, подобными природным, обладать не могла.

Особая ценность исследований С.Н. Булгакова состоит в том, что по ходу заявленного им перехода к идеализму (см. книгу «От марксизма к идеализму») он не теряет из виду всей цепочки человеческого познания, в частности — материи. В его системе материя сохраняется и познается, почему он и назвал свою концепцию «религиозным материализмом». Изучение наследия С.Н. Булгакова, несомненно, помогает (и поможет в дальнейшем) при разработке мегатеории в раскрытии особенно тонких взаимодействий субъекта и объекта, субъективного и объективного, ибо здесь уже поработала мысль великого ученого.

Можно было бы напомнить целый ряд исходных теоретических позиций, как бы опорных точек мегатеории, осмысливаемых и дискутируемых ныне в ЦОН. Так, мне представляется, что исторический опыт России последних десятилетий не подтвердил подчеркнутых акцентов ряда наших ученых на силы саморазвития и самодвижения человеческой индивидуальности к высшему состоянию общества. Жизнь доказывает, что в условиях нашей страны процессы деградации общества заразительны, способны к усилению, к распространению на новые сферы. С присущей ему особой силой, убедительностью и яркостью данное явление подчеркивается Ю.М. Осиповым: «Российский кризис не улегается, а усугубляется» [3, 20]. Его определения сегодняшней России перехватывают дыхание. «Не страна это вовсе... а территория — порока, грабежа, распада и ужаса, зверского, чуть ли не providенциального, самоубийства. Государство — фикция, правительство — манипулятор, цивилизация — оборотень, гражданство — насмешка, культура — обманка» [3, 15—16]. «...Все в системе зыбко, вязко, скользко, а в целом — обреченно» [3, 16]. И еще сильнее о «каиновой патологической системе», «не способной ни производить, ни творить, ни развивать, как и быть просто эффективным собственником, менеджером, хозяином, способной лишь эксплуатировать, выжимать, присваивать, паразитировать» [3, 16], о стране «апокалиптического кризиса» [3, 18], «порочной системы тотальной эксплуатации» [3, 20]. Слова такие, что обжигают глаза, которые их видят. Ничего подобного мне никогда еще не доводилось читать. Словно льешь в себя расплавленный металл.

Из этой безжалостной констатации Юрий Михайлович делает цепочку выводов. В России (1) созрела необходимость дирижизма — ведения национального хозяйства из национального центра в национальный центр, т. е. управление экономикой со стороны государства. И неспособность экономики ни к чему конструктивному, и текущая событийность (2) заставляют руководство страны становиться чрезвычайными комиссарами по дирижизму — пока еще убого призрачному, жалкому, нелепому и тут же (3) уничтожаемому самой же властью во

имя нового, еще более либерального, переворота. Отсюда: ничего, в том числе спасительного дирижизма, не будет (4) без «глубокого общенационального перестроения... по инициативе, под эгидой и при непосредственном участии центральной власти» [3, 18]. Причем такое перестроение — (5) не какая-то там альтернатива либерализму, а *императив*.

Никаких нежданно-негаданных самоисправлений уroda, а перестроение, являющее и открывающее общественно *национальный солидаризм*! Реально эффективное сочетание свободы с несвободой, объективных самопроцессов с дирижизмом, контролем, принуждением.

Тезисы Ю.М. Осипова ложатся друг к другу, как кирпичи в неприступной крепости. Императив дирижизма, национального солидаризма сегодня воспринимается руководством страны как «ненужности» и встречается стремлениями привести неоцивилизацию как «инфернальную вестернизацию» страны, — не с ценностями труда, творчества, созидания, братства людей, но частного интереса, погони за деньгами и личным богатством, необузданным присвоением, неуемным потреблением, эксплуатацией, коррупцией, грабительством [3, 21]. Пореформенные хозяйство, общество не способны к самостоятельной неомодернизации, отсюда упование на границу, и поэтому — завоз неомодернизации из-за рубежа в зарубежных параметрах и на зарубежных по преимуществу условиях. «...Вполне возможно, что иного выхода теперь у России нет» [3, 23]. «Человек со всей окружающей его высокой техникой и под ее влиянием быстренько превратится в какого-нибудь киборга, а с учетом встроенного в человека чипа — в самого настоящего “чиповека”. Так, по-видимому, начнется эра *постчеловечества*» [3, 24].

Какой великолепный политико-экономический анализ! Перечтем еще раз постановки о «чиповеке». Разве они характерны для исповедуемой Ю.М. Осиповым философии хозяйства как фундаментальном методе научного исследования? Мудрый Юрий Михайлович своими последними работами свертывает многие споры между политэкономии и философами хозяйства, прекрасно показав (см. выше), что «свои» специфические подходы философии хозяйства все-таки не всеобщи и в определенных социально-экономических ситуациях как бы «молчат», не могут «работать», снимаются, уступая место традиционному политэкономическому подходу.

Когда-то я написал статью, получившую несколько публикаций: «Две науки на одном рубеже». Ее проблематика представляется мне актуальной и сегодня. В частности, не пора ли предметнее посмотреть те ситуации, в которых и на политэкономические исследования, и на философов хозяйства ложится общая исследовательская нагрузка, где

требуется объединение сил? Я выхожу с этими предложением, мыслью не потому, что во мне сейчас с особой силой возговорил политэконом первого цаголовского «призыва» МГУ. Меня подвигают идеи из последних работ Ю.М. Осипова, посвященных российской экономике. Одно из завершающих звеньев анализа Ю.М. Осиповым ситуации с Россией — мобилизация, *мобилизационное перестроение России*. У Ю.М. это прежде всего мобилизация сознания. Мобилизация «уже не ради частного присвоения, а ради всеобщего преобразования...» [4, 38].

Мне представляется, что мысль Ю.М. здесь не завершена. Всеобщее социально-экономическое действие не ради материального интереса, а ради высокой идеи. Но ведь для победы высокой идеи она, эта идея-цель, сама *обязательно* должна быть дополнена, даже пронизана мощным (динамизирующим ее) материальным интересом. Ведь это аксиома: «Идея неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от интереса» [5, 89]. И события в России в миллионный раз подтвердили ее. Духовно-творческую Россию загубил материальный интерес чуждых ей сил, столь красочно охарактеризованный Ю.М. Осиповым, и силы сопротивления ничего не смогли ему противопоставить. Политической экономии, философии хозяйства императивно необходимо вооружить идею новой России действенным перебарывающим материальным интересом, «отвертывающим» основную часть народа от ее нынешней «патологической» (Ю.М. Осипов) экономики и решительно разворачивающей, мобилизующей ее к «национальному солидаризму» (Ю.М. Осипов). Всем нам общими усилиями необходимо просто, архиведительно («на пальцах») показать, что «всеобщее преобразование» — не изыск ораторства, а громадная, ни с чем до этого не сравнимая, своя-кровная выгода не только всех нас вместе, но и каждого из нас по отдельности.

В ряде статей, выступлений с трибун ЦОН я уже предлагал некоторые идеи на предмет материальной выгоды осиповского «национального солидаризма». Не понимаю, например, почему остается без внимания, безответной такая неопровержимая истина, как повседневное уничтожение современным капитализмом собственных приростов-продвижений, поедание этой самой «патологической экономикой» самой себя. Это в XVIII в. захват фирмой сверхприбыли от роста производительности труда был временным. Под напором конкуренции она все-таки возвращала социуму захваченное, снижала отпускную цену. А теперь отпускные цены практически не снижаются: они индивидуальные, прямых конкурентов нет, не стало и удерживавшего их около стоимости золотого стандарта. В итоге на 9/10 уничтожается объективно детерминируемый (уменьшением издержек) эффект повышения производительности. Это железно реально и может быть

просчитано каждым грамотным человеком. Хочется прокричать: У-НИ-ЧТО-ЖА-ЕТСЯ! Такого еще не было в прежние эпохи. Человечество систематически, повседневно еще никогда не сжигало плодов своих рук. Но вот — дожили и до этого. Заимели общество-маятник: вперед — назад, вперед — назад... Это при нашем-то сгустке цивилизационных, социально-экономических и иных удушающих проблем... Мы все — вместе и порознь — сразу станем богаче, избавившись от воцарившегося строя, опрокинув его на свалку истории.

И еще одна мысль на тему материального интереса, также уже защищавшаяся мною. Наш российский социум доведен до фактического истирания из своей жизнедеятельности того высшего материального интереса, каковым является интерес к повышению производительности труда. А это — «центр тяжести» исторической миссии человечества. Социологи установили: у нас в РФ сегодня нет социальных групп, заинтересованных в росте производительности труда. Наш социум социально-экономически обезоружен. Это словно, если бы в песне «Ямщик, не гони лошадей» не было бы лошадей и некого бы было «гнать». Протоестественное и противообщественное состояние социума! И у нас, чтобы вернуть экономике главную силу динамизма, нет иного выхода, кроме как вручить эту силу тем, кто на своих рабочих местах реально оперирует ею. Вручить всерьез, экономически: сделать полными индивидуальными собственниками того общественного труда, который высвобождается повышением ими производительности своего труда. Не собственниками средств производства, на которых они работают: не они направляли и их создание, и всю комбинацию общественного процесса производства. Это происходит независимо от их индивидуальных трудов. Но вот в динамике производительности данного рабочего места, предприятия, — здесь, при косвенном, а то и прямом участии многих, решающие слово, разрешающее согласие — все же непосредственно у работника, и не может быть у него забрано. Давно необходимо восстановить здесь экономическую справедливость, вернуть «кесарю-работнику — кесарево». Не здесь ли экономика (Природа?) спрятала «ключи» к высшим темпам роста производительности труда и возвращению нашей страны на траекторию ноосферного развития? Тем более, что при реализации этого предложения социуму пришлось бы (я не раз показывал это) заменять нашу «палогическую» инфляционную экономику экономикой снижающихся цен.

На современном экономическом пространстве сгустилась жесткая нетерпимая проблемная ситуация. Пошло общее движение цивилизации вспять от ноосферного мироустройства, на ущербе глобальная миссия человечества. Человечество на глазах лишается нормальных

условий существования, одного за другим. Причина — не в объекте, не в Природе. Идет самопоедание самого материального производства, поломан курсопрокладывающий механизм, утрачены лоции, нарастает общая коррозия духовности, нет объединяющей мегатеории. Сегодня главная сила спасения самой миссии человечества и самого человечества — в его собственном разуме. Я не сомневаюсь, что многие (если не все) элементы, составляющие искомой мегатеории уже, конечно, найдены. Дело — за их синтезом. Наверное, важнейшим критерием правильности такого синтеза явится, наряду с адекватностью отображения объективной действительности, ее (теории) сила убедительности. Она должна быть в состоянии повести людей, пробуждать в них ощущения-чувства спасения, выхода на простор, освобождения. Не сомневаюсь, что ученые, группирующиеся вокруг ЦОН, Ю.М. Осипова, в состоянии сказать и скажут здесь свое слово.

Литература

1. *Велигжанина А.* Великий математик дал первое интервью // <http://msk.kp.ru/daily/25677.3/836229/>.
2. *Копн В.П.* Виртуальные революционные игры Мирового Духа // Экономическая и философская газета. 2011. № 8.
3. *Осипов Ю.М.* Веяния времени: год 2010-й // Философия хозяйства. 2011. № 5.
4. *Осипов Ю.М.* Под знаком «М» // Философия хозяйства. 2011. № 4.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Эстафета

Аннотация. Статья посвящена преемственности в развитии школы философии хозяйства от С.Н. Булгакова до Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: российская философская мысль в XX — XXI вв., школа философии хозяйства.

Abstract. Article is devoted to the succession in development of the school of philosophy of economy from S.N. Bulgakov to Yu.M. Osipov.

Keywords: Russian philosophical thought in XX — XXI c., school of philosophy of economy.

Жестко и грозно ревет водопад времени. События, тщетно пытаясь обогнать друг друга, сливаются зыбкой лентой. Как тут не позавидовать древним грекам, неспешно, столетие за столетием, обустривавших свой удивительный мир...

Трудно поверить — всего 140 лет назад в немыслимо великой и хрупкой стране родился мальчик Сережа. Его отец, скромный сельский священник, верил и надеялся, что сын будет верно служить Богу. Так оно и получилось, вопреки войнам и революциям, до неузнаваемости изуродовавшим то, чему поклонялись люди античности.

Появилась доселе невиданная человеческая порода — то лживая, то честная, то жестокая, то милосердная, убегающая от самой себя, от собственной человечности, отчаянно и безнадежно соревнующаяся в гонке с Великим Временем. А Сережа пытался найти истину, ту самую правду жизни, к которой безотчетно стремится русский человек, и которая делает его русским.

Миру это не нравилось, он, словно весенний лед, растрескивался под ногами Сережи, теперь уже Сергея Николаевича Булгакова. Он везде был чужим — стал марксистом, но, распознав суть марксизма, отверг новомодное учение, был искренним патриотом — стал эмигрантом, избрал путь священника — был обвинен в ереси. Умер одиноким, на чужбине, в иллюзорном прибежище русской души — Париже, пытаясь вернуть миру свет, но осужденный на забвение.

И случилось чудо, точно на половине срока, отделявшего рождение Булгакова от наших дней: 70 лет назад, в семье убежденного коммуниста родился мальчик Юра. Его отец, скромный советский человек, верил и надеялся, что сын будет верно служить идее всечеловеческого счастья. Так оно и получилось, вопреки революции мамоны и изнурительной тайной войне, до неузнаваемости изуродовавшей то, чем гордились советские люди.

В водовороте торжествующих предательств, беспощадного самоуничтожения и самоунижения великой страны, когда мир тонким льдом растрескивался под ногами Юры, теперь уже Юрия Михайловича Осипова, произошло Преображение искреннего коммуниста в искренне верующего человека, верного продолжателя и духовного наследника идей Булгакова.

Вопреки уничтожительной логике последнего времени философия хозяйства Булгакова не умерла, просто пережила холодную зиму, ее робкие, но уверенные ростки обрели новых последователей, стали самостоятельным и жизненно важным для людей знанием. Наука Булгакова воскресла, как и воскрес в своей новой ипостаси ее создатель. То, что Высшая Сила каждые 70 лет дарит России таких людей, — не случайно. Мы не одиноки в этом мире, и Хаос не всемогущ.

А.В. БУЗГАЛИН, А.И. КОЛГАНОВ

**В поисках будущего России: «экономика для Человека»,
или Десять тезисов к разработке «Стратегии опережающего
развития III» (неюбилейное приглашение Ю.М. Осипова
к новому раунду дискуссии)**

Аннотация. В статье речь идет о современной философии хозяйства, основателем и лидером которой является Ю.М. Осипов. Главный вопрос — поиски будущего развития России, вопрос, консолидирующий вокруг себя дискуссии российских ученых — обществоведов и экономистов.

Ключевые слова: современная философия хозяйства, постсоветский марксизм, экономическая теория, будущее России.

Abstract. This article is about modern philosophy of economy, the founder and leader of which is Yu.M. Osipov. The main question is the search for the future development of Russia, this question consolidates around discussions between Russian scientists — sociologists and economists.

Keywords: modern philosophy of economy, post-soviet Marxism, economic theory, future of Russia.

Так получилось, и получилось неслучайно, что последние два десятилетия критический постсоветский марксизм и, в частности, авторы этого текста, как одни из его представителей, развивается в творческом диалоге (и одновременно в жестких спорах) со школой «Философия хозяйства», основателем и бессменным лидером которой является профессор Юрий Михайлович Осипов, юбилей которого стал поводом для написания этого предисловия к важному для нас тексту.

Мы не мастаки писать юбилейные речи, состоящие из казенных дифирамбов и потому решили свои поздравления сделать в присутствии нам конструктивно-критическом духе.

В самом деле, направление, возглавляемое Ю.М. Осиповым, — это прежде всего ученые, ищущие пути возрождения и прогресса нашей Родины. Ищущие в своем ключе. Этот «ключ» — методологию и теорию этого направления — мы не раз критиковали, но при этом всегда сугубо позитивно относились к тезису о приоритете гуманистической, социальной составляющей экономического развития как одной из важных черт «осиповцев». Именно это и подвигает нас на предложение творческого соревнования-диалога-дискуссии по проблемам целей и средств стратегии российского развития.

Посему — ключевые тезисы к разработке такой стратегии.

* * *

Начнем с упоминания о том, что предлагаемая нами «Стратегия» разрабатывается с 1992 г., имея следующие базовые версии:

- «экономика для человека» (1992),
- стратегия опережающего развития (2001),
- «экономика для человека» — стратегия опережающего развития III (2011).

Нынешняя версия представлена пока только тезисами, которые, однако, носят концептуальный характер и потому могут служить основой для дискуссии.

1. *Проект ориентирован* на качественное изменение сложившейся экономической, социальной и политической системы, ибо в рамках инерционного сценария решение проблем качественного улучшения основных параметров российской социально-экономической системы невозможно. Определенные фрагменты проекта могут использоваться как элементы реформ, отчасти смягчающие противоречия современного типа российской системы.

2. *Ключевое отличие* предлагаемой авторами «Стратегии опережающего развития» от большинства ныне предлагаемых модернизационных стратегий состоит в выдвижении принципиально иных по сравнению с реализуемыми ныне в большинстве стран мира целями развития и переходе к соревнованию с существующими системами по отличному от нынешних критериям прогресса.

В этой связи позволим себе *Отступление № 1*. Исторической параллелью может служить отказ политического класса ранне-буржуазных торгово-промышленных республик от традиционных для позднефеодального общества критериев успешности дворянских «элит» — таких как знатность, роскошь, сохранение традиций и т. п., и переход к новым критериям прогресса, среди которых тогда на первый план выдвигались рост объемов производства товаров массового спроса и денежная прибыль. Не настало ли столетия спустя время поддержать уже давно выдвигаемые многими социальными, гуманитарными, экологическими и т. п. сетями, а так же известными интеллектуалами (начиная едва ли не с теоретиков «Римского клуба») иные, нежели типичные для «позднего капитализма» критерии прогресса социально-экономической системы?

3. *Временной горизонт* — 15—20 лет, включая промежуточные цели и системы средств для трех последовательных этапов.

4. *Стратегические цели*:

- приоритетное развитие человеческих качеств, в частности: повышение ИЧР до уровня Скандинавских стран; приоритетное развитие творческого потенциала большинства граждан, продление периода гарантированно здоровой жизни до 70 лет и более;
- превращение России и интегрированных с ней стран и интернациональных сетей в одного из культурных лидеров человечества;

- обеспечение социально-справедливых оснований творческой и трудовой мотивации, включая фактическое равенство стартовых возможностей (получения образования, использующей творческий потенциал работы и т. п.) для каждого, основанную преимущественно на трудовом вкладе социальную дифференциацию (децильный коэффициент на уровне 5,5—6,5 раз) и т. п.;

- переход к ноосферному (основанному на ответственности общества за рекреацию и развитие биосферы) типу развития, в частности, выход на экологические параметры не хуже Скандинавских стран (2020); измерение развития в том числе по показателю чистого адаптированного (с учетом загрязнения и деградации природного потенциала) валового продукта;

- рост свободного времени (времени, в котором осуществляется развитие человеческих качеств) при сокращении времени репродуктивного труда (труда как средства обеспечения жизни), трансакций (типичный пример — «шопинг»), «досуга» (нерабочего времени, не обеспечивающего развитие человеческих качеств) и т. п. использование параметра «свободное время общества» как одного из ключевых измерителей качества развития;

- формирование принципиально новых технологий и структуры экономики, ориентированных на развитие человеческих качеств, социальную и природную рекреацию, а не рост вещного богатства, трансакций, симулякров (альтернативная существующему тренду модель движения к постиндустриальному обществу).

5. *Цели промежуточных этапов* определяются исходя из конкретной социально-политической ситуации. В данном тексте эта проблема не рассматривается.

Здесь следует сделать *Отступление № 2*. Традиционно рассматриваемые в качестве целей развития рыночные параметры роста (объем ВВП, конкурентоспособность на мировых рынках и т. п.) в рамках данного проекта рассматриваются как одно из возможных средств обеспечения развития.

6. *Приоритет развития* — креатосфера, в частности:

- общедоступное образование через всю жизнь (от яслей и детского сада через школу, университетские комплексы, систематическое повышение квалификации до образовательных комплексов для пенсионеров), выделение на развитие этой сферы не менее 10% ВВП;

- сферы, обеспечивающие здоровье в течение всей жизни (общедоступная медицина, спорт...) — не менее 8% ВВП;

- наука, искусство, другие сферы создания ценностей, идей, технологий и т. п. результатов и ресурсов развития новой экономики — не менее 5% ВВП;

- рекреация природы (не менее 5% ВВП) и общества;

- после достижения указанных выше структурных сдвигов следует стремиться к достижению занятости в данных сферах на уровне не менее 50—60% общего числа за счет сокращения числа занятых в традиционных отраслях материального производства (сельское хозяйство, промышленность, транспорт, строительство) до 15—20% (уровень развитых стран Западной Европы), отраслях обслуживания утилитарных потребностей (торговля, питание, туризм...) — до 10—15% (уровень развитых стран Западной Европы), отраслях транзакционного сектора (государственное и корпоративное управление, финансы и иное посредничество) — 10—15% (в 2—3 раза ниже уровня развитых стран).

Позволим себе еще одно *Отступление № 3*. В развитых странах для обеспечения удовлетворения материальных потребностей даже на сегодняшнем технологическом уровне достаточно 20—30% занятых. Большая часть занятых сферы услуг выполняет паразитические функции которые могут быть сокращены при параллельном росте занятых в отраслях креатосферы. Отрасли креатосферы (например, образование) — это (1) сферы общедоступной творческой деятельности Педагога, Врача, Художника, Ученого, Садовника, которые непосредственно развивают человеческие качества и субъекта и «объекта» деятельности, т. е. прямо реализуют главную цель стратегии; (2) они формируют (создают) творческие способности работника, т. е. главное средство развития новой экономики. Таково тезисное обоснование правомерности выдвижения в качестве ключевых предложенных выше целей развития.

7. *Средства развития* (заметим: основные предлагаемые выше механизмы реализации стратегии не могут быть внедрены одномоментно, декретом. Они должны выращиваться, постепенно создаваясь, но неуклонно претворяясь в жизнь на базе качественно-новых институционально-политических предпосылок):

- система долгосрочных эко-социо-технологических программ, предполагающих согласованное изменение технологических и социально-экономических, а так же культурных параметров на основе выбора траекторий опережающего развития с целью качественного изменения структуры;

- формирование системы средств селективного (дифференциация налогов, кредитов, институциональных параметров) и прямого (планы развития для предприятий государственного сектора, целевые общественно-государственные инвестиции, закупки, гранты и т. п.) регулирования, позволяющих перераспределять в перспективе не менее 50% ВВП для реализации долгосрочных программ при сохранении рыночных критериев развития (повышение прибыльности, конкурентоспособности) для остальной части экономики;

- изменение системы отношений и прав собственности, обеспечивающее (1) полное изъятие природной ренты; (2) постепенное превращение в общественно-государственные и частно-общественно-государственные предприятия креатосферы (образование, здравоохра-

нение и т. п.); (3) программирование деятельности государственных и частно-государственных предприятий (4) социальную ответственность частного бизнеса; (5) участие работников в контроле и управлении на предприятиях всех форм собственности; (6) прозрачность и гарантированность системы прав собственности; (7) приоритетное развитие ассоциированных форм собственности и «социального капитала»; (8) поэтапное движение к отказу от частной собственности на интеллектуальные продукты;

- формирование системы социальных и экологических нормативов, обеспечивающих гарантированное наличие равных стартовых возможностей (включая гарантии прожиточного минимума, образования, обеспечения здоровья, переквалификации, занятости в общественно-государственном секторе) для каждого гражданина, охрану труда, здоровья, природы на уровне не ниже развитых стран Западной Европы — 2020;

- институциональная революция, обеспечивающая сокращение в 2—3 раза транзакционных издержек и занятости в посреднической деятельности за счет упрощения и сокращения бюрократической системы и, главное, системы посредничества, особенно в финансовом секторе; преодоление «провалов государства» за счет постепенной передачи функций государства институтам общественного самоуправления и продвижения от политического «рынка» и политического манипулирования к «демократии корней травы»;

- развитие долгосрочных интернациональных образовательных, научных, технологических, культурных, экологических программ, интегрирующих усилия государств и международных сетей и НПО, выступающих за отказ от «правил игры», созданных «Вашингтонским консенсусом».

Последнее *Отступление № 4*. Одним из примеров отличия стратегии опережающего развития от других траекторий может служить анализ трех условно выделяемых вариантов программ развития пассажирского транспорта. Программа № 1 — создание бензинового легкового автотранспорта существующего мирового уровня при ориентации на преимущественно личный транспорт (2 автомобиля на семью) — устаревшая модель; Программа № 2 — создание гибридного легкового автотранспорта мирового уровня при ориентации на преимущественно личный транспорт (2 автомобиля на семью) — модель догоняющего типа. Программа № 3 — переход к новой системе перевозки пассажиров, обеспечивающая повышение скорости перевозки пассажиров на 20—40% при сохранении комфортности на уровне легкового автомобиля и при сокращении числа транспортных средств в 3—5 раз, загрязнения среды в 2—3 раза, транспортного травматизма и смертности — в 4—5 раз и т. п. (скоростной общественный электротранспорт + велосипед при реорганизации типа организации поселений) — эко-социо-техническая модель опережающего типа. Последняя, как легко понять, предполагает существенные социокультурные изменения и формирование качественно отличных от господствующих ныне ценностей и образа жизни.

Другой пример — создание общегосударственной системы образования через всю жизнь как совокупности открытых образовательных сетей, центрами которых становятся общественные университеты, а не

формирование частных транснациональных университетов-корпораций (ТНК).

8. *Основные стартовые ресурсы* для начала реализации программы:

- средства, высвобождаемые в результате «институциональной революции»: 10—20% ВВП;
- средства, получаемые в результате полной мобилизации природной ренты и интеллектуальной ренты, создаваемой в общественно-государственном секторе — 10—20% ВВП;
- концентрация общественно-государственных ресурсов исключительно в секторах прорыва с постепенным спиралевидным расширением их круга;
- налоговая реформа, включающая радикальное (до 0%) снижение налогов на прибыль, используемую бизнесом для инвестиций в реализацию общественно-государственных целевых программ, низкие налоги на реинвестируемую прибыль, высокие (не менее 50—70%) налоги на прибыль, используемую частным бизнесом для личного потребления, на дивиденды, банковские проценты, рентные и т. п. доходы; прогрессивная шкала налогообложения (от 0 до 50%) заработной платы и др. видов трудовых доходов, обеспечивающая разрыв 10% высших и 10% низших зарплат не более 6—7 раз.

9. *Основной ресурсы реализации программы в средне- и долгосрочной перспективе:*

- рост качества рабочей силы и творческого содержания деятельности, новые технологии, эффект от альтернативных сетей международной кооперации и т. п. факторы повышения производительности труда;
- развитие новых социальных, экономических, культурных форм общественной организации, иного образа жизни и т. п. параметров, сокращающих непроизводительные издержки и повышающие качество жизни при прежних (или сокращающихся) материальных затратах.

10. *Политические предпосылки и субъект реализации «Стратегии».* Проект исходит из гипотезы наличия политически ответственных сил (прежде всего — институтов общественной инициативы и общественного самоуправления), способных совершить предлагаемые качественные изменения. Провести политические преобразования, создающие институциональные предпосылки для реализации названной стратегии. Вопрос создания условий, обеспечивающих реалистичность этой предпосылки, в документе не рассматривается. Субъект реализации «Стратегии» — органы общественного самоуправления союза государств и международных сетей, способные реализовать названные выше предпосылки.

М.А. РУМЯНЦЕВ

**Державинские мотивы в творчестве
Юрия Михайловича Осипова**

Аннотация. Проведено сравнительное исследование творчества Г.Р. Державина и Ю.М. Осипова. Выявлены общие темы в творчестве этих авторов.

Ключевые слова: творчество, мощь, трансцендентное, человек, философия хозяйства.

Abstract. It is carried out comparative research of creativity of G.R. Derzhavin and Yu.M. Osipov. The general themes in creativity of these authors are revealed.

Keywords: creativity, power, transcendental, the person, philosophy of a facilities.

Головокружительные устремленности русского ума — к Богу, к бездне, к сути вещей, к восхитительному цветению жизни завораживают в творчестве Гаврилы Романовича Державина и Юрия Михайловича Осипова. Можно ли увидеть сродство между ними? Неустранимы различия поэтических и философских исканий, столь же неустранимы различия в духе эпох — в целых два века, разделивших Державина и Осипова. По крайней мере, Юрий Михайлович никогда не будет слагать оды царям, а тем паче царицам. Да, но ведь и Гаврила Романович подчас чеканил нелицеприятно: «Осел останется ослом, / Хотя осыпь его звездами».

Или даже:

Цари! Я мнил, вы боги властны,

Никто над вами не судья,

Но вы, как я, подобно, страстны

И так же смертны, как и я.

Опыт творчества Державина и Осипова свидетельствует о преодолении ограничений не только в языке и стиле, но и в пространстве-времени. Постараемся увидеть истинную связь державинских и осиповских смыслов во внутреннем строении их Слова, в предельных формах их творческого напряжения — в главных темах Державина и Осипова.

Тема первая. Творческая Мощь

Державин:

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей.
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!*

Как величаво, просто и невероятно мощно написано, не так ли?

Осипов:

«Хозяйство человека, с одной стороны, бесконечно, ибо человек не может остановить хозяйство, но с другой — конечно, ибо всегда есть какое-то завершение, какой-то конец, какая-то смерть... Всеобщность продолжительна, частность кратка. Однако хозяйству человека свойственна не одна частная эсхатологичность, но и всеобщая. Угроза общего конца хозяйства человека есть, и она нарастает. Эсхатология хозяйства непосредственно связана с неопределенной, туманной и в чем-то абсолютно неизвестной, даже темной телеологией хозяйства».

Увидеть в безбрежной панораме хозяйства смерть, а в мозаике повседневных жизнеотправлений человека разглядеть потаенную эсхатологию не то что сложно, но и просто невозможно. Здесь нужен мощный творческий порыв к тому, что превосходит реальность хозяйственно-экономического «порядка вещей». Мощный прорыв от Начала и Средины хозяйства к его двоящемуся загадочному Концу.

Тема вторая. Трансцендентное

Державин вопрошает Бога:

*Как капля в море опущена,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мне зримая вселенна?
И что перед тобою я?
И отвечает — за Бога:
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!*

Человек Державина преступает свои антропологические и бытийственные границы и силой овладевает трансцендентным! А после смиренно склоняется перед Всевышним:

*Твое создание я, создатель!
Твоей премудрости я тварь.*

Вот она, апория русского православного сознания, всегда просто-душно смиренного, и всегда в чем-то хулиганского, самовольного, «не модернизируемого» в главном — в иномирной свободе.

Осипов:

«Великое это достояние взаимодействовать с трансценденцией! ...Знание человеческое трансцендентно не столько потому, что ограничено какой-то неизвестностью, а более всего потому, что имеет возможность с этой трансценденцией творчески взаимодействовать. И ничего нет страшного в том, что человек, жизнь, хозяйство, сознание, ноосфера так вот трансцендентны, напротив, в этом их самое настоящее преимущество: не знаю, а стремлюсь, не владею, а считаю, не вижу, а решаю. Разве это не чудо — быть человеком, сознанием, ноосферой?»

С точки зрения Осипова, философия хозяйства раскрывается посредством субъекта — человека, а не объекта — разнообразных материально-бытовых или экономических обстоятельств. Поэтому философия хозяйства неизбежно становится манифестацией духа в человеческом существовании. И вполне показательно постановка Осиповым вопроса о сверхзадаче философии хозяйства в качестве *«целостного отображения трансцендентной обусловленности мира, его диалектики и судьбы, на основе и через призму действия в нем творческого сознания»*. А трансцендентное, по Осипову, *«будучи в истоке вне человека, присутствует-таки в человеке, в его жизни, в его мире»*.

Не правда ли, Державин и Осипов по-разному, но со-вместительно выходят к бесконечному и сверхвозможному. И высказывают не высказываемое!

Тема третья. Преодоление оков формы

Державин преодолевает легковесную куртуазность своей эпохи грубой архаикой, мощью первобытного, бесформенного, неотесанного и именно благодаря этому невыносимо энергичного Слова.

Вот его типичные архаизмы:

*Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры,
Перед тобой — как ночь пред днем.*

Или:

*Чей одр — земля,
Чертоги — вокруг пустынные виды?*

И еще:

*Богатая Сибирь, наклонись над столами.
Рассыпала по ним и золото, и серебро.*

Лучшие строки Державина далеки от классического рифмосложения, но зато доходят до сути вещей, они теряют свое эстетическое качество, ломают форму и приобретают царственную архаичную мощь.

Осипова не устраивает в экономической науке прежде всего утрата цветущей плотности или качества в угоду, если использовать выражение А.Ф. Лосева, «холодному и сухому политико-экономическому блуду». Осипова беспокоит то, что экономическая наука покинула «реальное богатство качеств ради мнимого богатства количеств», утратила «глубинные и высокие смыслы ради упрощенных описаний феноменальной поверхности»:

«Хорошо выверенное и написанное на бумаге, вдруг оказывается очень подходящим для реальности. Научная экономия — великий творец научных мифов. Причем любых, как нестрогих литературных, так и строгих математических».

А именно:

«Точки, прямые и кривые линии, законченные расчеты — все это, может быть, и заманчиво, скорее, интересно, но разве экономическую жизнь можно вогнать в придуманный мир точек, линий, формализованных зависимостей, расчетных величин. Реальная реальность — она просто другая, она полна жизни, а не схем».

Творчество Осипова возникло в связи с катастрофической непригодностью традиционного теоретико-экономического языка для выражения истины. Его творчество отвергает устоявшиеся клише как иллюзию и фальшь, ищет новую форму для выражения хозяйственной реальности во всей ее полноценности. Благодаря подобному импульсу, Осипов разработал удивительные способы познания хозяйства — метасмыслологию и полилектику, требующие интеллектуального напряжения и внутренней пробужденности. Осипов, как и Державин, предлагает нам сокрушительно новый опыт выражения смысла, не вмещающий в себя привычные лекала миропонимания. Осипов, как и Державин, разговаривает с читателем на своем языке, в котором перебиваются, звенят и преобразуются смыслы.

Главный вопрос при сопоставлении творчества Гаврилы Романовича Державина и Юрия Михайловича Осипова остается открытым. Закончился ли Большой имперский цикл русской истории? Если поэзия

Державина наивно и энергично открыла имперский цикл России («Гром победы раздавайся, / Веселися храбрый росс»), то апокалипсическое творчество Осипова фиксирует «пигмеизацию» мира и человека — путь России в бездну. А, может быть, мы на развилке путей, где есть еще выбор? Или, вопрошающими словами самого Юрия Михайловича, «почему бы России не остаться имперской страной и на перспективу, разумеется, существенно обновившись — да так, чтобы изменить знак бытия с отрицательного на положительный?»

Л.И. РОСТОВЦЕВА, Р.Н. РОСТОВЦЕВ

**Мыслитель. Энциклопедист. Подвижник
(к юбилею Ю.М. Осипова)**

Аннотация. Осмысливается многогранность таланта и личности Ю.М. Осипова в связи с 70-летним юбилеем.

Ключевые слова: философия хозяйства, юбилей, Ю.М. Осипов.

Abstract. Many-sided nature of talent and person Yu.M. Osipov in connection with 70-year-old anniversary is comprehended.

Keywords: philosophy of economy, anniversary, Yu.M. Osipov.

У Юрия Михайловича Осипова, возродившего в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова философию хозяйства, 9 сентября 2011 г. *70-летний юбилей*. Удивительно, что Сергею Николаевичу Булгакову, родоначальнику философии хозяйства, защитившему одноименную диссертацию в Московском университете, в этом же году 16 июня *140 лет со дня рождения*, чему в Центре общественных наук была посвящена международная научная конференция «Философско-хозяйственное осмысление современной и исторической реальности». А у самого Михаила Васильевича Ломоносова 8 ноября *300-летний юбилей*, в честь которого состоится научный симпозиум «Историческая поступь великоросса — М.В. Ломоносов». Экономическому факультету МГУ, где пройдет симпозиум и где учился и работает Ю.М. Осипов, в декабре исполнится также *70 лет*. Загадка цифр? В один год столько юбилеев (еще и 130-летие Ф.И. Достоевского, и 50-летие прорыва человека в космос)! Какая-то тайна в системе координат «пространство—время»? Возможно, ведь философия хозяйства, как известно, объемлет науку, философию и религию, тайну предполагающую. Хотя взаимосвязь между этими именами и событиями, наверное, неслучайна.

Юбилей — это всегда осмысление пережитого, прошедшего, напоминание о связи сегодняшнего со вчерашним, сынов с отцами, последующих поколений с предыдущими. Праздник, торжество по прошествии известного срока важного события, чествования лица позволяет оценить достигнутое, выразить благодарность, сохранить память, оказать уважение, признать превосходство, поклониться. Подведение итогов прошлого необходимо для выработки планов на будущее, прежде всего нам всем, чествующим юбиляров. Ведь, как учит философия хозяйства, прогресс истории возможен при условии сохранения традиций и преемственности. Настоящее вырастает из прошлого, хотя и содержит в себе нечто качественно новое по сравнению с предшествующим. Без прошлого нет и будущего.

Поздравляя Юрия Михайловича с юбилеем, отметим, кем он является для нас.

Это не просто известный ученый-экономист, а *мудрый мыслитель*, продолжающий линию софийной русской философии. Он умеет заглянуть за горизонт, уловить невысказанное, прочесть между строк и, как следствие, предвидеть и почувствовать то, что другим неведомо, или увидеть и высказать иначе. Его волнуют проблемы хозяйства национального и мирового, глобализм и глобализация, судьбы человека и человечества, России и цивилизации. Он может пророчески предсказать тенденции, которые лишь назревают и поначалу невидимы, а потом и впрямь обнаруживаются.

Это *созидатель*. Он создал школу философии хозяйства. Центр общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, отметивший в прошлом году двадцатилетие, лаборатория философии хозяйства на экономическом факультете, журнал «Философия хозяйства», регулярно выходящий тринадцатый год, Философско-экономическое ученое собрание, Академия философии хозяйства — все это вехи на пути создания научного сообщества, построенного на дружбе, солидарности, а не конкуренции. Оно объединяет для со-творчества не одну сотню ученых, причем из разных областей знания, а также политиков, предпринимателей, деятелей литературы и искусства, ярких индивидуальностей, патриотично настроенных единомышленников. Под руководством Юрия Михайловича защищено 8 докторских и 30 кандидатских диссертаций.

Это *современный энциклопедист*, который не только обладает обширнейшими знаниями, готовит энциклопедию философии хозяйства, публикуя из номера в номер статьи для нее не один уже год, но и объединяет вокруг себя высокообразованных людей подобно Дидро, притягивая к себе магией интеллекта. Рассказывая о Центре общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор Осипов обыч-

но говорит: «Мы предоставляем площадку для выступлений и дискуссий». Но без харизмы руководителя эта площадка не превратилась бы в живой, деятельный организм, в который превратился Центр за 20 лет и который есть не просто сумма желающих высказаться и подискутировать, а нечто большее.

Это *подвижник*, творящий в соответствии с замыслом Творца, ибо то, *что* он пишет, *сколько* пишет и *как* пишет — поистине дар Божий. Его размышления отличаются от проектов, программ и теорий самоуверенных ученых и политиков, всезнающих и горделивых, замахивающихся на переустройство мира и общества, созданного не ими, но возмнивших о своем всеилии человекобогов. Произведения Юрия Михайловича со-творены не только разумом. В них чувствуется и дух, и сердце — живое, любящее, правдивое. Холодный ум беспристрастного ученого выносит суровый приговор — сегодняшнему дню, материалистической цивилизации, заигравшемуся в искусственном мире человеку, этот мир создавшему, элитам, правительствам, но человеческое чувство философа хозяйства излучает веру и тепло, открывает нечто жизненно-важное, ободряющее, утешающее, оставляющее надежду.

Это *оригинальный писатель*, виртуозно владеющий словом, так что созданные им тексты имеют глубочайший смысл, который не сразу и не каждому понятен и который еще расшифровать надо. В художественно-публицистических произведениях импонирует способность Осипова вовлечь читателя в заочный диалог, не оставить равнодушным, привлечь к размышлению вместе с автором. Это чтение и для ума, и для души. Оно пробуждает чувства, заставляет прожить вместе с героями их жизни. Лучшие произведения классики тоже волнуют чувства и мысль, приглашают к диалогу, но разница в том, что диалог с Осиповым время от времени превращается из заочного в очный.

Учитель, патриот, друг...

С юбилеем, дорогой Юрий Михайлович!

Новых Вам творческих свершений, прорывов и озарений!

Н.И. УСИК, Н.А. ШАПИРО

Благодаря новому времени ...

Аннотация. Статья посвящена научной школе Ю.М. Осипова — школе философии хозяйства, восходящей к идеям С.Н. Булгакова и в то же время соответствующей критериям и веяниям времени.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, философия хозяйства, новое время, софия.

Abstract. Article is devoted to scientific school of Yu.M. Osipov — the school of philosophy of economy, which dates back to the ideas of S.N. Bulgakov and at the same time corresponds the criteria and spirit of the time.

Keywords: S.N. Bulgakov, philosophy of economy, new time, Sophia.

Благодаря новому (постсоветскому, посттоталитарному) времени в России сформировалась новая научная школа «философия хозяйства» и благодаря новому времени появился Юрий Михайлович Осипов — русский мыслитель [1, 7]!

Научная школа, как известно, характеризуется особым направлением или течением в науке, связанным единством основных взглядов, общностью и преемственностью принципов и методов и развивающейся совокупностью научных работ. Для появления научной школы нужен интеллектуальный лидер. Вспомним классическую школу в политической экономии, сформировавшуюся вокруг «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита, марксизм, до сих пор с успехом отстаивающий положения «Капитала» и дающий возможность поддерживать свое существование многочисленным критикам. (Когда научные школы строятся не вокруг одного классического произведения, а вокруг их комплекса, они могут выделяться и по страновому признаку — австрийская, лозаннская, англо-американская.)

В современных условиях критерием выделения научных школ служит количественный подход, предполагающий наличие комплекса монографий, статей и теоретических учебников. Научные издания монографий (особенно «Экономическая теория в XXI веке»), сборников научных трудов, статей под редакцией Ю.М. Осипова содержат результаты теоретических и (или) экспериментальных исследований. Монографии содержат полное и всестороннее исследование проблем философии хозяйства в контексте экономической науки и не только, объединенных общностью замысла, тематики, целевым и читательским назначением, выходящих в однотипном оформлении.

Сборники трудов научной школы Ю.М. Осипова представляют собой исследовательские материалы научного сообщества не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья.

Таким образом, школа философии хозяйства соответствует традиционным критериям и критериям нового времени.

В соответствии с «Общероссийским классификатором видов экономической деятельности» [2] к фундаментальным научным исследованиям относится экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей природной среды. Прикладные научные направления составляют исследования, нацеленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач. Фундаментальная наука ставит своей целью создание таких теоретических концепций и моделей, практическая ценность которых не только не очевидна, но и сами они зримо, строго естественнонаучно недоказуемы. Классическими примерами могут служить идеи трудовой стоимости или предельной полезности, транзакционных издержек, которые открыли новые перспективы перед взором ученых всего мира.

Ментальные мотивы научной школы Ю.М. Осипова восходят к идеям С.Н. Булгакова, который в своих интеллектуальных поисках обратился к божественному началу. Там он пытался искать ответы на вопросы социальной справедливости, всестороннего развития личности и т. п. Ю.М. Осипов предлагает обратиться к «софии», или хозяйственной мудрости, субстанции философии хозяйства, направляя, таким образом, человечество для решения важнейших жизненных проблем, к интеллекту в иной — «знаниевой» — форме, которая не есть наука в полном смысле и не религия. «Всякая принципиальная проблема есть окно, через которое мы смотрим на мир, конечно, при этом оно до известной степени окрашивает для нас этот мир своими цветными стеклами, то, что открывается через данное окно или вообще через разные окна, неизмеримо шире и значительнее, нежели самые окна, и по своему содержанию и объему различается между собой гораздо менее, нежели окна, эти лишь зрительные отверстия. Роль такого окна в моем философствовании, — отмечал С. Булгаков, — сыграла проблема экономизма, однако и в этой специфической и для многих, быть может, странной форме передо мной стали те же самые вопросы, которые вообще становятся пред философствующим сознанием, те же самые загадки бытия, которые от века Сфинкс жизни задает любознательствующим Эдипам. И в конце концов все они спрашивают об одном — о смысле жизни, иное содержание не имеет и не может иметь

философия, достойная своего имени и подлинно проникнутая любовью к мудрости, а не к умным ненужностям» [3, 326]. «София» как принципиальная проблема есть окно, через которое пытается «увидеть» ответы на вопрос о смысле жизни Ю.М. Осипов.

Идеи Ю.М. Осипова во многом являются «векторными» в развитии, скажем привычно, современной научной экономической и гуманитарной мысли. Так, экономический постмодерн Ю.М. Осипов назвал финансовикой, поскольку экономические параметры не возникают, а делаются глобальной финансовой структурой. Высказывание Ю.М. Осипова о следующем этапе развития глобальной экономики как управленческого тоталитаризма воплощаются в жизнь [4].

Футурологи, думающие о будущем, в конце прошлого века отмечали, что современная наука недооценивает познавательные и образовательные возможности искусства [5, 449]. И здесь можно только констатировать, что школе философии хозяйства не чужды философско-литературные изыскания — вышли монографии по Ф. Достоевскому, Н. Гоголю, Л. Толстому, М. Булгакову и др. Исследовался даже такой китчевый феномен, как гламур.

Торможение зарождающихся интеллектуальных концепций, как правило, происходит из-за двух причин: 1) из-за отсутствия у людей, которые профессионально призваны воспроизводить интеллектуальный потенциал общества, способности понимать подлинные ценности и воспринимать изменения; 2) из-за отсутствия в обществе демократических институтов, ориентированных на поддержание свободы и плюрализма.

Причем, если творческие люди или творчество в людях — дар природы, то наличие демократических институтов и свободы — рукотворный «дар» обстоятельств, результат сознательного выбора общества конкретной нации. Эти два момента не связаны между собой причинно, но их нечастное совпадение способно создать новые интеллектуальные силы, которым по плечу иное видение проблем и способов их решения.

Феномен философии хозяйства Ю.М. Осипова есть счастливое совпадение природы и времени, времени свободы, которого не было в России почти весь XX в., и творческой природы конкретного человека. Чем больше российское общество будет ценить и отстаивать свободу, тем лучше и плодотворнее будет в нем жить интеллект, тем больше шансов для открытий.

Будем надеяться, что у Ю.М. Осипова еще надолго и на многое хватит творческих сил, чтобы, развивая философию хозяйства, утверждать в России свободу мысли, появившуюся благодаря новому

времени, сбросившему оковы тоталитаризма и позволившему многообразно раскрыться российскому интеллекту.

Литература

1. *Гачев Г.Д.* Русский мыслитель Юрий Михайлович Осипов // *Философ хозяйства* (к 65-летию Ю.М. Осипова) / Под ред. Е.С. Зотовой. М.; Екатеринбург, 2006.
2. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=34086>.
3. *Булгаков С.* Философия хозяйства. М., 2008.
4. *Осипов Ю.М.* Экономика в лучах философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2003. № 2.
5. *Коатс Дж., Джерретт Дж.* Во что верят футурологи: с чем соглашаются и с чем спорят // *Впереди XXI век. Антология современной классической прогностики*. М., 2000 г.

В.А. ГОРДЕЕВ

Учитель

Замечательное это дело — входить в мир русских гениев, стараться понять их, выработать отношение, но... и вступить в диалог, иной раз и в полемику, но не литературоведчески и не биографически, а мировоззренчески, переплетая дух свой с их духом, размышляя напряженно об общем нам всем духе российском, о русском сознании и самосознании, о России, но и человечестве тоже, о прошлом, настоящем и будущем, о Земле и мироздании, о великой тайне распростершегося вокруг бытия!

Ю.М. Осипов. Иное

Аннотация. Размышления о пути ученого и исследователя Ю.М. Осипова, которого автор называет своим Учителем.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, философия хозяйства, наука.

Abstract. Thoughts about the way of a scientist and researcher Yu.M. Osipov, who the author names the Teacher.

Keywords: Yu.M. Osipov, philosophy of economy, science.

У Юрия Михайловича юбилей. Цифра, наверное, не имеет значения. Или имеет? Речь, разумеется, не о штампе-стереотипе, что только женщине бестактно напоминать ее возраст после достижения совершеннолетия. А дело в том, что категоричность даты годится лишь для тех, кто мучается от пустопорожнего мельтешения мелкотности и ужасается юбилею как приближающемуся концу земного существования. Иное — для находящихся в пути *Великого осмысления сущего*. А это уже об Осипове. И что тогда юбилей и точность количества прожитых лет? Еще одна точка-момент на Великом пути.

Пути, конечно, не в самолетно-вагонном смысле, хотя и он наличествует: Юрий Михайлович колесил, колесит и будет неустанно колесить по всему свету, но это форма, один из методов, а содержание пути — постоянное осмысление Сущего. Ведь не случайно этот мастер Слова нашел главное проявление своей родственности с великим А.С. Пушкиным в том, что тот тоже Сущий.

Конечно, только с годами человеку есть что сказать, подводя итоги. А такой Сущий Человек, как Юрий Михайлович, может с законной гордостью отметить, что создано неповторимо-уникальное: двадцатилетнее существование Центра общественных наук, а затем и лаборатории философии хозяйства, Философско-экономического ученого собрания, журнала-альманаха «Философия хозяйства», и вот теперь еще Академии философии хозяйства. Заявлено новое научное направление, которое в то же время не только научное направление. И все же... все это как бы в начале пути, распахнуто на предстоящую куда более громадную работу осмысления сущего и через это поиск возможностей спасения заплутавшего человека и человечества. Почти десять лет назад, итожа прожитую свою жизнь, поэт Владимир Корнилов, с изумлением заметил:

Не итогом, а только прологом
Оказались и жизнь, и судьба:
Убежавшим с уроков пророком
До сих пор ощущаю себя... [1].

Поэтому сегодня, осмысливая громадность предстоящей Юрию Михайловичу работы, тянет пожелать, как обычно водится, сбросить ему пару десятков годков и тогда бы... но ведь тогда бы это был не сегодняшний Юрий Михайлович, вплотную приблизившийся к осознанию целостности распростершегося мира и огромности его философско-хозяйственного осмысления. Как бы от имени Ю.М. Осипова полвека назад советский поэт Степан Щипачев резонно по этому поводу воскликнул:

На жизнь свою я не хочу пенять,
Готов любую непогоду встретить.
В делах поденных пронизал меня
Свет подступающих тысячелетий.

Правда, сегодня, с позиции философии хозяйства у подступающих тысячелетий не только и не столько свет, сколько тьма, но пронизанность этим светом-тьмой заставляет Человека Сущего еще неустаннее искать осмыслением путь к свету без тьмы. И тут нельзя не вспомнить применительно к нашему дорогому юбиляру слова Александра Блока «И вечный бой, покой нам только снится!» — или известной советской песни «Счастье меня дома не застанет — я в дороге, я в пути!».

Тем более что богатырский путь осмысления сущего приходится сопровождать разъяснением непонимающим сути осмысленного, специфики философии хозяйства. А понимание этого дается для многих, а может, и для каждого не просто, порой мучительно трудно. «Кто-то нас принимает, кто-то поддерживает, кто-то всего лишь любопытствует, а кто-то и работает вместе с нами, осознавая важность и нужность философско-хозяйственного подхода, чуя его гносеологические и проективные возможности», — с законной гордостью констатирует Юрий Михайлович и тут же с горечью честно признает: «Это не значит, что у философии хозяйства нет противников, они, естественно, есть, и их немало — непонимающих, невоспринимающих, отвергающих» [2, 8]. Это, естественно, вызывает живые эмоции живого человека, но эмоциями не объяснишь непонимания многих — Юрий Михайлович видит и осознает объективный «камень преткновения»: «Это и понятно: философия хозяйства способна гулять за пределами науки, но при этом и не в поле обычной философии...» [2, 8]. Ну как такое просто-быстро осознать обычному ученому, привыкшему к институциональным правилам-традициям устоявшейся и привычной науки?

И снова, и снова родоначальнику современной философии хозяйства приходится учитывать тормоза социальной психологии любопытствующих, но непонимающих: «Обычно считается, что философия хозяйства есть офилософствование экономической науки, теоретической экономики, даже и политической экономии, но это не так, даже совсем не так (заметим это “даже”, но перед ним словосочетание “но это не так” без этого “даже”, что совсем не зря сформулировано именно таким образом в первом и втором случае. — *В.Г.*), ибо философия хозяйства есть вытягивание философии — специфической философии! — из самого хозяйства, а хозяйство при этом вовсе не экономика, а все в целостности жизнеотправление человека-человечества. Ничего из явно или неявно наличествующего и в мире человеческом не исключаящего, в том числе идеального, духовного, метафизического, трансцендентного» [2, 8].

На пути такого осмысления поджидает, к сожалению, не только радость от самого процесса осмысления, но и... ужас от содержания осознанного. «Человек поименовал данный ему мир, открывая либо

придавая смыслы, и, обогащая себя имясмыслами, обучился оперировать с миром, включая самого себя, да так, что стал превращать данный ему мир в мир, им самим (человеком) взятый, а потом и вовсе создаваемый. Пользуясь имясмыслами, умножая их, человек, устремляясь от природы к неприроде, создавал свой собственный, уже совершенно человеческий, мир, соответствующим образом его и именуя», — констатирует философ хозяйства [3, 10]. И что же в итоге? Человек Сущий отмечает: «В итоге искусственный мир обошел в идеальном плане мир естественный, и мир человека стал более миром имясмыслов, чем собственно вещей. Понятия захватили в свой плен понимаемое, это последнее все более зависело от понятий, а сами понятия от... понятий. Имясловный мир совершенно одолел не только естественный мир, но и вообще всякий реальный мир, включая и внешний искусственный. Имя стало во многом служить самому себе, имена утрачивали связь не только с реальностью, но и с самими собою. Все больше появлялось имен-пустоток, имен-симулякров, имен-мотыльков, а смыслы если где-то и высказывались, то по большей части обратные (смыслы-оборотни)... Сотворенный человеком мир вдруг как-то взял да и обернулся против человека. Мир-оборотень! Где созидательные думы, где доверительные разговоры, где необходимые взаимопонимания? Вокруг лишь идеословный, он же и имясмысловый, апокалипсис... Эпоха информации обернулась эпохой вертлявой дезинформации, а эпоха знания — эпохой кругового незнания. Расчеловечивание человека и деконструкция мира! Царство антимира!» [3, 10—11].

Ну как тут не ужаснуться от полученной картины? Но человек призван не только ужасаться, но и искать пути выхода. Это и делает своим осмыслением Юрий Михайлович.

Для меня он Учитель в том благоговейном смысле, какой вкладывал мой земляк Н.А. Некрасов, воскликнувший: «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени». А удел и обязанность учеников — соучаствовать в деле Учителя.

Литература

1. Дружба народов. 2002. № 2.
2. *Осинов Ю.М.* Год тринадцатый: год М.В. Ломоносова и год С.Н. Булгакова // *Философия хозяйства*. 2011. № 1.
3. *Осинов Ю.М.* Смысл и имена // *Философия хозяйства*. 2011. № 2.

Т.Н. ЮДИНА

**Матрица Ю.М. Осипова — ИНОЕ
(ренессанс русской софийной философии, в том числе
философии хозяйства, перестроение и...
новое домостроительство)**

Мой путь иной — без выверенных фаз,
Мне суждено
Брести до цели мира,
Вполне не ведомой — в веках!

Ю.М. Осипов. Иное

Русская софийная философия, существенной частью которой является философия хозяйства — *философия иного* — как иных обо всем мирском представлений, иных человеческих ожиданий и интенций, так и иного пути в будущее.

Ю.М. Осипов.

Русская софийная философия

Аннотация. Статья посвящена исследованию вклада профессора Ю.М. Осипова в мировую науку в контексте ренессанса русской софийной философии и философии хозяйства.

Ключевые слова: иное, ренессанс философии хозяйства, русская софийная философия, теория хозяйства.

Abstract. This article investigates the contribution of the professor Yu.M. Osipov in the world science in the context of renaissance of Russian Sophian philosophy and philosophy of economy.

Keywords: alternate, renaissance of philosophy of economy, Russian sophian philosophy, theory of economy.

2011-й год — юбилейный год для М.В. Ломоносова, Ф.М. Достоевского, С.Н. Булгакова, М.А. Булгакова и др. В этом году Россия отпраздновала 150-летие великих реформ императора Александра Николаевича Романова (Александра II). В 2011 г. свое семидесятилетие отмечает *философ хозяйства* Юрий Михайлович Осипов, прижизненным памятником которого является *ренессанс философии хозяйства* как маяка *теории хозяйства, или начал высшей экономики*, и разработки новой парадигмы экономического развития России — *перестроения*.

В некотором смысле мне как историку экономической мысли отведена роль «летописца» по трем причинам: во-первых, тридцатипятилетнее знакомство с профессором Юрием Михайловичем Осиповым (еще в мои студенческие годы в *alma mater*); во-вторых, пятнадцатилетнее научное сотрудничество с Ю.М. Осиповым в рамках созданных им Центра общественных наук, Философско-экономического ученого собрания и Академии философии хозяйства: соучастие в многочисленных научных международных конференциях, симпозиумах, малых университетских форумах, теоретических семинарах, круглых столах, а также в поездках по стране и за рубеж; в-третьих, будучи кандидатом экономических наук, написала рецензии на труды доктора экономических наук Ю.М. Осипова [1—4]. Следует вспомнить, что ренессанс философии хозяйства в МГУ начался в 1990 г., когда вышла в свет книга Ю.М. Осипова «Опыт философии хозяйства» [5].

Сама философия хозяйства, предметом которой является мир как хозяйство как мировоззренческое знание, «не исключает ничего из целостного представления о целостном мире, а поэтому не чуждо ни материального, ни идеального, ни имманентного, ни трансцендентного» [4, 127]. Это отрасль философии, в то же время ее корни — в хозяйствоведении [4, 120]. Философия хозяйства предстает более отраслью хозяйствоведения, чем отраслью философии, хотя и является отраслью философии, из которой вышла теоретическая экономика [4, 120]. Что касается теории хозяйства, то это не философия хозяйства как таковая, хотя в ней есть и то, что способно войти в философию хозяйства в качестве ее части. Любая научная теория по сути моноаксиоматична, моноконцептуальна, моноцентрична, она не может быть эклектичной по определению. Теория хозяйства — целостное знание о целом. Она прочна, так как ни ее парадигмально-аксиоматический центр, ни весь ее содержательный объем не имеют заведомо предположенных дыр. Такой *корабль спасения* вполне не протекает и непотопляем.

Действительно, философия хозяйства, теория хозяйства стали для многих членов нашего содружества ученых *интеллектуальным кораблем спасения*, так как формирующееся и развивающееся мировоззренческое знание помогает осмыслить происходящее в глобализирующемся апокалиптическом мире; провести фундаментальное исследование, используя философско-хозяйственный метод анализа (например, это показала реализация нашего научного проекта «Эволюция учения о домостроительстве в контексте формирования экономической системы России (конец IX — начала XX в.)»), сформировать философско-хозяйственное интеллектообщество в смысле интеллекта и этики, ме-

тафизики и интеллекта, а также особую интеллектуальную среду и интеллектпродукт.

«*Опыт философии хозяйства*» Ю.М. Осипова — ИНОЕ в фундаментальной экономической науке, которая называлась первоначально политической экономией, в настоящее время — экономической теорией. Сделана попытка не перепевать «западные зады». Новая философия хозяйства, разрабатываемая Ю.М. Осиповым, — попытка раздвинуть рамки политической экономии и развить теорию хозяйства. Философия хозяйства — это *специфическая уникальная отечественная экономическая мысль*, которой нет на Западе. Что касается Востока, то, на наш взгляд, *конфуцианство* предстает как *китайская философия хозяйства*, которая показывает связанные между собой экономическую мысль и науку, хозяйственную политику и практику Поднебесной. Вполне актуальна связь конфуцианства и модернизации (реформ) китайской экономики (Ф.И. Гиренок — специалист в области философской антропологии — утверждает, что в каждом китайце — конфуцианец).

У философии хозяйства есть *античные корни*. Известно, что философские начала наук заложил Аристотель Стагирит. Великий русский мыслитель «вся России» и «весь в Россию», ученый-энциклопедист Михаил Васильевич Ломоносов любую науку предварял философским началом. По Ломоносову, есть философия физики, философия химии, философия геологии, философия хозяйства и т. д.

Философия хозяйства сегодня — это не только мировоззренческое знание и метод исследования, но и подготовленный профессором Ю.М. Осиповым курс лекций [4], который ждет своих слушателей. Настоящим достижением Центра общественных наук, Философско-экономического ученого собрания и Академии философии хозяйства является 15-томный труд «Экономическая теория (ранее — на пороге XXI века) в XXI веке» под редакцией Ю.М. Осипова — престижное собрание научных работ, прежде всего по фундаментальной и прикладной экономической теории, которые имеют или хотят приобрести заведующие кафедрами экономической теории российских и зарубежных вузов. Почему? — В этих книгах есть — ИНОЕ — то, чего нет в вузовских учебниках экономической теории и экономиксах, — философия хозяйства и теория хозяйства. Ю.М. Осипов предлагает не модернизацию, а *перестроение России* [6].

Самое сложное ИНОЕ в силу неопределенности учеными Софии заключается в русской софийной философии, у истоков которой стоит С.Н. Булгаков. По Ю.М. Осипову, «софийная философия, составной частью которой является философия хозяйства, как, собственно, и на-

оборот (!) — не откровение Божие, а откровение человеческое, однако совершенное на траверсе и в направлении Божиим, как и, надо полагать, по Господней интенции при непосредственном участии Софии, а потому участь такой не совсем человеческой философии хозяйства известна — быть широко не признанной и в общем-то отвергнутой самодостаточным человеком, а ежели вдруг и счастливо просиять, то уже в самом конце последних времен!..» [7, 15].

Русская софийная философия и философия хозяйства связаны с учением о Софии и домостроительстве, которые представлены церковными [8, 778—787] и светскими научными трудами [9, 218—254]. По церковному, каждый храм — «Дом Премудрости» (Софии) — Дом Иисуса Христа, о которой говорится в 9-й Притче Соломоновой [8, 780]. В брошюре «Ренессанс философии хозяйства» подчеркнута: «Дом — главный символ, принцип библейской Премудрости, через которую идет самораскрытие трансцендентности Бога в Доме природы, в Доме народа, в Доме семьи, в Доме души и ума, в Доме знания. Символ Дома выражает дух согласия и мира, сплывающий людей в малые и большие общности, в царства» [7, 11]. Русская софийная философия с ее учением о домостроительстве, которое может быть исследовано, согласно П.А. Флоренскому [10], с использованием комплекса наук: богословских, юридических, экономических, антропологических и др., в настоящее время решает проблему *нового домостроительства*. Оно будет определяться не настоящим, прошлым и будущим, а вечным. Действительно, матрица Ю.М. Осипова — ИНОЕ.

Искренне благодарю Вас, многоуважаемый Юрий Михайлович, за ренессанс русской софийной философии, философию хозяйства, теорию хозяйства, за интеллектуальную поддержку. Многая и благая лет Вам, Юрий Михайлович!

Литература

1. *Юдина Т.Н.* Выход в новое смысловое пространство // Философия хозяйства. 1994. № 4.
2. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства. Начала высшей экономики: В 3 т. М., 1995—1998.
3. *Юдина Т.Н.* Корабль спасения // Философия хозяйства. 2004. № 3.
4. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства: В 3 кн. с прилож. М., 2003.
5. *Осипов Ю.М.* Опыт философии хозяйства. М., 1990.

6. Российское перестроение: социум, политика, экономика. По итогам Международной научной конференции — V Малого университетского форума, 2—4 декабря 2009 г. М., 2010.
7. Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2011.
8. Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское мировоззрение. М., 2003.
9. Юдина Т.Н. Домостроительство как экономическая система: история, методология, теория. М., 2010.
10. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1914.

Ю.М. ОСИПОВ

С.Н. Булгаков: цена прорыва

Аннотация. С.Н. Булгаков (о. Сергей) совершил творческий подвиг, прорываясь через наработанную веками словесно-текстуальную пелену и выйдя на иное, трактуемое через посредство Софии Премудрости Божией.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, философия, русская софийная философия, философия хозяйства.

Abstract. S.N. Bulgakov (Pater Sergius) has made a creative deed, breaking through the verbal-textual veil accumulated for centuries and went out into the other, interpreted through the Sophia Wisdom of God.

Keywords: S.N. Bulgakov, philosophy, Russian Sophian philosophy, philosophy of economy.

Истории хорошо известен брусилковский прорыв на русско-австрийском фронте в Первую мировую войну, а теперь вот витиеватой истории придется признать... булгаковский прорыв, но уже в сфере духа, интеллекта и знания, осуществленный примерно тогда же — в период гигантских евро-российских социальных потрясений и геополитических пертурбаций.

И ежели генерал Брусилов прорывал со товарищи армейскую укрепленную линию, надеясь обрести оперативный простор в Европе и одержать победу в чуждой ему и России войне, то Булгаков прорывал не менее прочную, чем армейская оборона, физико-научную завесу, надеясь выйти на размыслительный простор в метафизическом поле, не смущаясь и выходом на творческий контакт с самим Господом Богом.

И ежели Брусилова вдохновлял и вел вперед Георгий Победоносец, то Булгакова вдохновляла и вела сама божественная София, она же и София Премудрость Божия.

Генерал Брусилов не успел одержать победу в великой войне, хоть и стал в критический момент главнокомандующим всей русской армии — революция в России помешала, но и протоиерей Булгаков, хоть сам лично, надо полагать, и вышел непосредственно к Господу Богу, чему доказательством послужило сакральное просияние лика его перед кончиной, не одержал на идейно-духовном фронте никакой убедительной победы, хоть и не проиграл, как и генерал Брусилов, ни одного сраже-

ния. Однако за тем и другим героями новейшей евро-российской истории остались вполне убедительные прорывы — брусиловский прорыв в памяти военных академий и гражданских учебников, а булгаковский — в сознании немногих добровольно посвященных в это великое деяние.

Брусиловский вклад в военное дело внимательно изучается стратегами всего мира (хоть и осуществлял практически сам брусиловский прорыв командарм Каледин, в последующем несчастливый атаман Великого Войска Донского), а вот булгаковский вклад в идейно-духовное дело нигде и никем столь обстоятельно, а уж тем более — обязательно, не изучается.

Отчего же так не повезло Булгакову?

Виноват тут, конечно, прежде всего сам Булгаков — экономист, философ, литератор, богослов, ибо писал, исключая экономические труды, сложно, не слишком восприимно, хотя и стилистически великолепно. Не столько мысль уготованную он выписывал, чтобы дидактически понятным всем быть, сколько прямо текстуально и мыслил, чтобы мысль текущую ухватить, привлечь ее, даровать другому — как раз ту самую мысль, которую словами не выразить, а вот в межсловии при желании, и некотором умении выставить вполне можно, как и поймать ее, разумеется, глубоко при этом размышляя. Так что не мысль готовую брать надо у Булгакова, хотя этого добра у него предостаточно, а ловить мысль неизреченную, с которой у Булгакова лишь дружба была вольная, но уж никак не прикладное ее освоение.

Уже поэтому мало понят Булгаков, а то и вовсе не понят, ибо понимать-то надо не Булгакова как такового, его тексты и слова, а то самое, с чем Булгаков лишь стоически взаимодействовал, никак по-профессорски не заигрывая.

Но не только этим виноват перед образованным человеком Булгаков — своей недословностью, недосказанностью и недословленностью, но и... о-о!.. это куда как преступнее... своими открытиями... нет, не чего-то нового вовсе, хоть и была у него повсюду новизна, а... *иного*, причем иного в двух ипостасях — как иного понимания всего совершенно обычного, уже взятого умниками и хорошо осмысленного, и как выхода вообще на иное, как раз на то, чего не взять и что взятым быть просто не может. Читать Булгакова не просто трудно (здесь настоящий потребен труд), но и... весьма опасно, ибо обнаруживается вдруг, что все, почти все, или же очень многое из ранее прочитанного и усвоенного оказывается... под вопросом, да такого размера вопросом, что и не по себе становится, как и обнаруживается, что есть *что-то*, наличие чего образованный и умный интеллект никогда и не

подозревал, мало того, это-то *что-то* все или почти все вокруг и определяет.

И выходит вдруг, что от всего, или почти от всего, или очень уж от многого надо... избавляться, а если и не избавляться совсем, то тщательно пересматривать, преодолевая. А делать такое кому ж из образованных и умных захочется, ежели повсюду науки, теории, концепции, еще и академии, университеты, энциклопедии, мало того, журналы, книги, диссертации, как и симпозиумы, конференции, конгрессы, наконец, звания, степени, должности... о-ох!.. опять же пособия, гранты, премии... и все это почему-то совсем не о том, о чем писал этот бунташный, дерзкий и прорывной Булгаков, будоража неуклюжее изображение, раздражая упорядоченный интеллект и вызывая устойчивое к себе неприятие.

И была найдена формула: да, был такой оригинал и подвижник, выказывал кое-что занятное, но... ни системы от него, ни бесспорных заключений, ни практической пользы, в общем — межнаумок какой-то, что-то искавший, но ничего так и не нашедший, хоть и с творческой потенцией, конечно, был, но, увы, без удобоваримой завершенности. А если что-то и сформулировал, и предложил, и даже отстаивал, то все, или почти все сомнительное, не заказанное, к тому же не скомпонованное, не обструганное, не отточенное. Что говорить, большой талант, почти что гений, а, может, и впрямь гений, но... либо не так и не до конца состоявшийся, либо не туда захавший, либо просто покрупному ошибшийся! Так что, увы, упоминания, конечно, заслуживает, даже и цитирования, но освоения, изучения, следования... никак нет, ибо везде он в общем-то *еретик*, — и вовсе не в одном только богословии, а еретик есть еретик — тот самый злостный уклонист и ниспровергатель, который, может, и привлекает внимание, но лишь для критики его заносчивых трудов, от них решительного отталкивания, их неперменного опровержения.

Булгаков, как и многие его соратники по русскому софийному цеху (предшественники, сотоварищи и последователи), заслужил лишь суда над собой со стороны «нормальных» и «правильных» экономистов, философов, богословов, да что суда — и строгого приговора тоже — с осуждением, отвержением, как и забвением тож, что, собственно, и возымело место, хоть и по разным мотивам — идейной вражды, как у марксистов-большевиков; негласного непонимания, как у широкого образованного класса, прозрительного неприятия, как у до кое-чего догадывавшихся квалифицированных остроумцев; законного несогласия, как у вполне оправданных религиозной сообразностью ревнителей христианского благочестия.

Понял почему-то Булгаков, а может, *что-то (!)* заставило его понять, что чистая наука, эта стройная физика, содержит относительно человека, общества и мира в целом слишком много надуманностей, искажений, недоговоренностей, а то и попросту лжи; что сам по себе гордый человек-демиург вовсе никакой не правдоносец, а всего более для себя великий лжец; что мир вокруг вместе с человеком его совсем не таков, каким его рисует «точная наука», замешанная на материализме, прагматизме, экономизме и атеизме; что движение мира человеческого по пути ренессансно-просвещенческого гуманизма и безграничного научно-технического прогресса вне идентифицирующего сарказма и остерегающей трансцендентности погибельно. И не только текущая реальность, полная противоречий, борьбы, насилия и ненависти, готовившаяся разорваться громоподобно в войнах и революциях, не устраивала Булгакова, но и ее — этой реальности — умственное отрицание: что в виде фрондирующей негативистской философии, «научно обоснованного» переворотного марксизма, что в лице развороченной и все более обесмысливавшейся культуры. Булгаков вдруг ясно осознал, что сам человек и есть главная апокалиптическая проблема, что либо человеку назад и вперед к Богу, к Христу, к Софии, либо человека и мир его ожидает впереди лишь одна апокалиптическая тщета.

Все началось у Булгакова с критики марксизма и Революции, их преодоления, продлилось обращением к идеализму и метафизике — уже постнаучным, а кончилось... нет, не антихристом и сатаной, как у многих его предшественников и современников, в том числе и однофамильных, а вдохновляющим и вполне продуктивным контактом с Софией Премудростью Божией, позволившей ему софийно поразмысливать — прозорливо и без всякой надежды на скорое понимание, но зато ответственно, бодро и с верой в просматриваемое им грядущее.

Ах, если бы все дело было только в высказанном Булгаковым, в изложенных им на бумаге текстах, в возможном учении, которое он, наверное, мог бы предложить страждущим, но не предложил, хорошо сознавая, что учение великое уже есть и что не хватает лишь к нему творческого тяготения, а потому не учение свое он создавал, хоть и богословствовал активно, а обосновывал необходимость сознательного — через Софию — отношения к уже давно имевшемуся великому учению, а затем и творческого по жизни и хозяйству его человеческого применения.

Догма всегда несомненна, ибо в противном случае она вовсе не догма, но есть догма, так сказать, догматическая, а есть догма все-таки творческая: и вот, полностью и беспрекословно уважая христианскую догму, Булгаков, он же о. Сергей, ищет догматического же разрешения

актуального богословского вопроса — о Софии Премудрости Божией, от Бога исходящей и так или иначе Им человеку даруемой.

Зачем? Чего не хватало Булгакову? Какую истину жаждал обрести о. Сергей?

Понял Булгаков, что к вульгарно трактуемой эффективной-де экономике хозяйство человеческое не сводится, что хозяйство есть реализация самой жизни человеческой, что производство жизни существеннее и важнее производства благ, а потому и подошел к хозяйству по-философски, пытаясь выйти за пределы ограниченной в своих задачах и разрешениях политической экономии, отчего и вышел на *философию хозяйства*. Тут и обратил он внимание, что человек не отделим не только от природы, но и от Бога, без которого и человека-то никакого нет, а есть лишь одно животное, а потому уяснил себе, что хозяйство человеческое есть непременно и хозяйство божественное, а в силу отрыва человека от Бога и полагания человека на самого себя хозяйство человеческое имеет возможность быть и антибожественным. И чтобы различать качество, направление и последствия человеческого хозяйствования, обратился Булгаков ко вполне божественному критерию — к Софии Премудрости Божией, обратив внимание как на софийность человеческого хозяйства, так и на его антисофийность. А ведь софийность напрямую и накрепко с деньгами и капиталом не связана, зато с ним напрямую и накрепко связана антисофийность. Отсюда и *мера* — мера вынужденного допущения антисофийности и мера приоритетного призвания софийности.

Софийность — не выгодность, не польза, даже не эффективность, это — жизнеутверждение человека во взаимном признании, уважении и любви человека к человеку, что возможно лишь при императивном признании человеком Господа Бога, со стороны его уважения и к Нему со стороны человека любви.

София — мудрость, а ежели София Премудрость Божия, то София — мудрость Бога, его принадлежность, свойство, способность, как и его эманация. Человеку тоже присуща мудрость, пусть и не каждому из человек, однако человеческая мудрость — не Божья Премудрость, поскольку она в любом варианте относительна, предельна и в той или иной степени сомнительна. Только София Премудрость Божия лишена отмеченных слабостей и ограничений, ибо она абсолютна. Да, она не известна человеку, хотя суждения о ней человек иметь может, но зато она негласный, бессловный, нетекстовый ориентир для человека... мудрствующего, строгий критерий его мудрых или же просто мудроподобных действий, их надежный судия.

Почему же все-таки София, а не то же Слово-Логос? Дело в том, что мудрость — от молчания, от дословности, от межслова, она пря-

мо от скрытого, никак еще не изреченного, но сказанного, не обозначенного, не отформулированного смысла, в чем-то даже еще до-смысла, от пока еще замысла, проекта, намерения, интенции, от еще только подуманного, откуда-то извлекаемого, родящегося, как и, разумеется, про-роческого, про-видческого, про-виденциального, а потому и не мудрость только у Бога, а *пре-мудрость*, *до-мудрость*, в общем — София Премудрость Божия.

И именно этой самой премудрости всегда не хватает человеку, который всего, и, конечно же, главного, не знает и не имеет никакого шанса узнать это все, но человек может дополнить свое знание *знанием незнания*, что и приводит его к Абсолюту, к Трансцендентному, к Богу, а по жизни человеческой — к метафизике, философии, религии, а через них прямо к Софии Премудрости Божией.

Вначале и в Начале было Слово, и Слово было Бог. Верно! — ежели иметь в виду сотворяемый и сотворенный мир, включая и человека. Без Слова нет ни мироустроения, ни мира, ни человека. Но ничто не мешает предположить, что была и есть *идея* мира, его замысел, его лишь предчувствование, еще только в интуиции, следственно, и в до-словии, в проекте. Тут-то более всего и место Софии, ее и только ее роль, возможность быть и... действовать, в том числе и через Слово-Логос.

Идея!

Кто знает, что такое идея? Идея частицы, камня, травинки, коровы, волка, мироздания, природы, человека, да и самого Господа Бога... а-а? Разве идея это слово? Идея, конечно, ближе всего к смыслу, но смысл это все-таки не сама по себе идея, ибо идея смысл задает, который идею лишь проявляет. Идея, надо полагать, от Абсолюта, от Трансцендентного, от Софии, а смысл, знаете ли, уже в относительном, имманентном, тварном, хоть и несет в себе что-то от абсолютно-го, трансцендентного, софийного.

И вот почему же Булгакову, как и иным русским мыслителям апокалиптического рубежа XIX и XX вв., не «запасть» было на Софию, на это совершенно запредельное, но являющееся заботливо в предельном, *что-то*, что и с Богом в единении, и с человеком в дружбе, что и подсказчик человеку и судия его одновременно, что источник знания и... само знаниево здание («И созда Премудрость себе храм»)? Более того, почему же было не придать было Софии особого значения, да не где-нибудь, а прямо в христианской догматике?

Нет, мы не собираемся тупо солидаризоваться со всем высказанным Булгаковым по поводу Софии — тут есть вопросы, ждущие обстоятельного разрешения, мы лишь хотим понять Булгакова — великого русского мыслителя эпохи жуткого, неотвратимого и необъясни-

мого российского апокалипсиса (кризисов, реформ, войн, революций, крахов, падений, восстаний, концов, возвращений), увидевшего в Софии не одно лишь свойство-эманацию Бога (Божественной Троицы), но и Его и Ее (Троицы) ипостась, а вследствие, наверное, творчески-рождественной природы Софии — *ипостась женскую!*

И не ошибся тут вовсе Булгаков, как и ничего он тут не учудил, скорее, если и ошибся, то вполне и сознательно, может, и кое-что даже... ошибочно... учредил, но... разумеется... нет, не проиграл вовсе, хоть и не выиграл, пожалуй что, лишь пострадал по-крупному, но что есть истина без страды по ней, без борьбы и жертвы, без столкновений и тщета?

Цена прорыва!

Большая цена, что говорить: трудами, беспокойством, сомнениями, исканиями, решимостью, убежденностью, но и всей жизнью, всем творчеством и всей личностью, всей судьбой! Очень большая цена, поиск, работа, утверждения, признание, но и отвержение тоже, и суд, и приговор, наконец... кое-какая память и... тоскливое забвение, за которым вдруг воскресение... с непониманием, критикой, небрежением. Трансцендентная цена!

Но путь, путь-то какой: осознанный, смелый, самоотверженный, путь гения-первопроходца и... чуть ли не героя-одиночки и... неудачника, однако названного почему-то сразу же после его сакрализованной смерти... *апостолом!*

Н. ЧЕРНОКРАК

Отец Сергей Булгаков — русский мыслитель в Париже

Аннотация. Размышления автора о роли личности о. Сергия Булгакова в русском богословии и культуре.

Ключевые слова: Сергей Булгаков, богословие, православная церковь.

Abstract. Reflections on the role of personality of Pater Sergij Bulgakov in Russian theology and culture.

Keywords: Sergij Bulgakov, theology, Orthodox Church.

На закате XIX в. в русском богословии и культуре выступает величественная личность о. Сергия Булгакова. Его жизненный путь был непрост. По его же словам, от Бога ему был положен удел «труден».

Вопросы, которые задавал его пылкий ум, как себе, так и другим, были всегда острыми. Еще в духовном училище (1881—1884), а затем в Орловской Духовной семинарии (1884—1886), Серёжу Булгакова, сына священника, стали волновать проблемы, которые окружающей его провинциальной средой — духовной школой и церковным приходом — не могли быть разрешены. Поэтому, поступив в гимназию, а потом в университет, он вскоре становится профессором экономики (Киев, Москва), а по идеологическому убеждению марксистом. Как потом позже он сам признается, в среде интеллигенции он был отравлен ядом революционных устремлений. И хотя его вера во Христа полностью не затухает, она все же довольно сильно затмевается. Но что особенно важно отметить — где-то глубоко в подсознании Сергей Булгаков воспринимал в то время свой атеизм и нигилизм как платье, которое он носил с «чужого» плеча. Это, впрочем, не мешало ему, по свидетельству современников, быть выдающимся мыслителем в своей научной области.

Начало нового столетия знаменуется для Сергея Булгакова постепенным возвратом в лоно Православной церкви.

В 1905 г. он еще участвует в подготовке Революции, но само революционное зрелище ему кажется глубоко отвратительным.

Как это ни странно, но именно Революция 1917 г. открывает ему путь к священству.

Высланный затем советской властью из России в 1923 г., отец Сергей вскоре (1925) оказывается во главе основанного митрополитом Евлогием в Париже Православного Богословского института и уже всецело посвящает себя, до самой своей смерти в 1944 г., служению в храме преподобного Сергия, своего небесного покровителя, преподаванию богословия и написанию богословских трудов.

О. Сергей Булгаков был сильной личностью, внесшей без сомнения, огромный вклад в богословское и культурное наследие своей эпохи. Его прошлое вовсе не похоже на обыкновенное прошлое профессоров богословских академий классического периода русского богословия. Именно истина православия и связанный с ней религиозный опыт, который он пережил в своей нелегкой жизни, перевернули и изменили его жизненный путь, приведя его к священству и служению Святой Трапезе (*agia trapeza*).

Согласно свидетельству тех, кто лично знал о. Сергия, и особенно профессоров нашего Свято-Сергиевского института — о. Алексия Князева, о. Николая Куломзина, о. Бориса Бобринского, Оливье Клемана, Константина Андронникова, переводчика о. Сергия на французский язык, — о. Сергей был человеком молитвы, прекрасным пропо-

ведником и духовником, священником, совершавшим Литургию с искренним и неподдельным воодушевлением.

В области богословской мысли о. Сергей был плодотворным писателем и творческим мыслителем. И лично я бы добавил — человеком, от всего сердца любившим Церковь и богословие.

Несомненно, его труды вызвали оживленную полемику сначала в Париже, потом в России, а затем и во всем мировом православии. Poleмику, не утихшую и по сей день. Наши знаменитые парижские богословы XX в.: о. Георгий Флоровский, Владимир Лосский, о. Александр Шмеман развивались и формировались в русской эмиграции как богословы, критически перечитывавшие и изучавшие труды о. Сергия Булгакова.

Этот критический подход к богословскому наследию о. Сергия Булгакова остается актуальным и плодотворным в наши дни не только в области богословской мысли. Он приносит свои плоды и в философии, и в экономике, и в социальных науках, чему симпозиум, состоявшийся в июне 2011 г. в Париже, и является ярким и наглядным свидетельством и подтверждением.

Ф.И. ГИРЕНОК

С.Н. Булгаков: между христианством и социализмом

Аннотация. В статье анализируется вопрос о влиянии религии на экономику страны. Автор обращается к оценке православия и протестантизма Вебером и противопоставляет ей взгляд С. Булгакова.

Ключевые слова: философия хозяйства, Вебер, С. Булгаков.

Abstract. In article the question on influence of religion on national economy is analyzed. The author addresses to an estimation of Orthodoxy and protestantism Weber and opposes it S. Bulgakov's sight.

Keywords: economy philosophy, Weber, S. Bulgakov.

У каждой религии существует своя этика. Согласно Веберу, протестантская этика — этика капитализма. В этой этике главное — деньги. «Время деньги», — говорит Вебер, повторяя слова президента США Б. Франклина. Но для ведения эффективного хозяйства недостаточно хотеть денег. В хозяйстве нужна еще и честность, или, что, согласно Веберу, одно и то же, видимость честности.

А что же православие? Какая у него хозяйственная этика? Православие, по словам Вебера, слишком иррационально. В нем много ма-

гии, т. е. икон, свечей и мощей. Православная этика создана скорее для крестьян, а не для городских жителей, которые менее всего зависят от ритмов природы.

Булгаков смотрит и на хозяйство, и на православие иначе.

Свобода от хозяйства

В XIX в. в России укрепилась мысль о том, что православие не способствует экономическому развитию России, что оно тормозит социальный прогресс. А потому, чтобы иметь эффективное хозяйство, России нужно отказаться от православия и принять либо протестантизм, либо католичество. Булгакову совершенно чужда эта мысль.

Христианский идеал — человек, который, как птица, не заботится о завтрашнем дне и цветет, как полевая лилия. Что это означает? Это означает, что христиане хотят свободы человека от хозяйства. Но и социализм также мечтает о свободе человека, о прыжке из царства необходимости в царство свободы. Зачем? Затем, чтобы освободить человека от труда. В чем видит Булгаков отличие социализма от христианской этики? В том, что христианская этика серьезно относится к хозяйственным обязанностям человека. Человек не должен снимать с себя повинности труда, возложенные на него Богом. Свобода от труда должна быть только духовной. Труд же обязателен для всех. Кто не работает, тот не ест.

Христианская этика не обещает свободы от хозяйства и с недоверием относится к тем, кто камни превращает в хлебы. Не хлебом единым жив человек. Для Булгакова важна мотивация поступков Христа в пустыне, в которой на 40-й день Христос захотел есть. И тут ему явился Сатана и стал искушать его тем, чтобы он занялся хозяйственным превращением камней в хлебы. Потому что это превращение есть чудо, кратчайший путь стать царем мира. Христос отказывается от этого пути. И этот отказ противоречит как принципам капитализма, так и принципам социализма.

Капитализм также жаждет свободы. Но он жаждет иной свободы, свободы в хозяйстве. А это значит, что для капитализма свобода в хозяйстве — это организованный эгоизм, который не может превзойти себя, для того чтобы стать над хозяйством, над материальной жизнью. Повальное раболепство перед капитализмом, перед свободой в хозяйстве не дает возможности увидеть ограниченность хозяйства. Критика организованного эгоизма является задачей, с точки зрения Булгакова, христианского сознания.

Согласно Булгакову, социализм ближе православию, и христианский социализм вполне возможен. Православие и есть наш русский социализм. То есть разрешение социальных вопросов на основе рели-

гиозной этики. Этика православия отказывается от принципа социологизма, который требует социальное понимать социальным.

Гуманизм

Социалистический гуманизм — это гуманизм социума. Булгакову не нравится социалистический гуманизм. Почему? Согласно Булгакову, он не видит греховности и порочности человеческой природы. Греховность человеческой природы — это не порок социальной системы. Социалистический гуманизм не приемлет для Булгакова потому, что он антропологию растворяет социологии, а человека в социуме, подменяя вопрос о человеке вопросом о строении общества.

Каждый человек — это, говорит Булгаков, целый мир, а социологизм превращает этот мир в социальную функцию, над которой господствует безлика социальная среда. Социологизм и личность не совместимы. Там, говорит Булгаков, где доминирует социальная среда, не может быть ни личностей, ни творчества, ни восхождения к высшим идеалам.

А.А. ПОГРЕБНЯК

Актуальность Булгакова: критика экономизма как мотив первой философии

Аннотация. На материале прочтения «Философии хозяйства» и «Философии имени» С.Н. Булгакова делается вывод, что наиболее актуальным в его мысли является обоснование того, что критика экономизма невозможна без пересмотра всей проблематики так называемой первой философии, т. е. общей теории бытия. В этой связи рассматривается полемика Булгакова с неокантианством, а также выявляются сходства и различия философского проекта Булгакова и «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера, оказавшей огромное влияние на проблематику философии второй половины XX — начала XXI в.

Ключевые слова: хозяйство, экономизм, дефицит, критика, философия, наука, язык, бытие, субъект.

Abstract. Based on the new reading of Bulgakov's «Philosophy of Economy» and «Philosophy of the Name» a conclusion was made that the most important in his thought was the justification of the impossibility of the critique of economism without the revision of the whole agenda of so-called first philosophy, i. e. the general theory of being. In this regard, both the Bulgakov's controversy with neo-Kantianism was reconsidered and the

similarities and the differences between philosophical project of Bulgakov and «fundamental ontology» of Heidegger — which has had a huge impact on the philosophy of the second half of the twentieth century — were identified.

Keywords: economy, economism, deficit, critique, philosophy, science, language, being, subject.

Статья Н.А. Макашевой, посвященная реконструкции экономических взглядов С.Н. Булгакова, начинается с анализа его позиции по отношению к маржинализму и связанному с ним математическому направлению. «Даже не касаясь вопроса о том, насколько Булгаков был прав в оценке познавательных возможностей этих исследовательских подходов и в какой мере в его экономическом мировоззрении могло бы найтись место для так называемой теоретической экономии (в современной терминологии — экономической теории), приходится признать, что для большинства современных экономистов встать на точку зрения Булгакова означало бы отказаться от сложившегося представления о предмете экономической науки и о ее инструментари. Хотя трудно говорить о полном единстве мнений относительно последнего, тем не менее сегодня область экономического анализа определяется спецификой не только изучаемого явления, но и метода исследования, основу которого составляет принцип оптимального использования ограниченных ресурсов». Далее автор делает сноску, где указывает на симптоматичное явление «экономического империализма», и добавляет, что «подобная экспансия формального подхода, вероятно, огорчила бы Булгакова, и не трудно представить, как бы он охарактеризовал применение принципа оптимальной аллокации ресурсов при исследовании, например, семейно-брачных отношений или поведения человека в сфере образования» [1, 82].

Конечно, специфика как предмета, так и метода исследования, особенно в той мере, в какой они определяют целую парадигму науки, является не просто результатом произвола исследователя, как если бы последний был неким «свободнопарящим субъектом» (выражение М. Хайдеггера), но отражает нечто эпохальное в «истории бытия». Именно это, как представляется, Булгаков и обозначил термином «экономизм»: превращение дефицита («ограниченности ресурсов») из эмпирической характеристики сущего в трансцендентальную (охватывающую сущее в его сущности как таковое, без остатка). Экономика, стало быть, теперь не просто одна из региональных «физик» этого мира, но его *общая метафизика* — современные же нам экономический

империализм и неолиберализм яркие тому подтверждения¹. В этом смысле, булгаковская «Философия хозяйства» есть проект критики (т. е. выявления условий возможности данной формы опыта с целью усмотрения необходимых границ ее истинностных притязаний) экономизма как метафизической установки, в рамках которой все сущее изначально представлено в форме «дефицитного ресурса». Но, с другой стороны, движение от «ограниченной экономии» дефицита к «всеобщей экономии» изобилия (термины Ж. Батая) есть одна из наиболее важных, если не важнейшая тенденция мировой философии XX в. (к сожалению, экономическая мысль внимает ей только в своих маргинальных течениях). Тем не менее и в XXI в. актуальность критики экономизма не вызывает сомнений: ведь данная идеология господствует не столько в сознании профессиональных теоретиков, сколько определяет характер экономико-политической практики — дефицит не теоретически усматривается в некоторых областях, но практически вменяется повсеместно: различие, проведенное К. Менгером между хозяйственной и нехозяйственной сферами, из реального превращается в чисто формальное, а то и номинальное².

* * *

В 1914 г. в «Северных записках» выходит статья Б.В. Яковенко «Философский экономизм», посвященная критике вышедшей двумя

¹ П. Ульрих в этой связи говорит о «метафизическом раздувании значения» рыночных принципов [2, 30]; М. Фуко — о «логике рынка по ту сторону монетарных обменов», когда она функционирует как «принцип интеллигибельности, принцип дешифровки социальных отношений и индивидуального поведения» [3, 305].

² Несколько примеров — А. Горц о главной тенденции современной «пост-фордистской» экономики: «Капитализм может устоять как капитализм знаний только в том случае, если он использует имеющийся в изобилии ресурс — человеческий интеллект, для того чтобы превратить это потенциальное изобилие в дефицит (выделено мной. — А.П.). Дефицит создается распылением знаний, помехами их распространению, обобществлению и закабаляющему принуждению к рыночному сбыту, которому подвергаются обладатели знаний» [4, 82]; М. Хардт и А. Негри о новых формах «огораживания» и искусственном производстве частного характера собственности [5, 222—234]; К. Лаваль о трансформации сознания в условиях рыночного общества, благодаря чему индивид должен «перед угрозой возможных рисков превратиться в центр принятия решений, то есть в “само-предприятие”», в существо, «которое хочет видеть свою “окружающую среду” только как некую “переменную”, для которой общественные институты и другие индивидуумы являются либо помехой, либо козырем, то есть тормозят или благоприятствуют его деятельности» [6, 16—17]).

годами ранее булгаковской «Философии хозяйства». Статья симптоматичная: придерживаясь неокантианских взглядов, согласно которым философия оправдана исключительно как «наукоучение», Яковенко приходит к выводу, что, несмотря на верно поставленную задачу — подвергнуть критике экономизм как господствующее мировоззрение эпохи, — Булгаков такового отнюдь не преодолел, но, напротив, на месте «экономического материализма» выстроил «*экономический спирито-материализм*, т. е. на первом этаже философских догматов марксизма возвел второй этаж религиозных догматов, заимствованных им главным образом у Владимира Соловьева» [7, 698].

Чем же должна быть, с точки зрения Яковенко, истинная философия хозяйства? Не более чем одной из «дифференциаций общей философии культуры» [7, 683] — Булгаков, конечно, прав в своем диагнозе экономизации всех сторон жизни, но он не умеет вскрыть подлинную причину этого процесса, а она состоит как раз в неусвоении культурой урока кантовской философии, вследствие чего сфера всеобщего (мир идеальной значимости, доступный в трансцендентальной рефлексии) оказался редуцирован к частной сфере хозяйственного опыта. Мысль Булгакова же, полагает Яковенко, как раз непрерывно дублирует это движение, вместо того чтобы действовать ему вопреки. Так, вместо того чтобы рассматривать жизнь лишь как «некоторый наличный материал» [7, 688], Булгаков предпосылает ее самой философской рефлексии. Вместо того, чтобы теоретический опыт науки и философии рассматривать как имеющий надэмпирическую значимость, он трактует его как прагматически ориентированную деятельность — философия же (равная, по Яковенко, гносеологии, которая только и заслуживает звания подлинной онтологии), обращаясь к познанию, должна брать его «*не как процесс или бытие, а как содержание или смысл*» [7, 690]. Результатом такого рода неправомочных, с позиции Яковенко, процедур, является искажающая действительную суть вещей схематизация всего опыта по образцу хозяйственного — что выражается, прежде всего, в подмене истинного (т. е. гносеологического) смысла понятий субъекта, объекта, бытия, познания и т. п. неистинными в их отношении значениями экономической сферы; более того, таких схематизаций, отмечает Яковенко, может быть столько же, сколько особенных сфер опыта (экономизация бытия не менее, но и не более убедительна, чем его, к примеру, сексуализация).

Очевидно, что с «надмирной» точки зрения «трансцендентального субъекта» экономизм *всегда уже* преодолен, так как является лишь следствием отсутствия должного рефлексивного усилия со стороны субъектов «внутримирных», эмпирических. Однако в чем тогда истинная причина упорной воли к заблуждению этих последних? Конечно, с

позиций «научного философствования» любые попытки рассмотреть динамику или диалектику субъект-объектного отношения в терминах падения в мир, объективации как грехопадения, а также ввести в оборот эсхатологическую перспективу (к чему будет постоянно склоняться Булгаков), могут быть оценены исключительно как мифологизаторство. Но не меньший ли миф сама сфера «чистых значений» — в той мере, в какой не прояснена ее мотивация (не в психологическом смысле, конечно, а в онтологическом) в нашем повседневном, а не только экстраординарном («кабинетно-профессорском») опыте? (Яковенко для прояснения разницы между философией «докритической», т. е. наивно-непосредственной, и «критической», т. е. подлинно-научной, использует в качестве аналогии — вполне марксистской! — различие между рабочим, трудящимся механически, и рабочим, который трудится свободно, ясно осознавая цели, значение, предпосылки и последствия своей работы [7, 673]; однако объяснимо ли *историческое событие* «освобождения» рассмотрением субъективации как исключительно акта теоретической рефлексии?)³.

Но разве не в том заключается идея Булгакова, что между экономизмом и идеей «чисто научной» истинности налицо принципиальная и неразрывная связь? В «Философии хозяйства» специально оговаривается, что именно на основе экономизма (и связанного с ним всестороннего рационализма) родилась «идея “научной философии”, т. е.

³ Здесь, в свою очередь, уместна аналогия с тем, как В. Беньямин оценивает разницу между концепцией памяти А. Бергсона и ее переработкой в творчестве М. Пруста: если в первом случае мы имеем дело с «чистой» памятью, как если бы обращение к созерцанию потока жизни, всплывающего перед внутренним взором, было делом свободного выбора, то во втором — с памятью сугубо *произвольной* (*involontaire*), чья эффективность зависит от удачной случайности, в которой фрагменты нашего прошлого оказались связаны в некую непрерывность. Беньямин подчеркивает, что эта «приватность внутренней жизни» вовсе не является неким природным фактом (тогда релятивизм и только!), но исторически конституированной ситуацией: «Восьмитомное сочинение Пруста дает представление о том, каких усилий стоит восстановление фигуры рассказчика в современности» [8, 178], — речь идет о тенденции к фрагментации целостного опыта на отдельные сегменты в эпоху капитализма. Бергсон же «отвергает какую бы то ни было историческую обусловленность опыта. Тем самым он прежде всего — и по сути — проходит мимо того опыта, из которого берет начало его собственная философия или, вернее, которому она была адресована. Это неуютный, слепящий опыт существования в индустриальную эпоху. Глазу, не желающему воспринимать этот опыт, представляется опыт другого типа, опыт *комплементарного характера в виде спонтанного остаточного образа* (курсив мой. — А.П.). Философия Бергсона — попытка детально разобрать и сохранить это остаточное изображение» [8, 174—175].

разрешения наукой сверхнаучных и вненаучных вопросов» [9, 205]. Другими словами, «научная философия» едва ли обладает прямым доступом к истине бытия, поскольку абстрагируется от собственных бытийных истоков. Критика экономизма есть исходный мотив построения первой философии, адекватной истине бытия, а для этого следует прежде всего переосмыслить способ бытия человеческого субъекта, и сделано это должно быть не столько на примере абстракции научного познания, сколько ввиду конкретной действительности бытия в мире — прежде всего, хозяйственной и речевой деятельности (в этом смысле, «Философия хозяйства» и «Философия имени» неразрывно связаны). Актуальность булгаковского замысла в контексте дальнейшего развития мировой философии может быть доказана тем, что главное, как его иногда называют, философское сочинение XX в. — вышедшее в 1927 г. «Бытие и время» М. Хайдеггера, содержание которого, прямо или косвенно, определило проблемный горизонт целого ряда последующих изысканий в самых разных областях философии (от теорий бытия до политики и эстетики) — преследует, по сути, те же задачи (включая, кстати, выяснение отношений с кантианством). «Разум научный, — пишет Булгаков — по бесплодию своему не может родить науку, наука, как и все живое и творческое, зарождается и творится вненаучным, сверхнаучным путем, и научный гений, как и всякий другой, есть способность ясновидения поверх разумной данности или глубже ее» [9, 210]. «Чтобы тематизация наличного, научный набросок природы стали возможны, — говорит Хайдеггер, — *присутствие должно трансцендировать* тематизированное сущее. Трансценденция не состоит в объективации, но последняя предполагает осуществление первой» [10, 363].

Как же соотносятся между собой философия хозяйства и философия языка? У Булгакова, как и у Хайдеггера, — *не* как две региональных дисциплины, но как, если угодно, две ступени исполнения общей теории бытия; у обоих мыслителей именно аналитика погруженности субъекта в стихию хозяйственного радения и речи должно подготовить почву для «высветления» истинного смысла его существования, а через него — и бытия как такового.

Критическое отношение Булгакова к кантианству может быть понято на основе следующего тезиса: трансцендентальный субъект речи предшествует трансцендентальному субъекту познания. Идея в том, чтобы «посмотреть на грамматику как на конкретную гносеологию» [11, 136] — и онтологию, можно добавить, т. е. тот способ, каким человек изначально понимает свое бытие в мире, как сказал бы Хайдеггер. Объединяет Булгакова и Хайдеггера то, что от субъекта «чистой мысли» они переходят к субъекту «экзистирующему», при этом язык и

речь становятся уже не инструментом познания, но самим способом существования. Можно сказать, что именно в верно понятой речи хозяйственная деятельность обнаруживает свою энтелехию, т. е. сущностное исполнение (тем самым, преодолевается экономизм как дурная бесконечность хозяйствования) — само ее устройство есть тот горизонт, в котором всякое, вплоть до современного, с его формальной рациональностью и прагматизмом, хозяйствование всегда уже обрело свой смысл.

Именно в этом контексте становится ясна критика ориентации языка по понятиям (категориям) — Булгаков будет трактовать категории как превращенные формы идей, и, можно сказать, что редукция идеи к понятию и есть процесс вменения дефицита на онтологическом уровне. Критика экономизма — это критика сциентизма в познании и инструментализма в понимании речевой деятельности. Вот как Булгаков подытоживает смысл господствующей тенденции в понимании языка — следует обратить внимание на экономические метафоры: «Функция слова репрезентативна, оно не содержит в себе смысл, но только его обозначает, оно представляет собой *как бы бумажные деньги в металлической валюте*, есть *необходимый и полезный суррогат*, условная аббревиатура психологического комплекса. Она является результатом психологической техники, направленной к *экономии сил*, есть порождение своего рода *хозяйственной души*» [11, 24]. Против этого: «Словам учит человека не антропоморфизированный Бог, но Богом созданный мир, онтологическим центром коего является человек, к нему протянуты и в нем звучат струны всего мироздания» [11, 49]. Другими словами, необходимо преодолеть субъект-объектную схему мышления, понять онтологическую невозможность, т. е. неразрывность мысли и слова: мысль до слова — сродни фантазму увидеть, что происходит в комнате, когда нас там нет [11, 27]. «Наш дух — арена самоидеации вселенной» [11, 34]; т. е. слово не просто «пакует» ту или иную *данную* мысль, но трансцендирует ее имманентное содержание, формулируя некую задачу мышлению.

Конечно, Булгаков исходит из идеи принципиального несовершенства *актуального использования* речи человеком, поскольку «грех нарушил равновесие в нем и во всей природе и повредил органы космической речи, и слух и язык. Голоса вещей стали доноситься глухо и неверно, звук их преломлялся чрез разные призмы человеческой субъективности, в речь ворвался психологизм со всеми его опустошительными действиями» [11, 191—192]. Тем не менее никогда полностью не упраздняется истина речи, свидетельствующая об исходной «софийности» мирового устройства. Так, в реальности нет никакой альтернативы между собственным и нарицательным именем: «*Все имена суть ни*

собственные, ни нарицательные, но уж, если пустить это выражение, собственно-нарицательные (ср. Маркс о “чувственно-сверхчувственной” природе товара. — *А.П.*), конкретно всеобщие: собственными их делает связка, нарицательными — имя-смысл» [11, 93]. Далее, связка «есть», благодаря которой во всяком суждении актуализируется сила именования, тем не менее, никогда не обладает абсолютной прочностью и исключительностью — поэтому возможны «несобственные значения», да и вообще кризис значения (кстати, проблематика исследований позднего Гуссерля): «...Всякое именование, которое дается, заведомо не исчерпывает сущности, но нечто в ней выражает. Если именование происходит на наших глазах или делается нами, тогда мысль именования ясна и не требует объяснения. Но если оно произошло в незапамятные времена и смысл его утерян, внутренняя форма позабыта и стала непонятна, слово окостеневает и приобретает характер клички; даже более того, как ничего уже не говорящее о предмете, кроме общего указания на него, оно сливается с местоименным жестом, становится тем крючком, на который навешиваются потом всякие предикаты» [11, 101].

Подлинной онтологической основой человеческого субъекта, или Я, Булгаков полагает «местоименный жест», который и есть «подлежащее имени», оно «всегда глубже всякого сказуемого, ибо корнями уходит в бытие, и, в силу вселенской его связи, может быть сказано на бесчисленное число ладов» [11, 100]. Я, именно в роли местоимения, поэтому «в известном смысле есть корень языка, настоящее заумное слово, в котором нет никакой идеи, никакого слова кроме простого свидетельства бытия, его онтологический паспорт»; «Я есть одновременно феноменальность и ноуменальность, трансцендентно-имманентное» [11, 81—82].

Подобно тому как у Булгакова самость человека, Я, есть некое *место*, где сказывается бытие самих вещей, у Хайдеггера человеческое *Dasein*, присутствие (согласно переводу В.В. Бибихина) также в своей экзистенции имеет характер «заботы о бытии». Аналитика бытия в мире как раз начинается с тезиса о том, что предметность вещей (которую только и знает как истинный их вид наука) базируется на их *подручности*, соответственно, рефлексивному отношению субъекта и объекта предшествует дорефлексивное «умение быть»⁴ (своего рода

⁴ Впрочем, можно понять рефлексивность более изначально: «Способ, которым самость выявлена для самой себя в фактическом вот-бытии, тем не менее, может быть вполне точно назван рефлексией, только это выражение нельзя понимать так, как мы его обычно понимаем — Я, склонившись к самому себе, изогнувшись назад, на себя уставилось — но [в нем нужно видеть указание на]

хозяйствование, артикулирующее себя в языке). Речь же, как «артикулирующая понятности», равноисходна с пониманием как человеческим способом бытия [10, 161].

Самое важное здесь то, что и у Булгакова, и у Хайдеггера бытие в итоге предстает как нечто принципиально амбивалентное, что, в частности объясняет как *неизбежный* характер возникновения экономизма («несобственного экзистирования», «забвения бытия»), так и необходимость его преодоления. Показателен в философско-хозяйственном контексте заголовок заключительного раздела хайдеггеровского «Европейского нигилизма» — «Бытие как пустота и богатство»; перечисление целого ряда противоположных смыслов, равно присущих бытию, открывается следующей констатацией: «Бытие — пустейшее и одновременно оно сокровище, из которого все сущее, известное и испытанное, неведомое и лишь испытываемое одаривается каждый раз сущностным способом *своего* бытия» [13, 173]. Это свойственно и онтологии языка: в самом деле, та же сила, которая отчуждает абстрактное значение слова от его конкретного онтологического смысла, является залогом *существенности* такового. Можно сказать, что всякое именование имеет *собственно-несобственный* характер, и это принципиально.

Например, Булгаков описывает, как можно попытаться достичь предельной точности так, как это стремятся делать математика и всякая математизирующая наука — «ценою устранения всякой красочности речи, словесной символики, конкретных смыслов и сведения к отношению символов, знаков смысла, но не смыслов»; «но не следует забывать, — продолжает Булгаков, — что простота и точность математики покупается ценою определенной стилизации или сужения круга ее поля: она знает только отношения *in abstracto*. Но самое любопытное здесь то, что с точки зрения языка символика математики есть сплошные тропы, основанные на сознательной и заведомой замене слов отвлеченными знаками. И обычное начало всякого математизирующего рассуждения — назовем данную величину “а” и т. д. — есть начало длинной цепи тропов определенного стиля. (Подобная же опе-

некую взаимосвязь вещей, на которую намекает оптическое значение слова “рефлексия”. Рефлектировать означает здесь: преломляться, отражаться от чего-то, т. е. показывать себя в отблеске, отраженном от чего-то по направлению к нам. <...> День за днем мы понимаем нашу экзистенцию, исходя из того, о чем мы хлопочем и о чем печемся. Мы понимаем ее так, поскольку Dasein ближайшим образом находит себя в вещах. Оно не нуждается в каком-то специальном наблюдении или шпионстве за Я, чтобы обладать самостью, но в непосредственной страстной отданности Dasein миру собственная самость Dasein от-свечивает, отражаясь от вещей» [12, 210—211].

рация производится и в так называемой логистике и всякой вообще схематизации)» [11, 98—99]. Известна позиция Булгакова в отношении математического подхода в экономической науке, высказанная им в «Философии хозяйства»: «При всей стройности, логической последовательности, может быть, даже и остроумии этих построений они бесполезны, ибо не имеют ориентирующей ценности, а потому должны быть признаны научными заблуждениями» [9, 189]. Но уже в «Философии имени» Булгаков констатирует: «Конечно, и термины суть тоже слова, хотя и тепличные, немощные и больные. Язык беднеет и слабеет по мере того, как он становится преимущественно терминологическим (вопреки вкусу иных лингвистов), но сила языка оживляет даже и самые неуклюжие словесные поделки, как трава пробивается чрез городскую мостовую, и они все-таки остаются словами» [11, 197]. В конце концов, полагает Булгаков, «можно спросить себя: возможна ли наука как поэзия или поэтическая наука? Иначе говоря, может ли быть установлено отношение между поэзией и познанием более интимное, чем существующее? Иначе говоря, может ли поэзия стать рапсодией мира, освободиться от своей мечтательности, а наука — отрешиться от своего прозаизма?» [11, 218]. — Риторический вопрос? Утопия? Но разве духовные искания XX в. шли не этим путем? Следует подытожить: отчуждающий характер научной формализации слова («научная терминология есть бессознательное противление онтологии слова» [11, 199]) является негативным условием философской реактуализации его смысловой событийности — подобно тому как у Хайдеггера забвение бытия есть негативное условие обретения его истины (исходный смысл которой Хайдеггер интерпретировал как игру раскрытия и сокрытия — греческая «алетейя» до того, как она «попала в упряжку идеи» [14, 357]).

Но нужно сказать и о существеннейшем различии философских проектов Булгакова и Хайдеггера. В своей «первой философии» Булгаков сохраняет верность христианско-платонической традиции — как в хозяйственной, так и языковой деятельности человек должен трансцендировать к абсолюту, бесконечному Творцу; несмотря на онтологичность местоимения, идеи, тем не менее, предшествуют Бытию (как фактичности здесь-и-теперь) [11, 90]. Только в мире идей, трансцендентном «том» мире «коммунизм бытия» непосредственно дан, в мире же «этом» он лишь задан (поэтому хозяйство эсхатологично). Классичность булгаковской мысли наиболее четко выражается в его критике категории отрицания у Канта: «Чисто отрицательное суждение было бы уже потому невозможно, что оно разрывало бы связку, разрушало бы именование, уничтожало бы сущность суждения, вело бы к его отсутствию. В этом смысле всякое отрицание есть ограничение, отгра-

ничение, квалификация суждения, вообще реализуемо только в положительном контексте, в связи и на фоне положительных суждений» [11, 153].

У Хайдеггера же идеи — это, скорее, «общие места» несобственного экзистирования, которые хотя и предшествуют собственному, но как то, что необходимо трансцендировать к «наиболее своей возможности». «Чтобы могло быть познание как созерцательное определение наличного, — сказано в “Бытии и времени”, — требуется предшествующий *дефицит* (выделено Хайдеггером! — *А.П.*) озаботившейся необходимости-иметь-дело с миром»; только так вещи встречаются в “чистом выглядении”, т. е. *эйдосе*» [10, 61]. Точно также в отрицании Хайдеггер усматривает не столько чисто мыслительную операцию определения, но видит стоящее за ним *Ничто*, а точнее — бытие как ничто (из) сущего. Только перед лицом этой «ничтожности», т. е. безосновности бытия мира человек начинает экзистировать собственным, т. е. *конечным* образом. Трансцендирование идет не от конечного к бесконечному, а как раз наоборот: «Будучи выбрана, конечность экзистенции рывком возвращает из бесконечной многосложности подвертывающихся ближайших возможностей удобства, легкомыслия, увлечения и вводит присутствие в простоту его *судьбы*. Этим словом мы обозначаем заключенное в собственной решимости исходное событие присутствия, в котором оно, свободное для смерти, *передает* себя себе самому в наследованной, но все равно избранной возможности» [10, 384].

Булгаков говорит об «измышленном» характере категории реальности у Канта, полагая, что на деле здесь имеет место просто связка, сказуемость [11, 152]; а также критикует схематизацию по времени модальных категорий (возможность, действительность, необходимость) [11, 155]; наконец, не признает идею подчинения познания форме времени, прямо заявляя о «сверхвременном» характере Я [11, 144]. Хайдеггер же в термине «реальность» у Канта вычитывает указание на *res*, т. е. «вещность», «предметность», но оговаривает, что для того чтобы «помыслить “бытие” и “есть”, требуется какой-то другой взгляд, не направляемый исключительно рассмотрением вещей и расчетами с ними» [15, 366]. Поэтому иначе трактуется и смысл категорий модальности: «Бытие, а значит, и виды бытия — возможность, действительность, необходимость — говорят не о том, *что* есть предмет, объект, но лишь о том, *как* предмет относится к субъекту» [15, 373]; эти категории являются не реальными (онтическими), но трансцендентальными (онтологическими) предикатами, выражающими способ бытия конечного человеческого субъекта. Кроме того, трактуя Канта, Хайдеггер указывает на совпадение сущностных предикатов

«я» и времени, но не ограничивается выводом, что это лишь знак того, что «я», как и время, есть не «во времени»; он задается вопросом: «Следует ли из этого, что “я” вневременно, или же из этого следует, что “я” настолько “временно”, что есть само время, и лишь как таковое становится возможным сообразно своей собственной сущности?» [16, 111] — и отвечает на него утвердительно... Разбирая три знаменитых кантовских вопроса, подытоженных в четвертом «что такое человек?», Хайдеггер находит подтверждение своей концепции *положительно понятой* конечности человеческого бытия: «Однако человеческий разум не просто выдает свою конечность в этих вопросах: выказывается, что сам его сокровенный интерес заключается в этой конечности. Дело идет не столько о том, чтобы устранить “можеествование”, “долженствование” и “право”, т. е. свести на нет конечность, но, наоборот, о том, чтобы как раз сделать эту конечность достоверной, чтобы в ней удерживаться. Таким образом, конечность не выступает лишь дополнительной характеристикой чистого разума, но является необходимой как способность к конечности (Verendlichkeit), т. е. как “забота” о можеествовании-быть-конечным» [16, 126]. И, кстати, именно потому, что человеческое существование в своей сущности есть время, метафизика с самого своего (греческого) начала сущность «сущего как такового» трактовала через атрибуты вечности, постоянства, устойчивости и т. п. (кроме того, Хайдеггер указывает еще и на «хозяйственное» значение древнегреческого слова «усия», традиционно переводимое термином «сущность» — «имение», непосредственное и всегда действительное состояние, «имущество» [16, 139], т. е. метафизика изначально имеет тенденцию понимать бытие как имение, стало быть — уже вводит в него дефицитарность, «несобственность»)⁵.

⁵ С. Жижек, указывая на то, что хайдеггеровская идея конечности как горизонта Бытия восходит к Канту, поясняет, что в основе ее лежит различие между негативным и неопределенным суждением — например, душа не смертна (отрицание предиката) и душа не-смертна (утверждение не-предиката); именно начиная с Канта сущностью человеческой субъективности становится этот «ужасающий избыток не-человеческого», только на основании которого и возможна свобода, т. е. несводимость Я ни к феноменальному, ни к ноуменальному механизмам [17, 25—42]. Кроме того, следовало бы продумать совместимость булгаковского «коммунизма бытия» (как идеала хозяйствования) с параметрами хайдеггеровской экзистенциальной аналитики присутствия. В связи с темой сообщества у Хайдеггера можно отослать к работам Ж.-Л. Нанси «Непроизводимое сообщество» (1986) и «Бытие единичное множественное» (1996). По Жижеку, хайдеггеровское бытие, являясь горизонтом конечности, принципиально «не позволяет нам постичь сущее в его Целостности» [17, 34] — последнее не есть идеал собственного, но фантазм несобственного экзистирования.

* * *

Итак, наиболее актуальным в мысли Булгакова представляется отчетливое указание на тот факт, что критика экономизма как господствующей идеологии с необходимостью должна мотивировать к переосмыслению теории бытия, т. е. к изысканиям в плане «первой философии» (обобщения и рефлексии другого уровня, сколь угодно «метаэкономические» и «междисциплинарные», едва ли достаточны); и наоборот, адекватная «духу времени» первая философия должна с необходимостью вырастать из имманентной критики той исторической формы «фактичности», которая и обозначается термином «экономизм». Очевидно, что решение этой задачи осуществлено Булгаковым на путях противопоставления имманентной логики Капитала и принципа Богатства, понятого *теологически* — как трансцендентное Высшее Сущее⁶.

Сопоставление с Хайдеггером (подвергнувшим деструкции классическую метафизику, выявив ее «онто-теологическое строение»), тем не менее, выявляет по меньшей мере небесспорный характер булгаковского решения той проблемы, результатом осмысления которой явился хайдеггеровский проект «фундаментальной онтологии». Можно сказать, что булгаковской идее *трансцендентного сущего* как истинного Богатства Хайдеггер противопоставляет понимание *бытия как трансценденции* — соответственно, «классика» Богатства (по Хайдеггеру, уже чреватая «несобственностью», т. е. дефицитарностью⁷) преодолевается «архаикой» Изобилия. Данные термины, конечно, требуют пояснения. Если в русском языке «богатство» имеет однозначную корневую связь со словом «бог», то «изобилие» восходит к слову «вить» (отсюда, например, «ветвь»; древнерусское значение слова «обилье»

⁶ Взаимосвязь понятий Слова (Логоса) и домостроительства (ойкономии) отражена уже в раннехристианском богословии — см., напр., у Дионисия Ареопагита, «О божественных именах», 2, 6 (и примечания Максима Исповедника) [18, 63].

⁷ В знаменитом докладе «Что такое метафизика?» (1929) Хайдеггер специально оговаривает, что хотя в христианской теологии бытие Бога напрямую связано с актом творения *ex nihilo*, «вопросы о бытии и о Ничто как таковых одинаково упускаются. При этом никого не смущает даже то затруднение, что если Бог творит из ничего, то как раз он должен находиться в определенном отношении к Ничто. Вместе с тем если Бог есть Бог, то знать Ничто он не может — постольку, поскольку “абсолют” исключает из себя всякое “ничтожество”» [19, 25]. Имеет смысл сравнить это с прямо противоположной интерпретацией христианства у С. Жижека — где Бог как раз есть *разрыв в самом себе*, т. е. та самая «конечность», которая, однако, не есть дефицитарность, ибо производит желание, а не испытывает потребности.

— «хлеб на корню») — первое явно теологично, второе скорее «физично». Что касается архаики, то речь идет не столько об эмпирической «первобытности», сколько об онтологической *изначальности*; вот как об этом говорит во «Введении в метафизику» Хайдеггер (в комментарии к первому хору «Антигоны» Софокла): «Начало есть самое неуютное и самое властное. Что наступает затем, есть не развитие, а выравнивание как простое расширение, есть невозможность начала удержаться в самом себе, есть выхолащивание и раздувание начала до извращенного образа величия в смысле обычной величины, обширности, связанных с числом и множеством (что и есть экономизм. — *А.П.*)» [20, 231]. Что касается изобилия, то здесь следует указать на концепцию Ж. Бодрийяра, в которой можно усмотреть, как философская теория Хайдеггера становится путеводной линией для истолкования смысла тех данных о первобытности, которые были получены в рамках культурной антропологии (Б. Малиновский, М. Мосс, М. Салинз): различие между символическим обменом, имеющим обратимый характер «дары-вызова», и современной рыночной формой обмена, где обратимость процесса нарушается с целью возможности накопления [21, 98], есть социально-историческое «исполнение» хайдеггеровского различия собственной и несобственной экзистенции.

Конечно, различие взглядов Булгакова и Хайдеггера принципиальное. И все же, не менее важен контекст, в котором они оба стремятся внутри имманентного плана Капитала не только обнаружить тот *остаток*, которые еще им не присвоен (общим местом давно уже стало отмечать, как Капитал «обволакивает» все якобы не утилизируемое, как он усиливает свою мощь именно за счет сил, ему сопротивляющихся), но выстроить теорию, которая была бы способна конституировать в этом поле нечто принципиально *избыточное*, обнаружить способ бытия субъекта действительной (а не симулятивной) трансценденции. Конечно, эта линия восходит к Марксу; как известно, Булгаков критиковал последнего с религиозно-философских позиций, хотя и признавал глубинную «жизненную правду» «экономического материализма», как о том свидетельствует финал «Философии хозяйства». Впрочем, нельзя не отметить, что чисто философская оценка концепции Маркса, данная Булгаковым в ранней статье «К. Маркс как религиозный тип» (1906) по духу очень близка той критике, которой подвергает концепцию самого Булгакова Б.В. Яковенко, о чем шла речь выше. «...Маркс, — говорит Булгаков, — остался совершенно чужд каким бы то ни было гносеологическим сомнениям и критической осмотрительности, совсем не был затронут гносеологическим скепсисом и критикой познания у Канта, но является докритическим догматиком...» [22, 253] — и далее о том, что марксизм ни в чем не наследует

немецкой классике. Но разве «Капитал» не есть критика, причем и в кантовском смысле, т. е. выявление априори (впрочем, исторических, а не чисто логических), делающих возможной капиталистическую идеологию, т. е. экономизм? Следует отметить, что иудео-христианский эсхатологический мотив, хотя и в своеобразной форме, присутствует в марксизме, о чем свидетельствуют, в частности, его позднейшие интерпретации — например, у В. Бенямина («О понятии истории»), Ж. Деррида («Призраки Маркса»), С. Жижека («Хрупкий абсолюте, или Почему стоит бороться за христианское наследие?»). Однако булгаковская критика присущего классическому марксизму стремления придавать своим выводам форму естественно-научной закономерности вполне актуальна в контексте современных усилий переосмысления этой доктрины⁸.

⁸ В качестве примера можно указать на концепции, в которых делаются попытки иначе, нежели в классическом марксизме, представить способ бытия революционного субъекта. Наиболее радикален в этом плане Ж. Батай, который «высказывает то, от чего Маркс по малодушию воздержался: стоит только пролетариату организовать, как он сразу становится однородным, обуржуазивается (или его к тому призывают)»; напротив, «именно гордясь низостью “ценностей”, которую она ставит ему в вину, пролетариат и способен в свою очередь принизить буржуазию и сделать ее беспомощной. Иначе говоря, чернь, сволочь — это тот шанс, который не следует упускать всякому обществу, чтобы не подвергнуть себя риску стать однородным» [23, 186—187]. Другой пример — современная «философия множества», основы которой заложены в знаменитом двухтомнике Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Капитализм и шизофрения», где также переосмысливается статус субъекта сопротивления: «Но пока рабочий класс определяется благодаря приобретенному статусу или даже благодаря теоретически завоеванному Государству, могущество появляется только как “капитал”, часть капитала (переменный капитал) и не покидает *план капитала*. В лучшем случае план становится бюрократическим» [24, 802]. В качестве альтернативы предлагается «меньшинство», но не в количественном, а качественном смысле — как специфический тип множественности: «Меньшинство может быть многочисленным или даже бесконечным; так же как и большинство. Их различает то, что в случае большинства внутреннее для числа отношение конституирует некое множество, будь то конечное или бесконечное, но всегда исчислимое, тогда как меньшинство определяется как неисчислимое множество, каким бы ни было число его элементов. Неисчислимое не характеризуется ни множеством, ни элементами; скорее, оно является *коннекцией*, “и”, производимой между элементами, между множествами — коннекцией, которая не принадлежит ни одному из обоих, убегает от них и конституирует линию ускользания. Ибо аксиоматика (капиталистическая. — *А.П.*) манипулирует только счетными, даже бесконечными множествами, тогда как меньшинства конституируют такие неисчислимые, неаксиоматизируемые “нечеткие” множества — короче, “массы”, множества ускользания или пото-

Литература

1. *Макашева Н.А.* Попытка реконструкции экономической системы С.Н.Булгакова // Два Булгакова. Разные судьбы: В 2 кн. / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. Кн. 1. Сергей Николаевич. М.; Елец, 2002.
2. *Ульрих П.* Критика экономизма. М., 2004.
3. *Фуко М.* Рождение биополитики. СПб., 2010.
4. *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010.
5. *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.
6. *Лаваль К.* Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М., 2010.
7. *Яковенко Б.В.* Философия экономизма // Яковенко Б.В. Мощь философии. СПб., 2000.
8. *Беньямин В.* Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма // Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб., 2004.
9. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
10. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
11. *Булгаков С.Н.* Философия имени. СПб., 1998.
12. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
13. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
14. *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
15. *Хайдеггер М.* Тезис Канта о бытии // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
16. *Хайдеггер М.* Кант и проблема метафизики. М., 1997.
17. *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008.
18. *Дионисий Ареопагит.* О божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1994.
19. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
20. *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб., 1997.

ка» [24, 799]. — Как здесь не вспомнить «народ Джан», описанный еще одним великим отечественным философом хозяйства — Андреем Платоновым?

21. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.
22. *Булгаков С.Н.* К.Маркс как религиозный тип // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.
23. *Сюриса М.* Фигуры человеческого отребья // Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 глазами французских интеллектуалов. М., 2003.
24. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010.

И.В. НАЗАРОВ, Н.Г. ФИЛИППЕНКО

Проблемы отношения Церкви и культуры в творчестве Сергия Булгакова и Василия Зеньковского

Аннотация. В статье анализируются взгляды Сергия Булгакова и Василия Зеньковского на причины разделения Церкви и культуры, его следствия и возможные пути преодоления.

Ключевые слова: Церковь, свобода, культура, православная культура, секуляризация культуры, культурный дуализм.

Abstract. In the article the views of Sergey Bulgakov and Vasily Zenkovsky on the causes of division of the Church and culture, its consequences and the possible ways of overcoming are analyzed.

Keywords: Church, liberty, culture, orthodox culture, secularization of culture, cultural dualism.

Время Сергия Булгакова и Василия Зеньковского — эпоха стремительной секуляризации всех сторон общественной жизни России, заострившей до предела вопрос об отношении Церкви и культуры, поставленный еще ранними славянофилами — Алексеем Хомяковым, Иваном Киреевским и их единомышленниками. Путь, пройденный каждым — и Булгаковым, и Зеньковским, — вначале совпавший с «мейнстримом» эпохи, затем был медленным изживанием секуляризма как основной болезни современной им культуры, закончившейся революционным коллапсом 1917 г. в России. Этот печальный исторический итог обрек на долгие годы изгнания и самих мыслителей, и трудные проблемы взаимоотношения веры и знания, Церкви и культуры, Церкви и государства. Если Сергей Булгаков после вынужденного исхода из России завершает философский период своего творчества, включавший и анализ указанных вопросов, посвящая себя чисто богословским исследованиям, то Василий Зеньковский не оставляет эту

тему до конца своей жизни, развивая, уточняя, нюансируя те интуиции, которые были высказаны обоими мыслителями еще до 1917 г.

Первым к вопросу отношения Церкви и культуры обратился Сергей Николаевич Булгаков, опубликовавший в 1906 г. в журнале «Вопросы религии» статью «Церковь и культура», вошедшую затем в переработанном виде в сборник «Два града. Исследования о природе общественных идеалов» (1911). Следует упомянуть также и другие работы автора, так или иначе связанные с этим вопросом. Это, прежде всего, «Героизм и подвижничество» из имевшего широкий резонанс сборника «Вехи» (1909), где сравниваются христианские подвижники и отпавшая от Церкви интеллигенция, и это сравнение оказывается не в пользу последней. Затем статьи, написанные в годы Первой мировой войны, — «Война и русское самосознание», «Русские думы», в которых Булгаков не только рисует грандиозную картину кризиса новейшей европейской цивилизации, в качестве основной его причины называя отпадение от Бога, что сделало Европу эпицентром мировых и локальных конфликтов, но и защищает концепцию самобытного культурного пути России, обусловленного ее причастностью к православию. Остановимся на основных идеях статьи «Церковь и культура», являющихся квинтэссенцией взглядов мыслителя по обсуждаемой проблеме. Они могут быть сведены к нескольким ключевым тезисам.

- С конца Средневековья происходит раскол жизни человека на светскую и церковную жизнь. В результате культура становится внецерковной, а Церковь оказывается вне культуры. Светскость культуры означает внерелигиозную, а часто и антирелигиозную направленность всех ее сфер — как материальной (хозяйство), так и духовной (философия, наука, искусство). Со временем это приводит к измельчанию культуры, уходу ее от смысложизненных вопросов, а также к кризису человеческой личности, проявляющемуся в индивидуализме и изолированности.

- Церковь, оказавшись за пределами культуры как поля деятельности человека, суживается до храма и богослужения, что не позволяет ей выполнить в полной мере свое предназначение — ввести историческое человечество в сферу Царствия Божия. Церковь как богочеловеческий организм должна освящать все сферы человеческого бытия. Будучи церковью-храмом, она не может не быть церковью-человечеством, церковью-культурой, церковью-общественностью. Сужение сферы жизни Церкви — причина и признак ее исторической слабости сегодня.

- Всеобъемлющее воцерковление культуры должно произойти не на основе инквизиционного режима, как было в Средневековой Европе, а на почве соборного общения и творчества. Воцерковлению

культуры мешает дух отрешенности, который прочно утвердился в современном церковном сознании и «питается самодовольным, но безосновательным мнением, что в «культуре» всецело царит темное сатанинское начало. Между тем там ключом бьет жизнь, которой не нашлось места в церковной ограде, накапливается всемирно-исторический и общечеловеческий опыт, который необходим и для церковного сознания» [1, 169].

- Расширение церковного самосознания, проверка им культуры необходимы и для окончательного выявления сил добра и зла и грани, их разделяющей: «Лишь при внесении света в неосвященные доселе области обнаружатся светопроницаемые точки». Чтобы усилить эту мысль, автор ссылается на почитаемого им Ф. Шеллинга: «Ничто в мироздании не должно остаться двусмысленным» [1, 169].

Картину, нарисованную С.Н. Булгаковым, В.В. Зеньковский уже в первой статье, посвященной этой проблематике, — «Россия и Православие» — дополняет анализом духовной жизни Западной Европы и России. В ней, как в фокусе, сошлись проблемы, будоражившие русскую историософскую мысль на протяжении всего XIX в.: здесь и идея православной культуры, выдвинутая славянофилами и сопровождающаяся выявлением католических корней гуманистической западной культуры, отрицанием ее религиозной нейтральности, а следовательно, пониманием невозможности усвоения ее без остатка Православной Россией; и скрытая полемика с Данилевским, автором «России и Европы», обнаружившаяся в названии «Россия и Православие», которое является опровержением идеи Данилевского о естественно-эволюционном характере своеобразия тех или иных культурно-исторических типов.

Следует остановиться на нескольких наиболее важных идеях В.В. Зеньковского.

Первая из них такова: «История Западной Европы, если отвлечься от поверхностного трактования ее, представляет величавую и грандиозную картину религиозного содержания» [2, 108]. По Зеньковскому, даже в период секуляризации общественной жизни в Западной Европе возникает не религиозная пустота, но религиозное одичание — место христианства занимают суррогаты подлинной религии: индивидуализм (обожествление отдельной человеческой личности), стремление к безграничной свободе, граничащей с произволом, культ материальных благ. Это сопряжено с отступлениями от христианства в католицизме — отвержением начала соборности, его подавленностью иерархическим строем Церкви, искажением заветов о христианской свободе [2, 111] и, как следствие, с попыткой найти свободу или вне Христа, или вне Его Церкви. Этими тупиковыми путями поиска свободы западно-

европейским человеком оказались секулярный гуманистический индивидуализм, радикализировавший политическую жизнь Запада и отравивший гносеологическим и нравственным релятивизмом западную науку и культуру, и протестантизм с его религиозным индивидуализмом, по видимости восстанавливающим свободу личности, но фактически сводящим ее к субъективным движениям индивидуальной души, релятивность которых не проходит проверку религиозным опытом соборной Церкви. Описание секуляризированной Западной Европы сопровождается глубокой мыслью Зеньковского о неустранимости католического «следа» в ее духовной жизни: «Культ свободы, доходящий до крайностей анархизма, является односторонним проявлением реакции подлинно христианского духа против католичества — но связь его с католичеством ярко видна в непонимании сущности свободы. Как католичество приносило свободу в жертву мнимым интересам Церкви, так в современной духовной жизни все приносится в жертву безграничной свободе — и свобода становится бессодержательной и пустой. Как в католичестве личность была подавлена и разбита, так в современном индивидуализме уничтожается всякое наиндивидуальное начало, ограничивающее личность» [2, 112]. Нам следует заострить внимание на этой мысли о специфичности католического «следа» в секуляризированной Западной Европе, позволяющей определить сущность гуманистической науки и культуры как односторонний ответ на искажение духа христианства в католицизме, ответ, в котором совершилась чудовищная подмена свободы произволом, открывшая дорогу легитимизации греха, превратив его из аномалии в «норму» бытия.

Вторая идея Зеньковского характеризует усвоение западной секулярной науки и культуры русской интеллигенцией как духовный плен у Запада. Игнорирование этой мысли породило не только то ощущение чужестранства русской интеллигенции, живущей проблемами западной культуры, которому сопутствовала «рабская боязнь перед мнением Европы, детское стремление к тому, чтобы нас считали вполне взрослыми, культурными людьми» [3, 103], но и, что более значимо, почти полностью лишило православие голоса в культуре, создав трагическую ситуацию, когда в ней смогли артикулироваться смыслы, чуждые православию, подготовившие его скитальчество. Православие оказалось оторванным от жизни: социально-политические, социально-этические и научные движения развивались вне сферы его влияния. Трагизм ситуации в России состоял в том, что, с одной стороны, церковная жизнь не способствовала раскрытию полноты православия, образуя диссонанс между подлинным и официальным православием, а с другой — культура, заимствованная с Запада, предлагала готовое решение: «идеал свободы, “окончательно” утвержденной в сознании и

сердце человека благодаря секуляризации культуры от католичества» [3, 103].

Здесь — исток *третьей* идеи Зеньковского, согласно которой неразвитость самобытной культуры, вырастающей из православия, заимствование западной гуманистической культуры, возникшей как реакция на проблемы, порожденные католичеством, искривили историческое движение России — поскольку в общественном сознании в качестве важнейших приоритетов в социально-политической, социально-этической и научной сферах утвердились чужие ответы на чужие вопросы: «В попытке подражать Западу в освобождении культуры от влияния религиозной сферы, не замечая, что наши религиозные обиды иные, чем на Западе, интеллигенция все больше уходила в западную жизнь, жила ее задачами» [3, 103]. Именно интеллигенция «впустила» в русскую жизнь политический радикализм, анархизм и утопический социализм — печальный итог западного секулярного гуманизма, выразившийся, с одной стороны, в стремлении к безграничной свободе личности (на самом деле оказавшейся произволом), а с другой — в поглощении личного общественным, в подмене единения через единство во Христе общностью хозяйственной деятельности, создающей иллюзию внешнего равенства.

Мысли о судьбах России В.В. Зеньковский додумает и договорит в своих статьях: «Идея православной культуры» (1923) и «Православие и русская культура» (1923) — уже в эмиграции. Итог этих размышлений выражен в последней из них: «Отрыв от Православия имеет самое разрушительное действие для народной души; доведенный до конца, он означал бы решительный распад русского духа, превращение русского народа в этнографический материал» [4, 110].

В более поздних работах — «Система культурного дуализма» (1929), «Наша эпоха» (1952), «Основы христианской философии» (1961—1964) и др. — Василий Зеньковский продолжает обсуждение вопросов о причинах и следствиях секуляризации культуры, все больше уходя от обсуждения чисто русской проблематики. Теперь предметы его исследований — выяснение истоков отпадения культуры от Церкви и поиск возможных путей ее воцерковления в современных условиях, т. е. продолжение той линии, которая была обозначена С.Н. Булгаковым в статье «Церковь и культура». В целом его концепция может быть выражена в следующих тезисах.

- В истории человечества им особо выделяется история Нового времени, основным мотивом которой была борьба за свободу. Теневой стороной этой борьбы (обусловленной нелегитимностью темы свободы в католицизме) явилось стремление обрести свободу от Церкви. В результате произошли отход культуры от Церкви, ее обмирщение, лаи-

зация. Зеньковский замечает, что, как ни странно, «старт» этому процессу был дан в самой католической церкви идеей о самодостаточности «естественного разума», выдвинутой Фомой Аквинским, который провел границу между верой и знанием, «уступил знанию (философии) всю территорию того, что может быть познаваемо “естественным разумом”» [5, 12]. С этого момента философское творчество стало обходиться без религиозного обоснования и постепенно перешло на путь полной автономии. Началось отделение от Церкви, от ее духовных установок различных сфер культуры — сначала права, где были возрождены правовые идеи языческого Рима, затем процесс дехристианизации распространился на антропологию, философию, науку, культуру в целом. В протестантской трактовке культуры как абсолютно нейтрального фона человеческой жизни, не имеющего никакой религиозной ценности и религиозного смысла, произошел окончательный разрыв между творчеством человека и христианством. По словам В. Зеньковского, активное безбожничество коммунизма в XX в. лишь договорило до конца тенденции, давно накапливавшиеся в европейском мире, и, можем добавить, продолжающие активно накапливаться и сейчас.

- Возможные стратегии дальнейшего развития европейской культуры, с точки зрения Зеньковского, обусловлены различным пониманием ее отношения к христианской вере. Согласно первой, надо признать, что нет и не будет религиозного освящения культуры, т. е. строить историю без укрепления ее на религиозной основе (в таком случае жизнь христианина оказывается разорванной на две несовместимые части — индивидуальная религиозность и общественная внерелигиозность, нередко имеющая антихристианский характер). В соответствии со второй, надо вернуться к теме об освящении культуры, о преодолении наивного и беззаботного натурализма, о движении к церковной культуре (что возвратит целостность жизни верующего человека, который сможет быть христианином и в общественной жизни). Основание такого пути развития культуры следует, по мысли Василия Зеньковского, искать в православии, которое отвергает схоластическое рассечение веры и разума. Он настаивает: «Для христианина разум не есть “нижний этаж” его духовной целостности, а живая сфера его духа, куда проникают благодатные лучи Церкви» [5, 14].

- При этом путь к церковной культуре не может строиться мимо и вне современности. Вопрос состоит в том, как среди современности обозначить и осуществить путь церковной культуры. В.В. Зеньковский особо отмечает, что мы не можем уйти из современности, а если бы ушли, то не наметили бы этим пути для Церкви. Основной лейтмотив

воцерковления культуры состоит в том, чтобы творить свое дело внутри современности, не уходя от нее, но и не растворяясь в ней, т. е. не создавая в своем воображении мифические исторические обстоятельства, в которых якобы «лучше будет спасаться».

- Василий Зеньковский называет наше время временем явления Церкви в мире, действием Церкви в системе современной культуры. По его словам, это та точка, в которой сфокусировалась существеннейшая борьба христианства и враждебных ему сил, ибо именно здесь совершается спасение мира, возвращение его к духовному здоровью.

- Путь к церковной культуре должен осуществляться не через внешнее упорядочивание (подавление) натурального хаоса, а через преобразование людей изнутри. «Путь Церкви через историю может быть только путем через сердца — иного пути христианству не дано по самой его сущности: иное есть подмена, обеднение, маловерие» [6, 211]. Ошибкой называет В.В. Зеньковский (как это было в средневековом католицизме и не только в нем) стремление принудительно вводить те или иные формы церковной культуры, используя государственную власть. Внутри самого христианского общества, церковных общин должны звучать проповедь сближения Церкви и жизни, прозвонить поиск новых путей и форм оцерковления культуры. В этом состоит суть и своеобразие миссионерства в нашу эпоху.

- По мнению мыслителя, внехристианские (так называемые нейтральные) явления в культуре более опасны, чем прямые антихристианские выпады, так как они исподволь опустошают современность, разрывая связь между Церковью и жизнью в той или иной точке. Восстанавливать эту связь надо, не борясь с прежними формами жизни, а создавая рядом с безрелигиозной культурой «оазисы» религиозной культуры. Такое сосуществование двух разнонаправленных культурных миров он называет системой культурного дуализма.

- Создание оцерковленной культуры требует новой постановки проблемы свободы. «Если действительно должна быть обеспечена свобода для неверующих, для поклонников “нейтральности культуры”, то почему же отказывать в свободе и верующим, стремящимся к оцерковлению культуры? Свобода нужна одним, но нужна и другим... Если исторически тема свободы срослась в европейском человеке с правом на безверие, то приходит новая эпоха в осуществлении и явлении свободы, защищающей право на веру» [6, 216]. Зеньковский считает, что необходимо официальное признание двух систем культуры — религиозной и светской («нейтральной»). Такая система культурного дуализма предполагает отказ как от принудительной нейтральности

культуры, отвергающей право церковных сил строить жизнь, школу, культуру по заветам Церкви, так и от принудительного оцерковления современности. Зеньковский делает важное заключение: свобода является предусловием подлинной христианизации души и жизни, но чтобы быть христианином, жить по-христиански, нужна и положительная свобода творить церковную науку, христианское искусство, религиозно преобразенную социальность [6, 225—226].

Прекращение гонений на Православную Церковь, длившихся почти 75 лет в условиях коммунистического режима, которые исключали малейшую возможность присутствия Церкви в общественной жизни, совпало с экспансией антихристианской, разрушающей человека культуры Постмодерна. Поэтому современная эпоха характеризуется, с одной стороны, расширением возможностей для церковной миссии, а с другой — крайне неблагоприятной культурной средой для ее осуществления. Отсюда становится понятной актуальность размышлений Сергея Булгакова и Василия Зеньковского, сумевших не только дать трезвую оценку секуляризму и его последствиям, но и предложившим стратегию миссионерства Церкви изнутри современной культуры через выявление и создание в ней тех пластов, которые могут стать проводниками евангельской Истины.

Литература

1. Булгаков С.Н. Церковь и культура // Христианская мысль. 2005. № 2.
2. Зеньковский В.В. Россия и Православие // Христианская мысль. 1916. № 1.
3. Зеньковский В.В. Россия и Православие // Христианская мысль. 1916. № 2.
4. Зеньковский В.В. Православие и русская культура // Зеньковский В.В. Собр. соч. Т. 2: О православии и религиозной культуре: Статьи и очерки (1916—1957). М., 2008.
5. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М., 1997.
6. Зеньковский В.В. Система культурного дуализма // Зеньковский В.В. Собр. соч. Т. 2: О православии и религиозной культуре: Статьи и очерки (1916—1957). М., 2008.

А.А. СОБОЛЕВСКАЯ, А.К. ПОПОВ

Идеи С.Н. Булгакова в философии хозяйства сегодня

Аннотация. В статье рассматриваются основные идеи философии хозяйства С.Н. Булгакова, который пытался конструктивно преодолеть марксистскую философию хозяйства на религиозной основе. Софиология внесла языческие мотивы в булгаковскую метафизику хозяйства. В 1990-х гг. идею философии хозяйства подхватил экономист Ю.М. Осипов. На пути философии хозяйства были по-новому рассмотрены многие актуальные проблемы, такие как философия имперского хозяйства.

Ключевые слова: философия хозяйства, метафизика, марксизм, софианство.

Abstract. In the article it is analyzed the main ideas of the S.N. Bulgakov economy philosophy. It was the attempt to overcome the Marxist economy philosophy on the way of sophiology. In 1990th years this attempt was revived by the Russian economist Yu.M. Osipov.

Keywords: economy philosophy, metaphysics, Marxism, sophiology.

В постсоветской России к идеям С.Н. Булгакова научная общественность обратилась в 1994 г., когда в октябре прошла международная конференция, организованная РАН при участии представителей Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже, ученых и богословов Швейцарии. Л.И. Абалкин, пытавшийся в то время вместе со своим Институтом экономики РАН обратиться к истокам русской экономической школы, в своем вступительном слове подчеркнул, что «такие концепции, как “философия хозяйства”, не возникают на пустом месте и не являются продуктом внезапного озарения». Он назвал ее составной частью сложившейся на рубеже XIX—XX вв. русской школы экономической мысли [1, 7].

Обращаясь к участникам конференции, митрополит Питирим, предложил «пройти по тем тропам, которые наметил в своем философском, богословском мышлении Сергей Николаевич Булгаков». Он говорил о том, что необходимо освободить от всего накопленного груза недопонимания саму систему взглядов Сергея Николаевича, проанализировать тот сложный исторический контекст, в котором появился такой выдающийся мыслитель. О том, что неприятие отдельных формулировок или концепции в целом священноначалием Русской православной церкви не может затрагивать личность о. Сергия. О том, что важно понять силу духа, который, как известно, дышит, где хочет,

пусть она выражается не всегда в совершенных формулировках этого мыслителя [1, 10].

Через полтора года уже в стенах Московского университета продолжилось, а можно сказать, — началось, на все расширяющейся основе, следование по «тропам» идей Булгакова. В июне 1996 г. прошла конференция, приуроченная к его 125-летию, «Творческое наследие С.Н. Булгакова и современное социально-экономическое знание». Пионером и бессменным руководителем этого следования стал страстный пропагандист его творчества Ю.М. Осипов. В процессе изучения творческого наследия Булгакова наметилось основное поле исследования, связанное с его экономическими взглядами, наиболее емко выраженными в диссертации и книге «Философия хозяйства». И само направление исследований, возглавляемых Ю.М. Осиповым, естественно получило такое название.

В то время, когда мы начинали свои исследования, все мы были «детьми Маркса», немногие были крещены в Православие, и еще меньше было воцерковлено. За прошедшие 15 лет и с нами, и со страной произошло много чего. И отдавая дань и уважение такому русскому уму, каким был Булгаков, мы не можем воспринимать все его идеи как непреложную истину. В том числе и в сложных богословских вопросах, которые якобы были неправильно поняты РПЦ, относительно Софии. Во-первых, потому, что эти вопросы неотделимы от существа вытекающих из его концепции практических проблем, вытекающих из идей философии хозяйства. Во-вторых, потому, что догматическое новаторство не является личным делом отдельного мыслителя: оно всегда выражается в попытке церковного реформирования, чаще всего, если не сказать всегда, ведущего к смуте и расколу. И, в-третьих, из-за *практических, политических* последствий, которые вытекали и вытекают из *либеральных*, по существу, идей, обернувшихся совсем не тем, чего хотели Булгаков и его коллеги. И все же идеи Булгакова, навеянные искренней любовью к России, не могут не найти отзвука в наших умах и душах. Они будоражат мысль, требуют познать весь обширный арсенал знаний, который был присущ нашему выдающемуся соотечественнику-мыслителю.

Ключевым моментом, важным для перехода в нашем отечестве к новой парадигме философии хозяйства, основанной на традициях русской экономической школы, можно назвать преодоление марксизма — дело, в которое Булгаков внес значительный вклад еще сто лет назад. В последней, девятой, главе своей книги «Философия хозяйства» он называет марксизм экономическим материализмом наряду со всей манчестерской школой политэкономии. Он пишет, что экономический материализм недостаточно просто отвергнуть, от него отвернувшись в

бессилии или же по отсутствию к нему интереса, он должен быть «внутренне превзойден», его надо *преодолеть*, а преодолеть можно только положительным путем, признав его правду, понимая его мотив, но отклоняя при этом его ограниченность и извращения [2, 7].

Он называет экономический материализм *первой попыткой философии хозяйства*, в нем впервые сознательно поставлена ее проблема, в истории мысли прозвучал новый мотив, навеянный жизненными впечатлениями действительности. Экономический материализм как философское учение акцентирует философию на факте хозяйства. Притом для него философия хозяйства есть сущая истина, философская система, постигающая тайну бытия и раскрывающая ее в научной доктрине.

Экономический материализм, т. е. марксизм, по Булгакову, представляет собой философию истории метафизического или, уж во всяком случае, метаэмпирического характера, так сказать, *историческую онтологию*. Этому не мешает то, что творцы экономического материализма объявляли войну всякой метафизике и видели в нем ее ниспровержение. Они полагали, что в нем вскрываются материальные корни всякой метафизики и тем изобличается ее иллюзорно-идеологический характер. В действительности, настаивает Булгаков, экономический материализм представляет собой, как и вообще материализм, лишь наивную или догматическую метафизику, не сознавая, однако, своей собственной природы. Булгаков писал и о субъективном носителе такой догматической метафизике — Карле Марксе — как особом религиозном типе, говоря, что он «борется с Богом религии и своей наукой, и своим социализмом» [2, 310—342].

Экономический материализм ставит себе проблему, несомненно, метафизического характера, точь-в-точь ту же самую, которую разрешает в своей сознательно метафизической философии истории Гегель. Знаменитое «поставление вверх ногами» Гегеля, которое приписывает себе Маркс, касается лишь *содержания* учения, где роль всемирного духа приписывается *экономическому базису*. Но *его проблема* остается совершенно тою же самой. Марксизм, резюмирует Булгаков, в этом отношении действительно есть заново перелицованное гегельянство. Так, Гегель говорит, что «всемирная история есть прогресс в сознании свободы». Маркс и Энгельс говорят о «прыжке из царства необходимости в царство свободы», причем последнее отождествляется у них с социалистическим «государством будущего».

Гегелевская идея о том, что люди, сами того не сознавая, осуществляют стремления истории (в этом и состоит «хитрость разума»), также преобразуется следующим образом. Марксизм утверждает, что история есть игра страстей и интересов, которая в совокупности своей

образует борьбу экономических классов. В истории действует закономерность, идущая далее частных целей отдельных лиц или групп, и эта закономерность определяется развитием *производительных сил*, которое проходит свои ступени, аналогичные фазисам гегелевского самосознания всемирного духа. И здесь действует «хитрость», только не разума, но экономического базиса. Маркс, подчеркивает Булгаков, сосредоточил все свое внимание на отличии своего учения от гегелевского по содержанию. Но незаметно для себя принял из него без критики то, что гораздо важнее содержания, *метафизическую постановку* проблемы, совершенно в духе гегелевского онтологизма, и в этом он опять-таки не отличается от всего после-гегелевского материализма, который тоже «поставил на голову» гегелевский идеализм и на его же проблемы дал лишь новый ответ. Как философия истории экономический материализм не есть эмпирическая, научно-позитивная теория исторического развития, но есть онтология, это — самая важная его философская особенность [2, 230—239].

Преодолевая последовательно марксизм, Булгаков выстраивает свою концепцию философии хозяйства. Он не уповаает на объективную закономерность экономического прогресса, развитие производительных сил: Булгаков ищет и находит трансцендентный субъект хозяйства: «целокупное человечество», или Душу мира, Божественную Софию.

Однако человек в этой целокупности — лишь безвольный ее член, действующий невольно, не зная и не хотя, но подчиняясь. Именно здесь наглядно виден пантеистический изъян философии хозяйства С.Н. Булгакова, когда человек действует, не зная до конца, что творит. По существу эта все та же марксистская осознанная необходимость

Все предопределено в софийной модели хозяйства, все технические и организационные открытия. «София, — пишет Булгаков, — правит историей как Провидение, как объективная ее закономерность, как закон прогресса... Только в софийности истории лежит гарантия, что из нее что-нибудь выйдет и она даст какой-нибудь общий результат» [2, 126]. Фактически здесь С.Н. Булгаков невольно соглашался с детерминацией эпохи ее общим духом, например, духом капитализма, который и порождает благополучно своего «экономического человека». Гарантия истории для верующего христианина лежит в Божественном Промысле и подвиге людей, а не в тупом законе прогресса, отрицающем свободу воли человека. Удивительно, но и тут Булгаков, который столько писал о лживости идеи прогресса, впадает сам в тот же метафизический замкнутый круг.

На этот важный аспект булгаковской философии хозяйства обращал внимание Н.А. Бердяев, писавший, что автор хотел открыть со-

фийность хозяйства, «но в действительности открыл нетворческую, трудовую, послушную, ветхозаветную природу хозяйства», а его онтологическая позиция — «христианский платонизм, превращающий мировой процесс в комедию» [3, 555].

В «Философии хозяйства», изданной и одновременно защищенной как докторская диссертация в 1912 г., сочетаются религиозность, политэкономическая тематика и философский арсенал немецких классиков. Идеи Шеллинга вместе с учением В.С. Соловьева явились обоснованием его философии хозяйства, которая была замыслена именно как антитеза марксистскому «экономизму».

Потребление С. Булгаков представляет себе как причащение-приобщение «плоти мира» [2, 71], т. е. рассматривает мир как живое существо. Эта, по существу, метафора ему нужна для того, чтобы обосновать тезис об обожении всего мира, превращения его в высшую бессмертную потенцию. Такое понимание противоречит учению св. Церкви о том, что мир как лежал во зле, так в нем и остался лежать. Поэтому он и будет сожжен во Втором Пришествии Иисуса Христа. Если бы он был обожен, то этого не случилось бы. Здесь можно видеть соловьевские идеи почти в нетрансформированном виде.

Производство для С.Н. Булгакова есть «теоретически-практическое, проективно-деятельное, идеально-реальное, субъект-объектное» отношение человека к миру. Природа есть «пассивное, рецептивное, женственное начало, а человек — активное, мужественное сознательное». В процессе производства и потребления природа очеловечивается, становясь периферическим телом человека. В человеке осознает себя «логос мира», а производстве восстанавливается утраченное человеком мировладение. Природа достигает новой стадии сознания и овладения самой собой. «Хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор, принципиально отличный притом от всех остальных сил природы» [2, 89].

Субъектом мирового хозяйства С.Н. Булгаков считает человеческий род, хотя эмпирически хозяйствуют отдельные индивиды. Этим он ставит человека в ряд с пчелой, а хозяйство — с ульем и медосбором. Здесь он разделяет все предрассудки языческой философии, выключая из хозяйства собственно человеческую свободную и разумную его природу. Но зато он находит трансцендентальный субъект хозяйства «целокупное человечество», или Душу мира, Божественную Софию и т. д. т. п. Человек в этой целокупности — лишь безвольный ее член, действующий невольно, не зная и не хотя, но подчиняясь. Все тот же Бердяев, alter ego Булгакова, дает такую оценку книге «Философии хозяйства»: «В книге религиозно осмысливается хозяйство. Но

сама религия получает слишком хозяйственный характер. Булгаков признает хозяйство софийным. Этим он хочет связать его с душой мира. Книга Булгакова — симптом углубления проблемы хозяйства, осознание его космического характера. *Но есть опасность в таком хозяйствовании Софии — Премудрой Девы, не рождающей и неустраивающей*» [4, 211—212].

В книге Булгаков не рассматривает конкретно-содержательно такие важнейшие моменты хозяйства, как собственность, мотивация хозяйственного субъекта, т. е. хозяина. Лишь бегло он останавливается на вопросе о социальной политике, которую считает механикой, приводимой в движение разными мотивами. Правда, в работе 1909 г. «Народное хозяйство и религиозная личность» он рассматривает эти проблемы, но исключительно в зависимости от религиозно-этических воззрений. Здесь он следовал за идеями М. Вебера и В. Зомбарта, показывая возможность существования наряду экономическим человеком протестантского типа также и православного типа, правда, старообрядческого образца. Тем самым ставился вопрос о возможности «православного капитализма», развития без эксцессов революции, кровавую суть которой он почувствовал в 1905 г.

Наиболее «русским», в смысле основания русской экономической школы, нам представляется двухтомный труд Булгакова «Капитализм и земледелие», изданный на родине в 1900 г., который положил конец его марксистскому периоду. В нем он доказывал ошибочным распространение на земледелие декларированного в «Коммунистическом манифесте» положения о концентрации производства, ведущей к замене частной собственности общественной. Экономических условий, настаивал Булгаков, способствующих гибели мелких хозяйств не существовало. Скорее преобладала обратная тенденция уменьшения размеров хозяйств, ведущая к постепенному отмиранию самых тяжелых форм эксплуатации. Он говорит и о поэзии деревенского труда лицом к природе, о благоприятности религиозного отношения к нему и природе. Отсюда, во многом, проистекают его любимые мотивы о «матери-сырой земле», навеянные, как он говорил, крестьянской религией. В этих мотивах действительно много теплоты и поэзии, и читать их очень интересно.

Еще одной темой Булгакова, которая вытекает не только из его концептуальных постулатов, но просто из прожитой жизни, в том числе времен марксизма, является идея христианского социализма. В своем возвращении к идеям социализма Булгаков, оставаясь прежде всего христианином, пытается обосновать его православным преданием и творениями учителями Церкви — св. Василия Великого, Иоанна

Златоуста и др. Он, разумеется, за свободный, демократический социализм, а не тот, который в большевистской России [5, 361—365].

Еще раньше он так же писал о царизме, царе — что в Росси они «не правильные», а потому должны быть разрушены. И вот разрушили, и что? Так же разрушили «тоталитарный» СССР, и что? Доколе же мы будем разрушать, следуя очередным либеральным призывам? Конечно, Булгаков был большой мыслитель, с непростой, даже трагической судьбой. За него надо молиться. И замечательно, что наше ученое общество поставило ему в Польше крест. В то же время, надо не повторять ошибок наших предшественников, вытекавших, может быть, из их страстного желания улучшить нашу жизнь, поделившись своими размышлениями.

Помяни, Господи, раба твоего Сергия, прости ему все согрешения вольные и невольные и даруй ему Царство Небесное!

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Экономика и культура // Материалы международной научной конференции (Москва, 11—13 октября 1994 г.). М., 1995.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
3. *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
4. *Бердяев Н.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1971.
5. *Прот. Сергей Булгаков.* Православие. Очерки учения Православной Церкви. М., 1991.

Н. ОЗОЛИН

Учение протоиерея Сергия Булгакова об «описуемости Бога» в свете православной иконологии

Аннотация. Автор исследует богословское учение протоиерея Сергия Булгакова в свете православной иконологии.

Ключевые слова: богословие, Сергей Булгаков, иконология.

Abstract. Author explores the theological teaching of Archpriest Sergij Bulgakov in the light of Orthodox iconology.

Keywords: theology, Sergij Bulgakov, iconology.

Несомненной заслугой прот. Сергия Булгакова в области осмысления церковного искусства является то, что он почувствовал *богословскую* значительность христианского образа и признал иконописную традицию одним из важнейших видов церковного Предания. Через шесть лет после открытия Свято-Сергиевского богословского института он посвятил этому вопросу специальный «догматический очерк», озаглавленный «Икона и иконопочитание», опубликованный в Париже в том же, 1931 г., т. е. в ту пору, когда никто еще не поговаривал о «богословии икон»⁹.

В XX в. о. Сергей действительно первый задумал именно чисто *догматическое* исследование об иконе, и в основе этого замысла лежит, по-видимому, сама по себе замечательная интуиция о все возрастающем значении образа в христианской мысли нашего времени. Однако, к сожалению, приходится признать, что в обширном корпусе богословских трудов о. Сергия, очерк об иконе является, без сомнения, одним из самых спорных сочинений, где он с поразительной настойчивостью противопоставляет себя консенсусу святоотеческой мысли.

Книга начинается с неожиданного утверждения, что отцы VII Вселенского собора фактически ничего не поняли в данном вопросе, поскольку не дали никакого догматического обоснования ни иконе, ни ее почитанию. Церковь установила, пишет он, «только канон об иконопочитании, но не догмат о том, что же такое собственно представляет собою икона как факт догматического значения» [5, 6]. О. Сергию представляется, что защитники икон VIII и IX вв. и даже отцы VII Собора всего лишь выражали «богословские мнения». «*И эти мнения мы вовсе не обязаны принимать*, — настаивает он, выделяя текст, — ибо они несостоятельны сами по себе и, хуже того, последовательно развиваемые, *приводят к иконоборчеству* (курсив мой. — Н.О.)». «До сих пор, — продолжает он, — догмат иконопочитания рассматривался всецело на почве христологии... Однако в пределах христологии он оказался в сущности неразрешим, ибо ведет к безысходным апориям. Он должен быть перенесен на почву общей теологии и антропологии в их взаимном соотношении, причем связь эту дает софиология... Надлежит поэтому прежде всего показать, что по существу своему догмат иконопочитания есть проблема софиологическая» [5, 40].

Я позволил себе привести эти цитаты, с тем чтобы показать по меньшей мере «оригинальный» подход автора и впечатление какого-то крупного недоразумения... Теперь мы должны спросить себя, в чем корень такого демонстративного расхождения с церковным Предани-

⁹ Если только не считать превосходные работы Г.А. Острогорского об иконоборческой смуте (см.: [1—4]).

ем. Мне думается, что корнем всех недопониманий и заблуждений о. Сергия по отношению к православной иконе является *учение об описуемости Бога*, излагаемое им на протяжении всей его книги.

Как известно, иконопочитатели и иконоборцы сходились в одном — в признании абсолютной неопикуемости Бога и божественной природы. Это утверждение является одним из основоположений библейского откровения, евангелий и всего патристического и литургического богословия. Для о. Сергия же, напротив, неизобразимость Бога есть не что иное, «как ложная посылка», которую православные заимствовали у иконоборцев «по неосторожности и по недоразумению» [5, 83]. Сам он исходит в своем учении об иконе — я цитирую — «не из *апофатического тезиса о невидимости и безобразности Бога*, но из *софиологического учения об Его образности и со-образности мира этому образу*» [5, 82]. Ссылаясь на шестой день творения, он говорит: «мысль, что человек носит образ Божий, содержит в себе, как свое основание, и обратную мысль, именно что человечность свойственна образу Божию» [5, 83]. И этот образ Божий (которому свойственна человечность), по о. Сергию, находится в Боге, ибо он говорит: «образ Божий в Боге есть небесное Человечество... Божественная София или предвечная Божественная Человечность» [5, 83].

Согласно о. Сергию, божество от века является богочеловеческим, а образ Божий начертан в человеке именно благодаря тому, что образ человеческий присущ Самому Богу. Следовательно, с точки зрения *видимого* образа не только имеется некая взаимность между Богом и человеком, что уже было бы достаточно проблематичным, но о. Сергий, не колеблясь, говорит к тому же и о «сообразности Бога человеку» и даже доходит до того, что «Слово Божие могло вочеловечиться только по силе этой сообразности Бога человеку» [5, 83]. Мы здесь не будем настаивать на очевидной сомнительности этой мысли с точки зрения православного богословия. В данный момент нас в этом высказывании интересует то, что человеку приписывается, так сказать, двойное познание образа Творца. Он может знать этот образ не только потому, что несет его в себе, но он открывается ему прежде всего благодаря со-образности Бога твари как некая «естественная» данность, известная уже язычникам.

Это объясняет, отчего икона лишается здесь всякого христологического обоснования и отчего о. Сергий может утверждать: «Мы стоим прежде всего перед тем основным фактом, что икона впервые появляется в язычестве. Весь языческий мир полон икон и иконопочитания» [5, 7].

«Языческий, а более всего эллинский мир *явил* богоподобие человеческое, запечатлев его в идеальных образах природного человека как

совершенной формы телесности. И эти явления красоты были настолько неотразимы (?) в убедительности своей, что после них не нужно было сызнавать или доказывать возможность иконы» [5, 10]. Значит, с точки зрения о. Сергия, то, что исторически предшествует христианскому образу (основанному на боговоплощении) и что является необходимой предпосылкой этого образа, вовсе не есть ветхозаветный запрет изображений (как у всех апологетов святых икон), но — я цитирую — «языческая иконография, которая является, так сказать, естественным Ветхим Заветом для христианской» [5, 10—11]. Итак, пресловутая «со-образность Бога человеку» становится здесь основанием искусства как такового, которое очевидно мыслится по сути «софийным», ибо выражает эту со-образность. «Мостом, соединяющим языческое иконотворчество с христианским, являлось искусство» [5, 10], — поясняет о. Сергий. «Религиозное искусство восполняло богословие языческому миру, и поэтому иконографическое богословие в зарождении своем принадлежит уже язычеству» [5, 10.]

Все это ничуть не мешает о. Сергию принять аксиому, введенную в современную науку либеральными протестантскими историками XIX в., которая гласит, что первые христиане не допускали искусства в Церкви, поскольку Ветхий Завет и отцы Церкви осуждают идолослужение. О конфессиональной тенденциозности и принципиальной несостоятельности этих взглядов см.: [6, 303—345]. Здесь лишний раз мы имеем дело со смешением языческого идола и христианского образа. Но оспаривание основ православной иконологии на этом не заканчивается. Широко известно, что православная Церковь не допускает антропоморфических изображений Бога, кроме иконы Спасителя. Исходя из того, что икона основана на факте воплощения Бога-Слова, второй ипостаси Пресвятой Троицы, Бог Отец (являющийся абсолютно трансцендентным) или Дух Святой (изобразимый в своих проявлениях — голубе в Богоявлении, огненных языках в Пятидесятнице, облаке славы в Преображении) — в рамках православной иконологии не могут быть представлены в «подобии человеческом». Напротив, о. Сергий, как мы это уже указали, хочет вывести обоснование иконы «за пределы христологии» и показать, что проблема иконы может быть разрешена, лишь исходя из проблематики софиологии [5, 55]. Я цитирую: «Это отношение между триипостасным Богом и Его Образом, Премудростью Божьей, которая есть Первообраз мира в самом Божестве», с одной стороны, «и отношение Первообраза мира к миру как к своему тварному образу», с другой, «есть вообще основание всякой иконности» [5, 82]. Бог открывается миру в Софии, которая и есть образ Бога в творении. Поэтому о. Сергий считает себя вправе перефразировать молитву евхаристического канона св. Иоанна Златоуста, об-

ращенную к Богу-Отцу: «Ты еси Бог неизглаголаный, непостижимый, невидимый», и смело утверждает, что «Бог, соотносительный творению, не есть Бог безобразный, невидимый, неведомый и потому неизобразимый» [5, 82].

Отсюда для о. Сергия возникает возможность антропоморфного изображения Божества как такового. Я цитирую: «Если иногда Бог изображается в виде старца, то здесь мы имеем человекообразный образ *единого*, личного, триипостасного Бога» (невозможно не спросить себя, кто эта “трехличная личность”, неизвестная Церкви?! — *Н.О.*), и он продолжает: «эта человекообразность изображения Творца-Бога, *притом вне прямого отношения к боговоплощению* (курсив мой. — *Н.О.*), сама по себе явно свидетельствует о том... что Богу присущ образ человеческий. Человечность образа Творца есть свидетельство о предвечном Человечестве, или о Софии, Премудрости Божией, вечной Иконе Божией в Самом Боге» [5, 137—138].

Значит, надо допустить, что, помимо типологического образа трех ангелов гостеприимства Авраама (об этом см.: [7, 375—384]), для о. Сергия существует еще и другой образ Троицы, изображающий именно эту загадочную «триипостасную личность», представленную в виде белобородого старца и возможную благодаря предвечной человечности в Боге. Здесь мы касаемся подлинного корня и основного изъема всей булгаковской мысли: *смешение личности и природы, ипостаси и усии*. «Бог, — повторяет он в *Агнце Божиим*, — есть триипостасная ипостась»; и в *Утешителе* — «Святая Троица едина не только в усии, или природе, но и в триипостасном субъекте».

Фатальная ошибка этого смешения с неизбежностью проявляется и в булгаковском понимании иконы самого Спасителя. О. Сергий пишет: «Теперь обратимся непосредственно к иконе Христа. В некоторых отношениях она не отличается от человеческой иконы вообще... В частности, отдельные иконы Христа изображают или отдельные события Его земной жизни... или Его образ, соответствующий портретному изображению вообще. Но, конечно, те общие границы, которые имеют силу в отношении ко всякой иконе, здесь получают особенную силу. И это относится, прежде всего, к изображению самого тела, человеческого естества Спасителя. Он явил собой совершенного человека, показал истинный образ человечности. Можно сказать, что Его тело есть *абсолютное* (в смысле совершенства) человеческое тело» [5, 103].

Остановимся здесь на мгновение. Как известно, до нас не дошло ни одного описания физической внешности Спасителя, и никто из апологетов святых икон никогда не называл тело Христа откровением идеального тела, и никто из них не говорил о каком-либо ином физическом или эстетическом его совершенстве. Для них тело Спасителя не

было отображением идеи, но личным и конкретным, если угодно, индивидуальным телом Господа Иисуса. Именно эту индивидуальность, в смысле личных физических черт, изображенных посредством благодатного портрета, о. Сергей не признает.

Объяснив, что «тело Христа есть абсолютно совершенное тело», он продолжает: «Но всякое совершенство трудно изобразимо для человеческого искусства, которое располагает лишь относительными средствами, так сказать, светотени и для передачи индивидуальной формы пользуется деформацией. Ибо индивидуальность в нашем грешном мире непременно есть и деформация, относительность, некоторое уродство... Но тело Спасителя в этом смысле *не* индивидуально, потому что оно *все*-индивидуально, или *сверх*-индивидуально, или абсолютно-индивидуально... Как все-индивидуальность лик Христов, хотя и не равняется никакой отдельной индивидуальности (надо ли понимать — никакой определенной личности? — *Н.О.*), однако все их в Себе содержит... Почему и можно сказать, что в сущности весь человеческий род в человечности своей имеет один лик, все-лик Христов... Ища истинный образ *человека*, художник невольно находит в этой человечности Христа. Потому и античное религиозное искусство, поскольку оно являло прекрасную человечность, бессознательно творило икону Христову до Христа...» [5, 103—105].

Чтобы лучше понять, как, по о. Сергию, тело и лик Спасителя *изображаются на иконах*, изложим его позицию в четырех пунктах: а) человеческое тело Христа есть абсолютное человеческое тело в смысле его совершенства; б) это тело не является индивидуальным, но оно пан-индивидуально, или сверх-индивидуально; в) лик Христов пан-индивидуален и не соотносится ни с какой определенной личностью (значит, даже не с личностью Спасителя); г) этот лик Спасителя есть «все-лик» всего человеческого рода.

Собственно говоря, лик Спасителя есть, по о. Сергию, лик того, что является общим всем людям, т. е. лик *их природы*. Мы наблюдаем здесь снова смешение личности и природы, только на сей раз в понимании иконы Спасителя. Но поскольку в православной христологии и иконологии ипостась (личность) является единственной формой существования природы и природа не может быть познана вне ипостаси (об этом см.: [8, 242]), постольку и лик Христа, мыслимый как «все-лик», не может соответствовать его конкретному и историческому бытию, но оказывается ничем иным, как аллегорией, образом идеи, «мысле-образом», как говорит о. Сергей, или, если употребить термин немецкого идеализма, он есть *ein Ideenbild*. Не ипостасный лик с индивидуальными чертами Того, кто при Понтийском Пилате умер на кресте и

воскрес в третий день, но «все-лик» человеческого рода, не соотносимый ни с какой определенной исторической личностью.

Интересно заметить, что византийские иконоборцы были более последовательны в этом вопросе, называя Спасителя «кафолическим» (в смысле универсальным) человеком, или «человеком вообще» (καθόλου ανθρωπος), видя в этом аргумент в пользу Его неопиcуемости.

Наше заключение о том, что для о. Сергия лик Христов есть в конце концов лишь *ein Ideenbild*, или идеальный образ человеческой природы, подтверждается тем фактом, что по его логике для изображения этого лика не требуется никакой особой близости к нему или личного его знания — он может быть написан «как верующими, так и неверующими живописцами» [5, 105].

Более того, нет никакой необходимости ждать пришествия Слова во плоти для познания его образа, ибо икона Спасителя была создана задолго до его воплощения «прекрасной человечностью», открывшейся в языческом искусстве [5, 105].

Однако все тот же о. Сергей пишет следующие, скорее обнадеживающие, слова: «Образ принадлежит не *природе* Христа в ее двойстве, но самой ипостаси Его в ее единстве. Христос, имея *единую ипостась*, хотя и в двух природах, имеет и *единый образ*».

Здесь он повторяет как будто классическое утверждение в защиту икон, высказанное преп. Феодором Студитом: «всякий образ есть образ ипостаси, а не природы». Но на самом деле речь вовсе не идет о возвращении к аксиоме Студита, потому что в отношении образа булгаковская мысль остается чуждой евангельскому реализму и его конкретному приложению к иконе Спасителя. Как мы уже видели, о. Сергей то ли не воспринимает, то ли не обращает внимание на личный и в этом смысле индивидуальный образ Христа в его историческом бытии (об этом см.: [9, 79]). Он говорит здесь о единой ипостаси, к которой относится образ, вовсе не потому, что он будто бы внезапно отказался от понятия «пан-индивидуального все-лика» Христа. Он говорит о ней просто потому, что она представляется ему здесь не более чем частным христологическим аспектом «гораздо более широкого» феномена, а именно всего лишь как один из случаев всеобщей «софийности», которая якобы определяет всю совокупность взаимоотношений Бога и мира. О. Сергей пользуется схемой кантовских антиномий, чтобы подытожить свое понимание этих отношений. Тезис и антитезис представляются как два противоположных утверждения, которые ведут не к гегелевскому синтезу, но к апории рассудочной логике. Чтобы разрешить эту апорию, которая на самом деле оказывается мнимой, ибо проистекает из ограниченности, свойственной всякому эмпирическому рационализму, о. Сергей предлагает выход в *coincidentia oppositorum*,

заимствованной у *docta ignorantia* Николая Кузанского. «В этом смысле, — пишет он, — сама антиномия есть логический скачок над бездной, но тем самым она становится подобием моста над ней. Она выражает связь Бога и мира в их различии, но и в их единстве» [5, 51]. Именно эта, как он ее называет, «софиологическая антиномия» особенно дорога ему и, как мне кажется, является ключевой в его системе. Он сам говорит о том, что христологические и иконологические антиномии являются лишь ее частными случаями. И наконец, благодаря *coincidentia oppositorum* той же самой антиномии он считает себя вправе настаивать на описуемости божественной природы. Постараемся кратко рассмотреть, в чем заключается эта антиномия.

О. Сергей представляет софиологическую антиномию в главе «Антиномия иконы». Сформулировав сначала «богословскую антиномию» (Бог в Себе), а затем «космологическую антиномию» (Бог в Себе и в творении), он переходит к «софиологической антиномии» (Премудрость Божия в Боге и в мире).

Вот ее тезис: «Бог, во святой Троице единосущный, самооткрывается в Премудрости Своей, которая есть Его Божественная жизнь и Божественный мир в вечности, полноте и совершенстве. (София Нетварная — Божество в Боге)».

И антитезис: «Бог творит мир Премудростью Своею, и эта Премудрость, составляющая Божественную основу мира, пребывает во временно-пространственном становлении, погруженная в небытие. (София Тварная — Божество вне Бога, в мире)».

Через несколько страниц о. Сергей излагает ту же мысль таким образом: «эта взаимовходность их, это их трансцендентно-имманентное соотношение есть антиномическая формула софийности мира» [5, 60]. Христологическая антиномия составляет особый аспект софиологической антиномии. Я цитирую: «во Христе .. Творец и творение, вечно и временное, София нетварная, божественная, и София тварная соединяются в одном существе и в одной жизни... Христологическая антиномия выражает здесь с предельной ясностью общую софиологическую антиномию, — единство и *онтологическое тождество* различных и противоположных начал Божественного и тварного»¹⁰.

¹⁰ По поводу этого «онтологического тождества» двух природ во Христе см. также [10, 58], где мы читаем: «Объективное основание соединения двух природ во Христе заключается в их соотносимости в качестве двух аспектов Премудрости: София божественная и София тварная. Это соединение можно понять лишь благодаря тому, что человеческая сущность является тварной формой Софии Божественной, которая в свою очередь является самоопределяющейся божественной природой. Таким образом, между двумя природами Хри-

И здесь мы снова возвращаемся к иконе. О. Сергей действительно говорит о том, что «частное проявление общей софиологической антиномии представляет собой *антиномия иконы*». В ней, по его словам, «соединяется неизобразимость и изобразимость Бога и, в частности, Господа Иисуса Христа» [5, 55].

В качестве отправной точки в толковании иконы Христа о. Сергей выбирает образ Божий, по которому человек был сотворен. Цитирую: «Человек в полноте своего духовно-телесного существа, следовательно, во плоти своей, есть икона Божества по самому сотворению своему». И «Христос как истинный человек в человечности Своей есть икона Божества... Восприняв тварное человеческое естество ветхого Адама, новый Адам принял... Свой собственный образ, который Он, как Бог, имеет в человеке...», или еще: «Его человечество есть вместе и образ Его Божества». Как бы с обезоруживающей простотой о. Сергей заявляет: «Человек во Христе есть прямой образ Его Божества, ибо само Оно (т. е. Божество. — *Н. О.*) имеет человеческий образ» [5, 92, 93].

Но это означает не только то, что «божественный образ совершенно прозрачен в человечестве Спасителя», но также, по словам о. Сергия, и то, что «икона человечества Христова не есть *только* икона Его тела, безотносительная к Божеству, но есть *вообще* Его икона, именно как образ Его Божества в тварном естестве» [5, 94].

Живописная икона Спасителя возможна по Его человеческому образу не потому что на ней изображается описуемая Его человеческая плоть (как у защитников святых икон), но поскольку этот видимый человеческий образ Спасителя «*тождественен с* Его же образом невидимым, Божественным». Антиномия иконы опять разрешается через *coincidentia oppositorum*.

«Потому неверна, — заключает о. Сергей, — исходная посылка иконоборцев, которую вполне разделяли с ними и иконопочитатели, что Божество Христово неопишимо в смысле безобразности Своей: оно имеет образ в человеке, следовательно, *оно описуемо*» [5, 93].

И наконец, о. Сергей Булгаков, по-видимому, не случайно пренебрегает основополагающим различием, ясно установленным преп. Феодором Студитом и св. Никифором, между единородным Сыном, *единосущным образом Отца прежде всех век* (см. ниже), и тварными образами, или образами в творении, которые *par définition* всегда остаются «иносущны». Св. Григорий Богослов пишет: «Сын назван образом как единосущный, ибо Он исходит от Отца, а не Отец от Него.

ста есть не только различие, но также и аналогия или *онтологическое тождество*» [5, 53].

Ведь образу свойственно быть подражанием образцу и быть обязанным ему своим именем. Но в Боге есть больше, чем в мире сем. Здесь — неподвижный образ подвижных образцов, у Бога — живой образ живого образца». Троической тайной открывается новый тип образа, свойственный одному только Богу. «Сын, Образ Божий, есть Бог», — говорит св. Афанасий, и в другом месте: «если Слово есть образ Бога невидимого, то этот образ невидим», и еще: «Сыном Отца является Слово, Премудрость, Сила, то есть его образ и его сияние; отсюда вечность, то, что из Отца (то *ἐκ τοῦ πατρὸς*), подобие, вечное рождение из сущности: и ничего из всего этого не примысливается к твари или к чему-либо произведенному».

Булгаковское же учение — совершенно иное: «Один и тот же Образ, сущий в лоне св. Троицы, пронизывает видимый мир и запечатлевает его Собой, являясь в человеческом образе» [5, 94], но принадлежит также и ангелам.

Иначе говоря, по о. Сергию, существует непрерывная цепь образов, которые спускаются из недр Пресвятой Троицы, от Бога в Боге, Премудрости Божией, до человека и его живописного образа. В этой длинной цепи икона Спасителя, конечно, не имеет того значения, которое придается ей православной иконологией. Икона Христова оказывается лишь одним звеном среди множества других в этой длинной цепи, ибо она основана не на единой, неповторимой личности исторического Христа, но одновременно на «том, что единит человеческий род», т. е. на человеческой природе и на *принципиальной описуемости* божественной природы в этой человеческой природе и через нее¹¹.

¹¹ Ответ православной иконологии на столь решительно поставленный о. Сергием вопрос, «что описуемо в Христе?», я попытался дать в заключении своей статьи «Богословие иконы» [11, 13]. Для тех, кому это издание недоступно, позволю себе воспроизвести его здесь подстрочно с небольшим дополнением:

В *тринитарном плане* Сын как единосущный образ Отца свидетельствует о Божестве Отца. Это Божество, конечно, *всегда* остается невидимым именно в силу своей божественности.

В *воплощенном Слове* божественная природа, единосущная Отцу, несомненно, также остается невидимой.

- Но Его человеческая природа, полученная от Его Матери и единосущная нам, не имея своей собственной ипостаси и будучи воипостазированной Словом, сохраняет свое природное свойство описуемости по плоти, точно так же, как она сохраняет, например, присущую ей человеческую волю.

- Образ Божий в человеческой природе Спасителя полностью восстановлен, и как образ отражает непостижимость невидимого, — а значит, и неописуемого — образца.

- *Богopodobие* преображенного человечества во Христе *совершенно* — не по благодати, но, так сказать, «в силу Его Божественной Личности».

* * *

В заключение приходится признать, что трагедия о. Сергия как богослова в том и заключается, что софиология — как в целом, так и в частных приложениях (например, в христологии и иконологии) — с учением Церкви *несовместима*.

Если отец Василий Зеньковский писал, что «даже в своих собственно богословских работах Булгаков оставался философом» [12, 435], то Владимир Лосский и протопресвитер Иоанн Мейендорф считали, что о. Сергей был «ослеплен своей *системой*» [13, 65], той системой, о которой так метко сказал митрополит Сергей (будущий Патриарх) в своем указе от 7 сентября 1935 г., что она «может или заменить учение Церкви, или уступить ему, но слиться с ним не может».

Поразительно, что мы нигде в книге о. Сергия не находим динамического и личностного понятия *подобия как задачи*, которое, следуя отцам Церкви, отличается от *образа как данности*. Это характерное отсутствие объясняется, как было отмечено, его идеалистической концепцией образа, которая настаивает на ограниченности и даже апории всякого портрета и, рассматривая индивидуальность лишь как искажение и уродство, стремится к высшей красоте «мысле-образа».

В самом деле, Святому Духу во Христе нет нужды «совершенствовать» личность, поскольку личность, которая восприняла человеческую природу Нового Адама, является божественной ипостасью Самого Логоса.

Преображенное, но тем не менее описуемое, человеческое тело Спасителя, единосущное нам, является, таким образом, *совершенным подобием*, поскольку «воипостазировано» в цельную и абсолютно святую личность Слова, для которого это тело является и орудием и местом теофании.

Плоть Христа, описуемая, хотя и обоженная, являет нам личность Слова, поскольку *совершенное подобие может быть только совершенно личным!*

Икона показывает единую личность Христа, воплощенного Слова, по Его обоженной плоти, потому что эта Его «личная» плоть, свидетельствуя, при помощи присущих ей стилистических средств, что Он полностью реализовал богоподобие в человеке, приняв как Новый Адам в свою божественную ипостась человеческую природу первого Адама, цельную и описуемую по плоти.

Будучи воспринятым в божественную ипостась, человечество Спасителя, став лично Его, стало совершенно богоподобным, т. е. подобным Ему Самому — оно, так сказать, до конца «самоподобно».

По-видимому, именно это имеет в виду преп. Максим Исповедник, говоря, что воплощенный Логос в своей преобразенной плоти «из Самого Себя показал Себя же, сделав Себя Видимым». Другими словами, именно потому, что Он сделал неопиcуемый прежде природный Образ Отца (т. е. свою божественную ипостась) описуемым, лично став этим «самоподобным Образом», Господь и сказал Филиппу: «Кто меня увидел, увидел Отца» (Ио. 14, 9).

Подводя итоги этим наблюдениям, мы, вдохновляясь определением V Вселенского Собора: «Бог пострадал во плоти, и Он умер на кресте», можем сказать: «Един сый Святыя Троицы, прославляемый Отцу и Святому Духу, стал описуем по плоти, и мы пишем образ Его Божественной Личности».

Литература

1. Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества // *Seminarium Kondakovianum I*. Прага, 1927.
2. *Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites*. Breslau, 1929.
3. *Les débuts de la querelle des images*. Mélanges Ch. Diehl. P., 1930.
4. *Rom und Byzanz im Kampfe um die Bilderverehrung* // *Seminarium Kondakovianum VI*. Прага, 1933.
5. *Булгаков С.* Икона и иконопочитание. Париж, 1931.
6. *Murray Ch.* Art and the Early Church // *Journal of Theological Studies*. 1977. No. 8.
7. *Озолин Н.* Троица или Пятидесятница? // *Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв.* / Под ред. Н.К. Гаврюшина. М., 1993.
8. *Озолин Н.* К вопросу об истоках византийского иконоборчества // *Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата*. 1966. № 56.
9. *Озолин Н.* Два аспекта иконологии Л.А. Успенского // *Вестник Р.Х.Д.* 1989. № 155.
10. *Boulgakov S.* La Sagesse de Dieu — Résumé de Sophiologie, traduit du russe par C. Andronikof. Lausanne. L'Age d'Homme. 1983.
11. *Озолин Н.* Богословие иконы // *Искусство христианского мира*. М., 2002. Вып. 6.
12. *История русской философии*. Т. 2. Париж, 1990.
13. *Лосский В.* Спор о Софии. Париж, 1936.

С.В. СИНЯКОВ

Эпоха С.Н. Булгакова: метафизика истории

Аннотация. В статье рассматриваются социально-культурная и политическая ситуации в России начала XX столетия. Автор раскрывает влияние духовного кризиса на творчество интеллектуалов того времени. Особое внимание уделяется неохристианской концепции истории.

Ключевые слова: религиозный историзм, метафизика истории, духовный кризис, эсхатология.

Abstract. In this article author considers socio-cultural and political situation in Russia at the beginning of XX century. Author reveals the influence of spiritual crisis on the works of intellectuals at that time. Special attention is paid to neochristian conception of history.

Keywords: religious historicism, metaphysics of history, spiritual crisis, eschatology.

В первые десятилетия XX в. в России старый мир постепенно умирал, а вместе с ним уходили традиционные русские ценности — идеи соборности, общинности, коллективизма. Наступало время частной собственности, частной инициативы, частной жизни — эпоха капитализма. С большим запозданием формировалась идея индивидуализма — моральная основа капитализма, утвердившаяся, прежде всего, в протестантских странах Европы, граждане которых как высшие добродетели ценили и почитали успех личной трудовой деятельности, персональную ответственность за свои деяния. В среде творческой интеллигенции распространялось убеждение, что лишь на обломках тотальной религиозной идеологии (католицизм, православие), при условии, что отношения человека с Богом будут строиться индивидуально, без посредничества церкви, будет развиваться свободная экономика частного предпринимательства.

Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, П. Струве и другие представители молодой интеллектуальной элиты пришли к необходимости религиозной реформации в России. Не стоит забывать, что в это же время продолжала существовать и другая духовная традиция. Убогая атеистическая мысль Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и их идейных последователей, представителей радикального крыла русского общественного движения, опиралась на совокупность представлений об особом типе русской ментальности, социальный утопизм, романтизм и мечтательный иррационализм. Они призывали русскую революционную интеллигенцию руководствоваться идеями «служения народу», «растворения в народе». Не случайно С. Франк считал отличительными чертами этого направления общественной мысли антиинтеллектуализм, ненависть к культуре, барству, абсолютность морального сознания. На основе принципа сведения сложного к простому они искали быстрые и простые решения социально-экономических проблем. Сторонники неохристианского направления полагали, что человечество, особенно русское общество, в начале века вступило в полосу глубокого духовного кризиса. Кризис этот проявился в конечном счете в деградации личности. Причины духовного кризиса личности и общества в целом они видели в утрате веры в живого Бога и в замене этой веры различными идеалами, среди которых едва ли не на первое место

они ставили материальные потребности людей. Поэтому главной задачей, стоящей перед современной гуманитарной мыслью, они считали возрождение веры в живого Бога, ибо, когда Бог мертв, закон спит, а мораль общества бездействует.

Предполагаемый выход из состояния глубочайшего духовного кризиса замечательные мыслители Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков связывали с возрождением эпохи Духа. По их мнению, христианство — это религия эпохи Духа, которая будет творческой эпохой. Дух, духовное в человеке, не есть часть природного, не сверхъестественное, не часть социального целого. Дух — высшее качественная ценность, имеющая эсхатологический характер. Дух есть свобода и смысл. Смысл мира духовен. Отсюда вытекают и задачи религиозной философии — вырвать человека из мира материальных ценностей, вернуть ему утраченную свободу, духовность, восстановить его творческий энтузиазм.

Замечательный образец метафизики истории был продемонстрирован в трудах Н. Бердяева, который решительно отказался от натуралистических методов исторического анализа и выдвинул эсхатологическую концепцию мировой истории. «Возможно только идеалистическое понимание истории», — подчеркивал философ [1, 116]. Им справедливо отвергался способ объяснения человеческой жизни из материальных условий человеческого существования, а экономика рассматривалась исключительно как материальное средство для идеальных целей человеческого бытия. Решительно критикуя современные теории прогресса в прекраснотуши и бестрагичности, Н. Бердяев противопоставляет им концепцию трагической истории, где сбываются апокалипсические пророчества. «Религиозное сознание, — писал он, — видит в истории трагедию, которая должна закончиться катастрофой» [2, 460]. Ход истории обостряет внутреннюю отчужденность, трагичность человеческого существования, а нынешнее состояние общества делает возможными пессимистические прогнозы будущего. «Все противоречия обострились до последнего предела, и ожидание мировой социальной катастрофы на один лишь волосок отделимо от ожидания катастрофы религиозной» [2, 469]. Делая такие мрачные пророчества, Н. Бердяев, осознавая близость и неотвратимость надвигающихся социальных потрясений, предчувствовал их. Возглавив вместе с С. Булгаковым в начале 1890-х гг. религиозно-этическое направление в идеалистической философии, Н. Бердяев писал: «Религия есть жизненная основа философии, религия питает философию реальным бытием» [3, 107].

Определяя свои задачи в области осмысления истории человечества, Бердяев прямо говорил об «опознании исторического» как главной цели [4, 20]. Концепция историзма Бердяева предполагала историче-

ский подход не только к эволюции общественной жизни, но и к познающему субъекту в сфере общественных наук, и была связана прежде всего с обращением к внутреннему миру последнего. Познающий субъект, с его точки зрения, историчен в том смысле, что в себе самом находит «историческое». Бердяев настойчиво призывал, чтобы познающий субъект в области общественных дисциплин «был историчен, чтобы субъект исторического познания в себе ощущал и в себе раскрывал «историческое» [4, 30]. Само «опознание исторического» осуществляется познающим субъектом прежде всего как углубление в свое собственное, личное сознание. Бердяев прямо писал, что «идти в глубь времен, значит идти в глубь себя. Только в глубине самого себя человек может найти настоящим образом глубину времен, потому что глубина времен есть не что-то внешнее, чуждое человеку, извне ему данное, извне ему навязанное, глубина времен есть глубочайшие сокровенные пласты самого человека, пласты лишь прикрытые, лишь оттесненные узостью сознания на второй или третий план» [4, 32]. Излишне было бы пояснять субъективистский характер этой позиции, но, думается, было бы упрощением понимать эти рассуждения Бердяева в буквальном смысле слова и утверждать, что он подменил познание объективного мира самопознанием человека.

Концепция религиозного историзма Бердяева предполагала не только самопознание человека, но и осмысление реального хода всемирной истории, а изложенные выше рассуждения означали исходный метод — логический принцип подхода к осознанию реального исторического процесса, который он призывал изучать с точки зрения личной судьбы, как бы сближая ход истории со своим личным духовным развитием. «Только по мере раскрытия в себе “исторического” начинает он постигать все великие периоды истории», — писал Бердяев о познающем субъекте [4, 20]. Однако понимание реального хода истории осуществляется как понимание познающим субъектом своей собственной судьбы. «Для того, чтобы постигнуть эту тайну “исторического”, я должен прежде всего постигнуть это историческое и историю, как до глубины *мое*, как до глубины *мою* историю, как до глубины *мою* судьбу» [4, 24].

Общефилософское положение Бердяева, как и всего неохристианства, об органическом, внутреннем слиянии личности с окружающим миром через посредство религиозной веры породило, с одной стороны, критику кантианской гносеологии, противопоставлявшей познающего субъекта познаваемому объекту, с другой — идеалистическое представление об объективности познания. Причем идеалистический характер понимания Бердяевым объективности познания проявился именно в том, что само это понимание было проникнуто духом субъ-

ективного идеализма. Бердяев выступил с утверждениями о слиянии субъекта с познаваемым объектом в процессе познания. «Мы, — утверждал он, — не можем понять исключительно объектной истории. Нам нужна внутренняя, глубинная, таинственная связь с историческим объектом» [4, 30]. Характерно, что внутреннее понимание истории представлялось Бердяеву даже не просто как органическое слияние познающего субъекта и познаваемого объекта, а как перенесение своей личной духовной судьбы на прошлое: «Вы должны переносить свою духовную судьбу во все великие эпохи для того, чтобы достигнуть их. Когда вы берете их извне, — они для вас внутренне мертвы» [4, 26].

Религиозная позиция Бердяева не позволяла ему высказываться исключительно в духе субъективного идеализма. Полагая, что лучшей формой осознания истории является «метафизика истории», он писал, что последняя «есть вхождение в глубину истории, во внутреннее ее существо, раскрытие истории, сама она, ее внутренняя жизнь, ее внутренняя драма, ее внутреннее движение и свершение» [4, 53]. Однако и оценке метафизики истории он придал, в конечном счете, субъективистский характер. Называя метафизику истории «небесной историей», Бердяев утверждал, что небо есть «наше внутреннее духовное небо», «самая глубочайшая глубина нашей духовной жизни» [4, 55].

Таким образом метафизика истории да и сам Бог превращались в категории, характеризующие прежде всего мышление познающего субъекта. Не случайно деятели официальной русской церкви выступили против неохристиан, которые, с их точки зрения, подрывали основы религии. Томский протоирей профессор И. Галахов, имея в виду отождествление некоторыми неохристианскими теоретиками Бога с мыслью человека о Боге, писал: «Их богоискательство и богостроительство по самому существу своему есть типичное интеллигентское самообожание. Церковь никогда не будет согласна на реформу своих метафизических основ, как требуют представители нового религиозного сознания. Это значило бы выкинуть камень, на котором она утверждена» [5, 42—43].

Гносеологическая позиция Бердяева была внутренне противоречива: в ней проявились, с одной стороны, стремление обосновать единство человека и окружающей действительности при посредстве религии, с другой — откровенные субъективистские тенденции. И то и другое, как нам представляется, вытекало из общих основ неохристианской философии. Представители этого направления в условиях кризиса русского общества стремились, во-первых, осовременить религию, сделать ее более жизненной, наполнить ее новым жизненным содержанием. Говоря о возрождении религии, С.Н. Булгаков отмечал: «Создать подлинно христианскую, церковную культуру и возродить жизнь в

церковной ограде, внутренне победить эту противоположность церковного и светского, такова историческая задача для духовного творчества современной церкви и современного человечества» [6, 308]. Отсюда их критика средневекового аскетизма, призыв к органическому слиянию личности с окружающей действительностью. Во-вторых, превратить религию из внешнего, казенного отправления обрядов во внутреннее, интимное дело человека, что породило их пристальное внимание к индивиду, личности.

Метафизика истории Бердяева представляла собой, по сути дела, краткий очерк всемирной истории. Самому изложению хода всемирной истории он предпослал некоторые общие методологические положения, представляющие собой дальнейшее обоснование его понимания историзма.

Обоснование своего понимания историзма Бердяев теснейшим образом связывал с выяснением отношения «исторического» и индивидуального. «В истории, — писал он, — нет ничего абстрактного, отвлеченного. Все абстрактное по существу противоположно историческому» [4, 21]. Характерно, что при обосновании именно такого понимания историзма, Бердяев прямо ссылаясь на одного из основателей неокантианства — Г. Риккерта. отождествление исторического с индивидуальным было направлено против признания законов общественного развития. Нельзя, — настаивал Бердяев, — установить законы истории, так как нельзя построить науку истории по образцу естествознания, которое имеет дело с повторяющимися явлениями и устраняет все индивидуальное.

Обоснование Бердяевым идеографического подхода к истории, однако, несколько отличалось от неокантианского, так как для этих целей он привлекал религию. По его мнению, «религиозный смысл истории исходит из индивидуального, неповторимого факта — Христа» [3, 194]. Важно отметить, что Бердяев выступал не только против марксистского положения об объективном характере законов общественного развития, но и вообще против какого бы то ни было признания законов истории.

Другим основополагающим методологическим принципом историзма Бердяева была мысль о религии как основе исторического процесса. «Историческое, — разъяснял он, — имеет религиозную основу. Это является основной предпосылкой того, что основа исторического лежит в той или другой форме религиозного сознания» [4, 107]. Бердяев специально пояснял, что «не религия зависит от экономических отношений, а экономические отношения от религии» [7, 70]. Естественно, и церковь признавалась «исторически направляющей силой» [4, 131].

Изложению хода всемирной истории Бердяев стремился придать по возможности реалистический характер, избрав для этого вполне определенный аспект отношения человека или общества и природы сквозь призму сменяющихся форм религиозного сознания, что было связано, на наш взгляд, с влиянием на него С.Н. Булгакова [8]. Именно такой подход к общественной жизни и был развит Булгаковым. «Основной темой всемирной истории, — писал Бердяев, — я считаю тему о судьбе человека, которая ставится во взаимодействии человеческого духа и природы. Это взаимодействие, это действие свободного человеческого духа в природе — в космосе — и есть первичное основание, первичное начало исторического» [4, 133—134].

Всемирную историю Бердяев излагал как реальный и конкретный процесс завоевания или утраты человеком свободы в процессе изменения его отношения к природе. Классификация же хода всемирной истории была связана с тем, что сущность эпох всемирной истории, как и переход от одной из них к другой, он стремился объяснить эволюцией форм религиозного сознания.

Всемирную историю Бердяев делил на пять эпох: 1) дохристианскую; 2) христианскую; 3) гуманизм; 4) переходную; 5) кризис гуманизма. По времени это деление соответствовало приблизительно следующим периодам: 1) рабовладение; 2) Средневековье; 3) Возрождение; 4) приблизительно XVI—XVIII вв.; 5) XIX — начало XX в. В концепции Бердяева можно выделить и еще одну эпоху, к которой, по его мнению, движется история, — «новое средневековье».

В полном соответствии со своими исходными методологическими принципами сущность первой эпохи всемирной истории Бердяев видел в драме отделения от Бога, «драме грехопадения», проявившейся в тесной связи с природой, в погружении человека в стихию природы и — как следствие этого — утрате свободы, покорности судьбе. Все это якобы присуще древнегреческой истории. Однако древнегреческой истории, по Бердяеву, были присущи и положительные черты, проявившиеся в том, что природа выступала по отношению к человеку как живой, родственный ему организм [4, 134—135].

Уже первую эпоху всемирной истории, как мы видим, Бердяев стремился рассматривать с точки зрения ее противоречивой природы. Причем противоречия человеческой жизни рассматривались им как движущая сила исторической эволюции. Эта особенность его историзма проявилась и в интерпретации всех остальных эпох всемирной истории.

Особое внимание по вполне понятным причинам Бердяев уделял христианской эпохе, которая, по его собственным словам, начинается с «явления в мир Христа», знаменуя собой возвращение человека к сво-

боде. Исторически «явление в мир Христа» означало вполне реальный процесс зарождения и распространения христианства, что Бердяев и имел в виду. Зарождение христианства он рассматривал как один из крупнейших переломных моментов всемирной истории. «Только христианство, — писал он, — возвращает человеку ту духовную свободу, которой человек был лишен, когда находился во власти демонов, духов природы и стихийных сил, как-то было в мире дохристианском» [4, 136]. Однако христианство в его конкретной исторической форме эпохи Средневековья страдало, по Бердяеву, ограниченностью, проявившейся в аскетизме: «Христианство закрывает наглухо внутреннюю жизнь природы и не допускает человека к этой жизни. Оно как бы умертвляет природу. Это — обратная сторона совершенного христианством великого дела освобождения человеческого духа. Так продолжалось почти все средние века». Отрицательным результатом аскетического отношения христианства к природе явилась «механизация природы, в то время как для всего языческого мира, природа была живым организмом» [4, 138—139].

Следующий этап всемирной истории связан, согласно Бердяеву, с Ренессансом. В эпоху Средневековья «силы человеческие были как бы внутренне духовно сосредоточены, но не были достаточно внешне проявлены» [4, 153]. В этом вина аскетизма. «Опыт новой истории, — писал он, — есть не что иное, как опыт свободного раскрытия человеческих сил» [4, 155]. Одновременно переход от Средневековья к новой истории Бердяев рассматривал как «некоторый поворот от Божьего к человеческому, от Божьей глубины, от сосредоточенности внутри, от ядра духовного во вне, во внешнее культурное выявление» [4, 156]. Сущность Ренессанса он видел в «обращении человека к природе и обращении его к античности» [4, 157]. Ренессанс, по его мнению, с одной стороны, как бы раскрепостил силы человека, направил их на внешнее жизненное проявление, с другой — лишил человека связи с Богом как внутренней основой жизни. Порочность гуманизма Бердяев видел в том, что «он оторвал природного человека от Духовного, он дал свободу творческого развития природному человеку, удалившись от внутреннего смысла жизни, оторвавшись от божественного центра жизни, от глубочайших основ самой природы человека». Все это имело своим итогом то, что, по мнению Бердяева, «гуманизм понизил ранг человека» [4, 166—167]. Диалектически противоречивый процесс развития гуманизма состоял в том, что «самоутверждение человека ведет к самоистреблению человека, не связанного с высшей целью, ведет к исеяканию творческих сил» [4, 168].

Кризис Ренессанса Бердяев считал основной темой своей работы. По времени он относил его к современности. «Я ощущаю эпоху, в ко-

тору мы вступаем, — писал он, — как конец ренессансного периода истории» [4, 178]. XVI—XVIII вв. — «переходный период, когда человек считает себя свободным от организма, и еще неподчиненным механизму» [4, 180].

В XIX — начале XX в., по мнению Бердяева, «произошла величайшая революция, какую только знала история — кризис рода человеческого». Сущность этого кризиса состояла в коренной ломке отношений между человеком и природой, в окончательной утрате человеком связи с внутренней основой жизни. Вот как Бердяев описывал причину этого кризиса: «Я говорю о перевороте, связанном с вхождением машины в жизнь человеческих обществ. Мы еще недостаточно оценили этот факт. Переворот во всех сферах жизни начинается с машины. Машина радикально меняет это отношение между человеком и природой. Она становится между человеком и природой, она не только по видимости покоряет человеку природные стихии, но она покоряет и самого человека; она не только в чем-то освобождает, но и по-новому поработачивает его. Какая-то таинственная сила, как бы чуждая человеку и самой природе, входит в человеческую жизнь, какой-то третий элемент, не природный и не человеческий, получает страшную власть и над человеком и над природой. Эта сила более всего сделала для окончания Ренессанса» [4, 181—182]. Поставленную здесь проблему отчуждения Бердяев разрабатывал и в последующих своих работах, например, в «Опыте эсхатологической метафизики» [9].

Бердяев, как мы видим, ставил новую для русской общественной мысли начала XX в. проблему отчуждения личности в связи с появлением машинного производства. В этом случае ему нельзя отказать в прозорливости. Однако, хотя Бердяев и ставил проблему отчуждения личности применительно к капиталистическому обществу, он понимал общественную природу самого факта отчуждения. Не случайно поэтому он не видел реальных путей выхода общества из сложившихся условий, пессимистически изображая жизнь современного ему человека.

Современную ему эпоху Бердяев определял как эпоху субъективизма или психологическую эпоху. «Культурный человек конца XIX века возжелал освобождения от натуральной необходимости, от власти социальной среды, от ложного объективизма. Индивидуум вновь обратился к себе к своему субъективному миру, вошел внутрь; обнажился мир внутреннего человека, придавленный ложным объективизмом природы и общества. В самом утонченном и культурном слое началась эпоха психологическая, субъективная; все объективное сделалось пресным, все закономерное невыносимым» [3, 134]. Этой эпохе вполне соответствует, по Бердяеву, философия солипсизма и субъективного идеализма, в такой же мере «эпохе ложного объекти-

визма соответствовала философия натурализма и материализма» [3, 135].

По вполне понятным причинам Бердяев критически относился к распространению субъективизма как отражению чувства одиночества, покинутости, т. е. основного настроения человека к концу новой истории, кризиса гуманизма. Кризис современного ему общества Бердяев связывал именно с «трудностью выхода из психологической эпохи, эпохи субъективизма, замкнутого индивидуализма, эпохи настроений и переживаний, не связанных ни с каким объективным и абсолютным центром» [3, 131]. В этом общем процессе кризис переживает и философия, осознав невозможность решения поставленных перед ней задач на путях субъективизма. Отсюда ее «внутреннее бессилие», ее «искание религиозных основ» [4, 213]. Стремясь преодолеть кризис, освободиться от настроений «психологической эпохи», человек, по Бердяеву, «вновь должен связать себя, чтобы собрать себя, вновь должен подчинить себя высшему, чтобы не окончательно погубить себя» [4, 216].

Этот предполагаемый выход из состояния кризиса Бердяев связал с возрождением Средневековья, но, разумеется, не в его исторически конкретной форме, а с учетом современности. Христианство в его реформированном виде, т. е. освобожденное от аскетизма, дуализма духа и материи, включающее в себя все жизненное содержание, — вот идеал не только Бердяева, но и неохристианского направления в русской философии в целом. «Философия будущего, — считал Бердяев, — больше будет иметь общего с философией средневековой, чем с новейшей, новая общественность — с теократией, новая религиозная жизнь — как бы с восстановлением средневековья, но освобожденного от дуализма, переведшего томление в реальность». Стремление Бердяева возродить Средневековье явилось несомненно одним из наиболее существенных показателей креативного характера его философских и общественно-политических взглядов.

Следует прежде всего отметить, что Бердяев написал целый цикл статей, направленных против марксизма («Sub specie aeternitatis. Опыт философии, социальные и литературные (1990—1906)», «Новое религиозное сознание и общественность» (1907), «Духовный кризис интеллигенции» (1907)), усиленно пропагандируя в них идею кризиса последнего. «Ни для кого не тайна, — убеждал он своих читателей, — что марксизм переживает серьезный кризис» [1, 5].

В марксизме Бердяева не удовлетворял, прежде всего, материалистический подход к пониманию общественной жизни. Он обвинял Энгельса в том, что тот отрицает «самоценность прав личности» [1, 245]. Марксизм, по его мнению, принципиально не в состоянии понять историю, поскольку подходит к ней с внешней, а не внутренней стороны.

Марксизм как якобы вообще всякая другая социология «имеет дело не с внутренним, а только с внешним человеком, поскольку он вступает во внешние социальные взаимодействия с другими людьми». «Социология, — утверждал он, — бессильна вывести внутреннего человека с его идеальным содержанием из человека внешнего с его взаимодействием с социальными группами, подобная попытка есть основная ложь марксистского философского миропонимания» [1, 119].

Подводя итоги, можно сказать, что Н. Бердяев был одним из ведущих представителей неохристианского направления в русской идеалистической философии начала XX в. Как и многие другие неохристиане, он считал, что человечество, и особенно общество на рубеже XIX и XX столетий, вступило в полосу глубокого духовного кризиса. Кризис этот, с его точки зрения, проявился в конечном счете в деградации личности, в «потере ощущения реальности, разобщении с глубинами бытия» [1, 2]. Причины духовного кризиса личности и общества в целом Бердяев видел в утрате веры в «живого Бога» [10, 1] и в замене этой веры различными идеалами, среди которых едва ли не на первое место он ставил материальные потребности людей [1, 412]. «Бог умер в душе — вот основа нового быта», — писал он. Естественно, что главную задачу, стоящую перед современной общественной жизнью, Бердяев видел в «возрождении веры в живого Бога». Н.А. Бердяев, думается, всецело соглашался с оценкой современного человека, данной С.Н. Булгаковым: «В современном человечестве не только у нас, но и на Западе произошел какой-то выход из себя во вне, упразднение внутреннего человека, преобладание в жизни личности внешних впечатлений и внешних событий, главным образом политических и социальных» [6, 132]. В сознании путей этого «возрождения» немаловажную роль было призвано сыграть обращение к истории человечества, которое и послужило отправной точкой создания Бердяевым религиозной концепции историзма.

Какое же мировоззренческое и познавательное значение имеют для нас сегодня философские идеи С.Н. Булгакова и других русских неохристиан, высказанные ими в другое время? Дело в том, что сейчас в России формируется новый, атеистический, капитализм, и поэтому наш индивидуализм может оказаться совершенно иным, со знаком минус. Относительная религиозность капиталистического общества имеет огромный смысл, ибо без религиозных ценностей капитализм стал бы безнравственным чудовищем, обществом, где все ведут постоянную войну против всех. Легко представить, что может произойти с сотнями тысяч российских индивидуалистов-бизнесменов, душа которых пуста и отвергает веру и духовные ценности. Если западный, про-

тестантский индивидуализм строился на диалоге человека с Богом, ответе человека Богу, то смысл русского индивидуализма заключается в негативном, скептическом отношении ко всем духовным ценностям. Следовательно, русский предприниматель становится индивидуалистом в совершенно другом, непротестантском смысле: не в плане понимания своей индивидуальной ценности в глазах Бога, а в плане отрицания элементарных норм нравственности, духовных идеалов. Свободный от Бога и неотягощенный совестью наш современный индивидуализм может обернуться эгоизмом, жестокостью, алчностью, себялюбием, чему есть уже много примеров. Без духовных ценностей и веры свобода, которую мы получили, может принести зло и произвол. Все эти опасности в другую историческую эпоху прозорливо предвидел Н.А. Бердяев, пожалуй, самый антибуржуазный мыслитель в России XX в. Всю свою жизнь он оставался сторонником социализма, но даже его симпатии к социализму, которые он не стремился скрывать, омрачались мнением, что в нем заложены буржуазность, прагматизм, технократизм и бездуховность.

Российские неохристиане в начале XX в. пытались разяснить природу человеческой души и выработать систему философского миропонимания, в особенности религиозно окрашенную и основанную на Абсолютном и Всеедином бытии. Они внесли существенный вклад в мировую философию, предлагая свои поправки и идеи в существующие учения. Общество, согласно их взглядам, есть первичная целостность, единое существо. Опираясь на христианскую антропологию, учение о душе человека, они показали, что сознание различных индивидов не обособлены, а всегда до некоторой степени слитны. Индивидуальное сознание не первично, оно лишь постепенно дифференцируется из сознания вообще, никогда не отрываясь от целого, так что индивид в подлинном и самом глубоком смысле слова произведен от общества как целого. Мировоззрение С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и других мыслителей в данном вопросе полностью соответствует традиционному православию. Вместе с тем, как справедливо подчеркивает В.К. Королев, «у современников было и иное суждение по этому вопросу» [5, 154].

Таким образом, первая четверть XX в. была важным этапом в развитии русской философской мысли. В эти годы осуществлялись глубокие социальные, экономические и политические изменения в жизни общества, означавшие крутой поворот в исторической судьбе народа, которые не могли не отразиться в сознании интеллигенции. Смысл исканий представителей русского религиозного Ренессанса в этот период был в движении к протестантизму через реформирование христи-

анской ортодоксии православия. Перед Россией тогда, как и сейчас, стояла важная задача — создание типа человека, способного жить и творить в экзистенциальном одиночестве. Человека, умеющего быть свободным и самому отвечать за себя, рассчитывать только на себя и не искать защиты и помощи у государства. Разрушительные революции, распространение марксизма, террор и ужасы Гражданской войны затем коренным образом поменяли интеллектуальную атмосферу в стране, подорвали основы традиционного мироощущения, веру в незыблемые человеческие ценности, культуру, прогресс, моральные принципы. Настроения тревоги, неуверенности и пессимизма, характерные для общественного сознания русской интеллигенции в начале XX столетия, сменились после победы большевиков состоянием душевного надлома, духовной обреченности, утратой исторических перспектив.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Опыты философские, социальные и литературные (1900—1906). СПб., 1907.
2. *Бердяев Н.А.* Происхождение зла и смысл истории // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 95.
3. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М., 1911.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Берлин, 1923.
5. *Королев В.К.* Феноменология в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова // Философия хозяйства. 2011. № 1.
6. *Булгаков С.Н.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997.
7. *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907.
8. *Галахов И.* Печальная страница в истории русского религиозного самосознания. Томск, 1910.
9. *Бердяев Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики. Париж, 1947.
10. *Бердяев Н.А.* Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907—1909). СПб., 1910.

Р.М.-А. ГУСЕЙНОВ

Все меняется, но все остается по-старому

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы развития, прогресса стран, народов. Рассматривается опыт экономических систем различных стран, попытки его переноса на территории других государств.

Ключевые слова: неразрешимость актуальных проблем; особая роль государства в экономике России.

Abstract. This article addresses the problems of development and progress of countries and nations. The experience of economic systems of different countries, attempts to transfer it to the territory of other states are considered.

Keywords: insolubility of immediate problems; a specific role of the state in Russian economy.

Есть у С.Н. Булгакова небольшая работа «Основные проблемы теории прогресса» [1, 261—309]. Она поражает скептическим отношением к прогрессу вообще и к теориям прогресса в частности. Невольно возникают вопросы, на которые трудно найти точные ответы. В самом ли деле прогресс — это основной вектор человеческих обществ? Разрешимы ли глубинные проблемы, с которыми сталкивается человечество, или они — по определению — постоянно воспроизводящиеся факторы человеческого бытия? Почему и в России одни и те же задачи веками не находят своего решения?

Обратимся к трудам русских мыслителей

Мы уже имели возможность высказаться по поводу необыкновенной живучести и неразрешимости проблем, с которыми сталкивается Россия. Скажем, анализ трудов русских мыслителей И.Т. Посошкова и М.В. Ломоносова показали, что обсуждаемые ими вопросы сохранили свою злободневность и сегодня [2, 239—250; 3, 16—30].

Восемь задач увидел в 1724 г. И.Т. Посошков, необходимость решения которых крайне важна для процветания Родины.

1. Духовное обогащение и всеобщая образованность русского народа.
2. Боеспособная армия, состоящая из патриотически настроенной и социально защищенной профессиональной элиты.
3. Развитая судебная система, строгое, но справедливое уголовное и гражданское право.
4. Экономическая, юридическая и политическая защищенность предпринимательской деятельности.

5. Развитая структура промышленности, прежде всего обрабатывающей, производящей конкурентоспособную на мировом рынке продукцию.

6. Высокая агрокультура, сохранение приемлемого благосостояния крестьян — основной массы населения.

7. Упорядочение земельных отношений, широкомасштабное кадастрирование российских земель, тщательные топографические описания угодий и введение простой системы поземельного обложения.

8. Справедливая и эффективная фискальная политика.

Если читатель читает газеты или хотя бы смотрит информационные программы по телевидению, он сталкивается с аналогичными темами и сюжетами и в 2011 г.

Любопытно, что и М.В. Ломоносов в 1761 г. обнаружил очень близкие задачи:

1. О размножении и сохранении российского народа.

2. Об истреблении праздности.

3. Об исправлении нравов и о большем народе просвещении.

4. Об исправлении земледелия.

5. Об исправлении и размножении ремесленных дел и художеств¹².

6. О лучших пользах купечества.

7. О лучшей государственной экономии.

8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Нашему искушенному читателю не нужно объяснять, почему я привел эти два перечня. Попытаемся ответить на вопрос о причинах «отсутствия прогресса» в разрешении национальных проблем.

Как хотят жить народы?

Экономическая история стран и народов позволяет сделать несколько простых выводов, имеющих прямое отношение к нашей теме. Первый вывод сколь прост, столь же загадочен: *все народы мира живут так, как сами хотят жить*. Знаток тут же возразит: «Разве есть народы, которые хотят жить скромно и даже бедно? Разве не зависит уровень благосостояния граждан от наличия или отсутствия богатых природных ресурсов? Отвечаю: не зависит! Примеры Голландии, Израиля, Японии яркие тому свидетельства. Сегодня усердно распространяется миф о некоем «ресурсном проклятии» России. Мол, наша нищета — результат нашего богатства. Это «голь на выдумки хитра», а нам незачем «хитрить», нам и без того все Бог дал. Вот обед-

¹² Художества — в лексике XVIII столетия — это обрабатывающая промышленность.

неем ресурсами — сразу заработаем эффективно и догоним... Португалию (если, конечно, она будет дожидаться). Да вот неприятность — ресурсное богатство почему-то не мешает Соединенным Штатам, Австралии, Канаде. Да и Бразилии не мешает! Что-то тут не так, не в природных ресурсах дело. Судя по всему, в иных качествах страны и населяющих ее людей, в национальном экономическом духе. Вот и проблемы, о которых писали Посошков и Ломоносов, видимо, не очень-то волнуют наш народ. Иначе бы они давно были разрешены.

Экономические системы не клонируются

Мы много усилий тратим на «изучение опыта» других стран в деле эффективного экономического развития. И получается, что зря! Никакого толку от этого для нас не происходит. Нам всегда кто-нибудь или что-нибудь мешает: войны, периоды послевоенных восстановлений, мировые кризисы; «американский империализм», «мировой сионизм», «китайский гегемонизм» (и такое было!). А если ничего такого не можем найти, то сваливаем наши неудачи на плохую погоду, на хорошую погоду, на морозы, на отсутствие морозов, на природные катаклизмы, техногенные катастрофы. Сегодня можно посетовать на Олимпийские игры 2014 г., Универсиаду 2013 г., Конференцию АТЭС 2012 г., на Грузию, Южную Осетию, Абхазию. На Аль-Кайеду, наконец. Мы иногда спохватываемся, осознавая, что и относительно благополучные страны сталкиваются с теми же или подобными ситуациями. Тогда-то и посылаем научные делегации за рубеж — изучать чужой опыт.

В начале 1990-х гг., когда мы всерьез взялись за рыночное реформирование, меня удивляли и даже сместили публикации в научных журналах на тему о приемлемости для России аргентинской, китайской, шведской, германской и прочих «моделей» развития. Увы, чтобы развиваться по-шведски, надо быть шведами, а по-китайски — китайцами.

Естественно, изучать чужой опыт необходимо, можно даже перенимать некоторые технико-технологические достижения, использовать открытые в других странах функциональные зависимости. Но уже управленческие приемы и инструменты, системы менеджмента на микроуровне и тем более на макроуровне, требуют глубокого изучения национальной специфики. Ведь то, что, скажем, японцу благо (система пожизненного найма, например), то американцу — смерть, а шведам, с их системой «солидарной заработной платы», и вовсе фантастическая экзотика. И ничего, живут, как-то уживаются друг с другом.

О «системном переносе» опыта одной страны на территорию другой — не может быть и речи. В свое время вся военно-политическая мощь Советского Союза не позволила унифицировать социально-

экономические системы стран «социалистического лагеря». Советская централизованно-плановая система сильно отличалась от «рыночного социализма» Югославии, «кооперативной специфики» Венгрии, северокорейской модели «опоры на собственные силы». А рыночные системы столь разнообразны, что от «опыта» могут глаза разбежаться и вполне возможно упустить собственную экономическую и управленческую историю и бездумно отказаться от нее. Не дай Бог!

Если в других странах находят способы разрешить проблемы, аналогичные нашим, это вовсе не означает, что мы сможем «поступить также».

В истории ничего не пропадает

Я с большим уважением отношусь к открытиям Ч. Дарвина и к дарвинизму. И все же предпочитаю во всех живых организмах, в том числе экономических, искать исторические корни, генетические связи явлениями. Признавая, что в природе и в обществе существует диалектическое единство изменчивости и наследственности, я вижу, что генетические связи более прочны и долговременны, что изменения на генетическом уровне происходят или очень медленно, веками и тысячами, или — катастрофически. «Природа не делает скачков», — говорил великий Альфред Маршалл. Дарвинист усмехается, читая или слушая такое, но в душе все равно таит сомнения. Ведь никто не видел, чтобы от обезьяны рождался человек. От обезьяны всегда рождается обезьяна! (Я вполне отдаю себе отчет в том, что буду обвинен в невежестве.) Впрочем, «обратный» процесс, когда от человека рождается обезьяна, я наблюдаю довольно часто.

Социально-экономическая история многократно и многообразно свидетельствует о прочности генетических связей. Соединенные Штаты — страна, рожденная на «пустом месте» (индейцы *de facto* не участвовали в генезисе современной экономики США), были обречены на победу либерализма и индивидуализма в экономике. Россия же во все периоды своей истории отличалась гипертрофией нерыночных отношений и особой активностью государства в экономической жизни. Мы уже имели случай писать о том, что государство в России — это не просто «политическая надстройка» и публичная власть. Государство в России всегда было и остается основным инвестором, самым активным инноватором и мощной перераспределительной машиной, функционирующей в мобилизационно-распределительной системе [4, 100—104].

Не зря и Посошков, и Ломоносов уповали исключительно на административную силу государства, когда предлагали инструменты раз-

решения назревших проблем. Судя по всему, иного пути нет. Подождем!

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
2. Гусейнов Р.М. Посошков без преувеличений // Философия хозяйства. 2002. № 6.
3. Гусейнов Р.М. Не Сибирью единой прирастает могущество Родины // Философия хозяйства. 2005. № 2.
4. Гусейнов Р.М. История — это всемирный суд // Философия хозяйства. 2011. № 3.

В.А. ГОРДЕЕВ

С С.Н. Булгаковым в запостмодерн через обращение к истокам

Аннотация. Статья посвящена роли философии хозяйства С.Н. Булгакова в осмыслении сегодняшнего пути преодоления постмодерна. Автор считает, что такое преодоление должно быть обращением к нашим истокам, что соответствует, по его мнению, концепции основоположника философии хозяйства.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономический материализм, постмодерн и запостмодерн.

Abstract. This article is devoted to analysis of a role of economy philosophy by S.N. Bulgakov in finding of today way to afterpostmodern. The author believes that such way must be returning to our beginning and it is corresponding to opinion of S.N. Bulgakov.

Keywords: philosophy of economy, economic materialism, postmodern and afterpostmodern.

Время С.Н. Булгакова и время сегодняшнее... Про первое порой говорят: «Серебряный век», а про второе: «Демократия, свобода, суверенитет России...». Но ведь есть и другие оценки: «Бойня мукденская, треск Цусимы»; расстрел стариков, женщин и детей в «Кровавое воскресенье», идущих к батюшке-царю за помощью с иконами в руках и молитвой на устах; Революция 1905 г. как репетиция 1917-го. И лишь немногие интеллигенты осознавали, как, например, В.Я. Брюсов, объ-

ективную неизбежность приближающейся революционной развязки и приветствовали ее:

«...Вас, кто меня уничтожит,
встречаю приветственным гимном».

Да, впрочем, и Серебряным-то веком то время названо в том смысле, что Золотой уже безвозвратно ушел в ретроспективу. Это о времени С.Н. Булгакова. Ну, а сегодняшнее у нас на виду, в непосредственной близости. Развал огромной страны вопреки мнению всенародному, на референдуме высказанному; небывалый спад производства, ограбление населения через приватизацию национального богатства узкой кучкой назначенных в олигархи, демографическая катастрофа. А уж от Золотого века в литературе и искусстве мы сегодня куда дальше, чем современники С.Н. Булгакова.

Словом, напрашивается возможность искать и находить аналогии, черты сходства у времени С.Н. Булгакова и времени сегодняшнего. И прежде всего, наверное, оба периода требуют от мыслящего человека особенно широкого, философского осмысления и переосмысления цели и смысла деятельности человека и социума. Здесь особенно важно: *«и переосмысления»*. Разумеется, речь не о мировоззренческом предательстве, не о механистическом отказе от идей себя вчерашнего, а о постоянном труде-подвиге движения процесса осмысления-переосмысления. Таким трудом-подвигом представляется сейчас собрание сочинений С.Н. Булгакова, совершенных столетие назад. Попытку совершить что-то подобное, но уже применительно к реалиям и вызовам сегодняшнего времени, предпринимает сейчас Академия философии хозяйства во главе с Юрием Михайловичем Осиповым.

Сегодняшнее господство античеловечного постмодерна представляет человечеству очень простую альтернативу: или погибнуть именно как человечеству, или перейти в совершенно иное состояние организации социума и его хозяйства. И здесь очень нужен и остроактуален С.Н. Булгаков. Нужен, повторяю, прежде всего примером широкого, философского осмысления и переосмысления цели и смысла деятельности человека и социума. Ведь уроки перестройки-реформ, когда результаты оказались неадекватны ожиданиям, предупреждают о пагубности бездумности, экспериментирования над огромным народом и его хозяйством «без царя в голове».

Конечно, процесс осмысления-переосмысления, имманентно присущий мыслящему человеку, как и потребность, например, дышать воздухом, не является в конечном итоге самоцелью, а выступает средством поиска истины, а значит, определения правильного выбора пути для человека и человечества. Пути прорыва в запостмодерн, в состоя-

ние относительной гармоничности человека, его хозяйства и природной среды.

Далее, считаю важным и актуальным увидеть у С.Н. Булгакова органическую последовательность его осмыслительно-переосмыслительного процесса, когда крутые, казалось бы, на 180 градусов мировоззренческие повороты от этапа к этапу выступают лишь отдельными моментами непрерывного и единого, целостного движения к постижению общей философско-хозяйственной картины мира. Ведь так легко и удобно увидеть и абсолютизировать в С.Н. Булгакове кому религиозность, кому экономический материализм. И хоть это легко и удобно, но такое вырывание из контекста неизбежно искажает главное, красную нить движения мыслителя. Движения к совершенству, к идеально-оптимальному в жизнеустройении.

Вот молодой учащийся духовного заведения, причем выходец из семьи потомственных священнослужителей, С.Н. Булгаков резко порывает с церковью, увидев в ней черты и признаки обычной бюрократической организации, особенно нетерпимые в институте, претендующем на посредничество паствы с самим Богом. Тем самым совершает похожее на поступок Л.Н. Толстого: в Бога верую, а церковь презираю, рассматривая ее служителей, по-сегодняшнему выражаясь, как один из «офисных планктонов» чиновничества. Но в этом отрицании нельзя не видеть чрезвычайно высокие требования Булгакова к институту православной церкви, стремление видеть практическое осуществление этих требований. Нельзя не усматривать здесь провозвестие будущего религиозно-философского осмысления им жизневедения в целом, мира-хозяйства, органически включающего в себя духовную деятельность наряду с материальной.

А вот С.Н. Булгаков обращается к марксистской политэкономии, и целый относительно длительный период она становится его убеждением, научной доктриной, методологией и философией. А потом от этого экономического материализма уходит к созданию философии хозяйства. Но важно заметить, как сам С.Н. Булгаков, оглядываясь на эту доктрину, характеризует суть ее и необходимость не ограничиваться ею. Ведь не случайно первая глава «Философии хозяйства» начинается с принципиального заявления автора: «В жизни и мироощущении современного человечества к числу наиболее выдающихся черт принадлежит то, что можно назвать *экономизмом* нашей эпохи. Так называемый экономический материализм дает только наиболее резкое выражение этой ее черты, и, сколь бы спорной ни казалась нам его доктрина, сколь бы шаткими ни представлялись его философские и научные, метафизические и эмпирические основы, благодаря такому своему

значению он есть нечто большее, чем просто научная доктрина, которая рушится вместе с обнаружением своей несостоятельности. В известном смысле экономический материализм даже и неуничтожим, насколько в нем находит выражение некоторая непосредственная данность переживаний или историческое самочувствие, ищущее для себя теоретического выражения в научной или философской доктрине. Эта последняя может быть крайне неудачна по своему выполнению, но настроение, ее создавшее, этим не устраняется. Та особая и неотразимая жизненная правда, что приоткрылась и интимно почувствовалась с такой серьезной и горькой искренностью нашей современностью, делает экономический материализм в известном смысле неопровержимым. Он не может быть просто отвергнут, как любая научная теория. Он должен быть понят и истолкован — не только в своих явных заблуждениях и слабых сторонах, но и в том вещем содержании, которое чрез него просвечивает. Он должен быть не отвергнут, но *внутренне превзойден*, разъяснен в своей ограниченности как философское «отвлеченное начало», в котором одна сторона истины выдается за всю истину» [1, 53].

Вообще-то, всматриваясь в суть этого принципиального высказывания С.Н. Булгакова, резонно предположить, что ему не довелось ознакомиться с ответами, например, Ф. Энгельса в письмах последнего времени, на нападки критиков на К. Маркса за одностороннюю абсолютизацию экономизма в ущерб духовному влиянию. Учитывая засилье в первой половине и середине XIX в. идеалистических воззрений, Энгельс признает: «...главный упор мы делали, и *должны были делать*, сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п.» [2, 82]. «...Историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины» [2, 84]. Думаю, что если бы С.Н. Булгакову были известны отмеченные рассуждения Ф. Энгельса, материалистический экономизм был бы и дальше спутником мыслителя.

Однако главное не в высказанной сослагательности, а в том, что С.Н. Булгаков продолжил неустанный путь-труд переосмысления, нацеленный на постижение мира в его целостности, преодоление односторонности, создание философии хозяйства, — и в этом нам явлен

пример-образец сегодняшнего переосмысления на пути к прорыву в запостмодерн. А еще, считаю, здесь важно отметить значимость для сегодняшнего подхода С.Н. Булгакова к экономизму на пути переосмысления. Не отвергнуть, а внутренне превзойти, по Булгакову, мне представляется, как *вернуть в себя*. Разумеется, не эклектически смешивая разнородное и разнокачественное, создавая целостное и гармоничное. В одной из монографий, изданных моим университетом совместно с Центром общественных наук и Философско-экономическим ученым собранием (см.: [3]), на примере анализа экономической категории конкуренции я попытался показать, что сущностно-содержательный аспект этого анализа под силу именно классической политэкономии. А вот рассмотрение формы проявления категории позволяет сделать неоклассическая и институциональная методология. Разнесение их по ареалам применения помогает избежать эклектики и в то же время приблизиться к целостному раскрытию исследуемой категории в единстве содержания и формы. Думаю, что в указанном смысле это было сделано вполне «по-булгаковски».

И, наконец, для сегодняшнего осмысления-переосмысления остро актуален и необходим С.Н. Булгаков в его обращенности к истокам глубинно-исторического хозяйства человечества как целостного жизнеустройства в гармонии человека, природной среды и непосредственно хозяйствования. Попыткой следовать этой обращенности выступила, на мой взгляд, концепция, которую мы отстаиваем в учрежденном моим университетом электронном научно-экономическом журнале «Теоретическая экономика».

Уже в первом номере мы начали с изложения своей принципиально новой методологической концепции теоретической экономики. Наиболее полно это было отражено в статьях членов редакционной коллегии профессоров У.Ж. Алиева «Что такое и почему именно теоретическая экономика?» (см.: [4]) и П.С. Лемещенко «Теоретическая экономика: истоки, предмет, методология» (см.: [5]). Показана упрощенность бытующего сейчас наименования научной специальности и учебной дисциплины «Экономическая теория», его непригодность в этом качестве как базовой теоретической составляющей всей системы экономических наук.

Во втором номере в рубрике «Модернизация: теоретико-экономический аспект» — мы предложили вниманию читателей работу профессора У.Ж. Алиева «К общей теории типологии, истории модернизации» (см.: [6]). Ее содержание мы считаем логическим продолжением и развитием нашей концепции теоретической экономики применительно к «модернизационной» теме. Вопреки широко распро-

страненным стереотипам навязываемого нам представления о модернизации только по западному образцу, обрекающему Россию и ближнее зарубежье на догоняющий тип развития, профессор Алиев обстоятельно и достаточно аргументированно показывает, что исторически человечество знало разные виды модернизаций: как совершаемых в гармонии хозяйства, самого человека и окружающей его природы, так и противоречащих природе, человеку и хозяйству. Что уже с неолита человечество «сбилось» с правильного пути, ошиблось в выборе, соблазнившись тем вариантом, который и обернулся в конце концов сегодняшним безумием постмодерна. Почему сегодня, говоря о смысле начала третьего тысячелетия, мы и вынуждены обращаться к проблеме исправления имен.

Уже в первых двух номерах в главной рубрике «Актуальные проблемы теоретической экономики» мы начали знакомить читателей с работой В.И. Корнякова «Экономика и разум» (см.: [7]). В плане «исправления имен» профессор Корняков убедительно показывает, что только в нормативно-желательном смысле экономика и разум соединяются союзом «и», а в позитивно-реальном смысле такого соединения, к сожалению, нет и быть не может — не случайно научное направление, к которому мы принадлежим, называется принципиально «философия хозяйства», а не философия экономики. Разумно было у наших далеких предков в их ведении хозяйства, а сегодняшняя экономика Постмодерна по сути своей безумна, наполнена симулякрами, копиями без подлинников, отчего смыслы начала третьего тысячелетия и невозможны без исправления имен. И исправлять их, обращаясь к своим истокам, мы не можем без примера С.Н. Булгакова, без его философского и человеческого труда-подвига осмысления-переосмысления.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993.
2. *Энгельс Ф.* Письмо Францу Мерингу 14 июля 1993 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39.
3. *Гордеев В.А.* Конкуренция и ее развитие. Ярославль, 2008.
4. *Алиев У.Ж.* Что такое и почему именно теоретическая экономика? // Теоретическая экономика. Ярославль, 2011. № 1. Янв. // <http://www.theoreticaleconomy.info>.

5. Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: истоки, предмет, методология // Теоретическая экономика. Ярославль, 2011. № 1. Янв. // <http://www.theoreticaleconomy.info>.

6. Алиев У.Ж. К общей теории типологии, истории модернизации // Теоретическая экономика. Ярославль, 2011. № 2. Март // <http://www.theoreticaleconomy.info>.

7. Корняков В.И. Экономика и разум // Теоретическая экономика. Ярославль, 2011. № 1, 2. Янв., март // <http://www.theoretical-economy.info>.

А.И. СУБЕТТО

**Космоноосферная парадигма философии хозяйства
в контексте «метафизического коммунизма мироздания»
С.Н. Булгакова**

Аннотация. Предмет статьи — составные ключевые элементы философии хозяйства С.Н. Булгакова: христианский социализм, космоноосферная парадигма, космическая организованность живого вещества и т. д.

Ключевые слова: философия хозяйства, космоноосферная парадигма, хозяйство человека на Земле.

Abstract. Subject of the article — the component key elements of the philosophy of management, S.N. Bulgakov: Christian socialism, cosmonosphere paradigm, the space organization of living matter, etc.

Keywords: philosophy of economy, cosmonosphere paradigm, human position on earth.

Сергей Николаевич Булгаков, 140-летие со дня рождения которого русский народ и все народы России отмечают в этом, 2011, году, — несомненно, гениальный православный философ, в котором удивительным образом соединились глубоко православное мировоззрение, православная духовность с идеалами социализма, жестким неприятием капитализма. В статье «Церковь и социальный вопрос» он писал: «...современный капитализм, основанный на эксплуатации труда, классовых антагонизмах, контрастах богатства и бедности, есть явный грех и человеконенавистничество. Христианство не допускает примирения с каким бы то ни было общественным строем, основанным на насилии и ненависти, оно может благословить только строй, воплощающий начала любви, свободы и равенства, и, пока остается со-

циальная неправда, оно всегда зовет вперед, к социальному прогрессу, к очищению общества от этих пороков, проповедует не только личное, но и общественное покаяние» (курсив мой. — А.С.) [1, 85].

Концепция христианского социализма С.Н. Булгакова была продолжением ценностного социализма православия, наиболее последовательно сохраняемого русским православным христианством, восходящим к «коммунизму Христа» [2], который был изложен в заветах Христа, в «Нагорной проповеди» (в которой есть такие слова: «Блаженны алчущие и жаждущие правды... Блаженны изгнанные за правду...» [2, 48]).

Эта христианско-социалистическая линия получает у С.Н. Булгакова развитие в его «Философии хозяйства», опубликованной в 1912 г.

Значение этой книги спустя почти 100 лет не только не потускнело, не износилось под воздействием энтропии памяти и исторических перемен, но, наоборот, возросло, поскольку космическое измерение хозяйства человека на Земле, которое красной нитью проходит через мыслительную рефлексию С.Н. Булгакова над смыслами категории «хозяйство», возросло под воздействием *императивов* переживаемой человечеством и Россией *Эпохи великого эволюционного перелома*, которую определили *первая фаза Глобальной экологической катастрофы и обозначенные ею пределы цивилизационного развития, ценностей рыночно-капиталистической цивилизации*.

Первая фаза Глобальной экологической катастрофы, которая в рыночно-капиталистической парадигме продолжает углубляться, грозит перейти в 2025±5 году, в оценке А.П. Федотова, в двойной коллапс — социобиосферный (экологический конфликт между рыночно-капиталистическим человечеством и природой) и социально-глобальный (конфликт между сверхбогатым меньшинством человечества и бедным его большинством) [3, 114—117]. Возникла реальная угроза появления «точки невозврата» в социоприродной эволюции человечества к 2030 г., когда оно, человечество, будет окончательно обречено на экологическую смерть.

Эпоху, в которой начала действовать «диктатура лимитов природы» (в определении В.П. Казначеева), А.П. Федотов назвал *эпохой антропогенно перегруженной Земли* [3, 119].

Фактически Природой — суперорганизмами биосферы и планеты Земля — поставлен перед человечеством императив перехода к космоноосферной парадигме *философии хозяйства*, в рамках которой хозяйственное природопользование со стороны человечества на Земле осуществляется в логике управляемой социоприродной эволюции, соблюдающей законы «метафизического коммунизма мироздания» в пони-

мании С.Н. Булгакова, т. е. законы гомеостатических механизмов биосферы, планеты Земля, Солнечной системы, Галактики, Вселенной [4].

Один из идейных истоков *космоносферной парадигмы* философии хозяйства представляет собой космическая философия хозяйства С.Н. Булгакова, которая еще не осмыслена современниками XXI в., как того требует переживаемая эпоха.

Одним из центральных понятий этой философии служит «*метафизический коммунизм мироздания*», или «*физический коммунизм бытия*».

В разделе «Потребление», осмысливая «хозяйственную жизнь» как «обмен веществ», своеобразный «круговорот», или «чередование выдыханий и выдыханий» [5, 64], он пишет: «Есть некоторая *космологическая карма сущего*. Единство мироздания, физический коммунизм бытия, делает то, что физически все находит себя или есть во всем, каждый атом мироздания связан со всей вселенной, или, если приравнять вселенную организму, то можно сказать, что он входит в состав мирового тела» (курсив мой. — А.С.) [5, 64].

В этом же разделе Сергей Николаевич замечает, что «возможность потребления принципиально основана на метафизическом коммунизме мироздания, на изначальном тождестве всего сущего, благодаря которому возможен обмен веществ и их круговорот, и прежде всего, предполагает единство живого и неживого, универсальность жизни. Только потому, что *вся вселенная есть живое тело, возможно возникновение жизни, ее питание и размножение*» (курсив мой. — А.С.) [5, 73].

И.Ф. Малов, В.А. Фролов в статье «Космический меморандум организованности живого вещества», указывая на наличие такого — оставленного нам в наследство творчеством В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского — меморандума, подчеркнули наличие космической организованности живого вещества, более того, на его основе предложили эвристическую модель целостного мироздания в виде вложенных друг в друга «октав» [6, 66—75]. К гипотезе «октавной» модели «живого космоса» приходит и Н.В. Петров в монографии «Живой Космос» [7, 87].

Здесь важно подчеркнуть, что «Меморандум В.И. Вернадского — А.Л. Чижевского» — второе название «Космического меморандума живого вещества» (предложен И.Ф. Маловым и В.А. Фроловым) — имеет своего предшественника в виде меморандума метафизического коммунизма мироздания С.Н. Булгакова, представляющего в его изложении в качестве важнейшего основания космической философии хозяйства. Поэтому нами в ряде работ, в частности в монографии «Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке» (2011), предложено расширенное название данного меморандума: «Меморандум

С.Н. Булгакова — В.И. Вернадского — А.Л. Чижевского» [4, 505—516].

Космическая организованность живого вещества, или целостность Живого Космоса, которая утверждается в этом Меморандуме и которая развивает идею всеоживленности Космоса А. Гумбольдта (в 1997 г. мы сформулировали свой взгляд на *гипотезу живого космоса* в виде «Принципа презумпции всеоживленности Космоса сущего» [8, 300—339]), и есть тот «метафизический коммунизм мироздания», или «физический коммунизм бытия», о котором писал Сергей Николаевич Булгаков в начале XX в.

«Материя, организованная жизнью, есть уже тело... Через тело, благодаря связности универса, жизнь в разных ее проявлениях внедряется в целый космос. Космос есть в этом смысле потенциальное тело живого существа, организм *in potentia*...» [5, 67], — подчеркивал русский православный мыслитель.

Именно поэтому хозяйство предстает не просто как деятельность человека на Земле, использующая ресурсы якобы пассивной природы для своего потребления и развития, а как форма бытия человека в живом космосе, которая требует от человека, хозяйствующего на Земле, особой гармоничной функции, вхождения человека как разумного существа через свое хозяйство в живое тело Космоса таким образом, чтобы на основе разумного обмена веществ обеспечивалась прогрессивная эволюция и человечества на Земле, и всего разнообразия жизни, т. е. биосферы, потому что человек — часть биосферы — планеты Земля, живого космоса, и его прогрессивная эволюция невозможна без прогрессивной эволюции природы на Земле.

Именно такой тип эволюции человечества на Земле и в космосе и востребует космоноосферную парадигму хозяйствования человека на Земле, а значит — и соответствующую космоноосферную парадигму философии хозяйства, истоки которой находятся в булгаковской философии хозяйства, в учении о ноосфере В.И. Вернадского, в гелиобиологии А.Л. Чижевского, в его концепции солнечно-земных связей.

Здесь возникает расширительное, булгаковское, толкование хозяйства, в смысловом поле которого, «наука есть хозяйство разума в природе, трудовое восстановление идеального космоса как организма идей или идеальных закономерностей, гармонично сочетающих космические силы или формирующих первоматерию и первоэнергию, “праматерь” бытия» [5, 165]. И далее он продолжает: «В трудовом, хозяйственном процессе наука проникает чрез кору и толщу хаос-космоса к идеальному космосу, космосу — Софии. Мир предстает тогда, действительно, как единство, но не в канто-лапласовском смысле. Единство это выразит не абстрактная формула мирового детерминиз-

ма, но организм идей, механическое же единство его лишь отражает в опрокинутом и искаженном образе. Таков идеальный предел научного знания» [5, 165]. Добавим только, что булгаковский «организм идей» отражает организм — космос или живой космос.

Ноосферизм как научно-мировоззренческая система, ноосферно-ориентированный синтез наук и учение о желаемо-необходимом Будущем человечества — *ноосферном духовном экологическом социализме* и одновременно управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества [4; 9; 10] имплицитно включает в себя *космоноосферную парадигму философии хозяйства* и развивает ее.

Что означает космоноосферная парадигма философии хозяйства?

Она означает, что:

- хозяйство человека на Земле рассматривается как момент ноосферной и космической гармонии в ее эволюционно-динамическом прочтении, с учетом ограничений, которые накладывают на свободу воли хозяйствующего субъекта на Земле гомеостатические механизмы (их законы) биосферы, Земли и космоса;

- хозяйствующий человек на Земле исповедует систему космоноосферной духовности и нравственности, востребующую его космическую ответственность перед всем живущим на Земле и в космосе, которая опирается на «космоноосферное пространство сознания» и глубинное чувство единства человека с живым космосом, на ценности соборности, общинности, коллективизма, альтруизма, любви, доброты, примата духовных потребностей над материальными, примата творчества, созидания над потреблением, правды (как единства истины, добра и красоты, сущего и должного), всечеловечности;

- хозяйство экологично, ноосферно по своим технологиям, по своему предназначению и опирается на принцип эколого-антропного дополнения, в соответствии с которым без решения проблем человека, установления строя справедливости, ноосферного социализма, с приматом функционала качества жизни над функционалом прибыли, экологические проблемы не могут быть решены принципиально;

- хозяйство опирается на жизнеобеспечивающий труд человека.

Исходя из положения о «*софийности природы*», С.Н. Булгаков утверждал потенциальную софийность хозяйства на Земле.

В другом выражении это положение приобретает такой смысл: «метафизический коммунизм мироздания» востребует «метафизический коммунизм» хозяйства человека на Земле, а по мере выхода его в космос (полеты на Марс и Луну в ближайший период) — хозяйства человека в космосе, а это в свою очередь ставит вопрос о ноосферном социализме, переходящем в будущем в ноосферный коммунизм.

Данный вывод близок к выводу Ю.М. Осипова, который в своей первой монографии по философии хозяйства в 1990 г., выдвинул три важных положения в контексте затронутой темы:

- «стратегическая цель человечества, которую мы можем сегодня предвидеть, — ноосфера. Это как раз есть главное и самое масштабное общее дело всего человечества...»;

- «...к какому общему качеству будет тяготеть эволюция обеих систем (мое замечание: капитализм и социализм. — А.С.)? Окончательный ответ даст сама жизнь, но наиболее вероятный ответ... — это социалистическое качество, но, разумеется, то — *ноосферное* — социалистическое качество»;

- «...социалистическая интеграция и всеобщая мировизация должны идти и, надо полагать, пойдут вместе, служа друг другу залогом» (курсив мой. — А.С.).

Ю.М. Осипов открыл «закон превращения хозяйственного хаоса в хозяйственный порядок» [11, 169]. Этот закон в глобальном масштабе и ведет к космоноосферному социалистическому хозяйству человечества на Земле.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Христианский социализм: Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991.
2. *Клутс К.* Коммунизм Христа: анализ Нового Завтра. М., 2002.
3. *Федотов А.П.* Глобалистика. Начала науки о современном мире. Курс лекций. М., 2002.
4. *Субетто А.И.* Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб., 2010.
5. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
6. *Малов И.Ф., Фролов В.А.* Космический меморандум организованности живого мироздания // Дельфис. 2006. № 4 (48).
7. *Петров Н.В.* Живой Космос. СПб., 2011.
8. *Субетто А.И.* Человековедческие основания российского образования и императива его гуманизации, или Неоклассическое человековедение // Казначеев В.П. Проблемы человековедения / Под ред. А.И. Субетто. М.; Новосибирск, 1997.
9. *Субетто А.И.* Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. СПб., 2001.
10. *Субетто А.И.* Манифест ноосферного социализма. СПб., 2011.
11. *Осипов Ю.М.* Опыт философии хозяйства. М., 1990.

А.Н. КЛЕПАЧ, О.В. ДОБРОЧЕЕВ

**Сильной может быть только умная экономика
(о духовных и физических составляющих современной
экономики, или поэзия и проза экономической
деятельности)**

Аннотация. Сегодня, когда финансовая политика, информационные технологии или реклама становятся хозяйственной доминантой, не замечать решительного влияния нематериальных факторов на экономику уже невозможно. Отсюда двумерная модель экономики — как синтез естествознания и экономической теории.

Ключевые слова: двумерная модель экономики, естествознание, права человека, неинституционализм.

Abstract. Today, when financial policy, information technology or advertising are becoming the dominant business, to ignore the strong influence of intangible factors on the economy is impossible. Therefore appears two-dimensional model of the economy, as a synthesis of science and economic theory.

Keywords: two-dimensional model of the economy, science, human rights, neoinstitutionalism

Вопрос, около 100 лет назад поставленный творчеством С. Булгакова, о неполноте сугубо экономического описания хозяйственной реальности и необходимости его расширения до философского уровня, до сих пор продолжает оставаться актуальным и волновать умы исследователей.

Связано это с тем, что материалистический подход, порожденный достижениями классической физики, не удовлетворял еще ее основателя Ньютона, который был не только физиком, но и, о чем мало известно, министром финансов Великобритании и теологом. А сегодня, когда финансовая политика, информационные технологии или реклама становятся порой хозяйственной доминантой, не замечать решительного влияния нематериальных факторов экономики уже невозможно. И в изысканиях последних десятилетий мы видим, что внимание ученых к гуманитарной составляющей экономики только усиливается. Это проявляется в постоянно возрастающем числе работ, заполняющих пространство между философскими и утилитарными измерительными средствами описания экономической реальности. При-

чем заполняется как со стороны «натуральной философии», или естествознания, что нашло яркое отражение в волновых теориях экономики и широком использовании ее математических моделей, так и со стороны экономической теории, что отразилось в бурном продвижении по всему миру концепции прав человека, неинституционализма и т. д.

1. Двумерная экономика (пространства и времени, полезности и стоимости, объема и частоты событий)

В экономике, как и в физике, есть своя двумерность — пространственное и временное измерение экономических явлений. В классической политической экономии говорилось о полезности и стоимости (ценности) товаров, сейчас чаще — о пространственной и информационной составляющей экономических событий и экономического развития: полезность — стоимость (ценность); пространство — информация (вертикальная составляющая развития).

Экономическая политика многомерна, но на каждой исторической развилке выделяется ведущий, стержневой приоритет. В целом для становления рыночно-капиталистической экономики (трансформационного перехода от плана к рынку) характерна доминирующая роль в экономическом регулировании цен и инфляции, параметров эмиссии и бюджетного дефицита, нормы прибыли и процентных ставок.

Можно сказать, что если советской системе, как и экономике корпораций, свойствен избыток целей и дефицит внутренних барьеров, то в рыночной экономике в ее переходной форме — кризис целей и избыточная жесткость внутренних пределов (жесткие бюджетные ограничения). Хотя для сторонников российской шокотерапии все как раз наоборот. Цель, переход к рынку, — ясна, а бюджетные ограничения мягки, что порождает сильную инфляцию. Несоответствие стоимостных (финансовых) и ресурсно-технологических пропорций (среднесрочное трансформационное неравновесие), конфликт между рыночными регуляторами и экономическим объектом (субъектами) сопровождает российскую экономику и в 1990-е и в 2000-е гг., но полюса и формы этих дисбалансов изменились. В 1990-е гг. это кризис неплатежей, эмиссионный доход и высокая инфляция, в 2000-е — конфликт между развитием, потребностью в увеличении бюджетных и социальных инвестиций и расходов, с одной стороны, и требованиями бюджетной и макроэкономической сбалансированности, с другой.

Со стороны теоретических споров, можно сказать, что российский монетаризм отчасти болен денежным фетишизмом, или фетишизмом универсальных (количественных) денежно-стоимостных начал в эко-

номике (скорее денежных, так как внутренние стоимостные начала не признаются). Складывается дуализм нейтральности денег: а) нейтральность денег по отношению к производству, так как эмиссия влияет на цены (стоимостные величины), но не на реальные процессы (если отбросить краткосрочные флуктуации); б) ненейтральность, суперактивизм денег, так как реальные величины (потребительная стоимость) не влияют на стоимостные потоки; инфляция, эмиссия, бюджетный дефицит зависят от самих себя, а не от структуры производства и других физических параметров. Нейтральность денег по отношению к производству как с точки зрения влияния на него структуры и уровня, так и с точки зрения зависимости спроса на деньги в условиях инфляции от потребностей производства (роль производства пассивна даже в формировании транзакционного спроса). Эта же двойственность проявляется и по отношению к параметрам бюджетной политики. Уровень бюджетного дефицита — уровень госрасходов (и их секвестирования) рассматривается только под углом зрения темпа инфляции и влияния на него эмиссии, а не границ, поставленных обязательствами государства по удовлетворению коллективных общественных потребностей. В то же время за ценами признается безусловный активизм по отношению к производству, которое пассивно реагирует на изменения относительных цен и норм доходностей факторов производства.

В период докризисного развития и «политики удвоения ВВП за десятилетие» приоритетность темпов роста, структурных решений значительно возросла. При этом в условиях растущих мировых цен на нефть и объемов экспорта углеводородов можно было наращивать бюджетные расходы, запускать стратегические программы и инициативы во многих областях и одновременно наращивать внебюджетные фонды и поддерживать высокий бюджетный профицит.

После кризиса 2008—2009 гг. ситуация изменилась. Необходимость сокращения бюджетного дефицита очевидна, но решение этой задачи осложнено возросшим уровнем социальных обязательств, при ожидаемой стабильности доходов бюджета от экспорта и добычи углеводородов. В этих условиях объективно повышается приоритетность политики бюджетной консолидации, однако возникает риск, что интересы экономического роста и модернизации будут принесены в жертву достижению профицитного бюджета.

В целом для российской экономической политики фактически характерно *доминирование бюджетных финансовых приоритетов над приоритетами развития реального сектора*. Такие финансовые пропорции, как уровень дефицита бюджета, темп инфляции, динамика курса, так или иначе имеют приоритет над пропорциями реального производства, т. е. темпами экономического роста, производительно-

стью труда, энергоэффективностью, показателями инновационной активности. Соответственно Минфин является де-факто главным экономическим ведомством.

Эта деформация соотношения финансовых приоритетов и приоритетов развития реальной экономики проявилась и во время кризиса 2008—2009 гг. При сравнении его с кризисом 1998 г. можно отметить:

- меньшую изменчивость финансовых индикаторов и повышенную реальных;
- изменения структуры доходов и баланса интересов в экономике: сдвиг доходов и власти от реального к финансовому сектору.

Таблица 1

Изменение макроэкономических параметров в период кризисов 1998 и 2009 гг.

		1998	2009
<i>Изменение реальных параметров</i>			
Темп прироста ВВП	%	-5,3	-7,9
Темп прироста инвестиций	%	-6,7	-16,2
Темп прироста экспорта	%	-14,3	-35,7
Темп прироста импорта	%	-19,4*	-34,3
<i>Изменение стоимостных параметров</i>			
Изменение курса (прирост)	%	246	22
Темп сокращения золотовалютных резервов (ЗВР)	%	-29	-29
Изменение бюджетного дефицита	п.п. ВВП	2	11,3
Изменение инфляции (прирост)	%	640	-34

Примечание: основное сокращение импорта произошло в 1999 г., и его совокупное сжатие составило 54,3%.

В кризис 1998 г. ВВП упал на 5,3%, тогда как в 2009 г. — на 7,9%, т. е. сильнее в 1,5 раза, инвестиции соответственно в 2,4 раза сильнее. В то же время курс рубля в 1998 г. снизился в 3,5 раза, тогда как в 2009 г. — всего на 22% (в целом от предкризисной точки он упал менее чем на 50%), при этом инфляция ускорилась в 1998 г. почти в 8 раз (с 11 до 80%), тогда как в 2009 г., напротив, понизилась (с 13,3 до 8,8%, большую роль сыграл фактор снижения мировых цен на продовольствие). Хотя масштаб оттока капитала и сокращения резервов в кризисе 2008—2009 гг. был почти в 40 раз выше (около 180 млрд дол.), относительный уровень сокращения был сопоставим — около трети. В наибольшей степени изменились бюджетные параметры. Кризис 1998 г. сопровождался дефолтом государства (он и стал во многом

детонатором кризиса), и бюджетный дефицит даже снизился с 7,5% ВВП в 1997 г. до 5,6% в 1998-м. В кризис 2009 г., напротив, профицит в 5,4% ВВП сменился дефицитом в 5,9% ВВП. В кризис 1998 г. обанкротились государство (дефолт) и значительная часть банков, тогда как промышленность быстро перешла к росту. В 2008-2009 гг., напротив, несмотря на банкротство нескольких банков, банковская система укрепила свои позиции, тогда как значительная часть промышленных компаний стала фактическими банкротами и была спасена за счет бюджета и реструктуризации долгов (табл. 1).

В экономике, в отличие от классической физики, инварианты найти не так просто в силу сложности, многокомпонентности экономических систем и их «открытости» для влияния различных природных факторов. Хотя определенный размен между финансовыми и реальными параметрами, по-видимому, все же существует. Чем жестче проводится политика в отношении определенных параметров экономики (например, финансовых), тем выше становится неопределенность других, реальных параметров развития, и наоборот. Возможно, здесь действует своеобразная разновидность принципа Гейзенберга — определенность пространственной, или реальной характеристики роста, дополняется неопределенностью финансовой, или виртуальной, и наоборот.

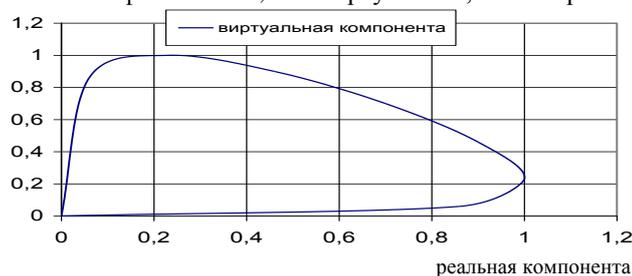

Рис. 1. Теоретическая зависимость частоты экономических событий от их объема

Это демонстрирует график теоретической зависимости частоты экономических событий от их объема, вытекающий из представлений теории социальной турбулентности, основы которой коллега Гейзенберга — Колмогоров заложил в 1962 г. [1—3] (рис. 1).

На рисунке 1 хорошо видна высокая неоднозначность (высокий масштаб изменений) виртуальной оценки экономики при высокой определенности (низком масштабе вариаций) реальной и наоборот. Кроме того, график наглядно показывает, как в процессах социального развития потенция экономического роста, отражающаяся первоначально

чально лишь в частоте экономических событий (виртуальной составляющей экономики), переходит со временем в объемы хозяйственной деятельности.

Такого рода взаимосвязь характерна не только для социально-экономических, но и для всех сложных или, иначе, многокомпонентных систем, существующих в связанном виде достаточно длительное время. И. Пригожин в свое время ввел для подобных явлений понятие диссипативных систем, Хакен — термин «синергетика», Лоренц — «странного аттрактора», а Эшби сформулировал теорему о необходимом разнообразии. Однако их исследования, как пишет сам И. Пригожин, явились попыткой теоретического осмысления феномена больших систем, описанного впервые Пуанкаре в конце XIX в., приблизительно тогда же, когда Парето обнаружил свое знаменитое распределение доходов между различными социальными стратами общества.

Если попытаться подвести некий общий знаменатель под всеми этими изысканиями, то можно сказать словами Бернарда Лиетара, что наряду с пропускной способностью экономической системы (объемами производства, потребления и их производными), необходимо описывать ее «выносливость», или устойчивость к внешним воздействиям. Иначе говоря, необходимо рассматривать экономику как бы в двумерном приближении, имея в виду независимый характер законов описания пропускной способности экономических систем и законов изменения их сложности.

В теории социальной турбулентности вместо многозначного понятия сложности предлагается использовать понятие энергии хаотических движений социума (E), для которой Колмогоровым предложено простое уравнение, связывающее его с масштабом социально-экономических изменений (L) или частотой ($f = E^{1/2} / L$):

$$E \sim L^{2/3}.$$

В более поздних моделях социальной турбулентности [1—3] используется уточненное на основе многочисленных эмпирических данных физического и социально-экономического характера уравнение для энергии турбулентности, на основе которого и построен график рис. 1.

Один из уроков кризиса 2008—2010 гг. заключается в необходимости вернуть первенство политике развития человека и реальной производительной экономике, над экономикой финансовых рынков. Экономика сверхприбыли как от финансовых операций, так и от экспорта сырья и топлива является одним из главных тормозов инноваций и диверсификации, как и социального неравенства. Однако изъятие сверхдоходов в бюджет и внебюджетные фонды не являются ни полной страховкой от кризиса, ни тем более стимулом к инновационному

росту. Нельзя накапливать резервы ради самих резервов, здесь ориентиром должен быть определенный уровень безопасности (страховки), который должен соотноситься и с потерями от ограничения темпов роста экономики, или снижения эффективной нормы накопления. Возможно, уровень безопасности для российской экономики составляет от 2 до 5% ВВП (т. е. годовой размер кризисного дефицита). Избыточные бюджетные сбережения вытесняют инвестиции, в том числе частные. В 2006—2007 гг. прирост накоплений бюджетной системы и Банка России достигал 11—12% ВВП, или более трети всех сбережений в экономике, и тем самым норма накопления основного капитала оказывалась почти на треть ниже национальной нормы сбережений.

2. О взаимосвязи институтов и субъектов экономики

Вначале немного теории. Перефразируя Гегеля, в экономике есть своя физика (материя), или экономика спроса и равновесия и производственных факторов, и своя субъективность, включающая хозяйственный механизм (институты) и идею (субъекты и объекты). Субъективность выступает как реализуемая идея, или деятельная культура, применительно к экономике — хозяйственная жизнь. От экономики двоичности мы переходим к экономике троичности, где ключевую роль играет «личность» (субъект экономики). Поскольку у Гегеля субъективность относится к логике понятия, в отличие от сущности и экономического бытия, то, перефразируя классика, «жить по понятиям» — это и значит жить в соответствии со смыслом экономической жизни, ее духом. Поиски же меры и закона — при всей своей важности — означают менее совершенную ступень действительности. Условно можно выделить следующую триаду (троичность) экономических процессов:

- ресурсы и факторы производства — хозяйственный механизм — субъективность экономической жизни;
- экономика факторов производства и ресурсов — экономика институтов — экономика идеи и воли (деятельность);
- равновесие (неравновесие) — самоорганизация (организация) — управление (интересы и поведение).

Хозяйственный механизм, или институты, традиционно характеризуются (Д. Норт, советская школа хозяйственного механизма): нормами регулирования и типом управляющих сигналов; уровнем транзакционных издержек и барьеров; процедурами и способами урегулирования споров; спецификацией прав собственности.

Обсуждение проблемы влияния экономических институтов на рост во многом напоминает дискуссии о влиянии производственных отношений и надстройки на производительные силы и базис. Форма обще-

ния не может не иметь первенства над производительными силами, а личность — над эффективностью и институтами.

Что понимать под институтами? В узком смысле — только правила и нормы. На наш взгляд, институтами являются и экономические регуляторы, в том числе такие, как цены, деньги, курс национальной валюты и правила ее обращения. Вопрос о ценовых пропорциях, какими должны быть правильные цены — был и до сих пор является ключевым в трансформации российской экономики и повышении ее конкурентоспособности. Проблемой является и соответствие цен на газ, электроэнергию мировому уровню или определенным критериям эффективности. Обычно считается, что равновесные цены — это цены, соответствующие мировому уровню, однако именно ценовые диспаритеты и их соотношение с диспаритетами в эффективности во многом определяют коллизии конкурентоспособности. Заниженный курс национальной валюты и заниженные цены на ключевые товары, определяющие национальную конкурентоспособность (для России — газ, электроэнергия, вода), являются стратегическим преимуществом в догоняющей модели развития. Курс рубля после кризиса 2008—2009 гг. уже в 2010 г. вышел на относительно равновесный уровень с точки зрения параметров платежного баланса и в реальном выражении превысил докризисный уровень. Однако в сопоставлении с конкурентоспособностью, эффективностью российской экономики он остается неравновесным и фактически завышенным. Что хорошо для банков и платежного баланса, не всегда хорошо для реального сектора. Фактически курс является одним из элементов пары (относительного инварианта), вторым элементом которой является изменение валютных резервов и стоящих за ними потоков экспорта, импорта, оттока и притока капитала. Применительно к нынешней российской практике это означает, что наша экономика, прежде всего ее реальный сектор, не готова к полному переходу к таргетированию инфляции как принципу денежной политики. В какой-то мере придется таргетировать и валютный курс, как это фактически делает Китай.

Другая сторона медали — спор о том, «имеют ли деньги значение», т. е. могут ли оказывать влияние на развитие реального сектора и только инфляционные процессы. *Равновесность цен и курса национальной валюты не может рассматриваться в отрыве от технологических, ресурсных и институциональных пропорций экономики.* Скорее можно говорить о множественности или, как минимум, двойственности равновесия. История российской экономической политики дает много примеров, когда форсированное достижение равновесия денежных или финансовых параметров развития усиливало несбалансированность реальных пропорций экономики и тем самым периодиче-

ски вело к взрыву и в сфере стоимостных рыночных отношений (девальвации, росту бюджетного дефицита).

Российскую экономику традиционно характеризуют как *ресурсно-ориентированную*, поскольку получение природной и конъюнктурной ренты (windfall, от роста мировых цен по сравнению с ценами импортируемой продукции) является важнейшим фактором создания добавленной стоимости (около 20—30% ВВП) и ее перераспределения. Только налоги и платежи от нефтегазового сектора формируют более 20% доходов бюджетной системы. Однако это не означает, что всю ренту надо изъять из экономики и заморозить во внебюджетных фондах. «Ресурсное проклятие» не есть проклятие России. Мы в своей истории показывали примеры успешного использования этих доходов, как и другие богатые ресурсами страны (США, Канада, Австралия). Перефразируя известную пьесу, можно сказать — «горе не от ресурсов, а от ума», точнее, от недостатка мудрости. Разумное использование сырьевых сверхдоходов для модернизации традиционных, в том числе сырьевых производств, и создание новой интеллектуалоемкой экономики, это важнейший вызов и возможность России.

Несмотря на это, в середине 2000-х гг. бюджетная система извлекала из экономики от 5 до 7% ВВП, это не устранило перегрева в определенных секторах, прежде всего в финансовой сфере и в потребительском спросе. Однако это не означает, что норму изъятия надо было еще более повысить и в идеале устранить из экономики все сверхдоходы. От кризиса это бы не убергло, так как не создало бы новой, более конкурентоспособной экономики, но значительно ограничило бы темпы роста и ослабило страну.

Устойчивость и сбалансированность экономического развития, как показал кризис 2008—2009 гг., определяются не только осторожной бюджетной, банковской и денежной (курсовой) политиками, но и политикой структурных преобразований, т. е. комплексом политик развития промышленности, аграрного сектора, инфраструктуры и повышения их конкурентоспособности. В этом отношении *сбалансированная макроэкономическая политика* не сводится к регулированию экономики только двумя ключами — размером бюджетного дефицита и изменением курса, или инфляции, а носит более многомерный и сложный характер. Она включает в себя политику регулирования спроса и доходов, структурные (секторные, технологические) и институциональные преобразования.

Современная экономика — это экономика растущей сложности, хотя она подчиняется в общем-то простым правилам. Все стремятся иметь низкую инфляцию, высокую производительность и высокие доходы (не съедающие при этом рост производительности и конкуренто-

способности), низкий бюджетный дефицит (или еще лучше — профицит). При этом многообразие результатов развития поражает воображение.

Кризис 2008—2009 гг. вновь показал, что рыночная экономика, в том числе самая развитая и с самым лучшим инвестиционным климатом, не застрахована ни от кризиса, ни от провалов рынка и банковского регулирования. Ответ на эти вызовы, конечно, не в том, чтобы отказаться от рынка, но и не только в усовершенствовании мер банковского и финансового надзора и в более консервативной бюджетной политике. Рыночная самоорганизация всегда связана с высокими транзакционными и финансовыми издержками. Преодоление (коррекция) ее дисбалансов предполагает не только повышение качества корпоративных и банковских стратегий развития (кризис вскрыл и на этом уровне хозяйствования серьезные провалы), но и значительное повышение роли государства в поддержании сбалансированности экономики и в переходе к новой модели роста. Дело не только в росте госрасходов и бюджетных дефицитов, а и в формировании новой роли *государства как организатора, точнее, соорганизатора общественных процессов*. Не случайно избежали спада такие страны, как Китай, Индия, Бразилия, где достаточно эффективно осуществляется государственное планирование, или программирование.

Усложнение экономической реальности — явление не сугубо российское, а повсеместное. На Западе оно нашло отражение в широко используемой в экономическом анализе общенаучной «теории сложности», заложенной трудами Пер Бака и Канн Чена в конце 1980-х гг.

Согласно ее экономической интерпретации (которую можно найти во множестве работ, например, в трудах таких известных ученых, как Лиетар или Метью), влияние диверсификации хозяйства на экономическое положение предприятия неоднозначно. Как и в любых сложных системах, один и тот же уровень устойчивости может достигаться при двух различных уровнях структурной сложности хозяйства (уровнях его диверсификации) — при высоком уровне и низком. При этом, по мнению Лиетара, существует «зазор жизнеспособности» системы, или зона хозяйственной эффективности, центр которой несколько смещен в сторону высокодиверсифицированной экономики (рис. 1). Р. Метью, как и Б. Лиетар, говорит о неоднозначности влияния диверсификации портфеля на экономические риски. Они могут как возрастать при отсутствии обратных связей, так и падать при их наличии. Но в своих исследованиях большее внимание он обращает на другую особенность — критическую взаимозависимость сложных систем, обусловленную универсальным характером распределения вероятности изменений от их масштаба. Такого рода универсальность изменений

может приводить к неустойчивости систем, обусловленной резонансными взаимодействиями между ее элементами. (Впервые на эту особенность поведения сложных, или больших, систем обратил внимание более 100 лет назад Пуанкаре, который и ввел последний термин.) В качестве модели объяснения такого рода поведения экономических систем, Р. Метью ссылается на гидродинамическую аналогию, обнаруженную Колмогоровым около 50 лет назад.

Рис. 2. Изменение деловой активности (числа экономически значимых событий) от масштаба экономических изменений (или длины волны колебаний состояния хозяйственной системы): слева масштаб изменений и длина волны колебаний состояния равны нулю, справа — единице

В наиболее развернутой форме эта аналогия в изменчивости поведения гидродинамических и социально-экономических систем представлена в теории социальной турбулентности, активно развиваемой в последние десятилетия учениками и последователями Колмогорова [1—3]. Эта гипотеза в аналитической форме описывает весь спектр возможных изменений в экономике (лишь отдельные фрагменты которого описывают модели Лиетара и Метью) от минимальных масштабов колебаний до максимальных и от самых высоких частот изменений до самых низких (рис. 2).

Применительно к спорам о темпах экономического роста России, об их качестве и сбалансированности, можно провести следующее условное деление. До кризиса, в 2003—2007 гг., рост ВВП составлял около 7% в год (почти удвоение за десятилетие). По оценке Минэкономразвития России, около половины прироста ВВП приходится на эффект роста доходов от нефти и объемов экспорта углеводородов (т. е. 3,5—4 процентных пункта). Около 2,5—3 процентных пунктов давал рост инвестиций и потребительского спроса (или фактор человеческого капитала), очищенный от внешнеэкономического фактора.

Примерно 0,5 процентных пункта приходилось на вклад инноваций и эффективности.

В посткризисной картине роста ВВП ожидается снижение вклада внешнеэкономического фактора до 1—1,5 процентных пунктов. Экстенсивное расширение инвестиций и человеческого капитала оценивается в 2—2,5 процентных пункта, хотя, учитывая ожидаемую негативную динамику трудоспособного населения, прямой вклад фактора населения становится отрицательным. В этих условиях для роста с устойчивым темпом в 4,5—5,5% в год вклад инновационного фактора должен повыситься до 1,5—2 процентных пунктов.

Рост станет медленнее, но это не стагнация, а именно рост, но более *высокого качества и сбалансированности*, чем до кризиса. Как, мы надеемся, этот рост будет более устойчивым и к внешним возмущениям.

Оценить комплексный эффект экономических институтов, или экономической политики, в рост экономики достаточно сложно. Если использовать оценки инвестиционного климата и оценки международной конкурентоспособности (представляемые WEF), то получим негативный вклад институциональных факторов в развитие российской экономики (эти оценки представлялись, в частности, Центром развития и С. Алексахенко). Однако картина движущих сил российской экономики скорее всего сложнее. Институциональная составляющая есть в эффекте и факторов производства и инновационной составляющей экономического роста, институциональным фактором являются, в конце концов, и стабильная национальная валюта (рост доверия к ней), и снижающаяся инфляция, хотя и остающаяся выше параметров развитых и многих развивающихся стран. Только прямой эффект реализуемых государством стратегических программ (НИОКР, инвестиций в инфраструктуру и высокотехнологичные сектора) оценивается в среднесрочной перспективе в 0,5—1 процентный пункт роста ВВП. Это тоже институциональный фактор.

Если что-то неизмеримо, то это не означает, что оно не влияет на экономические результаты или незначимо для качества жизни. Достаточно традиционно неэффективность российской судебной системы, бюрократизм и коррупция рассматриваются в качестве значимых барьеров развития. Однако они присутствовали и в докризисный период с 7%-ным темпом роста, и в настоящее время. На вопрос, почему у России темпы роста ниже, чем в Китае, проще всего ответить, что у нас нет китайцев. Но в свое время Россия, точнее, Советский Союз был примером экономического развития для Китая, и сейчас в ряде технологических направлений мы пока опережаем своего восточного соседа. Конкурентоспособность страны и темпы ее роста, в конечном счете,

определяются совершенством экономических и не только экономических институтов, как и качеством человеческого капитала, духовной силой нации. Однако между порядком регулирования, эффективностью институтов, национальным характером и результатами экономического развития много опосредующих звеньев.

Что необходимо изменить в наших российских порядках и институтах, какие духовные силы мобилизовать и какими ценностями жить, чтобы «за державу не было обидно» и Россия была процветающей мощной державой? Вектор поисков был сформулирован в Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г. (КДР 2020). Только реализовав формулу развития «*демократия — человек — технологии*», или «*экономическая свобода — справедливость — инновации*», воплотив ее в повседневную практику жизни общества, Россия сможет реализовать свои потенциальные возможности и занять достойное место среди ведущих мировых держав.

Путь решения — модернизация традиционных секторов экономики, или *новая реиндустриализация* (новая промышленная революция) и переход к инновационному социально-ориентированному типу развития.

2.1. О нашем хозяйственном механизме и управлении

Все многообразие этих факторов и тем более способность той или иной экономической системы к самоорганизации или организации сверху не исчерпываются понятием инвестиционного климата, или предпринимательского климата. Низкие оценки российского инвестиционного климата хорошо известны, хотя они в предкризисные годы соседствовали и с высокими темпами роста инвестиций и притока капитала.

Наряду с проблематикой климата и связанных с ним вопросов регулирования и снижения барьеров более значимым фактором экономического развития и конкурентоспособности страны является состояние всей системы управления в целом — и на уровне корпораций, и на уровне государства (ведомств и регионов).

Несмотря на периодические волны реформирования, наша система управления находится фактически в кризисном состоянии. С одной стороны, все признают избыточность участия государства во многих сферах и выдвигают требование расширения приватизации и свобод бизнеса. С другой стороны, государственного подхода критически не хватает, зачастую преобладают частные лоббистские или узковедомственные интересы. При нарастании ручного управления как во время кризиса, так и после него сохраняется дефицит общественного доверия к государственным институтам и программам. Несмотря на обилие

стратегических программ, их эффективность невысока. Преобладают реакция на ситуацию и решение частичных проблем вместо системного долгосрочного подхода и ответственности за реализацию уже принятых стратегических решений. Каков бы ни был горизонт действия программы, она фактически корректируется каждый год, и стабильных среднесрочных параметров финансирования и контрактации пока нет. Мы только в начале пути.

Один из основных вызовов — необходимость создания современной модели управления, именно системного стратегического управления и повышения профессионализма управления. Необходимо соединение мер по улучшению инвестиционного и предпринимательского климата с *проектным программным подходом к развитию*.

Главный вызов развития России состоит не в размере дефицита бюджета и государственного вмешательства в экономику, а в качестве управления, способности не только к тактическим, но и взвешенным стратегическим решениям и действиям, как на уровне корпораций, так и государственной власти. Российской экономике нужна не только «невидимая рука» рынка или хорошая «инвестиционная погода», а вполне видимый профессиональный интеллект.

История поиска и формирования стратегического управления на уровне государства в России включает в себя следующие вехи:

- 1990-е гг. — среднесрочные программы и прогнозы, при ставке на институциональные преобразования;
- середина 2000-х — разработка стратегий (межотраслевых, отраслевых и региональных), развитие системы федеральных целевых программ (ФЦП) и превращение их в серьезный программный инструмент;
- деятельность по повышению эффективности бюджетных расходов и структурированию целей и мероприятий ведомств и правительства: разработка докладов об основных направлениях деятельности ведомств (дронды (доклады о результатах и основных направлениях деятельности) ведомств, сводный доклад Правительства);
- принятие основных направлений деятельности правительства и карт проектов;
- начало нового этапа, связанного с разработкой государственных программ и переходом к программному бюджету.

Все эти инструменты стратегического управления, кроме ФЦП, оказались оторваны от бюджетного процесса. Не удалось принять закон о стратегическом управлении, хотя вышел указ Президента о стратегическом управлении. Для повышения сбалансированности экономического развития, усиления интеллектуальной составляющей управления необходимо завершить формирование современной систе-

мы стратегического управления. При этом наряду с разработкой государственных программ развития и реформирования ключевых сфер и секторов экономики необходимо значительно повысить роль прогноза в бюджетном процессе и в системе государственного управления в целом. Сейчас прогноз носит служебный характер по отношению к бюджету и самостоятельно не утверждается Правительством в форме нормативного акта. Не принят и долгосрочный прогноз развития российской экономики. Сложилась практика, когда частные стратегии развития тех или иных секторов (Энергетическая стратегия, Схема развития газовой и нефтяной отраслей, Транспортная стратегия) принимаются в отсутствие долгосрочного прогноза и стратегии развития страны в целом. Прогноз является оцифровкой экономической политики в целом, а не только расчетной базой бюджета, сводом и балансом программ развития отдельных сфер, отраслей и регионов страны. Он нужен не только государству, но и частному бизнесу для понимания общей картины развития и основных вызовов и рисков.

Правда, острота этой нужды разная. Бизнес, вообще говоря, может не заниматься долгосрочными планами, а государство не может. Потому что есть задачи, которые имеют очень длительный горизонт развития. Если, например, мы затеваем исследование шельфа, то это проекты, которые тянут за собой десятилетия и более. Если мы начинаем заниматься модернизацией железных дорог (созданием скоростных дорог) — это тоже фактически проект на 5—7, а то и на 10 лет. Если говорить об авиационном комплексе, там любой проект тянет на 7—10 лет, и нужно думать не только про «Sukhoi SuperJet 100», как его продвинуть на рынок, но и про «самолет 2020», а это фактически за пределами 2020 г. Начинать надо сейчас, а отдача будет через 10—17 лет. Ни один частный бизнес такого рода проект ни у нас, ни за рубежом не потянет. У него другие горизонты планирования. То же самое с пенсионной реформой. Нужно думать о том, что произойдет даже не через 2—3 года, а на рубеже 2025 г. Может быть, чуть раньше, а решения придется принимать в ближайшие несколько лет.

Образно говоря, проектный и прогнозный подход к экономическому развитию — *это интеллектуальная, умная составляющая экономического управления*, тогда как бизнесклимат и общие институциональные условия — это сфера экономического бессознательного (инстинктивная часть экономики).

2.2. Экономика интересов и деятельности

Как бы ни были совершенны (несовершенны) пропорции экономики, ведущая роль все же принадлежит деятельному субъективному началу экономики. Это проявляется в том числе и в дискуссиях о том,

кто является субъектом модернизации страны, кто выигрывает и проигрывает от проводимых реформ и кому они нужны, эффективна или нет проводимая экономическая политика.

Физические аналогии для субъективной стороны экономики найти непросто, здесь больше подходят идеи социологов и психологов.

Процесс социализации, обобществления:

- индивидуальность — общество — социализированная индивидуальность.

Процесс индивидуализации (приватизации общественного капитала, связей):

- общество — индивидуальность — общественный индивид.

Применительно к экономическим процессам можно выстроить следующие цепочки преобразования (а не просто цепочки добавленной стоимости):

- фирма (предприниматель) — экономические условия (институты, ресурсное обеспечение, состояние рыночного равновесия) — выросшая, утвердившаяся на рынке фирма (переработавшая тем или иным образом общественные связи).

Экономические условия — фирма (хозяйство, предприниматель) — изменившиеся в результате деятельности субъекта экономические условия (новая среда).

Этим двойственным линиям развития свойственна своя энергетика и в поведении общества, и в поведении корпораций (накопленная энергия, или потенциальная и энергия кинетическая, энергия действия).

В 1990-е гг. российский бизнес приватизировал накопленный в советское время общественный капитал и превратил его в новое качество своей жизни — как личной, так и корпоративной. Сформировался новый слой экономических субъектов, которые после кризиса 1998 г. перешли к интенсивному экономическому росту. В 2000-х произошло настоящее «русское чудо» — почти семипроцентный относительно стабильный рост экономики и вхождение части российских компаний в мировой табель о рангах при существенном улучшении благополучия населения в целом (преодолен спад в жизненном уровне 1990-х). Основной вектор — приватизация и создание нового экономического субъекта. Кризис 2008—2009 гг. обозначил новую развилку: адаптацию к новым более сложным экономическим внешним и внутренним условиям, сворачивание своего бизнеса и экспорт капитала, или активную преобразующую деятельность, которая сможет *создать новое качество экономической среды и общественного капитала, как и новое качество российской экономической элиты.*

Формирование нового баланса интересов связано с изменением структуры бизнеса. Однако это не только проблема слабости именно малого бизнес-класса. В большей степени рост экономики и особенно развитие потенциала ее модернизации и инноваций зависят от опережающего развития «среднего промышленного класса» и предпринимательской инновационной культуры как средних, так и крупных российских компаний.

Определенным шагом в этом направлении является разработка крупнейшими российскими компаниями с государственным участием (47 фирм) среднесрочных и долгосрочных программ инновационного развития. Пока еще преждевременно говорить об их эффекте, но сама разработка этих программ, определение приоритетов инновационного развития (точек прорыва и модернизации), ведущих продуктовых и процессинговых проектов — это настоящая *культурная революция* в управлении компаниями.

Инновационные программы госкомпаний могут стать образцом и новой модели поведения собственно частного бизнеса. Институтом, или организатором инновационной культуры, в российской экономике становятся технологические платформы (в настоящее время разработаны и поддержаны Правительством 28 платформ, а заявлено 180—190). Вещь не новая, у европейцев их порядка 36, у Соединенных Штатов — немножко другая модель, там национальные планы исследований. Эти программы вызвали большой интерес у предприятий и отраслей, причем не только в расчете на государственное финансирование, поскольку его значительного увеличения не предполагалось. Сама конструкция платформ и, видимо (с точки зрения полициклической турбулентной модели экономики), момент их введения вблизи точки бифуркации российской экономики в 2009 г., были таковы, что, благодаря согласованию с помощью государства разнонаправленных позиций предприятий, начало рационально структурироваться объединение компаний, научных институтов, инжиниринговых фирм. Необходимо как можно глубже теоретически осмыслить этот новый инструмент экономической политики, затем его оптимизировать и более активно использовать там, где есть реальные проекты, инициативные группы и предложения со стороны бизнеса. Если брать только пласт поддержанных приоритетных проектов, то он тянет, как минимум, на 15—20 млрд дол. По нашим оптимистическим оценкам, к 2020 г. рост объемов этих работ по разным направлениям составит примерно от 3-х до 5 раз. Если даже половина из них реализуется, то это и будет реальным воплощением партнерства государства, бизнеса и научных слоев.

И инновационные программы, и технологические платформы, и многие другие *микроизменения*, связанные с созданием сегментов ум-

ной, интеллектуальной экономики, со временем перерастут в мощные макроэкономические сдвиги, которые изменят и облик российской экономики, и образ нашей жизни. Это — как катящийся камушек, который может перерасти в горную лавину, правда, здесь мы имеем дело с организованным, а не стихийным турбулентным процессом. Ему важна своя институциональная среда, энергетика (мощность) потока, но важна и степень организованности: согласованность воли, эффективность стратегий действий субъектов.

Как малое изменение может вызвать взрыв (кризис) всей системы, так и, напротив, в силу сложности экономики, ее неоднородности, наличия сил трения, интенсивные сдвиги на микроуровне могут уравновешивать друг друга или выражаться в лишь незначительных изменениях на макроуровне, или на уровне экономической системы в целом. В частности, при планируемом многими компаниями повышении производительности труда в отдельных технологических процессах и продуктах в 3—4, и даже 6—8 раз для выхода на мировой уровень в российской экономике в целом до 2020 г. прогнозируется рост производительности в 1,6—1,8 раза, и это хороший показатель. Чем выше сложность экономики, тем больше разрыв между микро- и макроизменениями, но перед Россией по прежнему остро стоит проблема общих высоких, но сбалансированных и устойчивых темпов роста.

2.3. Экономика неравенства

В современной России один из вызовов развития проявляется в существенной неоднородности экономического роста по отраслям, регионам и социальным и экономическим стратам. Неравенство является источником развития, но его слишком большие размеры становятся барьером роста и значительной социальной угрозой.

Социальное неравенство — тормоз или двигатель экономического роста?

Создание интеллектуальной экономики напрямую связано с проблемой огромного по современным меркам социального неравенства в стране. Масштабы нашего неравенства крайне велики: соотношение доходов наиболее богатых и бедных достигает 17—18 раз. А если брать экспертные оценки, то примерно 20—24 раз, в Питере и в Москве — до 40 раз. Это во много раз превышает устойчивое соотношение, вытекающее из оценок как теории сложности, так и теории социальной турбулентности.

Последнее демонстрирует график на рис. 2, построенный путем тождественных преобразований распределения социальной активности

различных слоев общества по длине волны колебаний их состояния к частотному виду.

На этом теоретическом графике видно, что в области высоких частот колебаний общественной жизни, в которых преимущественно и протекает вся хозяйственная деятельность, различие между распределением доходов общества по Парето и законом распределения энергии социальной турбулентности незначительно.

Теоретические оценки, которые позволяет сделать этот график, говорят, что максимальное отличие доходов 10% наиболее бедных и богатых граждан в естественно, а значит и наиболее устойчиво организованном обществе может достигать 10 раз, а минимальное — 4—5 раз. Последние цифры, как известно, подтверждаются практикой наиболее развитых западных стран.

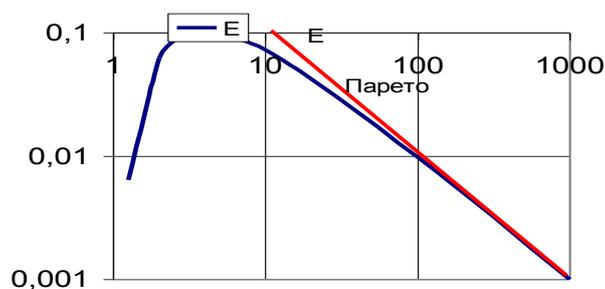

Рис. 3. Зависимость энергии социальной активности (E) от частоты событий. Качественное сравнение уравнения социальной турбулентности с распределением Парето

Из этих теоретических оценок следует, что по масштабам социального неравенства с нами мало кто может конкурировать. И это не только социальная проблема, но и тормоз экономического роста. Только умная экономика, т. е. та, в которой ценность имеет интеллектуальный труд, и не только в банке, «Газпроме» или «Норникеле», но и в сфере образования, здравоохранения, науки (а это почти четверть всех занятых), способна будет сбалансировать ситуацию и расчистить пути нашего дальнейшего экономического развития.

Сейчас в среднем доходы в сфере культуры составляют 55—56% от средней заработной платы в экономике, а в образовании и здравоохранении — 60% с лишним. Этот разрыв в экономике является фундаментальным. По сути это означает, что та часть общества, которая должна создавать интеллектуальные услуги, которые обеспечивают здоровье человека и инновации, является в основной своей массе бедным или

необеспеченным населением. Бедным — по нашей статистике, хотя их доходы выше прожиточного минимума. Такая экономика, в которой интеллектуальный класс является, по определению, бедным, не может быть инновационной.

Поэтому когда мы говорим об инновациях, это даже не то, сколько тратится на НИОКР и насколько наш бизнес активно их внедряет — тем более что его склонность к внедрению НИОКР или к инновациям находится на крайне низком уровне. Это вопрос другой социальной структуры общества, а, значит, определенного *социального переворота*. Потому что сегодня интеллектуальный класс не является средним классом. Если мы сможем решить эту задачу в рамках своего перспективного экономического развития, у нас действительно будет инновационная экономика, и, одновременно, социально справедливое и, как следствие, стабильное общество.

Если мы исходим из того, что модель экономики остается более или менее стабильной, т. е. по-прежнему основной сектор, где генерируются доходы, прибыли и заработная плата, — это сырьевой, металлургический, где у нас сейчас рентабельность под 30%, нефтегазовый, где рентабельность даже чуть ниже, чем у металлургов, то в долгосрочной перспективе мы в лучшем случае будем иметь темп роста около 3% в год. Это означает, что этот средний класс никогда не превысит 30—35% общества, причем большая часть интеллектуального класса к нему принадлежать не будет.

Инновационный вариант предполагает, что наши темпы роста должны быть от 4 с лишним до 5% в год. Тогда есть шанс, правда, где-то за пределами 2020 г., ближе к 2030-му, сделать так, чтобы примерно 40 с лишним, почти 50% общества могло относиться к такому среднему классу, который включал бы в себя и значительную часть интеллектуального сословия. При этом доля инновационного сектора, который связан с высоко- и среднетехнологичным машиностроением, со средним и высшим образованием, здравоохранением, достигла бы примерно 20% ВВП и более. Сейчас же это около 11—12% — в зависимости от степени точности счета.

Поэтому одна из важнейших задач нашего времени состоит в грамотном осуществлении этого структурного сдвига, в переходе к России, где действительно и учитель, и врач, и ученый, и инженер имели бы уровни самореализации и доходов, не уступающие параметрам развитых стран.

Региональное неравенство и целостность России

Со времен Лескова, однако, мы знаем, что главные проблемы России сосредоточены не только в высоком и интеллектуальном, но и в весьма приземленном — дорогах. Поэтому проблема модернизации не

только у нас, но и во всем мире тесно связана с оптимальным расширением географии центров экономического роста, или созданием новой «географической карты экономики».

В последних исследованиях западных ученых (см. Доклад Всемирного банка 2009 г.) на это обстоятельство обращается особое внимание, что объясняется неравномерным распределением доходов хозяйства не только по социальным стратам, но и по пространству. Последнее демонстрирует график на рис. 4, на котором показана зависимость суммарного ВВП на территории Германии от доли, занимаемой в этой территории той или иной совокупностью из 16 ее земель. Эту особенность неплохо описывает эмпирическое уравнение, близкое по своей структуре к уравнениям социальной турбулентности [2].

$ВВП \sim S^{1/3-1/2}$, где S — площадь хозяйственно освоенной, т. е. экономически структурированной территории страны.

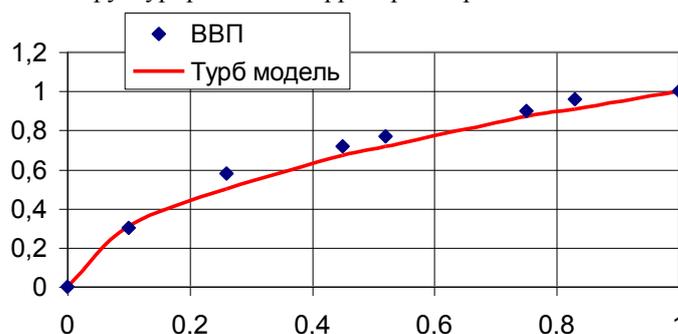

Рис. 4. Зависимость суммарного ВВП на территории Германии от доли, занимаемой этой территорией в общем хозяйстве страны. Сравнение данных Всемирного банка с турбулентной закономерностью

Согласно приведенным статистическим данным и их теоретическому описанию, ВВП страны нелинейно возрастает при прочих равных условиях с увеличением размеров активно используемой в хозяйстве территории страны. Эта закономерность показывает, что наибольшая плотность экономической активности сосредоточена в малых по размерам, но экономически высоко активных территориях, в своеобразных центрах развития — локомотивах экономического роста. Поэтому одной из задач ближайшего будущего является создание новых экономических зон и регионов.

Россия является *пионерной страной*, которая, с одной стороны, нуждается в модернизации своих старых промышленно-аграрных центров, а, с другой, в создании новой системы расселения, новых инно-

вационных центров роста и в освоении еще неосвоенных и незаселенных территорий. Плотность населения и экономической активности на многих пространствах у нас крайне низка и значительно уступает по плотности нашим соседям.

Пространственная неоднородность — это и природная, и социально-экономическая составляющая нашего развития. Значимым фактором ее преодоления, как и угрозы консервации, является развитие транспортной инфраструктуры. *Дорога в России — это больше чем дорога, это социальная связь и нерв целостности страны.*

В отличие от других стран мира, развитие инфраструктуры, которое могло бы обеспечить ускоренное развитие регионального хозяйства, и в условиях кризиса, и до кризиса было существенно недофинансировано. Если мы возьмем параметры расходов на транспортную инфраструктуру, то в 2009—2010 гг. в России они составляют примерно 5% ВВП. За вычетом инвестиций в нефте- и газопроводы получается где-то примерно 3,2—3,6% ВВП. Эти показатели ниже, чем, допустим, в Чехии, где густота дорог и автомобильных, и железнодорожных существенно выше. Поэтому первая проблема, которую необходимо решать — это существенный рывок в развитии транспортной инфраструктуры. Необходима транспортная инфраструктура, привязанная не только к престижным социальным проектам — Сочи, Чемпионату мира по футболу, — но и к проектам, которые могут изменить *образ жизни Глубинной России*. Скоростное сообщение, например, с Воронежем, Липецком, Нижним Новгородом — это по сути другая система расселения населения и размещения бизнеса в Центральной России. Оно позволило бы создать очаги роста не только в Москве и Питере, которые быстрее всего росли в докризисные годы, но и в Поволжье, которое могло бы стать в этом случае мотором развития — регион, где есть пока и рабочая сила более дешевая, где дешевле коммунальные городские услуги, но при этом есть достаточно серьезный научный и инженерный потенциал, пока еще не столь избалованный, как в Москве или в Питере.

Модернизация страны — это прежде всего современная транспортная инфраструктура, включая и «умный транспорт», включая высокоскоростные дороги и другие интеллектуальные системы управления и автоматизации движения и электрических сетей. Это другая сетка воздушного движения, аэропортов, потому что у нас, как известно, сейчас все летают через Москву, даже если надо перелететь из Екатеринбурга в Новосибирск или, не дай бог, в Омск. Поэтому, по сути дела, это тоже совершенно другая не только транспортная система, но и другой тип общения в регионах Сибири и в Центральной России.

3. Идеи и смыслы нашего развития

Не только и не столько экономическое отставание развалили СССР, сколько кризис веры, потеря доверия к личностям руководителей и институтам. Если нет великой мечты, то никогда не будут и великие дела.

Экономика тем или иным образом отражает в себе серьезное искание духовных ценностей, которое идет сегодня в российском обществе. Это искание идет через расширение православия, через возрождение мусульманства и другие направления, связанные, например, с буддизмом и даже с неоязычеством в смысле поиска арийских и иных своих исторических корней. Это огромное брожение, которое связано с поиском духовных ценностей, либо новых, либо старых, но переломленных по-новому. Это как луч света в темном царстве, который, однако, может поразить и новую волну тьмы.

Духовные искания в целом по новому ставят и вопросы ценностей и смысла служения государству, семье, верности коллективу и корпорации. В обществе сейчас накопилась определенная усталость, часть элиты, особенно бизнесэлиты, утрачивает энергетику и уходит во внешнюю и внутреннюю миграцию. Процветают коррупция и цинизм.

В то же время в России есть высокий дух служения и творчества. Это проявляется и в памяти о Великой Отечественной войне, в переосмыслении нашего революционного и советского прошлого, а не просто в его фетишизации или отречении от него. Не случайно высокий рейтинг в конкурсе «Имя России» получил Петр Аркадьевич Столыпин. В стране, породившей пилотируемую космонавтику, есть огромное множество людей в институтах и на предприятиях космической и других отраслей хозяйства, где работа — это не просто служба «от и до», но некоторый героизм и служение. Русские до сих пор способны решать «неразрешимые» задачи инновационного или инженерного характера. И эта способность, по нашему мнению, является основой, на которой Россия продолжает держаться и у которой есть серьезный потенциал роста.

Другой оптимистический компонент нашей хозяйственной реальности — это традиционализм, на который некоторые смотрят как недостаток. Но, по нашему мнению, наоборот, его следует рассматривать как достоинство, которое в России было и остается. Мы, ведь, не предъявляем претензий Китаю или Японии, где в хозяйственной культуре общества примерно аналогичные пропорции традиционализма и модернизма. Модернизации Китая ценности семьи, конфуцианство не мешали, а, наоборот, обеспечили рывок, который там сейчас осуществляется. Вопрос состоит только в одном: как на этот традиционализм опираться и как им пользоваться, имея ввиду большой разрыв между ценностями людей в деревне или на предприятии и ценностями интел-

лигенции. При этом важно отметить, что интеллигенция XIX — начала XX в. была сильно озабочена проблемой справедливости, в то время как современную, во всяком случае, рефлектирующую на телевидении, это мало волнует. Проблема социального выбора, или социальной справедливости, вообще легитимности социально-экономической системы, сложившейся за последние 20 лет, до сих пор не решена. Это серьезный вызов и для взаимодействия интеллигенции с другими слоями общества, и для устойчивости российского общества в целом.

Когда мы говорим о сильной экономике и сильной власти, нельзя забывать слова русского святого Александра Невского: «Не в силе Бог, а в Правде». Можно сказать, что Россия постоянно ищет ответы на проклятые вопросы, на которые мы, к сожалению, не нашли ответа в полной мере ни в XIX в., ни в XX-м. Есть шанс приблизиться к пониманию и решению этих проблем в XXI в.

Литература

1. *Доброचेва О.В.* Вектор эволюции человека. М., 1999.
2. *Клепач А.Н., Доброчев О.В.* Модель длинных экономических волн Колмогорова // XVII Кондратьевские чтения «Долгосрочное прогнозирование: исторический опыт и современность». Тезисы докладов и выступлений участников чтений. М., 2009.
3. *Клепач А.Н., Доброчев О.В.* Фабрика экономических волн // Международная научная конференция, посвященная 110-летию С. Кузнеця. Программа и аннотации (25—27 мая 2011 г.). К., 2011.

М.Л. ХАЗИН

Нужна новая экономическая парадигма...

Аннотация. Рассматриваются современная глобальная экономическая и финансовая система, ее противоречия и процессы, приводящие к кризисам. Делается вывод о необходимости радикальной смены экономической парадигмы.

Ключевые слова: финансовый кризис, экономическая и финансовая система, глобализм, экономическая парадигма.

Abstract. The modern global economic and financial system is considered, its contradictions and processes, which lead to crises. It is concluded that radical change of economic paradigm is needed.

Keywords: financial crisis, economic and financial system, globalism, economic paradigm.

Анализ межотраслевого баланса США 1998 г., сделанный нами в 2001 г., показал, что совокупный спрос домохозяйств в современной американской экономике существенно превышает их доходы. К моменту начала кризиса, 2007—2008 гг., этот разрыв еще более увеличился, причем с учетом мировой системы разделения труда этот разрыв стал характерен для большого количества стран и регионов. Что это значит для государства — более или менее понятно, это значит, что дефицит бюджета все время растет, что государственный долг все более и более накапливается, а значит, рано или поздно, доля в расходной части бюджета, которая направляется на его обслуживание, будет расти. С соответствующим сокращением других расходных статей. Разумеется, есть альтернатива, можно полностью отказаться от обслуживания долга или сделать это частично (путем реструктуризации), т. е. объявить полный или частичный дефолт. Это, правда, не очень полезно для экономики, поскольку кредиторы лишаются возможности вернуть в экономику те деньги, которые они должны были получить, с соответствующим ухудшением общего экономического климата. Но вот вопрос: а что значит, что завышен частный спрос?

В отличие от государства, которое, в некотором смысле, куда более надежный заемщик, чем любой гражданин или корпорация, домохозяйство всегда подозревается кредиторами в злом желании отказаться от возврата кредита. Когда такой кредит составляет небольшую долю от доходов домохозяйств, ему еще можно как-то доверять, но когда общий объем долга и, соответственно, годовые платежи, становятся сравнимы с реальными доходами — тут уже веры никакой быть не может. Недаром до 1980-х гг., начала кредитного бума, средний долг домохозяйства не превышал 60—65% от его годового дохода, а ежемесячные или годовые платежи, соответственно, были существенно меньше.

В качестве гарантии возврата кредитов в этот момент стали все больше рассматривать залого, причем, поскольку последние все время росли в цене, то и та часть их стоимости, под которую выдавали кредиты, тоже все время росла. До начала 1980-х гг. залоговые кредиты тоже использовались, но поскольку цены не росли, а иногда даже падали, то кредит можно было взять под 30, 40, ну, в крайнем случае, 60% от стоимости залога. В случае более или менее стабильного роста цен, разумеется, ситуация меняется.

Почему стоимость залогов росла — понятно. Если домохозяйства получают дополнительные кредиты, то они увеличивают потребление, что, в свою очередь, ведет к росту цен. Поскольку главная статья расходов домохозяйств в США — это покупка недвижимости, последняя должна была расти в цене достаточно быстро, точнее, быстрее, чем

экономика в целом, что и наблюдалось. Кроме того, перезаклад выросшей в цене недвижимости позволял домохозяйствам увеличивать и обычные потребительские расходы.

Но какая экономическая модель лежала в основании роста цен на недвижимость и, соответственно, росте кредитования домохозяйств? Экономика-то росла медленнее, чем цены на недвижимость и прирост объемов кредитования частных лиц. Например, перед кризисом, темпы прироста долга домохозяйств превышали 10% в год — должны же были у банков быть какие-то модели, которые оправдывали такой рост долговой нагрузки.

Факторов, оправдывающих рост цен и повышение объемов кредитования, существенно более быстрых, чем рост экономики в целом, было два. Первый — снижение стоимости обслуживания кредита, второй — рост временного интервала, по которому считается капитализация. С первым все более или менее понятно: чем ниже ставка, тем больший кредит можно обслуживать одними и теми же годовыми платежами. А вот второй более интересен.

Грубо говоря, в нестабильной экономике нельзя экстраполировать сегодняшний высокий рост на длительный период, хотя бы года на три-четыре. Поэтому что рост неминуемо сменяется стагнацией или даже спадом. Соответственно, при оценке любого актива или компании берется достаточно большой интервал времени (который включает в себя периоды спадов), по нему считается средний доход, который приносит актив, а затем он капитализируется буквально на несколько лет, поскольку нет никакой гарантии, что по истечении этого периода не начнется серьезный кризис. Да, конечно, рано или поздно он сменится ростом, но это может быть уже при немножко другой структуре экономики, при которой этот конкретный актив (акция компании, стоимость объекта недвижимости и т. д.) уже и не будет приносить ту прибыль, которая есть сегодня.

А вот теперь представим себе, что к этому циклическому графику дохода от актива, который может иногда и заходить в отрицательную область, прибавляется некоторая почти постоянная величина. Нужно понимать, что она связана с ростом спроса и в этом смысле носит временный (хотя и достаточно долгосрочный) характер, но поскольку она поднимает график доходности на большом интервале, то и средняя доходность, а значит, капитализация, растет. Более того, поскольку отрицательные участки на таком новом графике почти исчезают, то вырастает и стабильность, а значит, можно брать капитализацию актива по более длинному временному интервалу, поскольку риски падения сокращаются. А это, в свою очередь, увеличивает стоимость актива как залога при взятии кредита, т. е. позволяет еще более увеличить спрос, а значит — еще более поднять график доходность всех активов в экономике.

Но в базе-то все равно лежит падение стоимости кредита, именно оно позволяет мультиплицировать эффект увеличения спроса. Как только стоимость кредита перестала падать, эффект роста стоимости залога исчез и вся пирамида стала раскручиваться в противоположном направлении: временной интервал капитализации начал сокращаться, стоимости залогов пошли вниз и соответственно все меньше выдается кредитов, что влечет за собой падение совокупного спроса. Разумеется, эти процессы протекают крайне неравномерно, но общая суть от этого не меняется.

А ведь это еще только самое начало кризиса. Ведь вся экономическая инфраструктура создана под этот завышенный спрос, и по мере его сокращения начинает давать прямые убытки. Иногда ее можно законсервировать или даже закрыть, но в целом постоянные расходы всех производителей падают медленнее, чем сокращается экономика, увеличивая долю издержек в конечной стоимости каждого изделия или услуги. Более того, не исключено, что в процессе развития кризиса наступит момент, когда вообще невозможно будет найти активы, вкладываясь в которые можно будет получать прибыль — поскольку она будет «размазываться» по слишком большому количеству дорогих активов, созданных в то время, когда объем прибыли был существенно большим.

Разумеется, это достаточно гипотетическая ситуация, поскольку теоретически может оказаться, что разные активы пройдут эту точку «убыточности» в разное время. Но сама по себе ситуация, при которой активы какого-то конкретно вида станут убыточны, скорее всего, будет практически по всем их видам. Только нужно учитывать, что убыточность нужно считать честно, т. е. не в денежном номинале, а в реальных ценах, с учетом реальной инфляции.

Вот это и есть главная проблема современной экономики: невозможность найти более или менее надежные долгосрочные активы и противоречие между старой парадигмой («актив должен приносить доход») и реальной ситуацией. И выход из этой проблемы возможен только путем радикальной смены экономической парадигмы. При этом ее построение «сверху» практически невозможно — поскольку сам смысл такой новой парадигмы как раз в том, чтобы она позволяла эффективно и с прибылью работать практически всем отраслям экономики.

С точки зрения такого понимания ситуации главной задачей экономики сегодня является тщательное изучение возможных механизмов построения отдельных отраслей и всей экономики в целом, их базовых, можно даже сказать, философских оснований. Условия кризиса не дают возможности для многочисленных экспериментов, а самопроизвольно, скорее всего, экономика в процессе кризиса будет сокра-

щаться в рамках старой парадигмы, чем самостоятельно «нащупает» новую.

Беда состоит только в том, что такие исследования «оснований» хозяйствования, рассмотрение смысла и содержания действующей экономической парадигмы с точки зрения альтернативных ей вариантов, в сегодняшней науке практически отсутствуют. В лучшем случае обсуждается сама действующая парадигма, в худшем — обсуждаются отдельные частности в ее рамках. Как следствие, сегодня тема посткризисной парадигмы экономического развития практически не входит в научный дискурс.

Приведенные выше рассуждения показывают, что смена экономической парадигмы практически неизбежна. Но для того, чтобы этот процесс не стал катастрофическим, необходимо его подробно изучать и исследовать, прежде всего, понимать, как и почему будет выстраиваться новая модель экономики. Только на этом пути можно будет остановить кризисные процессы и переходить к экономическому росту.

И.В. ЕФИМЧУК

Сетевой капитализм: новое — это хорошо забытое старое?

Изменившиеся обстоятельства требуют нового мышления, но это новое мышление не так и ново.

*А. Бард, Я. Зодерквист.
Нетократия*

Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! Попались в сети...».
*А.С. Пушкин.
Сказка о Золотом Петушке*

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с формированием новой структуры социума под воздействием информационных технологий. Новые формы социальной организации — корпорации и финансовые сети — претендуют на ресурсы национальных государств и тотальный контроль над информационным пространством.

Ключевые слова: социальная структура, сетевая организация, территориальная организация, социальная эволюция.

Abstract. In this article author analyzes the problems, connected to the formation of new structure of socium under the influence of informational technologies. New forms of social organization — corporations and financial nets pretend on the resources of national states and total control over informational space.

Keywords: social structure, net organization, territorial organization, social evolution.

Сегодня очень трудно, почти невозможно, в общественных науках создавать что-то новое. Самое главное уже сказано выдающимися учеными прошлого и настоящего. Ты только повторяешь то, что считаешь наиболее важным, уточняешь отдельные мелкие детали и пытаешься осветить тот ракурс проблемы, который, по-твоему, заслуживает дополнительного, гораздо более пристального внимания. В «век бифуркаций»¹, чреватый радикальными преобразованиями современной цивилизации, самой актуальной остается классическая тема: «Камо грядеши?». Под плотной дымовой завесой разговоров про бурное инновационное развитие все менее различимы реальные процессы, происходящие в социуме. Они далеко не так однозначны, как их интерпретируют общественные науки, в том числе и экономика. И они заставляют задуматься над вопросами, бессмысленными с точки зрения господствующих установок: что же все-таки сегодня преобладает в социально-экономических отношениях: статика или динамика? По каким организационным принципам выстраивается человечество на новом уровне хозяйственной организации (иерархическим, ячеистым, сетевым), или же современный социум соединяет в себе различные структуры? А также — как долго и насколько новые принципы и способы организации населения останутся социальными, или новый «порядок из хаоса» будет сформирован наукой, способной на генетическом и нейро-психологическом уровне преобразовать человека в абсолютно безвольный, идеально управляемый объект?

Традиционные аграрные социумы, вершиной самоорганизации которых стали различные государственные образования (от городов-государств до огромных многонациональных империй), формировались в основном по иерархическому принципу. В самой упрощенной трактовке их можно разделить на три уровня: 1) верховной государственной власти и высшей элиты, влияющей на власть; 2) среднего слоя обеспеченных граждан, аналога современного среднего класса, включающего представителей различных социальных групп (дворян, чи-

¹ Название, которое Э. Ласло дал XX в., похоже, гораздо больше подходит веку XXI-му.

новников, торговцев, часть ремесленников и т. п.) — прослойки немногочисленной, но обязательной в любом социуме; 3) непосредственных производителей — подавляющего большинства населения, в основном крестьян, держащих на своих плечах всю социальную пирамиду и довольствующихся необходимым продуктом. Такая социальная структура получила у демографов название «пешкообразной»². В индустриальном хозяйстве в результате почти трех столетий бурного экономического роста само строение социальной пирамиды не изменилось, но форма стала иной, «веретенообразной» — значительно (до двух третей населения) вырос средний уровень, сформировав гордость развитых стран — средний класс с высокой экономической активностью и значительной покупательной способностью, поддерживающей растущее производство.

После кризиса 1970—1980-х гг., положившего начало современному процессу глобализации, ситуация изменилась радикально. Возникло ощущение, основательно подкрепленное реальными процессами, что над существующей тысячелетия трехуровневой структурой социальной организации надстраивается четвертый — глобальный уровень наднационального управления мировой экономикой, «нетократия» в терминологии А. Барда и Я. Зодерквиста. Ученые заговорили о формировании «сетового капитализма», об отказе от слишком громоздкой, неповоротливой и затратной для всего человечества иерархической структуры и переходе на новые принципы организации: сетевые или ячеистые (сотовые). Как можно оценить: действительно происходящие изменения представляют собой радикальную социальную инновацию, или все это — только повторение на новом уровне развития прежних закономерностей эволюции человечества?

Сам факт формирования четвертого уровня глобальной пирамиды является свидетельством преобладания статичного начала в результате объективного исчерпания потенциала экономического развития индустриального хозяйства. Субъективно такая пирамида приводит к блокированию возможных изменений. Преобладание статики над динами-

² Возможно, такое название для любых традиционных обществ не совсем корректно, так как оно возникло в период, когда аграрные социумы находились в фазе кризиса, лишившись значительной части ресурсов, перешедших под контроль индустриальных государств. В реальности самая рациональная и устойчивая структура социума представляет собой ровную пирамиду. Но пирамида — это идеальная структура, модель социального равновесия, аналогичная модели рыночного равновесия в экономике. Реальное общество — живой организм. Социальная пирамида постоянно «дышит», в фазе подъема «раздувая бока» и превращаясь в «веретено», в фазе спада — «худея» и становясь похожей на пешку.

кой (про бурные разговоры о благотворности перемен) само по себе не является ни плохим, ни хорошим. Оно естественно для хозяйственной системы, не способной далее развиваться на собственной технологической основе. Ей нужно полностью перестраиваться, менять всю свою социальную структуру, экономические и политические институты, систему научных знаний — так же радикально, как это произошло при переходе от аграрного хозяйства к индустриальному. Современный человек, считающий себя приверженцем научно-технического прогресса, к таким масштабным трансформациям, сопровождающимся разрушением привычной реальности, явно не готов. Он любит посмотреть про катастрофы по телевизору и пощекотать себе нервы, но совсем не хочет быть их участником.

Можно предположить, что в современном мире складывается ситуация, частично повторяющая предыдущие закономерности развития, частично — принципиально новая. Период бурного экономического развития индустриального хозяйства, продолжавшийся почти три столетия, привел к перепроизводству не только элит, но и среднего класса, а также завышенным материальным ожиданиям их представителей. Как и на предыдущих этапах развития, при достижении пределов роста на существующей технологической базе, в иерархически организованном социуме произошла перегрузка редиистрибутивной системы. На протяжении всей аграрной истории человечества эти процессы носили локальный характер; в индустриальном хозяйстве они вышли на глобальный уровень. Замедление экономического развития при продолжающемся процессе концентрации частной собственности неминуемо приводит к разорению основной массы населения, росту протестных настроений и в итоге — к саморазрушению социума. Нужно либо 1) частично перераспределять богатство в обратном направлении — от сверхбогатых к малообеспеченным, — чем на протяжении всей социальной истории человечества занималось государство; либо 2) жестокими репрессиями подавлять нарастающее сопротивление людей, теряющих средства к существованию; либо 3) найти способ избавиться от протестных настроений, не исключено — вместе с их носителями.

В аграрных социумах неспособность государственной власти провести реформы и с минимальными потерями осуществить частичное перераспределение общественного богатства приводила к социальному взрыву, «феодализации» страны, временному разрушению государственности и ее последующему восстановлению. Частичный «сброс населения» в ходе гражданской (крестьянской или религиозной) войны, сокращение численности элиты способствовали более справедливому распределению земли и произведенной продукции, законодательно закреплению новой династией. Затем начинался новый демо-

графический (династийный) цикл, в ходе которого объективный рост населения накладывались на субъективную концентрацию частной собственности, и через два-три столетия процесс социальной дезорганизации повторялся.

«Возвращение на круги своя» в современном глобальном мире привело к признанию объективности социального неравенства и призывам удерживать его в рациональных пределах. Все чаще в научной среде звучат предложения: «Неразумно ставить палки в колеса тем, кто вырвался вперед, кто, как лидер, возглавил этот естественный ход событий. Разумно учиться использовать неравенство позиций и достигнутых рубежей, социально-историческую стратификацию в интересах всех и каждого. То есть, согласившись с неравенством, требовать справедливости — в духе Джона Ролза, например» [1, 10]. Подобные проповеди социального мира не оригинальны, они всего лишь повторяют нормы и принципы аграрных обществ: «Для традиционной (в том числе и восточной) культуры характерно патерналистское восприятие государства подданными. По этой причине массы никогда не стремились изменить существующий порядок, а лишь требовали от верхов соблюдения справедливости» [2, 178]. Если государство не обеспечивало справедливости, оно само провозглашалось несправедливым и разрушалось восставшим народом, который через социальную катастрофу восстанавливал более равномерное распределение общественного богатства.

Сегодня так же, как и тысячелетия, и столетия ранее, война объявлена государству, не способному обеспечить приемлемый уровень социальной справедливости, обуздать злоупотребления чиновничьей и предпринимательской элиты, и, к тому же, пожирающему огромные общественные ресурсы, изымаемые из личного потребления граждан за счет налогообложения. Государство объявлено главным виновником усиливающейся перегрузки редиистрибутивной системы, поскольку в его основе лежат именно перераспределительные, редиистрибутивные отношения. Оно провозглашено архаичным образованием, не нужным в современном мире и представляющим чрезмерную дополнительную нагрузку на население, особенно на его экономически активную часть.

Протестные настроения людей объективны и вполне объяснимы: когда положение значительной части населения ухудшается, а доходы меньшинства растут как на дрожжах, кто-то должен за это отвечать. В современной ситуации процессы демографического роста и концентрации частной собственности, вырвавшиеся на простор мировой экономики, не несут в себе ничего принципиально нового, кроме одного обстоятельства. Антигосударственный настрой «снизу» совпадает с такими же идеями, генерируемыми наднациональной мировой элитой,

более того, активно подогревается ею. Самый верхний, глобальный уровень апеллирует к истончающемуся «среднему классу», объясняя снижение его жизненного уровня чрезмерной нагрузкой со стороны государственных органов власти и избыточного бедного населения. Причем пресловутый средний класс в современной экономике все больше включает в себя тех, кто занимается перераспределением, а не производством. В развитых странах таких сегодня — большинство, в странах периферии и полупериферии — меньшинство. Государство же объективно оказалось замкнутым на интересы тех слоев населения, которые не занимаются перераспределением общественного богатства, но оказываются не нужным и для его производства, поскольку увеличение производительности труда приводит к сокращению потребностей в трудовых ресурсах на фоне продолжающегося роста населения планеты.

Происходящие процессы отнюдь не новы, они периодически повторяются в истории человечества, каждый раз в ином антураже, в большем масштабе, но по общим принципам и закономерностям. «Натравливание» среднего слоя и высокооплачиваемых квалифицированных наемных работников на бедняков — классический прием, существующий столько же тысячелетий, сколько и вся социальная организация. Но, наверное, никогда еще на скамью подсудимых вместе с требующей справедливости основной массой населения не усаживалось государство как основной институт, призванный обеспечивать социальную справедливость. Социальные проблемы решало не только «warfare state» XX в., но и все государственные (даже протогосударственные) образования в цивилизованной истории человечества, о чем свидетельствовали еще законы Эшнунны и Хаммурапи. Собственно, любое государство существовало только до тех пор, пока оно справлялось с их решением. Сегодня наднациональный 4-й уровень подает себя в качестве защитника экономически активных слоев населения, образующих 2-й уровень глобальной пирамиды, привлекая их как союзника против архаичных, паразитарных, консервативных «контртенденций», носителями которых являются обитатели 1-го и 3-го уровней: основная масса избыточных наемных работников низкой квалификации, включая малооплачиваемых бюджетников, маргиналов, а также большинство государственных чиновников. Такое соседство только на первый взгляд выглядит странным: государству нужно население, как минимум, для обозначения собственного существования, собственной идентичности. Как максимум — для производства реального богатства, поддержания работоспособной инфраструктуры, сбора налогов, содержания управляющей бюрократии. Интересно, что оба таких раз-

ных социальных слоя плохо управляемы с помощью механизма потребительского кредитования: доходы чиновников позволяют им обходиться без кредитов, а доходы бедняков настолько малы, что большинство из них являются ненадежными заемщиками. Представители нижнего слоя могут получать займы только в период потребительского бума и расцвета субстандартных кредитов, потери по которым затем погашает государство.

Механизм дискредитации государства буквально препарирован в работе А. Барда и Я. Зодерквиста: «Стратегия СМИ в борьбе с государством базировалась на выдумке, что в действительности доверие электората к своим избранникам было весьма незначительным. Центральным звеном этого общественного мифа служит идея о том, что в эпоху позднего капитализма общество расценивает выбранных политиков как группу коррумпированных дельцов, устраивающих свое благополучие за счет избирателей и налогоплательщиков, сознательно пренебрегающих своими обязанностями, для исполнения которых они, собственно, были выбраны. ... На нас обрушивается непрекращающийся поток пропаганды, рассказывающей о праведном гневе народных масс в отношении коррумпированных властей, что приводит только к еще большему ослаблению позиций политиков, что, в свою очередь, заканчивается очередным раундом публичной порки» [3, 75—76, 78]. Проблема в том, что люди, для которых разыгрывается этот грандиозный спектакль, не читают подобных работ и не способны понять, что «такая стратегия масс-медиа есть не более чем исполняющееся пророчество... Можно предположить, что презрение к политикам — не более, чем миф, а люди, которые создали и поддерживают этот миф, возможно, заинтересованы в том, чтобы он выжил и казался “естественным”. Это приводит нас к значительно более интересному вопросу, нежели уровень презрения избирателей по отношению к политикам, и это вопрос о том, как этот миф появился и чьим интересам служит его распространение?» [3, 76—77].

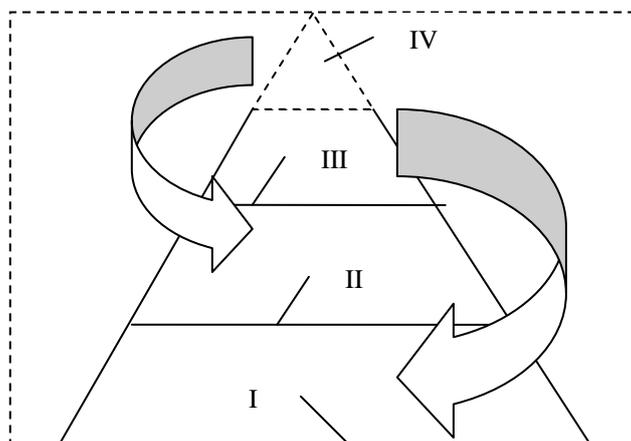

Рис. 1. Социальная структура современного глобального мира: I — низовой уровень непосредственных производителей, занятых в материальном производстве и сфере услуг; II — современный средний класс, основу которого составляют менеджеры низшего и среднего звена на службе корпораций и государств, творческие работники, а также мелкие и средние предприниматели; III — высшее руководство государств и национальных корпораций; IV — наднациональные управленческие структуры

Ангажированность мифа об «отмирании государства» достаточно прозрачна, но только не для основной массы населения, живущей (точнее, выживающей) проблемами одного дня и не способной задумываться о подобных тонкостях. Люди, привыкшие к определенным принципам социальной организации, скорее всего, не сомневаются, что, как в старые добрые времена, социальный протест приведет к замене «плохого» государства на «хорошее», более разумное и справедливое. Современные государства действительно «плохи» с любой точки зрения — даже в развитых странах они перестают быть государствами всеобщего благосостояния; о периферии, за редким исключением, сложно сказать хоть что-нибудь оптимистичное. Но население, чьи ожидания в очередной раз оказываются обманутыми, не способно понять или почувствовать, что под разоблачительную антигосударственную риторику его ведут не в царство свободы, а под власть, не менее, если не более жесткую: власть надгосударственных глобальных сетевых структур.

Процессу формирования « сетевого капитализма » посвящается все больше серьезных исследований. Его объективность, сочетающая технологическую базу (электронные коммуникационные сети) и социальную востребованность, ни у кого из авторов не вызывает сомнений. Действительно, оценочные суждения при анализе подобных изменений бессмысленны. Дело не в том, нравится или не нравится людям, чье мировоззрение, жизненные установки, стереотипы поведения сформировались в прежних условиях, те принципы социальной организации, которые складываются под воздействием информационных технологий. Крестьянам тоже не нравилось крепостное право; но их никто не спрашивал, вводить его или нет. Современного человека также никто не собирает спрашивать о его предпочтениях. Вопрос в том, насколько жизнеспособно то новое, что идет на смену старому? И что ждет социально-биологическое существо под названием «гомосапиенс» в этой новой организации?

На самом деле сетевая организация — старое изобретение человечества, она лежала в основе большинства аграрных обществ. Задачи, которые решают сетевые организации, имеют слабое отношение к развитию. Скорее, социальные сети создаются для стабилизации ситуации. Понятие сети предполагает оптимальное сочетание жестких и гибких связей, повышающих устойчивость организации. При этом усиливается ее приспособляемость к возможным изменениям. Оптимизация устойчивости и изменчивости — качественная характеристика сети. Количественная характеристика — повышение эффективности. В сети происходит снижение издержек за счет их перераспределения между участниками. Сетевые организации повышают устойчивость социума, амортизируют, смягчают удары социальных катастроф. Именно эту роль в истории всех великих цивилизаций в период их разрушения выполняли мировые религии. Сетевая организация мягко обволакивает человека, лишает его свободы без грубого насильственного подавления, формирует сознание, навязывает стереотипы поведения, заставляет подчиняться общепринятым правилам игры, предлагая взамен ресурсы, достаточные для выживания. Но сеть никогда в истории человечества не была основой развития³.

В публицистике социальными сетями сегодня называют компьютерные сети. Власть этих сетевых структур над людьми наглядно демонстрируют события, происходящие в странах Северной Африки. Твиттер и фейсбук-революции убедительно свидетельствуют, как лег-

³ Самая долгоживущая, самая устойчивая сеть — криминальные сообщества. Какие технологические или социальные инновации внедрила мафия, кроме новых способов отмывания денег?

ко манипулировать населением, имеющим вполне объективные причины для недовольства государственной властью. Особенно плотно социальные сети охватывают молодежь, которой очень трудно найти себе достойное место в современном мире. С одной стороны, возможности для получения качественного образования сведены к минимуму, социальные лифты перекрыты, хорошо оплачиваемые рабочие места отсутствуют. С другой стороны — средства массовой информации круглосуточно пропагандируют: жизнь — это сплошное удовольствие, мир принадлежит тебе, будь крутым, будь наглым, возьми то, что ты хочешь. Чтобы огромная энергия молодости не пропала впустую, остается только аккуратно трансформировать ее в социальный протест и через компьютерные сети направить в нужную сторону. Правда, так происходит только до тех пор, пока существует потребность в социальном протесте со стороны заинтересованных структур. Когда необходимость отпадет, протестная энергия также через социальные сети может быть аккуратно «купирована», причем самой примитивной и грубой технологией из всех возможных станет стравливание вчерашних «протестантов» друг с другом.

В условиях мирового экономического кризиса проще всего направить недовольство населения на публичную государственную власть. Она для подавляющего большинства людей — враг явный, хорошо видимый, злоупотребляющий властью, не выполняющий своих обязательств, размножающийся «почкованием», донельзя коррумпированный, отнимающий у человека последнее. К сожалению, в современном мире слишком многое из перечисленных претензий соответствует действительности. Но было бы очень наивным предполагать, что ресурсы, высвободившиеся в результате разрушения государства, достанутся населению, руками которого будет осуществляться это разрушение. В глобальном мире есть другие, гораздо более мощные претенденты на ресурсы национальных государств. Кажется, египтяне и тунисцы это уже поняли на собственном опыте. Вряд ли другие народы будут учиться на чужих ошибках; скорее, они предпочтут самостоятельно прогуляться по тем же граблям.

Странно, что поклонники синергетики и любители термина «самоорганизация» обходят вниманием тот простой факт, что государство — тоже результат самоорганизации человека, его высшая форма на определенном этапе развития. Государства могли быть иерархичными, деспотичными, жестокими, несправедливыми, но после их разрушения люди опять восстанавливали государственные структуры и институты. Можно ли то же самое сказать о плавном перемещении человека под власть электронных социальных сетей? Является ли этот процесс самоорганизацией, или это в чистом виде организация населения со сто-

роны глобальных структур? Примером подобной чрезмерно жесткой, «избыточной» организации в истории аграрных обществ были рабовладение и крепостное право⁴. Их трудно назвать результатом самоорганизации, поскольку «упорядоченное» такими радикальными способами население постоянно пыталось облегчить свое положение, разрушить эти жесточайшие структуры, обеспечивавшие меньшинству чрезмерную степень эксплуатации большинства. На самом деле человек вовсе не такое ненасытное существо, каким его сегодня изображают учебники «Экономики» и средства массовой информации. Он всегда был способен на рациональное самоограничение, но требовал от эксплуататоров соблюдать чувство меры, не забывать о справедливости.

Современная сетевая организация, кажется, впервые претендует на то, чтобы растворить без следа, как в серной кислоте, любые критерии меры и социальной справедливости. «Под усиливающимся давлением информации, народные массы и наиболее заметно — амбициозный средний класс, так напугавший в свое время правящую элиту XIX века, трансформировались в управляемое и разрозненное множество антагонистических групп, разделенных по интересам» [3, 96]. Этой же цели служит и развернутая в глобальном масштабе компания по дискредитации государственности. Вместо того, чтобы вернуть этот социальный институт к исходным рациональным принципам, его предлагают вообще упразднить. А вместе с ним — и все представления о справедливости, допустимой норме эксплуатации, оптимальной социальной дифференциации, общественных благах, наконец, о кооперации между людьми, как естественном и необходимом дополнении конкуренции между ними. Каждый сам по себе, каждый загнан в сеть и радуется этому, поскольку остаться за пределами сети, значит быть обреченным на вымирание. Светлое будущее среднего класса, который после «сброса» избыточного нищего населения сам станет классом низшим, своими намечающимися контурами напоминает современный аналог крепостного права. А ювенальная юстиция закрепит разрушение семьи, напомнив о, казалось бы, давно забытой практике продажи рабов и крепостных: детей — отдельно, отцов и матерей — отдельно.

Существует и еще одна проблема, обычно остающаяся за пределами анализа: сетевая организация не отменяет иерархию. Даже жестко

⁴ Последнее на пике своего развития мало чем отличалось от первого. Скорее, оба эти института, обеспечивавшие абсолютное подавление человека, имели в своей основе единые организационные принципы и отличались только деталями, обусловленными приспособлением к различным природно-климатическим и социальным условиям.

«упакованное» в ячейки-касты индийское общество не упразднило иерархические структуры. Уже приходилось отмечать, что «в сложных социумах часто имеет место дублирование организационных структур, причем иерархия в организации светской жизни дополняется гетерархической организацией религии и наоборот. Устойчивые сети существуют одновременно и параллельно иерархическим структурам, занимая все пустующие ниши, остающиеся в социальном пространстве. Не случайно организация светской власти в регионах с господством ислама отличается высокой степенью деспотизма. Проблема представляет не только ретроспективный, но, прежде всего, перспективный интерес — возможно ли подобное дублирование на современном уровне хозяйственной организации и, если да, то в чем оно будет состоять?» [4, 67].

Сегодня уже можно сказать, что «подобное дублирование на современном уровне хозяйственной организации» приобретает вполне четкие очертания. Главной социальной сетью, которой раньше для человека была церковь, сегодня становится финансовая сфера. У финансистов уже есть готовое воплощение бога — золотой телец. Текст молитвы заменяет прайс-лист, Библию или Коран — каталог потребительских товаров, ритуал церковной службы — шоппинг. Красивая жизнь в гламурном мире или хотя бы иллюзия такой жизни — почему бы и нет? Не все ли равно, каким способом будет связана избыточная энергия человека, не находящая себе применения в материальном мире: молитвой, спортом, компьютерными играми или шоппингом? Ведь религиозная аскеза для большинства современных людей, особенно молодежи, — вариант абсолютно непривлекательный, а церковь неконкурентоспособна по сравнению с торгово-развлекательным центром. Вот только опять, вопреки всем рациональным рассуждениям, вылезает назойливый вопрос: насколько равноценна подобная замена, способна ли она обеспечить выживание человечества?

Религия во все века и времена уводила человека в мир иллюзий, но она давала ему веру, давала силы выдержать испытания и преодолеть трудности. Говорить о шоппинге не приходится; даже пресловутые хозяева жизни и по совместительству хозяева торгово-развлекательных центров не могут не понимать, что это только тактический прием, не имеющий будущего, «забег на короткую дистанцию». Электронные сети — новация гораздо более значительная, с претензией на долгосрочную стратегию современной организации социума⁵. Как и религия, компьютерные сети тоже дают человеку иллю-

⁵ «Интернет — вот живительная инъекция для демократии, каждый прикасается к благам новой экономики. С точки зрения нетократов, такая позиция —

зию, но не дают ему веры. Чем сильнее они затягивают в себя людей, особенно психологически и социально не зрелую молодежь, тем в большей степени формируют нежизнеспособное поколение, не способное ориентироваться за пределами Интернета. Пока это еще только начало, но тенденция четко видна уже сегодня: «Нынешнее молодое поколение, будучи ровесником Интернета, не видит себя вне онлайн-жизни. Более того, онлайн пространство стало формировать молодого человека, в том числе студента, по разным направлениям, включая оптимизацию процесса познания. ...Главным инструментом общения с окружающим миром, знакомства с учебной и научной литературой и периодикой стал монитор компьютера или дисплей других средств цифровой коммуникации» [5, 66]. Современные ученые все больше работают на себя — для удовлетворения собственной жадности знаний и собственных амбиций. Следующие поколения их не читают. Уже выросла молодежь, не умеющая воспринимать информацию с листа — только с электронного монитора. Технический прогресс — замечательная вещь, а е-бумага ничем не хуже обыкновенной бумаги. Если бы только для молодежи не размывалась граница между иллюзией и реальностью, не формировалось поколение без веры, без надежды, без любви, снимающее агрессию и потребность в общении компьютерными играми.

В компьютерных сетях людей информируют, дезинформируют, организуют, дезорганизуют, ориентируют, дезориентируют, обучают, отучают, развлекают, отвлекают и т. д. и т. п. Одна проблема — в сетях не кормят. А также не одевают и не обувают. Человек не живет в безвоздушном информационном пространстве, он живет на земле, в материальном мире, вещество и энергия которого нужны для обеспечения его жизнедеятельности. Если вся красивая демагогия о будущем сетевом рае нужна для того, чтобы люди не поняли, что лишаются последних остатков доступа к материальным благам, тогда в ней, конечно же, есть смысл. Под сладкие разговоры о «ненулевых играх» информационной экономики наивные пользователи компьютерных сетей могут не заметить, что кроме виртуального пространства у них больше ничего и не осталось⁶. Но даже компактный ноутбук нужно где-то

вульгарный заменитель религии. Это не мешает ей оставаться важным элементом нетократической пропаганды. Потребность в религии непреходяща, для успокоения консьюмтариата сойдет и этот суррогат» [3, 210].

⁶ Подготавливая «средний класс» к окончательному и необратимому переселению в виртуальный сетевой мир, кукловоды вкладывают свои доходы в вполне материальные активы, в том числе землю. «По оценкам неправительственной организации Grain, за 2005—2010 годы иностранцами было приобретено до 50 млн гектаров сельскохозяйственных земель по всему миру (это сопостави-

хранить и подключать к сети. Бомж с компьютером — образ специфический, пока до него дело не дошло, но, может быть, нет пределов совершенству?

На роль иерархических структур, контролирующих реальные богатства, вместо национальных государств в современном мире претендуют транснациональные организации. Причем финансовые и производственные мульти- и транснациональные корпорации все больше начинают воспроизводить пирамиду власти-собственности, скопированную у государства. Но корпорациям нужно не такое уж большое количество работников, от высшего звена до самых низовых уровней. Все остальные, кто остается за пределами этих иерархических структур, либо должны попасть под власть сетевых организаций⁷, либо оказаться в положении индейцев, заключенных в современные резервации — трущобные районы мегаполисов.

Переход значительной части общественного богатства человечества из-под контроля национальных государств в распоряжение транснациональных структур (банков и корпораций) означает попытку переструктуризации социального пространства. Достигнув «пределов роста», хозяйственная система должна подвергнуться частичному или полному разрушению, чтобы начать новый цикл развития, либо «возвратившись на круги своя», либо перейдя на новый эволюционный уровень. В течение всей истории аграрных цивилизаций переструктуризация происходила через периодически повторяющуюся феодализацию социального и территориального пространства. Но временное расчленение государства на отдельные регионы, живущие натуральным хозяйством и ведущие непрерывные войны друг с другом, не отменяло главенствующего принципа территориальной организации социума. Современная ситуация хотя бы во внешних проявлениях подается как радикально иная. В самом названии транснациональных (мультинациональных) корпораций содержится прямое указание на их экстерриториальность. Но как высшее воплощение и результат развития индустриального хозяйства, они нуждаются в высокоразвитой ин-

мо с территорией Франции) — в десять раз больше, чем в 2000 году... Скупкой сельскохозяйственных земель за границей занимаются международные агроконцерны, инвестбанки, хедж-фонды, сырьевые трейдеры, пенсионные фонды, фонды суверенного капитала, правительства и даже частные лица, которых привлекают дешевые земли на периферии мирового хозяйства» [6, 38—40].

⁷ Эта власть должна быть тем сильнее, чем меньше реальных благ остается в распоряжении большинства населения. Но даже совершенно дезориентированным и опутанным компьютерными сетями людям будет необходим прожиточным минимум, который кто-то должен обеспечивать.

женерной инфраструктуре, которую в основном создают и поддерживают государства, а не корпорации. Если ТНК и ТНБ возьмут на себя содержание всего жизнеобеспечивающего комплекса инженерной инфраструктуры, во-первых, их рентабельность резко сократится (не исключено, что до нуля), и, во-вторых, они утратят экстерриториальный характер, потеряв преимущества территориальной оптимизации. Жизнеспособность новой структуры вызывает большие сомнения, поскольку она не предлагает альтернативных вариантов развития, а только пытается использовать выгоды сложившегося мирового разделения труда в своих интересах.

Корпорации паразитируют на социуме точно так же, как сам социум паразитирует на природе. В термине «паразитирует» нет какого-либо отрицательного значения, он используется для наименования вполне объективного процесса, с легкой руки А.П. Назаретяна получившего в научной литературе название «закона Седова»: «Рост разнообразия на верхних уровнях структурной организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях и наоборот» [7, 153]. «Ограничение разнообразия на предыдущих уровнях» означает изъятие из них вещества и энергии для проведения антиэнтропийной работы на более высоких структурных уровнях, возникающих в процессе эволюции природы и социума, повышения их сложности и организованности. Говорить о справедливости или несправедливости подобных процессов большого смысла не имеет: когда-то человек точно так же отнимал (и до сих пор продолжает отнимать) природные ресурсы у своих ближайших конкурентов — млекопитающих. Но паразитизм корпораций имеет предел точно так же, как и паразитизм социума. Когда верхний уровень структурной организации подрывает устойчивость своей опоры, нижнего уровня, нарушая его равновесия, он ставит под угрозу собственное существование. Опасность чрезмерного паразитизма социума, нарушившего биосферное равновесие, уже к концу XX в. в полном объеме была осознана человечеством. Опасность избыточного паразитизма корпораций обсуждается сегодня пока еще только под углом зрения публицистики и морально-этических норм, но не подвергается серьезным научным исследованиям⁸.

Процесс паразитирования имеет определенные ограничения, задаваемые устойчивостью среды, за счет которой развивается система-«паразитарий». Обострение экологической проблемы очень четко обозначило возможности и пределы человечества по эксплуатации природы. Все более заметная деградация социума, не только на периферии, но даже в странах ядра современной глобальной мир-системы, точно

⁸ Возможно, такие исследования есть, но они не известны автору.

также обозначает пределы паразитирования ТНК и ТНБ. Чтобы быть конкурентоспособными и извлекать все больше прибыли, корпорациям необходимы высококвалифицированные кадры. Перераспределяя в свою пользу значительную часть общественных ресурсов, наднациональные корпорации не только сжимают эффективный спрос на собственную продукцию (по Кейнсу), они еще и подрывают возможности для воспроизводства человека, которого сами же используют в своих интересах. Корпорации навязали государству как основной организационной структуре общества принцип отрицательного отбора, стараясь поставить под свой контроль все самые лучшие ресурсы и сводя социум к стаям деклассированных маргиналов. Но при этом они сами становятся жертвами отрицательного отбора, только с незначительным временным лагом. Экономя на образовании и здравоохранении, не желая нести издержки по их финансированию, корпорации оставляют себя без кадрового резерва. Они ставят себя в положение элиты аграрных обществ, вырождающейся на протяжении одного демографического (династийного) цикла. Разрушая социальную среду обитания, система лишает себя возможности развиваться за счет вещества и энергии среды.

В ситуации жесткой борьбы старых и новых организационных структур за контроль над ресурсами планеты возможны два основных сценария развития события⁹. Транснациональные корпорации и государства могут прийти к компромиссу, благодаря которому в руках корпораций сосредоточится пользование ресурсами, а владение останется у государства. Таким образом можно обеспечить высокую эффективность использования ресурсов, так как новейшие высокопроизводительные технологии сегодня находятся в руках корпораций. В то же время редистрибутивная политика государства будет обеспечивать доходы всего населения, а не только ограниченного числа занятых в корпоративном секторе. Причем самым рациональным направлением перераспределительной политики государства является использование ресурсов для финансирования социальных отраслей, а также создания новых рабочих мест за счет поддержки малого предпринимательства, а не выплата социальных пособий, подрывающих у человека стимулы к труду.

Возможно, наднациональные структуры победят государства и добьются полного неограниченного контроля над ограниченными ресурсами планеты. Государственность превратится в фикцию и, в конце концов, будет ликвидирована за ненадобностью. Что тогда станет с

⁹ Третий вариант катастрофического разрушения и самоуничтожения человечества рассматривать не имеет смысла.

населением, оказавшимся за пределами корпоративного сектора экономики? Ведь сегодня оно в значительной части поддерживается с помощью государственных органов власти всех уровней. Несмотря на то, что делается это крайне неэффективно, по остаточному принципу, если государственные органы власти будут расформированы, какие структуры или сети возьмут на себя их функции? В качестве рациональной формы современной территориальной организации обычно рассматриваются два варианта: муниципалитеты или регионы. Первый вариант теоретически выглядит красиво¹⁰, но его практическая реализация вызывает большие сомнения. В современном государстве налоги, которые собирают муниципалитеты, минимальны и не обеспечивают необходимых потребностей населения в общественных благах. Если расформировать все верхние уровни территориальной организации и оставить только местный, как последний будет финансироваться? Когда каждый сам за себя, самообеспечение возможно только в богатых городах, а маленькие населенные пункты обречены на вымирание. Это приведет к еще большему социальному расслоению, росту мегаполисов и их превращению в места скопления маргиналов, живущих за счет отходов жизнедеятельности своих более удачливых соседей. Рост трущоб вокруг городов-миллионников — это еще один возможный символ светлого безгосударственного будущего.

Второй вариант — отказ от государственности в пользу регионов. По мнению авторов «Нетократии», «базовой единицей политических структур станут не государства, а регионы. С развитием глобализации государство станет обузой, а не преимуществом. Когда вопросы безопасности, внешней политики и финансового регулирования будут переданы на наднациональный уровень, национальным парламентам не о чем будет дискутировать, при том, что в то же самое время глобализация элиты и все большая геттоизация низших классов помогут уничтожить национальную идентичность» [3, 141]. Но регионализация не означает отказа от территориальной организации; скорее, предполагает ее рационализацию. В одних регионах должно произойти укрупнение территорий, как, например, в Европейском сообществе, в других — наоборот, расчленение на самостоятельные области (чаще всего

¹⁰ Каждый населенный пункт представляет собой небольшой уютный «человек» (в терминологии А.А. Зиновьева), в котором люди, как муравьи, тихо и мирно живут интересами своей общины. Картинка умильная, но не реальная. Специалистам по градостроительству прекрасно известно, что самые комфортные для жизни — это города с численностью населения 300—500 тыс. человек. Можно подумать, что в сетевом мире, управляемом нетократией, кто-то собирается вкладывать огромные деньги в оптимизацию расселения.

второй вариант примеривается к России как самой большой стране мира). Подразумевается, что оба разнонаправленных процесса должны привести к одинаковым результатам: отмиранию военно-политических функций государства и национального самосознания населения.

Военно-политические функции государств уже сейчас в значительной степени ограничены, их исполнение зависит от решений глобальных структур. Что мешает последним проводить политику, исключая войну как крайний способ решения конфликтов? Мало вероятно, что после упразднения государства военно-промышленные корпорации в остром приступе пацифизма посыпят голову пеплом и объявят о самоликвидации. Или транснациональные банки перестанут использовать региональные противоречия для извлечения дополнительных прибылей. Чтобы искоренить национальное самосознание, необходимо с помощью современных технологий превратить человека в биоробота. Если новая региональная организация окажется устойчивой, то вместо прежнего национального самосознания сложится новое, как это произошло в результате разрушения Западной Римской империи и формирования новых этносов. Чтобы этого не произошло, человеку придется полностью лишиться мобильности и изолировать даже от жителей соседних городов, сведя общение за пределами своего «человейника» к Интернету. Наконец, регионы, как и государства, должны будут решать организационные, экономические и социальные проблемы. То есть, вместо одних государств возникнут другие, более мелкие или более крупные, но окончательно ликвидировать территориальную привязку социума все равно не получится.

Жизнеобеспечение людей зависит от территориальной организации. Чтобы власть экстерриториальных финансовых и производственных корпораций была устойчивой и долговечной, необходим отказ от всей инженерной инфраструктуры, на которой базируется индустриальное хозяйство. Для этого люди должны быть обеспечены индивидуальными источниками энергии¹¹ и водоснабжения. Если «точечной» альтернативой канализационным сетям может стать биотуалет, то персональная скважина для каждой семьи — роскошь малодоступная, тем более в многоквартирном доме. Транспортные сети, как автомобильные, так и железнодорожные, также должны отмереть за ненужностью, а все перемещения людей и перевозки грузов придется осуществлять по воздуху. При соблюдении всех этих условий территориальная

¹¹ Очередная энергетическая революция может пройти под лозунгом: «Каждому питекантропу по индивидуальному костру». Поскольку обеспечить каждого индивида отдельным источником энергии, скорее всего, не реально, речь может идти об ограниченном коллективе (большой семье, фаланге и т. п.).

организация превратиться в архаику, предмет исследования историков, а человек будет включен в совсем иные организационные структуры, независимые от его места жительства, которые будут покрывать все человечество, постоянно пересекаясь и накладываясь друг на друга в пространстве.

Подобная картина кажется плодом больного воображения. Но если она не реализуема, то корпорации в их борьбе с современным воплощением территориальной организации (государством) в случае победы сами вынуждены будут «осесть на землю» — заняться обустройством инженерной инфраструктуры и контролем за ее нормальным функционированием. Поскольку одно и то же пространство одновременно «накрывают» несколько корпораций, неизбежны рост конфронтации между ними и борьба за господство над территорией. Если в результате такой борьбы определятся сильнейшие, сумевшие поставить под свой контроль остатки территориальной организации, включая инженерные сети и коммуникации, то очередной этап человеческой истории вернется «на круги своя» — к разделению мира на самообеспечивающиеся анклавы, живущие натуральным хозяйством. Если корпорации «опустятся с небес на землю», то, в отличие от современного этапа специализации на одном или нескольких основных видах деятельности, им придется стать диверсифицированными и освоить весь цикл жизнеобеспечения от производства энергии до утилизации отходов. Тогда, победив государство, они сами превратятся в его подобие, точно так же, как в китайской сказке герой, победив дракона, сам становится драконом. Только контроль и управление современными «феодами» будут осуществляться с помощью суперсложной компьютерной техники.

Если через виток ожесточенной борьбы за лидерство человечество вернется «на круги своя», во имя чего осуществляется грандиозная компания по дискредитации государственности? Только ради того, чтобы представители четвертого, наднационального уровня социальной пирамиды, «сбросив» часть избыточной элиты третьего уровня, сами заняли ее место? Четырехуровневую структуру глобального социума, действительно, можно считать избыточной, она перегружает мировую редистрибутивную систему и лишает ее устойчивости. Проблема в том, что считать избыточным: государства вместе с большинством их населения, создающие условия для нормальной организации социальной жизни, или наднациональные структуры, особенно финансовые, паразитирующие на социуме и не способные остановиться перед его разрушением во имя своих сиюминутных интересов? К тому же разрушение состоится гарантированно, а возможность создания новой организации, пригодной для жизни, а не выживания деградировавшего человека в деградировавшей среде, находится под большим

вопросом. «Жизнь в сети» — выражение образное. А буквально: людям предлагается жить в компьютерных сетях, как воробьям на проводах или ветках деревьев? Информация не может заменить вещество и энергию, но может свести потребность в них к минимуму. Современное «информационное рабство» может стать тотальным, а главное — не осознаваемым человеком, утратившим способность к рациональному восприятию действительности. В отличие от Спартака или Емельяна Пугачева, «компьютерному рабу» никогда не придет в голову поднять восстание. Желаемая стабилизация будет достигнута, а вместе с ней и полное и окончательное вырождение человечества: и его низов, и верхов¹².

Линейное мышление, вошедшее в плоть и кровь представителей западной цивилизации благодаря двум столетиям бурного экономического подъема, упорно отвергает любые варианты будущего, кроме экстраполяции привычной траектории развития. В этой линейной «квазистационарной» логике новый виток изменений должен привести к новому этапу экономического роста, увеличению индивидуального и общественного благосостояния. Даже мода на синергетику не отменяет стереотипы мышления, наоборот, идеально вписывается в них, обещая положительный синергетический эффект от внедренных инноваций. Скорее всего, подобные установки, имеющие характер массового надличностного сознания, изменить невозможно. Как объяснить среднестатистическому представителю достаточно образованного и в меру информированного среднего класса, что период поступательного роста подошел к концу и его уютный обывательский мирок висит на волоске? Что через абсолютное, гипертрофированное увеличение потребностей человек может уже в ближайшем будущем прийти к их абсолютному ограничению («схлопыванию»), когда потребность в пище удовлетворяет физиологический раствор, в товарах и услугах — их виртуальные образы, в самореализации — компьютерные игры. Что «Матрица» — светлое будущее сетевого человечества. И зачем объяснять — легче ему станет, если он это поймет? И что, кроме массового психоза, можно вызвать подобными объяснениями? Ответов на эти вопросы у меня нет. Наверное, их нет у большинства людей. Нас всех несет по инерции, а куда — мы и сами не понимаем, причем не понимают не

¹² Представители современной элиты уверены, что био- и нанотехнологии обеспечат им защиту от вырождения. Можно создать искусственные зубы, глаза, кости, ткани, органы, наверное, в недалеком будущем можно будет сконструировать новое тело. Но продление физической активности принципиально ничего не изменит. Во все века у всех народов элиты вырождались не из-за физического дряхления, а от скуки и пресыщения.

только нищающие, деградирующие низы, но и довольные собой процветающие верхи.

То, что пытаются осуществить сегодня наднациональные управленческие структуры — это попытка заставить неравновесную систему, придать ей хотя бы на ограниченный промежуток времени устойчивое состояние. Удастся ли она и каких потребует затрат вещества и энергии для своей реализации (речь идет в том числе о веществе и энергии, воплощенных в человеческих жизнях)? По сложности это сродни решению наивной задачки — зафиксировать яйцо в вертикальном положении, не разбивая его. Даже небожители, обитающие на вершине финансового олимпа и концентрирующие в своих руках управление мировой экономикой, не знают, какой процесс описывает кривая гиперболического роста человечества: летит оно на всех парусах к светлому будущему или «вылетает в трубу». В сущности, современные сетевые структуры, консервирующие status quo, — это аналог сообществ высокоразвитых охотников-собирателей, победивших в жесткой борьбе за оскудевшие пищевые ресурсы своих более слабых конкурентов. В таком случае, если человечество не устроит себе рукотворный Армагеддон и переживет природные катаклизмы, вполне вероятные из-за деградации его экологической ниши, то новый виток развития начнется за пределами сложившихся социальных сетей. Начнут его те, кто, как первые земледельцы, сумеет выжить в отсутствии привычных ресурсов, открыв новый способ взаимодействия с природной средой и новое будущее для себя и своих потомков. Пожелаем им удачи в их нелегком деле.

Литература

1. *Гречко П.К.* Империиум — императив нового мирового порядка // Свободная мысль — XXI. 2004. № 2.
2. *Крадин Н.Н.* Политическая антропология: Учеб. пособ. М., 2001.
3. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004.
4. *Ефимчук И.В.* Институциональные преобразования российской экономики: необходимость и возможность // Экономическая теория в XXI веке — 4 (11): Институты экономики / Под ред. Ю.М. Осипова, В.С. Сизова, Е.С. Зотовой. М., 2006.
5. *Пороховский А.* Политическая экономия: современные вызовы и перспективы // Экономист. 2011. № 1.
6. *Кокиаров А.* Распродажа родин // Эксперт. 2011. № 16.
7. *Назаретян, А.П., Лисица И.А.* Критический гуманизм versus биоцентризм // Общественные науки и современность. 1997. № 5.

Г.В. БУДКЕВИЧ

Вызовы эволюции экономической системы — адаптивная трансформация бифуркационного развития

Аннотация. Современный процесс глобализации характеризуется возрастанием неустойчивости самоорганизации общественной системы. Перед лицом мировой и национальной неопределенности требуется такое государственное устройство и его институциональная среда, которые были бы готовы к непрерывным трансформациям как институтов, так и технологий и капитала, отвечающих очередным экономическим, социальным и политическим проблемам в соответствии с их теоретическим и практическим обоснованием.

Ключевые слова: синергетика, трансформация, бифуркация, аттрактор, финансовый капитал.

Abstract. The present process of globalization is characterized by increasing instability of self-organizing of social system. In the face of global and national uncertainty it's required such state structure and its institutional environment, which would be ready for continuous transformations of institutions, technology and capital, that correspond to the next economic, social and political challenges in accordance with their theoretical and practical justification.

Keywords: synergetic, transformation, bifurcation, attractor, financial capital.

В современных условиях процесс глобализации характеризуется как динамический процесс возрастания неустойчивости самоорганизации мировой общественной системы — этап циклического перехода в ее принципиально новое качество.

С течением времени для всех общественных систем становится характерными элементы упадка и далее... последующее разрушение. Анализируя предшествующий опыт, необходимо прийти к выводу: для прогностически негибким институциональным системам важен постоянный процесс *трансформации бифуркационного развития* (ТБР).

ТБР представляет собой непрерывное состояние, при котором общество считает необходимым изменять старые технологии в случае появления очередных экономических, социальных и политических проблем. Требованием, отвечающим на эти проблемы, является наличие такого государственного устройства и его институциональной среды, которые были бы готовы к непрерывным трансформациям перед лицом мировой и национальной неопределенности и отвечали бы устранением условий существующей проблематики в соответствии с теоретическим и практическим их обоснованием.

Несколько лет назад западные экономисты, начиная с И. Валлерстайна, выводы которого развил Дж. Ирриги, указывали, что рыночная система приблизилась к пределам своего существования, поскольку одной из основных ее черт является способность концентрировать капитал за счет внешних факторов — наличия внешних источников дешевого сырья (включая трудовые ресурсы) и внешних рынков сбыта, а также за счет возможности сбрасывать нарастающие издержки (в том числе экологические). Только так западная модель может концентрировать капитал и развиваться. Но сегодня такие внешние возможности практически исчерпаны (см.: [1]).

Дж. Сорос в работе «Новая парадигма финансовых рынков» утверждает, что кризисы последних 25 лет являются результатом неверной предпосылки — рыночного фундаментализма (носившего в XIX в. название *laissez-faire*), согласно которому рынки должны быть максимально свободными от стороннего управления, обеспечивая тем самым правильное направление существующего тренда. Нынешний кризис подтвердил данный вывод, став поворотной точкой, после прохождения которой тренд и основные предпосылки развития рыночной экономики требуют своего изменения. Другими словами, кризис обнажил проблему поиска новых механизмов развития (см.: [2]).

В теоретико-системном смысле сильная система — это такая система, которая превращает входящие в нее части в свои собственные элементы, т. е. выполняет функцию поглощающей системы. Если говорить о рыночной системе конца первого десятилетия XXI в., на которую приходится 97% мирового экономического пространства, то она утратила это свойство. Рынок достиг пределов своего развития как «господство экономики потребления». Разрушение национальных хозяйств в результате глобально-экономического кризиса доказало глубину предвидения Ф. Фукуямы относительно того, что «человечество вошло в финальную часть своей истории и что конец истории — это либеральное общество с рыночной экономикой, выстроенной по образцу общества потребления, ориентированного на неограниченно растущие потребности, независимо от их разумности и соответствия возможностям природы».

Поэтому сегодня важно аналитически выявить, создаются ли необходимые предпосылки ТБР для формирования новых ценностей в условиях объективной востребованности современных бифуркационных перемен цивилизационного развития.

По нашему мнению, наиболее перспективен синергетический подход к анализу формирования механизма дальнейшего развития. Нас интересует анализ причин перехода Российской Федерации из устой-

чивого состояния (до кризиса) в его неустойчивую форму под влиянием мирового коллапса и дальнейшее ее развития.

Синергетика различает три типа факторов-причин, порождающих переход системы в неустойчивой состояние.

1. Если основные параметры системы превышают порог устойчивости (И. Пригожин) (см.: [3]).

2. В отсутствии радикальных изменений ведущих параметров саморазвития возникают разные структуры, выступающие в качестве аттракторов переструктурирования среды — ее усложнения или деградации (С. Курдюмов).

3. Если система приходит в сверхбыстрое развитие, то решающим фактором его становится объемная нелинейная положительная обратная связь, т. е. режим автокатализатора, но в этой зоне случайность приобретает определенную степень динамического детерминизма (С. Курдюмов).

В результате система вступает в зону бифуркации — спонтанного выбора путей дальнейшего развития системы.

В этом плане наиболее интересны идеи и принципы в отношении таких сущностей, как *рынок* и *государство*. Вопрос о государстве, в котором пересекаются все ключевые вопросы экономической системы, либерализм ставит под углом зрения возможного *минимума государства*. В альтернативном взгляде (кейнсианство), напротив, действует принцип *максимум государства*. Для обеспечения ТБР общественной жизни, находящейся в состоянии динамического хаоса, нужен ли новый подход к проблеме снижения (ухода) или увеличения интервенционизма? В современных условиях посткризисного развития прогрессивная направленность деятельности государства зависит от оптимального соотношения между дирижизмом и либерализмом на стадии макробифуркационного скачка.

С точки зрения синергетики оптимальность и повышение степени эффективности воздействия государственных решений на общественную систему зависят не от силы их давления, а от уровня соответствия направленности их действия внутренним тенденциям эволюции как социальной системы, так и социальной среды. Поэтому не самые сильноедействующие, а малые, правильно организованные — резонансные — воздействия на эту систему и среду оказываются, как правило, более эффективными. Особенно на фазовой стадии перехода общества в новое качество конкурентной инновационной стратегии. Именно на этом этапе должна проявиться стратегическая прозорливость государства, его способность увидеть среди множества возможных путей и разнонаправленных флуктуаций общественной среды ведущие флуктуации прогрессивного характера. Если будет обеспечено оперативное

принятие оптимальных решений и особенно мер по их реализации, то некоторые из них могут превратиться в аттракторы структурирования и упорядочивания обновленной экономической системы, которые соответствуют интересам большинства населения. Следовательно, самоорганизацию общества следует понимать не в абсолютном смысле ее самодавления, а как динамический процесс действия факторов спонтанной самоорганизации и факторов организационного управления.

Если говорить о рыночной системе с точки зрения онтологических свойств системы, то необходимо обеспечить «сращивание многообразного» через взаимодействие. Именно взаимодействия детерминируют свойства частей, включая их в представление объекта системой. Рыночная экономика рождается эволюционной функцией флуктуаций. Однако циклы не обеспечивают взаимодействие, усугубляя основное противоречие современной эпохи как противоречие «между эгоизмом узконациональных интересов (которые очень часто на деле выражают интересы наиболее мощных групп и корпораций) и общемировых интересов».

Среди многочисленных аспектов современного кризиса отмечают три основных причины. Первая — диспропорции финансовой глобализации, вторая — международное разделение труда и, наконец, неуправляемость мировыми финансовыми потоками. Другими словами, основной причиной современного кризиса является финансовый капитал. Можно сказать, если раньше он играл все же больше косвенную роль в перепроизводстве товаров, то теперь все большая часть ВВП и добавленной стоимости создается прямо в финансовом секторе, т. е. в мировой системе получение прибыли модифицируется в следующем виде: $D \rightarrow Dt \rightarrow D'$, где Dt — это акции, кредиты, сертификаты, вклады, деривативы и т. п., т. е. спекулятивный капитал прежде всего в строительной индустрии.

Финансовому капиталу отведена роль аттрактора на стадии выхода Российской Федерации из кризиса. Если говорить о государстве, то под его воздействием с начала реформ в РФ экономика трансформировалась в соответствии с рыночными реалиями.

Таким образом, можно сказать, что в сегодня в условиях эволюции пореформенного рынка макроэкономики в РФ выделились два рыночных субъекта — финансовый капитал и государство. Встала задача преодоления их политического и экономического противостояния и замены его экономическим взаимодействием. Создание эффективных институтов внутренней конвергенции государства и финансового капитала — предпосылка качественного скачка (фазового перехода) на новый стратегический уровень рыночной макроэкономики, а, следовательно, и к синергетической эволюции на собственной основе.

Финансовый капитал включает в себя все разновидности капитала. В современных условиях различным формам капитала как диссипативной структуре присущи новые свойства. Среди них наиболее существенными являются: 1) синергетический характер организации капиталом труда и производства — кооперирование на фирме большой массы людей с четким разделением труда на основе технологических функций внутри производственного процесса; 2) активная роль капитала в формировании благоприятной для его развития институциональной среды; 3) развитие капитала в направлении двух противоположных тенденций — к обострению конкуренции и к ее подавлению; 4) активная роль капитала в интенсификации процесса глобализации мировой экономики; 5) циклический характер эволюции капитала, проявляющийся в чередовании нормального развития с кризисными явлениями.

Все эти свойства (за исключением первого) капитал реализует с участием государства. Следовательно, с точки зрения синергетики государство должно прежде всего создать условия взаимодействия с предпринимательским капиталом и прежде всего с его аттрактором в форме финансового сектора экономики. Обеспечение капиталу приоритетного статуса в формировании рыночной экономики связано с тем, что капитал является системообразующей и самообновляющей современной общество диссипативной структурой.

Следует особо отметить, что капитал усиливает роль аттрактора на стадии кризисных макробифуркаций, так как ему присуще сочетание необходимости и случайности. Необходимости — в скачкообразном переходе социально-экономической системы в новое качество. Случайности — в появлении новых разновидностей технологии и продукции, в самовывживании индивидуальных капиталов и в возникновении новых структурных связей между производством, потреблением, рынком и государством.

Саморазвиваясь, капитал выполняет две главные социальные функции — самоорганизации и самообновления социального метаболизма и исторических преобразований общества. Самообновление капиталом социального метаболизма и механизмов взаимодействия структур производства, потребления, рынка и государства становится основой исторических преобразований общества в процессе становления и самообновления социальной жизни и механизмом ее ускоряющей эволюции на современном этапе.

Однако сегодня недостаточно единого аттрактора в форме финансового капитала или стандартных современных форм промышленной политики. Необходима современная версия индикативного планирования, обеспечивающая взаимодействие Правительства РФ с отраслевыми

ми объединениями предпринимателей, профсоюзами, различными партиями и потребителями. Такая система помогла бы создать долгосрочную основу для устойчивого экономического роста, способствующего преодолению бедности и социального неравенства, стимулирующего создание новых рабочих мест с уровнем оплаты труда не ниже среднего по экономике. Проведение такой политики связано с использованием потенциала частного бизнеса, включая возможности по инновации производства, обеспечения условий «социального лифта» для населения через систему образования. Для этого необходима система государственного регулирования, направленная на пропорциональное развитие добывающих и перерабатывающих отраслей российской экономики.

Однако если мировой финансовый кризис обнажил несоответствие ориентации развития рыночной экономики России упомянутым теоретическим концепциям, то посткризисное развитие не соответствует современным вызовам. С начала 2010 г. произошло повышение мировых цен на нефть и газ — пусть оно будет даже не временным. Но высокие экспортные цены не стимулируют рынок на инвестиционную активность в более высокотехнологичные (по сравнению с добывающими) отрасли. Это ведет к замедлению технического прогресса, недоразвитию человеческого капитала, низкой эффективности инвестиций, в том числе иностранных. Несовершенство институтов усугубляется. Асимметричность ценовых флуктуаций приводит к снижению темпов экономического роста. Ресурсное изобилие является фундаментальной причиной концентрации экономической власти. Крупнейшие собственники стремятся конвертировать ее во власть политическую, используя несовершенство институтов. Эта тенденция, несмотря на все усилия, ведет к существованию политической коррупции и неустойчивости демократии.

Исходя из вышеперечисленного, можно сказать, что для создания взаимодействия государства и бизнеса для осуществления ТБР необходимо:

- создание институциональной матрицы, обеспечивающей условия для создания набора организаций, устанавливающих «правила игры» для создания прав, обязанностей и привилегий;
- формирование законодательной базы обеспечивающей отношения обмена на экономическом и политическом рынках;
- обеспечение состава базовых институтов, создающих необходимые условия взаимодействия государства и бизнеса при условии определения обязательств государства по выполнению охраны прав собственности и политических правил в условиях прозрачности их финансового выполнения;

- модификация рыночного взаимодействия для углубления инновационного процесса для сокращения транзакционных издержек на базе обобщения рассеянного в обществе знания с соблюдением контрактных соглашений.

Для превращения России, одного из главных мировых экспортеров топлива, в «экономическое чудо» необходима система государственного регулирования, направленная на пропорциональное развитие добывающих и перерабатывающих отраслей производства, обеспечивающее создание и расширение рабочих мест, способствующее развитие человеческого капитала.

Предпринимательский капитал должен переориентировать свой бизнес и понять, что сегодня нельзя добиться успеха за счет добычи и переработки природных ресурсов, которые вместе с физической рабочей силой и физическим капиталом теряют свою значимость.

После выхода из мирового экономического кризиса XXI в. будет жить знаниями, сила которых будет увеличиваться и превалировать по всей цепочке создания добавленной стоимости. Поэтому все отчетливее возникает проблема новой стратегии человеческой жизнедеятельности. Речь идет о поиске нового типа цивилизационного развития. Бурно протекающий технологический прогресс выдвинет целый ряд новых мировоззренческих проблем, которые еще предстоит осмыслить. Интеллектуальный капитал может послужить тем накопителем, который приведет к возможной духовной революции, отрицающей основы потребительского общества, создавая необходимые предпосылки критического осмысления ценностей современной техногенной эпохи «бессмысленного» потребления и выработки новых мировоззренческих идей.

С полным основанием можно утверждать, что процесс эволюции в современных условиях, в том числе и посткризисного развития, формируется под воздействием двух факторов: интеллектуального капитала и политической воли в каждой отдельно взятой стране. Возникает вопрос: что будет способствовать выходу Российской Федерации на новый вектор устойчивого экономического роста, обеспечивающий инновационное посткризисное развитие? Если стратегическая составляющая государственной политики переместит центр тяжести интересов большого бизнеса в сферу использования интеллектуальных ресурсов, то российское предпринимательство займет на мировом рынке специализированную нишу, основанную на высокоинтеллектуальном потенциале нашего народа, а также на абсолютных и относительных сравнительных издержках производственных и природных условий, где у нас есть очевидное превосходство на мировом уровне, где мы

можем обеспечить себе прочные позиции. Принцип ориентации на интеллектуальные товары и услуги, обеспечивающие выход на мировой рынок, должен стать применимым ко всем сферам деятельности российской экономики.

Литература

1. Эксперт. 2009. № 14 (653). 13—19 апр.
2. Сорос Дж. Новая парадигма финансовых рынков. М., 2008.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог с природой. М., 2005.

Т.Н. ШЕЛЕГИНА

Сверхдлинные волны мирового, американского и российского хозяйственного развития

Аннотация. В статье автор уточняет гипотезу сверхдлинного чередования критических событий региональной и мировой истории и делает вывод о возможности прогнозирования путей эволюции крупных хозяйственных систем в XXI в.

Ключевые слова: сверхдлинная волна, цикл, динамика, общество, прогнозирование, эволюция.

Abstract. In this article the author specifies the hypothesis of superlong alternation of critical events of regional and world history and comes to a conclusion about the possibility of forecasting the ways of evolution of large economic systems in the XXI-st century.

Keywords: a superlong wave, a cycle, dynamics, a society, forecasting, evolution.

Определение ориентаций крупнейших мировых хозяйственных систем до сих пор серьезно затруднено. Разрешение этой проблемы может быть в выявлении и осмыслении фундаментальных характеристик мировой и региональной исторической динамики. Динамизм — органическое свойство экономики. К настоящему времени различными авторами собрана достаточно представительная информация о циклических процессах, которая позволяет говорить о возрождении интереса ученых к волновым моделям экономики. Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева, развивает наследие М.И. Туган-

Барановского, Н.Д. Кондратьева, П.А. Сорокина, В.А. Базарова, Й. Шумпетера. Современная школа русского циклизма (Ю.В. Яковец, С.Ю. Глазьев, Б.Н. Кузык, А.И. Агеев, В.И. Кушлин, А.Н. Фоломьев и др.) в ряде монографий, на научных конференциях и междисциплинарных дискуссиях сформировали единую теорию циклов, кризисов и инноваций. Одним из основных исследований данной школы явились длинные и сверхдлинные циклы российской истории, которые стали одними из основных ее положений.

Сегодня под цикличностью понимают историю как череду законченных устойчивых состояний, в которых с течением времени изменяются лишь отдельные количественные переменные и качественные категории. При этом сохраняется их консервативная, в частности, глубоко физическая, характеристика — длина жизненного цикла. Тезис о цикличности исторических событий вполне соответствует и общенаучному представлению о том, что всем явлениям в природе, в том числе человеку и обществу, присущ не только индивидуальный образ, но и индивидуальный цикл развития. Поэтому важно найти такое решение проблемы исторического цикла, которое сохраняло бы уникальность каждой социальной системы и в то же время позволяло бы соотносить ее с другими системами, имеющими индивидуальный временной почерк.

Интересный подход к решению предложен в работах О.В. Добровичева. В частности, в статье «Проектирование социальных систем» предлагалась полициклическая модель развития регионального хозяйства (модель социальной турбулентности) [1]. Отличительной особенностью этого нового взгляда на динамику хозяйственной жизни стало понимание, что ее волнообразные по форме изменения нельзя описать конечным числом известных волн и их гармоник, таких как волны Кузнецца, Кондратьева, Китчина или Чижевского.

Основы этой теории заложены в работах Пригожина и Хакена (1978), а еще ранее Колмогорова (1962). Эта теория дала возможность с единых позиций описать волновую эволюцию природных и социальных систем, что позволило под новым углом зрения рассмотреть сложные явления истории и экономики.

Один из факторов социальной турбулентности заключается в том, что общество — это среда, различные качества которой взаимозависимы. Это определяется принципом общности системы, который говорит, что система стремится к сохранению в целом, какие бы ее отдельные части мы не изменяли. В переводе это означает, что, меняя экономические параметры системы, мы неизбежно меняем социальные и политические.

Согласно этой теории, длительность цикла экономического развития тем выше, при прочих равных условиях, чем больше размеры экономического пространства субъекта экономики (мира-экономики по Броделю) [2; 3]. Причем в совершенно определенной степени:

$$T \sim S^{1/3}, \quad (1)$$

где T — длительность цикла, S — площадь мира-экономики.

Так, в соответствии с моделью социальной турбулентности продолжительность длинных волн развития регионального хозяйства предлагается определять на основе физических размеров, как называл это Бродель, регионального мира-экономики. В этом случае длинная волна американской экономики должна соответствовать верхней оценке Кондратьева, т. е. 60 годам, российской экономики — 80 годам, а мировой — 140 годам.

В 2004 г. авторским коллективом под руководством Б.Н. Кузика было проведено обширное изучение цикличности российской истории под этим новым углом зрения [4]. Результаты исследования подтвердили 80-летний характер цикличности российской истории и обнаружили 400-летний ритм российской истории. Так, например, окончание второго сверхдлинного периода российской истории и канун Смутного времени — 1586 г. — был отмечен созданием уникальных технических проектов — Царь-пушки и Царь-колокола. Практически ровно через 400 лет после этого события, тоже накануне крупнейшего исторического ослабления России в 1986 г. — был осуществлен проект запуска российского космического челнока «Буран».

Помимо длинных волн всемирной истории в 2008 г. были обнаружены сверхдлинные волны, продолжительностью четыре длинных волны, или 560 лет [5]. При этом оказалось, что на протяжении четырех 140-летних циклов в мире происходит частичное исчерпание мировоззренческой концепции, сложившейся в самом начале этой своеобразной сверхдлинной волны общественной жизни на Земле, и возникает потребность в новой системе общественных ценностей и социальных ориентиров.

Это наблюдается, по крайней мере, с эпохи Моисея, жившего в XII в. до н. э. Спустя шесть веков после него появились Будда и Конфуций. Приблизительно 560 годами позже пришел Христос, еще 560 годами позже — Мухаммед. А в 1680 г., спустя 1120 лет (т. е. восемь циклов по 140 лет) после Мухаммеда в мире, по всеобщему признанию, началась эпоха не религиозного, а научного мировоззрения, которая прочно ассоциируется с основателем классической механики — Ньютоном (табл. 1).

Таблица 1

Сверхдлинные волны всемирной истории

Годы	Исторические события
1120	Моисей (XII в. до н. э.)
560 до н. э.	Будда (544—623 гг. до н. э.)
0	Христос (4 г. до н. э. — 30 г.)
560	Мухаммед (570—632)
1120	Чингисхан (1162—1227)
1680	Ньютон (1643—1727)
1960	Глобализация (Гагарин)

Источник: [5].

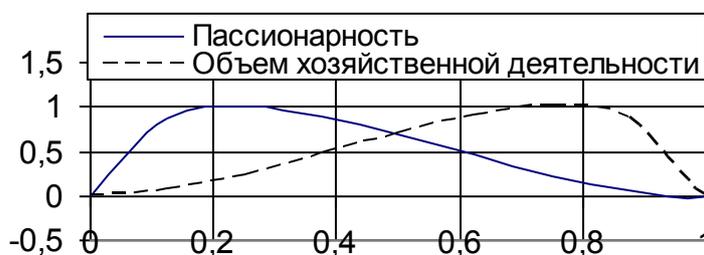

Рис. 1. Турбулентная модель длинных и сверхдлинных волн развития хозяйства

Используя 140-летнюю динамику, проиллюстрируем ритмичность появления качественно одинаковых событий. Изменение деловой активности (числа значимых событий) и объемов хозяйственной деятельности в одном длинном жизненном цикле экономической системы можно описать с помощью турбулентной модели длинных и сверхдлинных волн развития хозяйства. Ее графическое изображение показано на рис. 1.

Рассчитаем длину буржуазного периода мировой истории. Она насчитывает к настоящему времени 2,5 цикла глобальной волны, т. е. 350 лет. Это хорошо видно в табл. 2.

Таблица 2

Вехи развития буржуазного общества

Годы	Глобальный цикл
1649	Английская буржуазная революция
1789	Великая французская революция
1929	Великая депрессия

Источник: разработка автора.

Освоение мирового земного пространства также описывается сверхдлинной волной (табл. 3).

Таблица 3

Освоение мирового земного пространства

Год события	Событие	Продолжительность цикла
1401—1821	Период освоения мирового пространства с помощью кораблестроения	$3 \times 140 \text{ лет} = 420 \text{ лет}$
1821—1961	Период освоения мирового пространства с помощью ж/д	140 лет
1401—1961	Каравелла — космический корабль	560 лет

Источник: разработка автора.

Сверхдлинные волны проявляются и в динамике региональных макросистем (табл. 4).

Посмотрим под углом зрения этой гипотезы о существовании сверхдлинных волн мировой истории на динамику регионального российского развития.

Таблица 4

Сверхдлинные волны региональных макросистем

Наименование	Период	Территория, км ²	Расчетный цикл, формула (1)	Количество длинных циклов	Количество сверхдлинных циклов
Восточная Римская империя	395—1453	4 500000	44	24	6
Нидерландская колониальная империя	1609—1940	20 000000	41	8	2
Британская империя	1583—1914	31 000000	91	4	1
Закат Британской империи	1914—1980	31 000000	91	1	0
США Европейская колонизация	(1564-1801)	9 500000	60	4	1
США от становления американского государства до становления супердержавы	1801—настоящее время	9 500000	60	3,9	

Источник: разработка автора.

По оценкам теории социальной турбулентности, полный цикл хозяйственного развития России составляет приблизительно 75—80 лет. Российская сверхдлинная волна (в соответствии с этой продолжительностью длинной волны) должна измеряться 300—320 годами. Приблизительно эту особенность чередования сверхдлинных волн развития России мы и обнаружили в ее истории (табл. 5).

Таблица 5

Сверхдлинные циклы российской истории

Год начала и окончания цикла	События	Продолжительность цикла
882, 907, 911 998	Становление Киевской Руси, начиная с объединения Новгородского и Киевского княжеств. Поход Олега на Константинополь. Заключение договора с Византией Принятие христианства на Руси	1263–882=381 1263–998=265 Среднее 323
1263	Период Московского княжества и царства	1613–1263=350
1613	Дом Романовых	1917–1613=304
1917	Советский Союз	1991–1917=74

Источник: разработка автора.

Рассмотрение российской истории под несколько иным углом зрения — в зависимости от времени правления в стране династий — приводит к подобным заключениям. Рюриковичи, например, правили Русью приблизительно с конца X в. до 1603 г. Это составляет приблизительно восемь циклов по 75 лет. Затем к власти пришли Романовы, которые правили с 1613 по 1917 г., что составляет приблизительно четыре цикла по 75 лет. На больших интервалах истории трансформация социальной активности общества в ее творческое и технологическое наполнение проявляются особенно рельефно. Если принять во внимание существование этого типа сверхдлинного чередования критических событий российской истории, то мы вправе рассчитывать на повторение качества чередующихся в сверхдлинной волне длинных циклов развития.

Очередной сверхдлинный цикл начался в 1917 г. Нынешний длинный цикл является вторым. Таким же вторым в предыдущей сверхдлинной волне был цикл петровских преобразований.

По этой исторической аналогии можно выстроить ряд последующих событий нашей общественной жизни. В первом приближении ограничимся, однако, общей оценкой наступившего исторического

периода. В ближайшие десятилетия будет происходить полномасштабное развертывание нового социального и политического «квази-европейского» проекта сверхновой России.

Доказательство существования в региональной истории определенного ритма открывает новые возможности прогнозирования путей эволюции страны в XXI в., позволяет с большей вероятностью предвидеть характер и масштаб социальных экономических, внешнеполитических и управленческих проблем на протяжении нынешнего исторического цикла.

Литература

1. *Добро́чев О.В.* Проектирование социальных систем // *Философия хозяйства*. 2002. № 3.
2. *Клепач А.Н., Добро́чев О.В.* Модель длинных экономических волн Колмогорова // XVII Кондратьевские чтения «Долгосрочное прогнозирование: исторический опыт и современность». Тезисы докладов и выступлений участников чтений. М., 2009.
3. *Бродель Ф.* *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVII вв.* Т. 3. М., 2007.
4. *Кузык Б.Н., Агеев А.И., Добро́чев О.В., Куроедов Б.В., Мясо́едов Б.А.* *Россия в пространстве и времени (история будущего)*. М., 2004.
5. *Добро́чев О.В.* Ноты всемирной исторической симфонии // *Экономическая теория в XXI—7(14): Инновационная экономика* / Под ред. Ю.М. Осипова, И.В. Шевченко, Л.Н. Дробышевской, Е.С. Зотовой. М., 2008.

В.П. ОКЕАНСКИЙ

Неподконтрольное в символической структуре мирового хозяйства: значение наследия Гераклита Эфесского для современной интеллектуальной культуры

Прекраснейший космос —
словно слиток, отлитый как попало.

Гераклит

Аннотация. Предложено расширенное понимание исторической современности, уходящей корнями в раннефилософскую античность; наследие Гераклита рассмотрено в качестве ключа к обретению нового видения складывающейся планетарной реальности; последнее формируется в опыте русской религиозной философии конца Нового времени.

Ключевые слова: герменевтика, Гераклит, холизм, теоцентричность, Слово, Боговоплощение, Церковь, Хомяков.

Abstract. The author of the article proposes the advanced conception of historical modernity going back to the early philosophical antiquity. The inheritance of Heraclitus of Ephesus is concerned to be the key to the new understanding of the developing planetary reality. The last one is formed in the experience of Russian religious philosophy of the end of the Modern age.

Keywords: hermeneutics, Heraclitus of Ephesus, holism, theocentrism, the Word, the incarnation of God, the Church, Khomyakov.

В центре нашего внимания — проблематика понимания — понимания бытийной целокупности и ее существования, понимания происходящего с нами в культурной истории и самой возможности понимания как такового; иными словами — нас интересует герменевтика как наиболее адекватное теоретико-методологическое основание культурологически ориентированной мысли вообще, если понимать под культурой опыты символического раскрытия тотальности, а не просто совокупности продуктов человеческой деятельности в мире.

Мы решаемся утверждать, что только обращение к дальним макро-историческим мифоосновам большой культурной современности способно вернуть в постмодернистское болото подлинный размах происходящего и соответствующий ему масштаб *историософского* мышления и понимания. Мы также полагаем, что в наибольшей степени из

всех древнегреческих досократиков именно протостоик и, по свидетельству преп. Иустина Философа, «христианин до Христа» (см. об этом [1, 221]) Гераклит, никогда не употреблявший слова «философия» и прозванный «темным» за его малопонятный для профанов-современников мифосимволический язык, является важнейшим сотериологическим ключом к выходу нашего времени на дальние рубежи смыслового моделирования своего бытия в его сущностной взаимосвязи с Целым.

Определяя Новое время как «время картины мира», когда «сам мир» впервые в истории «становится картиной» [2, 41—62], Хайдеггер искал дальних оснований подобных представлений в глубинах античного мира, впервые опредметившего тотальность в представлении. И действительно, от раннего фалесовского положения о тотальности водной стихии до булгаковского образа «мира как хозяйства» и ленинского умозаключения, что «в мире ничего нет, кроме развивающейся и движущейся материи» — мир с очевидностью *опредмечен* (см.: [3, 100—115; 4; 5; 6, 209]). Согласно Хайдеггеру, планирующе-рассчитывающее мышление исходно ориентировано на потенциальную тотальную *подконтрольность* мира, однако же сами предпосылки такого отношения заложены еще в античном проекте под именем «философия» (см.: [7—9]), представляющем собой набросок тотальности в наличном *представлении* и потенциальном человеческом *распоряжении*.

Речь идет о своеобразном антропологическом *присвоении мира*, начавшемся более двух с половиной тысяч лет назад у древних греков, и в более обширном смысле это начало совпадает с тем, что Ясперс выделяет в качестве опорного «осевого времени» [10, 27—286], порвавшего с архаическим «вечным возвращением» [11]. Мы здесь не будем оценивать успехи, достигнутые в этом длительном процессе, но обратим внимание на упущенное и связанные с этим фундаментальные проблемы.

Гераклит стоит у дальних истоков современного мира: одной ногой — в архаическом циклизме, другой — вступает на загадочную территорию исторической необратимости и радикальной нови... Философствующее человечество, давно уже совершив выбор в пользу последних, до сих пор не только не избавилось, но и все чаще обращается к сотериологической реанимации мифологической структуры первого (Элиаде), линейность обретает забытую кривизну, объемлющее становится потенциально конечным (Флоренский).

Явное тяготение к Гераклиту в XIX в. отличает Хомякова и Ницше, грезящих о новых восходящих формах культурного бытия — и характерно, что доктринальный пессимист Шопенгауэр — первый фило-

софский вестник «заката Европы» — во «Фрагментах к истории философии» оценивает наследие Гераклита весьма тускло: «Противоположно учению элейцев, да им, вероятно, и вызвано учение Гераклита, который признавал непрерывное движение всех вещей, как они — абсолютную неподвижность: таким образом, он не пошел дальше феноменальности» [12, 27].

Ярко выраженный интерес к Гераклиту в XX столетии наблюдается у Шпенглера, Бердяева, Хайдеггера, обращенных к макроконтэкстам культуры и ее исторической морфологии; первый из них указывал на то, что гераклитовское учение было «в необыкновенной степени лично» [13, 45—46], а если это так — то очевидно, что самые существенные и драматичные культурно-исторические феномены Нового времени прорастали еще за шесть веков до появления христианства.

Существует логика в описании инволюционных процессов европейского интеллектуализма за три века, согласно которой последний деградирует от метафизики — к чистому феноменализму, от умирания сущности — к триумфу голой морфологии, от стиля — к складкам... Впрочем, у самых глубоких авторов, включая всех перечисленных выше, нельзя не видеть обратной холистической тенденции: паруса феноменологии наполнил ветер Бытия, перерастающий в шторм, грозящий ураганом — все они так или иначе оказываются наследниками Гераклита и его исходного огненного импульса.

У Гераклита мы обнаруживаем универсальный ключ к открытию целостной программы *большой современности*, начинающейся еще в дофилософские времена и, очевидно, не законченной в XX в.: это прежде всего диалектический холизм, имеющий структурную параллель в традиции Адвайта-Веданты; идея ословесненного космоса, потенциально предвосхищающая всю проблематику имяславия; метафизика мерно пульсирующего огня, близкая зороастризму и современным космологическим теориям...

При всем том Гераклитом движет не эпистемологический анархизм, но свобода от традиций во имя Большой традиции, от локальных целей во имя Тотального целого, о чем свидетельствуют само его дистанцирование от мистерий, с одной стороны, и принципиальное невступление в философию, в сообщество мудрецов и их любителей — с другой: «Не твори они шествие в честь Диониса и не пой песнь во славу срамного уда, бессрамнейшими были бы их дела. Но тождествен Аид (“Срамный”) с Дионисом, одержимые коим они беснуются и предаются вакхованию» [14, 217]; «Чьи только речи я не слышал, никто не доходит до того, чтобы понимать, что Мудрое ото всех обособлено» [14, 239].

Это отнюдь не «переход» от мистерий к рациональности, а своеобразная «мокша» (разрыв кармической цепи!), в данном случае точка разрыва мифа и философии, которую осваивает ни на что не похожее мышление Гераклита, отказывающегося не только от «болтливости» псевдопонимания обыкновенных людей, с одной стороны, но и от корпорации «мудрецов», именуемых «мошенниками» — с другой, причем во имя Высшей мудрости и ее молниеподобной необычайности: «Эту-вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать ее, и выслушав однажды. Ибо, хотя все люди сталкиваются напрямую с этой-вот Речью (Логосом), они подобны незнающим ее... они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие» [14, 189] — «многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора, равно как и Ксенофана с Гекатеем» [14, 195—196].

Между тем личностный парадокс самого Гераклита — в том, что, призывая «тушить своеволие быстрее пожара» и «осушать влажность», поскольку «сухая душа — мудрейшая и наилучшая», сам он оказывается, как это часто случается с великими, весьма «своевольным» и очень «влажным» автором, кстати говоря, в отличие от аквафила Фалеса, в эмпирической реальности умершим после жизни в горах от неизлеченной водянки [15, 333]. Содержание, с которым он борется, овладевает им на уровне формы! Всесожигающий огонь предстает уже в образе необратимой реки: «На входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды» [14, 209].

Это в свою очередь работает на формирование искусства обратного чтения: например, артикулируемый воинствующий дуализм «дня — ночи, зимы — лета, войны — мира, избытка — нужды» и т. п. является (или — может являться!) символическим указанием на недualьность Первопринципа — «Бога» [14, 236], по отношению к которому всякая проявленная космическая дуальность вторична. Так, производное указывает на Основание, которое не-производно и отличается от всего производного радикальной не-производностью своей неистощимой Первосущности.

Очевидна *теоцентричность* Гераклитовой мысли: «Кто намерен говорить с умом, те должны крепко опираться на общее для всех, как граждане полиса — на закон, и даже гораздо крепче. Ибо все человеческие законы зависят от одного, божественного: он простирает свою власть так далеко, как только пожелает, и всему довлеет, и все превосходит» [14, 197].

Кроме того, в Гераклитовой аксиологии очевидна асимметрия Божественного и человеческого: «Большая часть божественных вещей ускользает от познания по причине невероятности» [14, 193]; «челове-

ческая натура не обладает разумом, а божественная обладает» [14, 221].

Исходная и декларируемая обращенность Гераклита к «нечаянно-му»¹ позволяет ему остаться не только для своей эпохи, но и для современного нам темного мира «зажигающим свет», быть может — тщетно, ибо «человек сам себе зажигает свет, умирая в ночи»².

Налаживающиеся на протяжении столетий жернова мирового хозяйства грозят уничтожить сам шанс возвышенной неподконтрольности — но опережающей угрозой нависает бытийная «молния», которой совокупность этих правящих в современном мире дел вполне подсудна.

Существуют очень интересные и убедительные сравнительные сопоставления гераклитовского понимания Логоса с учением Лао-цзы о Дао — учением, уходящем, по свидетельству самого учителя, в глубочайшую древность Серединного Царства и его традиционный мистериально-символический опыт [16]. Однако на человеческом уровне в нравственно-психологическом плане можно без всякого преувеличения сказать, что Гераклит не был понят и воспринят своими современниками по тем же самым причинам, по которым шесть столетий спустя не был принят Христос: масштабность и ассоциативность мышления, его сквозной символизм, сближающий близки и дали, формы и смыслы, были чужды как профанам-обывателям, так и их хитроватым, но духовно слепым поводырям.

Последующая интеллектуальная культура уже в лице любимого ученика Христа — св. апостола-евангелиста Иоанна Богослова — соединяет в самом прологе завершающего благовествования центральную интуицию Гераклита Эфесского и предвечное божественно-ипостасное бытие Христа: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоанн. 1, 1—5).

Именно это мистериальное продолжение Боговоплощения в мире засвидетельствовано рождением земной Церкви Христовой и всей последующей миссионерско-агиологической деятельностью, направлен-

¹ «Не чая нечаянного, не выследишь неисследимого и недоступного» [14, 193].

² Это изречение чуть более оптимистически, но не менее парадоксально и «сновидно» трактуется в раннехристианских «Строматах» св. Климента Александрийского: «человек — свет в ночи: вспыхивает утром, угаснув вечером. Он вспыхивает к жизни, умерев, словно как вспыхивает к бодрствованию, уснув» [14, 216].

ной на вохристовливание культурно-природного жизненного мира человечества.

Имеющая место болезненная реакция [17, 144—151] на идею неоправославного продолжения кирилло-мефодиевской традиции в хомяковско-булгаковском наследии [18, 135—144] может быть существенно усилена, если мы обозначим герменевтическую сверхзадачу следующим образом: Хомяков как русский Гераклит! Так тому и быть: идущая от хомяковского наследия русская религиозная философия является опытом, в котором устойчиво моделируется сверхпопытка одоления двойной катастрофы, всегда определяемой «самураями» западного мира как та или иная «смерть», интегрирующаяся во всеобщую погибель: религии и философии, мифа и рациональности, неподконтрольности и хозяйства, божественности и человечности, автора и книги — и здесь важнейшим недораспознанным ключом, возвращающим в недра современной интеллектуальной культуры *сотериологический шанс*, является именно Гераклит, поднявший взгляд поверх рассыпанных «детских игрушек»...

Литература

1. Хомяков А.С. По поводу разных сочинений латинских и протестантских // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1900.
2. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
3. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989.
4. Трубецкая С.Н. Метафизика в древней Греции. М., 2008.
5. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
6. Философский словарь. М., 1981.
7. Хайдеггер М. Что это такое — философия? // Вопросы философии. 1993. № 8.
8. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
9. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
10. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
11. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость. СПб., 1998.
12. Шопенгауэр А. Фрагменты к истории философии // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4.

13. *Свасьян К.* Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительности. М., 1993.
14. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989.
15. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.
16. *Григорьева Т.П.* Дао и Логос: встреча культур. М., 1992.
17. *Полывянский Д.И.* О кирилло-мефодиевской традиции и «дегенерации смыслоформ» // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2010. № 4.
18. *Океанский В.П., Океанская Ж.Л.* Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2010. № 3.

Т.И. ПОРОХОВСКАЯ

Нравственные отношения и этическое регулирование в организациях

Аннотация. Рассматриваются различные формы нравственных отношений в организациях: формальные и неформальные отношения, специфика отношений в корпорациях; методы морального регулирования отношений в малых и крупных организациях.

Ключевые слова: организация, корпорация, первичные и вторичные отношения, формальные и неформальные отношения, деловые отношения, корпоративизм, «культурный менеджмент», корпоративная этика, корпоративный кодекс, индивидуальная нравственная ответственность, корпоративная социальная ответственность.

Abstract. The article deals with different forms of moral relationships in organizations: formal and informal relationships; specific of relationships in corporations; methods of moral regulation of relationships in small and large organizations.

Keywords: organization, corporation, first and second relationships, formal and informal relationships; business relationships, corporativism, «cultural management», corporate ethics, corporate code, individual moral responsibility, corporate social responsibility.

Тема корпоративности, корпоративизма широко обсуждается в последнее время в социальной философии. Модель социального объединения, по которой выстраиваются современные бизнес-корпорации, распространяется на все типы социальных организаций (политические партии, общественные движения, СМИ, образовательные и медицинские учреждения, церковь, организации сферы услуг и т. д.). Одни говорят о современном корпоративном ренессансе как процессе, благотворном для развития институтов, другие — как о главной опасности для них. «Еще совсем недавно, — пишет А.Ю. Согомонов, — в 1960—1970-е гг. — западные корпорации считались серьезным вызовом (“социальной угрозой”) рыночному обществу с его принципами индивидуальной свободы и *laissez faire* (“либеральный антикорпоративизм”). И лишь в условиях высокой современности корпоративная модель ре-структурирования социального пространства перестала восприниматься западной культурой (если не принимать в расчет научную литературу откровенно левого толка...) алармистски. Более того, эта модель социального формотворчества принимается не только как эффективная и рациональная, но и как наиболее адекватная наступившим новым временам» [1, 27]. В периоды глобальных социальных реорганизаций, кризиса институтов объединение людей в общности оказывается спасительным для них процессом. В то же время Ю. Хабермас, Г. Шиллер, Дж. Грей, У. Эко и др., указывая на такие сопровождающие корпоративизацию явления, как нарастание авторитарности, свертывание демократических институтов, усиление церкви и др., называют ее рефеодализацией, а К. Лэш в «Восстании элит» — неотрайбализмом.

Каковы же основные черты корпоративной модели отношений и каким образом устроены и регулируются моралью отношения в организациях этого типа?

Отношения на небольшом, находящемся в частной собственности и управляемом ее владельцем предприятии, хотя и являются деловыми, тем не менее не могут не быть личными; они носят прозрачный характер, поэтому нравственные оценки применимы и к каждому работнику, и к коллективу в целом, как это имеет место и в частной жизни. Отношения между работниками в крупных компаниях, корпорациях носят в значительной мере безличный характер: управляются эти компании чаще всего менеджерами, нанимаемыми акционерами, многие работники и менеджеры (не говоря уж об акционерах) не знают друг друга лично, личное управление заменяется организационными структурами, правилами.

Корпорация считается прозрачной организацией, но ее «прозрачность» относительна: степень раскрытия финансовой информации для

государства и других органов определяется законом, национальными и международными стандартами, обязательства перед внешними партнерами и внутри организации тоже регламентированы, но весь комплекс внутрифирменного управления и внутрифирменных отношений относится к коммерческой тайне. Корпорации — это автономные, закрытые организации, это неприступные бастионы, «государства в государстве», не позволяющие вмешиваться в свою внутреннюю жизнь³.

Отношения в корпорации выстроены иерархически: вертикальная соподчиненность, жесткий внутренний порядок, формализация (административными документами и служебными инструкциями определяются четкое распределение функций и правила поведения), структурированы полномочия, ответственность и отчетность (каждый знает, перед кем и за что отчитывается и за что стимулируется).

В корпорациях царит управленческий диктат, произвол: размер зарплат, бонусов и прочих выплат — один из самых больших «секретов фирмы», государство же регулирует только минимальный уровень почасовой оплаты (в России государством устанавливается минимальная месячная оплата труда).

Используется любая возможность для ограничения деятельности профсоюзов, профессиональных ассоциаций, а в современных условиях некоторые сетевые компании отчаянно сопротивляются появлению профсоюзов в своих организациях. Функции защиты работников, которые прежде выполнялись профсоюзами, частично берут на себя службы по работе с персоналом, но нередко эти функции повисают в воздухе. Руководство всячески сопротивляется борьбе работников за свои права на основе самоорганизации (коалиции и др. формы), его цель — любыми путями не допустить объединения работников.

Компании принимают решение относительно «индивидуальной миссии», нишевой идентичности, своего «места» в ряду аналогичных организаций и нравственной миссии компании в обществе⁴. Кроме этого для того чтобы вдохновить работников, формулируются цели

³ Общеизвестно, что корпорации с большой неохотой раскрывают информацию и стремятся засекретить все, что только могут. Иногда нашими компаниями засекречивается даже наличие корпоративного кодекса [2].

⁴ Например, миссия компании *Merk&Co., Inc.*: «Миссия *Merk* заключается в предоставлении обществу высококачественных товаров и услуг, осуществлении инноваций и принятии решений, с помощью которых улучшается жизнь людей и удовлетворяются запросы потребителей, а также в предоставлении сотрудникам интересной, наполненной смыслом работы и возможностей для роста и обеспечении значительного возврата инвесторам вложенных средств» [3, 382].

компаний, представляющие собой краткие заявления о видении ее будущего⁵.

Для корпораций характерен корпоративизм, т. е. коллективный эгоизм: несмотря на все заявления о социальной ответственности, корпоративный интерес — прежде всего: агрессивная борьба за ресурсы, за рынки сбыта, с конкурентами, стремление всеми способами свести к минимуму налоги, препятствие введению новых технологий до тех пор, пока это не угрожает их конкурентоспособности⁶.

Доминирующим инструментом усиления внутрикорпоративной интеграции является в настоящее время идеология общей корпоративной культуры: «мы — одна семья» (в теории управления — концепция с красноречивым названием «культурный менеджмент»). Суть ее в следующем: поскольку судьба работников тесно связана с судьбой организации, поддержание репутации, доброго имени организации является предметом общей заботы и ответственности работников.

При многообразии внутренних «архитектур» построения организационных культур они имеют общие черты: ценности культур задают основатели компании или ее руководство; при наборе персонала учитывается не только профессиональная компетентность, но и соответствие «организационной культуре»; ценности «культуры» закрепляются в кодексах корпоративного поведения, где они конкретизируются в нормах, правилах, стандартах; кроме формализованных существуют еще и неформальные, неявные правила взаимоотношений, которые можно обнаружить только «методом включенного наблюдения», вступая во взаимоотношения (Ст. Роббинз описывает семь основных характеристик «неявной культуры» [5, 14]); «ценности» организационной культуры закрепляются в видимых символах организации, историях и легендах, повествующих о ее «героях» и «антигероях», ритуалах организации (публичные поощрения, корпоративные вечеринки и др.). Так, корпоративные вечеринки выполняют функцию ритуала единения: они поощряют и оживляют чувства, которые объединяют людей, поддерживают командный дух, сокращают дистанцию между руководящим звеном и персоналом. Создается видимость, что многие вопро-

⁵ *Motorola*: «Стать ведущей в мире компанией», *Sony Corporation* (в середине 1950-х гг.): «Стать компанией, которая получит известность благодаря изменению всемирного имиджа Японии как производителя низкокачественных продуктов»; *Samsung Group* (в конце 1990-х, когда она еще не выпустила ни одного автомобиля): «Войти к 2010 г. в десятку ведущих в мире автопроизводителей»; *Coca-Cola*: «"Coca" должна быть под рукой у каждого жителя планеты»; *Komatsu*: «Опередить *Caterpillar*» (два ведущих и конкурирующих производителя тяжелой техники — тракторов, бульдозеров и др.) [3, 371—372].

⁶ Эти вопросы подробно рассматриваются в кн.: [4].

сы можно решить не только с непосредственным начальником, но и с более высоким, и таким образом увеличивается дистанция между подчиненными, ослабляются горизонтальные связи за счет укрепления вертикальных.

Для поддержания ценностей организации, кодекса создается специальная инфраструктура (конфликтные комиссии, этические комитеты, система внутрифирменного информирования, «горячий телефон» и др.), выполняющая функции образования, консультирования, медиации, аудита.

Многие компании очень ревниво относятся к своим работникам, следят за тем, чтобы сотрудник и его ближайшие родственники не были связаны каким-либо образом с конкурирующей компанией, поощряется работа на стороне.

Организация — это объединение людей, которое функционирует на относительно постоянной основе в рамках экономической системы и занимает определенное место в системе производства общественных благ (материальных или духовных): промышленные и торговые предприятия, учебные заведения, церкви, больницы и т. д. Ричард Дафт делит организации на коммерческие, целью которых является прибыль, и некоммерческие, целью которых он называет влияние [6, 14]. Юридическая регистрация организации означает ее легализацию, то, что ее деятельность с точки зрения права допустима.

С работниками организации заключается трудовое соглашение, тоже имеющее правовой характер. Работники занимают разное положение в организации, выполняют различные функции, вертикальные и горизонтальные связи между ними упорядочивают должностные инструкции, уставы, другие нормативные документы. В основе делового соглашения — не только правовые обязанности, но и нравственный подтекст: человек должен выполнять взятые на себя обязательства, обещания. Этот подтекст еще отчетливее выражен при других способах легитимации делового соглашения — в случае зафиксированного на бумаге, подписанного, но не заверенного нотариусом договора, и, в еще большей мере, в случае заключенной устно договоренности, которая только и держится на моральных обязательствах.

Как заметил К. Маркс, о социальной группе (коалиции) можно говорить тогда, когда группа в лице своих представителей не только защищает свои экономические интересы, но и начинает бороться за интересы и развитие самой группы [7, 181—185].

Взаимовыгодность сотрудничества — это утилитарная цель общественного объединения, но ценность сотрудничества к этой цели не

сводится⁷. Общение, состязательность, обмен идеями и опытом значительно интенсифицируют деятельность людей, интеллектуально и эмоционально обогащают, тонизируют. Совместный труд, общая задача связывают людей узами групповой солидарности, чувством ответственности за общее дело. Главное в организации — это люди с их знаниями, навыками, ценностями, причем, некоторые из них составляют бесценный капитал организации. Специалист по теории организаций Р. Дафт [6, 14] выделяет в качестве так называемого «технического ядра» организации совокупность тех работников, которые в организации выполняют основную работу и которые определяют ее лицо.

Черстер Барнард, опытный руководитель-практик, написал одну из первых книг по теории управления — «Функции руководителя: власть, стимулы и ценности организации» (1938), где утверждал, что жизнеспособность и эффективность организации во многом зависят от преданности ей работников и глубокой веры в ее цели. Вера в цели организации предполагается, конечно же, прежде всего, в таких идеологических организациях, как религиозные организации, партии, но Ч. Барнард настаивает, что такая же вера должна объединять людей и в неидеологических организациях. Со ссылкой на Платона, который высказывал аналогичную мысль о государстве, Ч. Барнард писал: организация, ради которой никто не готов чем-либо пожертвовать, нежизнеспособна⁸.

⁷ К пониманию организации как самоцели Т. Парсонс пришел, пытаясь разрешить так называемую Гоббсову проблему порядка: почему опыт реальных войн не подтверждает гипотезу Т. Гоббса о полном в таких случаях нормативном хаосе? Никакого хронического состояния войны всех против всех никогда не наблюдалось, войны ведутся не индивидами, а организованными социальными группами, а насилие и обман, сколь ни велико было бы их распространение, никогда не устранили полностью способность людей к объединению, не становились общим правилом. Как это происходит, на чем основывается сотрудничество людей друг с другом? Гоббс предлагал во имя общей безопасности и самосохранения «общественно-договорной» отказ людей от индивидуальной автономии в пользу суверена, который бы принудительно поддерживал общественный порядок (в том числе и нравственный). В работе «Структура социального действия» Парсонс приходит к следующему выводу: если отношения в обществе построены целерационально, на соотношении целей и средств, то общность, объединение людей, существует не для какой-то рационально определяемой цели, она сама по себе является ценностью. Сообщество решает «Гоббсову проблему» путем установления консенсуса относительно общих ценностей.

⁸ Там же он говорил об осторожности при использовании материальных стимулов, которые нередко становятся источником конфликта интересов (в част-

Одну из задач руководителя Ч. Барнард видел в создании, с одной стороны, справедливых, а, с другой стороны, комфортных условий для работы, поддержании в членах организации готовности к сотрудничеству. Как практик, Ч. Барнард делился своим опытом: для поддержания комфортной, благоприятной атмосферы в коллективе руководителю бывает необходимо отказывать в приеме на работу некоторым очень работоспособным людям и принимать менее способных, но обладающих талантом общения. Существуют некие непосредственно, интуитивно постигаемые ценности совместного коллективного бытия, которые поддерживают кооперацию, но не охватываются беспристрастными критериями справедливости, соответствия вклада и вознаграждения, что, безусловно, свидетельствует о справедливости суждения Э. Дюркгейма о том, что устойчивая группа людей представляет собой органическую солидарность, а не механическую.

Нравственные отношения в организациях. В процессе совместной деятельности в организациях складываются межличностные отношения. Эти отношения могут быть формальными и неформальными. Э. Дюркгейм заметил, что чем более примитивной является социальная организация, тем теснее в ней формальные отношения переплетены с неформальными (как это имеет место, например, в цеховых организациях Средневековья или в семейном бизнесе). Члены семьи доверяют друг другу, относятся друг к другу честно и с уважением; личное отношение, привязанность, любовь в таких коллективах служат главными побуждениями в отношениях друг к другу. Но те отношения, которые служили основанием солидарности и доверия в период становления деловых отношений, сдерживают развитие зрелых организаций. Непотизм (семейственность, «кумовство») чреват фаворитизмом, незаслуженными привилегиями одних и неоправданными жертвами со стороны других, он снижает требовательность к профессиональной компетентности и контрольно, приводит к рассогласованию социальных статусов (компетентность — власть — богатство), что в моральных терминах оценивается как несправедливость. По этой причине слишком близкие, интимные отношения между работниками (любовь, дружба) в организациях, как правило, не приветствуются, или, по крайней мере, находятся под подозрением. К отношениям, которые благоприятствуют сотрудничеству, относят товарищеские и приятельские отношения.

ности, об этом он говорил относительно общей суммы вознаграждения на коллектив); о важности использования нематериальных стимулов, к которым также необходимо подходить взвешенно, поскольку повышение чьего-либо престижа означает снижение престижа кого-то другого и др. (см.: [8]).

Первичные и вторичные отношения. Спецификация деловых отношений как особого типа связей между людьми осуществлялась в социологии⁹. Основоположник немецкой социологии Ф. Теннис в работе «Общность и общество» («*Gemeinschaft und Gesellschaft*» (1887)) различает и описывает два типа связей между людьми, которые позже американским социологом Ч.Х. Кули будут названы первичными и вторичными. Первый тип связей — это связи, для которых характерны естественность, согласие, взаимопонимание и духовная общность, даже душевность, и которые возникают в изначальных сообществах между людьми, связанными узами родства и общностью местоположения (родство, соседство и дружба). «Общность крови» и местоположения формируют и общность духа. Затем отношения усложняются, выделяются отношения товарищества и господства, эти отношения могут быть и смешанными. Отношения типа *Gesellschaft* близки к товарищеским, но их сплачивает не эмоциональная связь между людьми, а рациональная — договор. Они, по Теннису, характерны для таких совокупностей, как классы и конкретные общества. Эти совокупности опосредуют корпорации. Корпорация представляет собой союз, все входящие в корпорацию члены ощущают себя как некоторое единство, целостность (*Gemeinschaft*). В процессе дальнейшего прояснения содержания концептов *Gemeinschaft'a* и *Gesellschaft'a* и различий между ними (Х. Плеснер, М. Вебер, Ф. Теннис, Т. Парсонс, Х. Фрайер, Н. Элиас и др.) было немало сделано для выявления специфики формальных и неформальных отношений и роли морали в их упорядочивании.

Большой вклад в спецификацию деловых отношений и этику деловых отношений был сделан французским социологом Э. Дюркгеймом. Источником морали он считал общество, а источником морального должностования в группе — общение в ней. В работе «О разделении общественного труда» (1893) Э. Дюркгейм приходит к выводу, что с усложнением общества, ростом разделения труда, дифференциацией и специализацией функций мораль (общие ценности и нормы, чувство солидарности, общее чувство человеческого достоинства) оказывается единственной связью, объединяющей всех людей. Государство он счи-

⁹ Английский термин *business* (дело, занятие) на русский язык переводится двояко: во-первых, в узком смысле, как предпринимательская деятельность, и, во-вторых, в широком смысле — как любой вид общественно-полезной деятельности. В учебнике Р.Т. де Джорджа рассматриваются в основном проблемы этики бизнеса, но включены также темы по корпоративной, профессиональной, управленческой этике, поэтому в этом случае перевод «деловая этика» точнее, чем «этика бизнеса».

тал слишком тяжелой машиной, «которая годится только для общих и простых работ. Ее всегда однообразная деятельность не может приспособляться к бесконечному разнообразию частных обстоятельств. Она поневоле все придавливает и нивелирует» [9, 524]. В условиях урбанизации, возрастающей социальной мобильности роль семейных и религиозных групп изменилась, они в значительной мере утратили интегрирующие функции. Эти функции, считал Э. Дюркгейм, а также функции защиты индивида, как от чувства одиночества, так и от чрезмерных притеснений со стороны государства, все больше переходят к «буферным» социальным группам — прежде всего профессиональным группам (трудовые коллективы возникали на профессиональной основе). Специализированные группы, средневековые корпорации, включали в себя не только рабочих, но и предпринимателей. Они выполняли как экономические функции (решения об условиях труда, его оплате и т. п.), так и социальные: регламентировали права и обязанности предпринимателей и рабочих, профессиональные обязанности, распределительные отношения, а профессиональные ассоциации упорядочивали отношения экономической конкуренции (запрещалось, например, переманивать покупателя, который рассматривает товар другого продавца). С исчезновением средневековых профессиональных ассоциаций, замечает Дюркгейм, эти функции повисли в воздухе, не возникло институтов, которые бы взяли их на себя, начался период нерегулируемой конкуренции, аномии.

Деловые отношения — это функциональные, инструментальные, отношения, участие в которых рассматривается как способ получения каких-то благ. М. Вебер описывает эти отношения как целерациональные, построенные на соотношении целей и средств, Ф. Теннис — как *gesellschaftliche*¹⁰. К этим отношениям можно отнести и отношения в сфере бизнеса, и профессиональные отношения, и собственно корпоративные отношения. Бизнес существует как своекорыстная рыночная деятельность, но она реализуется посредством конкретной предметной деятельности: для того, чтобы получить прибыль, необходимо произвести и продать нужные людям товары и услуги. В процессе производства люди вступают между собой в различные отношения. Поэтому мы можем выделить а) собственно экономические отношения б) взаимоотношения в профессиональной среде и в) взаимоотношения в трудовом коллективе, целью которых является сам коллектив как инстру-

¹⁰ Во «Введении в социологию», оценивая веберовскую типологию социальных действий, Ф. Теннис целерациональное действие относит к *Gesellschaft*'у (*обществу*), а аффективное, традиционное и ценностно-рациональное считает присущими (соответствующими) *Gemeinschaft*'у (*общности*).

мент достижения целей и как самоцель. Т. Парсонс обращает внимание на специфику профессиональной деятельности: она отличается и от своекорыстного поведения на рынке, и от того типа отношений, которые присущи семье. Профессиональные роли универсальны, для профессиональной деятельности характерны функциональная специализация, аффективная нейтральность, ориентация на коллектив. А отношения в коллективе налагают на его членов определенные обязательства и не могут быть сведены к чистому рациональному поведению, расчету [10, 445].

Формальные и неформальные отношения. Специфика формальных отношений. В работе «Социальная система» Т. Парсонс предлагает классификацию так называемых «типовых переменных» определения роли: аффективность / аффективная нейтральность; ориентация на себя / ориентация на коллектив; универсализм / партикуляризм; достигнутый результат / приписанный статус; специфичность / диффузность. Эта классификация дала толчок к более конкретной дифференциации интимно-личностных, первичных, и деловых, вторичных, отношений.

Интимно-личностные отношения рассматриваются (воспринимаются) как самоценные, а личность другого человека — как цель, в то время как деловые отношения — это предметно-опосредованные, инструментальные, функциональные отношения. Интимно-личностные отношения Т. Парсонс назвал диффузными, для них характерно тематическое разнообразие выполняемых действий, в то время как деловые отношения отличают высокая мера специализации действий, узкий тематический круг действий и взаимодействий. Для интимно-личностных отношений необходимы личное знакомство, непосредственность взаимодействия общающихся (лицом к лицу), сильная идентификация с партнерами, эмоциональная окрашенность отношений, подлинность, с точки зрения нравственности, мотивации (отношение к другому как к цели). Для деловых же отношений характерны инструментальный характер мотивации, в большей или в меньшей мере, но слабее, чем в интимно-личностных отношениях, выраженная идентификация с партнерами, официальность, в некоторых случаях даже анонимность отношений (в многотысячных современных организациях многие не знают друг друга лично). В интимно-личностных отношениях спонтанность преобладает над регламентацией, они являются неформальными, как выражаются социологи, текучими. Демонстративные нарушения норм этикета как раз подчеркивают особую близость общающихся партнеров. Деловым отношениям присуща большая формальность, более подробное, более строгое нормативное регулирование.

Нравственные отношения в организациях (корпоративный этиос) — это отношения, которые возникают между работниками в процессе совместной деятельности по реализации общей цели, в связи с выполнением ими функциональных обязанностей. Имеет смысл проводимое А.П. Скрипником разделение моральных обязанностей в деловой сфере на прямые, или непосредственные, и дискреционные [11] (от лат. «discretio» — «разделение», «разница»; дискреционный — предоставленный собственному усмотрению).

Нанимаясь на работу, люди возлагают на себя определенные функции, берут обязательство выполнять ту деятельность, которая оговорена в трудовом соглашении или должностной инструкции и какую требует их положение внутри организации. Подпись под трудовым договором означает согласие работника с его условиями и обещание его выполнять. Это прямые, основные обязанности, за исполнением которых специальными службами осуществляется контроль, а в случае необходимости применяются санкции, вплоть до увольнения или привлечения к административной и даже уголовной ответственности. Без добросовестного выполнения членами организации своих профессиональных обязанностей она не сможет сохранять конкурентоспособность. Но в ординарных случаях никакого специального контроля за деятельностью работника чаще всего не требуется. На это обращал внимание Э. Дюркгейм: роль так называемых «додоговорных начал» деловой активности выполняют общие нормы нравственности, поскольку совокупная персональная нравственная ответственность каждого морального субъекта простирается значительно дальше предмета трудового соглашения. Нормы общественной морали, воплощенные в индивидуальной нравственности работника, не будучи сами предметом договора, управляют его исполнением, вплоть до устранения необходимости в специальной инстанции, которая гарантировала бы соблюдение договоров (как в свое время «слово русского купца» или так называемое «техасское рукопожатие»). Индивидуальная мораль работника выполняет функции своего рода арбитражного суда, контролирующего исполнение договорных обязательств.

К дискреционным обязанностям относятся действия, которые добровольно, по собственному усмотрению осуществляются работником (улучшение санитарно-гигиенических условий труда, участие в общественной жизни организации и т. п.). Если работники не будут выполнять свои прямые обязанности, деятельность организации прекратится. От невыполнения дискреционных обязанностей она не прекратится, но подобные действия благоприятно влияют на нравственно-психологическую атмосферу и положение дел в организации. В случае

же конфликта между прямыми и дискреционными обязанностями приоритет должен отдаваться прямым обязанностям.

Товарищеские отношения в организации. Личностно-непосредственные отношения (приятельство, дружба, любовь) складывались в первичных группах (семья, группа ровесников, соседская община), во вторичных группах в рамках отношений сотрудничества формировались товарищеские отношения. Товарищеские отношения И.С. Кон описывает следующим образом (см.: [12]). Это отношения, которые складываются на основе совместной деятельности в силу принадлежности людей к одному и тому же коллективу. Трудовой коллектив, как и семью, в которой люди рождаются, они чаще всего не выбирают: они выбирают профессию и место работы, и по необходимости оказываются в одной группе с другими людьми. Для товарищеских отношений симпатии желательны, но не обязательны. Эти отношения предполагают внимание к коллегам, взаимопомощь, безусловную честность и принципиальность. Между коллегами не всегда существуют приятельные, эмоционально теплые отношения, но товарищеские отношения исключают склоки, сплетни, подсиживания.

Приятельские отношения. Приятельские отношения могут складываться как в частной, так и в деловой сфере. Это отношения, которые возникают на основе личной симпатии, но для которых не характерна потребность в постоянном общении, как, например, при дружеских отношениях. Приятельские отношения поддерживаются периодическими случайными контактами, мелкими взаимными услугами и могут при определенных обстоятельствах перерасти в дружбу. Они выражаются в доброжелательном отношении людей друг к другу, что исключает равнодушие, злонамеренность, ложь.

Нравственное регулирование межличностных отношений в организациях. Правила, которые упорядочивают отношения внутри организации, отражают состояние взаимной зависимости людей, то обстоятельство, что вследствие разделения труда люди нуждаются друг в друге. «Мы кооперируемся, — писал Э. Дюркгейм, — потому что мы этого хотели, но наша добровольная кооперация создает нам обязанности, которых мы не хотели» [13, 202]. Условия кооперации не только учитывают ситуацию на момент согласования правил, но и предусматривают возможное изменение обстоятельств, те конфликты и разногласия, которые потенциально еще только могут возникнуть. Обобщая опыт, выходящий за пределы индивидуального опыта, продолжал Э. Дюркгейм, соглашения включают и такие нормы, необходимость и важность которых для людей неочевидна, и потому они навязываются принудительно, в том числе и с помощью институтов, в частности, права.

Взаимоотношения между людьми в организации регламентируются различными способами: правом, моралью, этикетом, административными и другими социальными нормами. Задача этого регулирования — превратить коллектив работников в единое целое, обеспечить взаимопонимание и согласие. Потребность во внутренней интегрированности корпорации выражает принцип солидарности. Со стороны работников этот принцип проявляется в форме лояльности. Лояльность основана на чувстве общности и выражается в готовности внести свой вклад в общее благо [14, 103]. Но солидарность — это структурный принцип: гармония, солидарность, общее благо не могут быть непосредственными целями нравственного регулирования, это стратегические, постоянные цели, регулятивные идеи, по Канту, которые, как маяки, освещают поле поиска. А вот справедливость является важнейшей целевой ценностью, она обеспечивает социальный мир и удовлетворение законных интересов каждого.

Общение, непосредственное взаимодействие партнеров, регулируется, прежде всего, нормами морали и этикета. Этикетные модели уважительного поведения направлены на поддержание взаимодействия, повышение групповой сплоченности путем создания более комфортных психологически отношений. Следование формальным правилам этикета позволяет не только выразить свое отношение к партнеру, но и скрыть его, что необходимо в случае неприязни и особенно важно в случае необоснованной неприязни к коллеге. Хельмут Плеснер в работе «Границы *Gemeinschaft'a*. Критика социального радикализма» (1924), пожалуй, первым обратил внимание на то, что не только уважительное поведение, но и холодное, дистанцированное, тактичное отношение является важным ресурсом в арсенале средств, снижающих конфликтность отношений. Позже американский социолог И. Гофман в работе «Ритуал интеракции. Эссе о поведении лицом к лицу» выделил два типа ритуалов этикета: «презентационные ритуалы» (уважительного поведения) и «ритуалы уклонения (избегания)» [15]. Мы не можем предвидеть всех последствий поступка, учесть все обстоятельства при принятии решения, быть до конца уверенными в том, что выбранное решение — наилучшее. Ритуалы избегания позволяют ограничить степень вовлеченности индивидов во взаимодействие, снизить риск неверного решения и таким образом избежать взаимонепонимания, конфликтов.

Мораль тоже помогает жить в условиях незнания, дефицита информации. Джордж Мур, основатель метаэтики, в «Принципах этики» объяснял, почему в случае сомнения мы должны следовать моральным нормам: потому что это гарантирует, что общая сумма добра будет, по крайней мере, не меньшей, чем при выборе любой другой альтернати-

вы. Однако в повседневной жизни, замечал Кант, человек не так уж часто встречается с ситуациями, где ему предоставляется возможность проявлять свои лучшие нравственные качества. Люди чаще всего нуждаются «не в великодушии и честности, а в любезности и скромности в обращении». Этикет обязывает к сдержанности, вежливости, корректности и таким образом создает ту атмосферу, которая поддерживает нравственность. Именно потому, что авторитет морали в обществе непререкаем, писал Кант, этикетные нормы выдаются за моральные, «создают видимость добродетели». За этикетом стоит сила моральных норм. Следуя этикетным нормам, мы ощущаем сопричастность высокому, морали, что свидетельствует о том, что «моральные добродетели являются предметом любви»¹¹.

Корпоративная этика. В небольшой группе все могут взаимно контролировать друг друга и добиваться соблюдения взаимности. В более крупных группах, где такой контроль затруднен, появляется моральная «проблема безбилетника», соблазн воспользоваться преимуществами организованных в соответствии с нравственными нормами отношений, но не участвовать в затратах на этот порядок, ни в чем не ограничивая себя. Эта ситуация описывается дилеммой заключенного: все могут улучшить свое положение только в том случае, если сообща будут соблюдать правила, в то время как кто-то может быть заинтересован в том, чтобы быть единственным нарушителем правил и получить еще больше преимуществ.

В зависимости от степени личной моральности индивида возможны разные моральные позиции. Понимая связь между общественным и личным интересом, он может осознанно действовать нравственно, делая общий интерес своим личным интересом. Он может действовать нравственно лишь тогда, когда и другие или большинство действуют так же. Наконец, понимая, что все должны соблюдать правила, он все же для себя делает исключение и стремится извлечь дополнительные выгоды из этого положения. Задача заключается в том, чтобы обеспечить соблюдение моральных норм работниками двух последних категорий.

Там, где внешний контроль невозможен, отдельный субъект должен быть готов взять этот контроль на себя, сделать общее правило своим мотивом и следовать ему даже тогда, когда последствия действий ему неприятны и невыгодны. Рассчитывать, что так будут поступать все, утопично. Принудить к этому могут либо рациональные ар-

¹¹ Свое представление об этикете и его соотношении с моралью И. Кант изложил в нескольких небольших фрагментах, идентичных по содержанию: [16—18].

гументы, опирающиеся на убеждения, либо религиозная вера, либо принуждение через соглашение, кодекс. Кодекс дает отдельному индивиду гарантию того, что и большинство других будут соблюдать согласованные правила. Задача детальной регламентации поведения посредством кодекса — максимально ослабить зависимость общего коллективного результата деятельности от степени личной сознательности и добросовестности работников. Особенно актуально это тогда, когда сложно либо вообще невозможно определить цели и вклад каждого.

Корпоративная этика в узком смысле — этика институциональная. Конкретные моральные предписания формируются сообществом (группой, корпорацией) и рационально выводятся из целей сообщества. Б. Сутор описывает институты следующим образом: «...*Институты* представляют собой нечто большее, чем отдельные нормы (конвенции, законы); они являются как бы связкой таких норм, культурно-социальными структурами, имеющими целью длительно регулировать и нормировать определенные социальные отношения, которые повторяются как основные процессы социальной жизни и поэтому требуют определенной стабилизации... Они устанавливают индивидуумам границы и задают ориентацию, придавая тем самым сосуществованию людей определенную регулярность и уверенность» [14, 69]. Решающей в корпоративной морали является не личная нравственность, а служебная. Хотя институты и не могут заменить индивидуальную мораль, они могут поддержать ее.

Кодекс корпоративной этики для внешних игроков является свидетельством того, что, принимая на себя дополнительные моральные обязательства, корпорация в полной мере осознает свою моральную ответственность, что положительно влияет на имидж организации и может быть ходом игры в конкурентной борьбе¹².

Однако для работников данного предприятия кодекс определяет рамки морально дозволенного и недозволенного. Корпоративный кодекс является системой таких ориентиров, которые облегчают принятие конкретных решений, соответствующих ценностям организации.

¹² Массовое принятие корпоративных кодексов в нашей стране связано было в первую очередь с тем, что предприятия стали выходить на мировую арену как частные предприятия. Пока они были государственными, обязательства гарантировались государством. Когда же предприятия приватизировались и стали продвигать свой бизнес на Запад, их обязали принимать корпоративные кодексы, дополнительные моральные ограничения и обязательства, какими обременены все крупные западные предприятия. Если бы наши предприятия их не приняли, они находились бы в более выгодных условиях, чем западные, и таким образом нарушались бы условия честной конкуренции.

Кодекс может быть и инструментом давления, если он навязывается сверху и ограничивает права работников, и инструментом самоорганизации, демократизации отношений, конвенцией, соглашением, системой согласованных правил, которые договаривающиеся стороны обязуются выполнять (обычно предусматриваются санкции, наказания для нарушителей договоренностей). Эта новая система правил, ограничений, воплощаясь в поведении, превращается в новые условия деятельности, новую социальную среду, более благоприятную для деятельности (можно сказать, что это — искусственно созданная среда, результат сознательных усилий, договоренностей). Четкие общезначимые правила кодекса во втором случае минимизируют зависимость работника от произвола руководства, создают равноценные, справедливые условия для деятельности всех агентов.

Для действенности кодекса важен способ его обоснования. Если необходимость выполнения нравственных норм рассматривается не как самоцель, а как средство, обосновывается не их значимостью, самоценностью, а чем-то иным (например, повышением эффективности, увеличением прибыли), нормы не воспринимаются как нечто безусловно обязательное. Важно, чтобы кодексы отражали в своих нормах и принципах такие тенденции, которые оцениваются позитивно, которые люди хотят поддержать, обеспечить условия для их приоритетного развития. Корпоративные кодексы как согласованные, обязательные и желательные для всех цели и ограничения поведения становятся основным инструментом нравственного регулирования поведения работников в крупных современных корпорациях.

Нравственная ответственность в организациях и механизмы ее реализации. Недобросовестное, некачественное исполнение каким-либо работником своих обязанностей либо снижает общий результат деятельности, в результате чего страдают все работники, заинтересованные в наилучшем результате, либо обуславливает необходимость перераспределения этих функций среди других сотрудников. Взаимоотношения в сфере труда во многом зависят от личной моральности работников. Никто, кроме самого действующего лица, не может сказать, работает ли он в полную силу или нет. Часто трудно доказать и сговор между работниками (когда, например, они работают не в полную силу с целью противодействия повышению норм выработки). Чрезвычайно трудно доказать наличие или отсутствие у работника конкретной информации на тот или иной момент времени или ее применение в ущерб другим: применение информации никогда не может быть проконтролировано внешним наблюдателем полностью, контроль за ее добросовестным использованием может полноценно осуществлять только сам обладатель информации. Это тоже вопрос лич-

ной порядочности, честности и совести работников. Но совесть относится к той сфере, к которой у контролирующих инстанций нет прямого доступа. Поэтому конечным и приоритетным субъектом нравственной ответственности является индивид.

Однако человек одновременно включен в разные корпорации. Посредством механизма идентификации индивид связывает, отождествляет себя с различными социальными сущностями, принимает на себя нравственную ответственность за все те общности, с которыми себя идентифицирует. Работа в двух и более организациях (совмещение работ) практиковалась и раньше, но тогда от работника требовался, прежде всего, профессионализм, никогда еще не требовалось такой безоговорочной лояльности своей компании, принятия ее норм и ценностей, никогда еще проникновение в сознание работника не было столь глубоким. А.Ю. Согомонов говорит даже о «тихой» культурной революции, которая вывела на авансцену *модульно-корпоративного человека*, «готового жертвовать своими интересами и жизненными притязаниями, а порой даже и идентичностью, во имя принадлежности к той корпорации или тех выгод, которые подобная аффилиация сулит ему, пусть даже и на довольно непродолжительное время» [1, 28—29].

Эразм Роттердамский называл человека «скрепой мира»: человек представляет собой универсальное единство духа и материи, потустороннего и посюстороннего, смерти и бессмертия. Если бы не было человека, мир духовного и мир материального не соприкасались бы, человек своим существованием связывает их. Точно так же нравственный субъект связывает своей ответственностью интересы социального целого, своего сообщества, своей корпорации, своей семьи и т. д., пребывая в постоянном поиске баланса этих интересов. Одной из задач корпоративной этики является повышение моральной ответственности работников не только за результат своей и корпоративной деятельности, но и за благо общества в целом. Совокупность работников как субъектов нравственной ответственности — это рассредоточенный социальный контроль на предприятиях. Механизмы реализации ответственности в корпорациях институционализируются. Одним из них, например, является институт «сигнализаторства» (разоблачительных заявлений работников), который в западных странах приобретает форму узаконенной формализованной процедуры, со своими правилами, законодательной и общественной поддержкой извне. Так, например, 27 октября 2010 г. в СМИ сообщалось, что в США сотруднице британской фармацевтической компании *Glaxo* Черил Икарт выплатят 96 млн дол. за то, что она сообщила американским властям о техноло-

гических нарушениях на фармацевтической фабрике¹³. Это самая большая в истории премия за разоблачительное заявление.

Основным инструментом социального контроля в организации является гласность, общедоступность информации. Для этого создается система внутрифирменного информирования, которая обеспечивает эффективную циркуляцию информации внутри организации. Это такие каналы информирования, как публикации (листочки для сверхоперативной информации, газеты, бюллетени, доски объявлений для текущих новостей), аудиовизуальные средства, «горячий телефон» для прямого взаимодействия руководителей и подчиненных¹⁴, который обеспечивает возможность быстрого прохождения сигналов «обратной связи» (предложений, критических замечаний, жалоб и др.), каналы неформальной коммуникации (личные встречи, ответы на вопросы, приемы, совещания, посещения рабочих мест и др., а также такая форма получения актуальной информации, как корпоративные слухи, содержащие суждения, оценки, прогнозы).

Моральное регулирование в корпорациях выходит за пределы тех сфер отношений, которые регулируются административными нормами и нормами права. Корпоративный этический кодекс является дополнительной нормативной системой для упорядочивания совместной деятельности в организации. Он артикулирует самые важные ценности и нормы организации, которые должны воплощаться в деятельности сотрудников, социальной и инвестиционной политике предприятия, политике по управлению персоналом; он ориентирует всех сотрудников организации, принимающих решения, направляет их действия в единое русло, делает их более единообразными и предсказуемыми.

Для обеспечения действенности кодекса создаются и поддерживаются административными структурами специальные структуры — этические комитеты. Они проводят диагностику корпоративной культуры; оценивают, как воплощаются нормы и ценности кодекса в повседневной практике организации, координирует всю деятельность компании; проводят этические экспертизы, которые представляют собой всесторонний анализ конкретного аспекта деятельности организации или отдельного проекта. Результатами такой экспертизы становятся система предложений, направленных на улучшение морального климата в организации, ее имиджа в глазах общественности, внесение коррективов в деятельность организации.

¹³ 96 млн дол. получит британский фармацевт за донос на компанию, где работает (см.: [19]).

¹⁴ Так, например, кодекс компании *Procter&Gamble* обязывает доводить до сведения руководства информацию обо всех нарушениях других работников.

Комитет по этике организует обучающие программы, ознакомительные и развивающие учебные семинары для сотрудников, проводит тренинги по разрешению конфликтных ситуаций и нравственно-этических проблем, проводит консультирование по вопросам толкования принципов и норм кодекса в конкретных ситуациях, осуществляет консультирование по вопросам корпоративной культуры и этикета (прежде всего культуры и этикета стран, с которыми сотрудничает компания), осуществляет контроль за выполнением сотрудниками моральных принципов и правил, декларируемых кодексом, осуществляет посредничество между конфликтующими сторонами, содействие в разрешении конфликтов, обобщает зарубежный и отечественный опыт по деловой этике с целью адаптации этого опыта и улучшения данного направления деятельности в своей организации и др.

Некоторые организации не создают таких комитетов, но нанимают специалиста по этике бизнеса, уполномоченного по этике (на Западе эту должность называют по-разному: консультантом, комиссаром, локальным менеджером, директором по этике, адвокатом по этическим вопросам). Функции такого уполномоченного — интерпретация кодекса, выработка суждений по нравственно-этическим вопросам, связанным с действиями организации, а также выполнение обязанностей так называемой «социальной совести» организации.

Нравственная культура корпорации поддерживается различными методами: формулированием миссии организации; трансляцией во время социализации в организации мифов, историй, легенд компании, которые в образной, наглядной форме демонстрируют образцы, типы поведения, которые ценятся и осуждаются в организации и другими методами. Так, например, в компании *UPS* существует легенда о том, что один сотрудник компании, не имевший на то особых полномочий, заказал дополнительный рейс самолета, чтобы вовремя доставить клиентам рождественские посылки, которые компания не успела отправить в предпраздничной суете [3, 409]. Этот пример служит свидетельством значимости целей, миссии компании («интересы клиента превыше всего») для каждого работника, важности самостоятельности работников для реализации целей компании.

Нравственная культура настолько важна для компании, что она поддерживается и административными методами, различного рода моральными поощрениями и даже материальными. Это повышения в должности, ежегодные церемонии награждения, подарки. Поощряются не только работники, достигшие успехов в труде, но и работники, оказывающие бескорыстную помощь коллегам и новичкам, бескорыстно осуществляющие рационализаторскую деятельность.

В современных теориях менеджмента и в этике бизнеса не существует единого мнения по вопросу о том, можно ли говорить об организации как субъекте коллективной ответственности. Так, например, Р.Т. де Джордж считает, что решение проблемы коллективной ответственности в каждом конкретном случае зависит от конкретных обстоятельств [20, 318—329]. Действия корпораций подлежат нравственной оценке, но субъектами моральной ответственности они не являются, приоритетным носителем нравственной ответственности является отдельная личность. Правда, замечает он, не всегда ясно, на кого следует возложить персональную ответственность, в частности, потому, что многие решения принимаются менеджментом коллективно.

Милтон Фридман и специалист по теории организации Герберт Саймон считали, что корпорации не относятся к субъектам морали, не несут моральной ответственности и их не следует оценивать с позиций морали (см.: [21; 22]). В могущественных крупных корпорациях, которые обычно управляются наемными менеджерами, отношения по большей части носят безличный, опосредованный характер, а нравственный климат организации определяет в основном высшее руководство. Корпорация — это формальная структура, которая является в лучшем случае юридическим лицом, но не субъектом морали, точно так же и работники, когда они действуют для и от имени компании. Когда же они действуют против ее интересов или когда они нарушают закон, тогда они действуют как частные лица, и как частные лица могут быть привлечены к ответственности по закону.

Противники этой точки зрения считают, что морально оценивать можно действия и отдельных людей, и компаний, и государств. Даже если компании в строгом смысле слова не являются моральными субъектами, они имеют моральный статус, поскольку управляются людьми. Однако нравственно нейтральными их тоже назвать нельзя, ибо работники фирмы действуют не от своего имени, а от имени фирмы, претензии тоже предъявляются фирме: все работники испытывают на себе как преимущества положительной репутации компании, так и издержки плохой репутации (бойкот товаров приводит к сокращению производства, вслед за ним — к сокращениям, увольнению работников, хотя конкретные работники вовсе могут быть не виновны). Положительная репутация фирмы является показателем управленческой культуры предприятия, сложившихся традиций высокого качества труда и существует относительно независимо от персонала организации¹⁵. Существует точка зрения, что корпорацию только в том случае можно считать субъектом коллективной ответственности, если решения в ней прини-

¹⁵ Анализ проблем коллективной ответственности см.: [23].

маются демократическим путем и каждый может оказывать влияние на окончательное решение. Согласно другой распространенной точке зрения, корпорацию можно считать субъектом моральной ответственности, если она способна ставить перед собой моральные цели, реализовывать и корректировать их, а также учитывать интересы других субъектов, если они затрагиваются ее деятельностью. Например, бизнес-корпорации, которые оценивают и сопоставляют разноречивые требования со стороны всех так или иначе заинтересованных в деятельности и судьбе корпорации, формулируют обязательства перед «стейкхолдерами»¹⁶ (персоналом фирмы, акционерами, поставщиками, клиентами, жителями населенного пункта, где размещается компания, и т. д.), контролируют и выполняют их.

Литература

1. *Согомонов А.Ю.* Университет versus профессий // Новое самоопределение университета. Ведомости. Вып. 33 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень, 2008.
2. Национальный доклад по корпоративному управлению. Вып. I. М., 2008.
3. *Дафт Р.* Уроки лидерства. М., 2006.
4. *De Martino G.F.* The Economist's Oath. On the Need for and Content of Professional Economic Ethics. P. I. N. Y., 2011.
5. *Роббинз Ст.П.* Основы организационного поведения. М., 2006.
6. *Дафт Р.Л.* Теория организации. М., 2006.
7. *Маркс К.* Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
8. *Барнард Ч.* Функции руководителя: власть, стимулы и ценности в организации. Челябинск, 2009.
9. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912.
10. *Филиппов А.Ф.* Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса // Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.
11. *Скрипник А.П.* Этика. М., 2004.
12. *Кон И.С.* Дружба. Этико-психологический очерк. М., 1980.
13. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

¹⁶ «Стейкхолдерский» подход был разработан Эдвардом Фриманом (1984).

14. *Сутор Б.* Политическая этика // Политическая и экономическая этика. М., 2001.
15. *International Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior.* N. Y., 1967.
16. О добродетелях обхождения (Приложение к «Метафизике нравов») // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.
17. *Кант И.* Лекции по этике. Гл. VIII, § 12. О светских добродетелях. М., 2000.
18. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1994.
19. <http://www.pravo.ru/interpravo/news/view/41023/>.
20. *Джордж де Р.Т.* Деловая этика: В 2 т. СПб.; М., 2001.
21. *Friedman M.* The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits // New York Times Magazine. 1970. Sept. 13.
22. *Simon H.A.* Administrative Behavior. N. Y., 1965.
23. *May L.* The Morality of Groups / P.A. French (ed.). Rochester, 1998.

В.Ф. МАСЛОВ, В.А. ОРЛОВ

Исторический процесс как смена цивилизаций в России

Аннотация. Статья посвящена роли цивилизационного подхода к историческому процессу и, в частности, к России. Речь идет о судьбе России, о ее цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: исторический процесс, цивилизационный подход (метод), цивилизация, формационный подход, общественный прогресс, российская цивилизация, рынок, государственная собственность.

Abstract. The paper is devoted to the role of civilizational approach to the historical process and, in part, in Russia. In the paper it is discussed about the destiny of Russia and its civilizational identity appears itself.

Keywords: historical process, civilizational approach (method), civilization, formational approach, social progress, Russian civilization, market, state property.

В течение последних 15—20 лет наметился поворот общественно-научного дискурса к цивилизационной проблематике. И это произошло не только по причине неудачи осуществления социалистического «эксперимента» и коммунистической перспективы, основывавшихся на формационной

теории, но и из-за необходимости ответить на вопрос: «Куда идет Россия?», т. е. речь идет о судьбе России, о возможных вариантах ее развития. Мы считаем, что ответить на этот вопрос можно с позиции цивилизационного метода, т. е. рассмотрения России как цивилизации.

Суть цивилизационного метода заключается в том, что при исследовании общественных явлений на первый план выносятся повседневный феномен человеческой жизни во всех его проявлениях. Если формационный подход в своем анализе считает основой всех общественных явлений материально-производственную сферу, преувеличивает роль производительных сил и умаляет тем самым роль человеческого фактора, то цивилизационный метод, наоборот, позволяет учитывать все многообразие факторов, обуславливающих человеческую деятельность — от духовно-религиозных, политических до экологических.

Значимость и методологическая ценность цивилизационного подхода заключаются в том, что данный подход диктует необходимость рассматривать общество как самобытную целостность — *цивилизацию*. Цивилизация выступает при этом как социальная общность людей, характеризующаяся своеобразием духовно-политической, социальной и экономической жизни той или иной группы стран, народов в их историческом существовании.

Понятие «цивилизация» позволяет исторической науке уйти от одномерной формационной картины мира, учесть своеобразие развития целых регионов, стран, народов. Для теоретического анализа такой ситуации как раз и становится наиболее приемлемым понятие цивилизации, поскольку с его помощью выражаются одновременно как идея единства человечества, так и мысль о его многообразии.

Перед развитыми странами Запада и Востока сегодня остро стоит проблема направленности развития цивилизации или, как говорят, *цивилизационной идентификации*. Идея социального прогресса в виде бесконечного совершенствования техники и технологии и непрерывного экономического роста (своего рода «перпетуум-мобиле») фактически обнаружила свою ограниченность. Результатами этого движения в направлении, заданном этой парадигмой, явились усиление общей нестабильности в мире, обострение социальных, демографических, экологических и других проблем.

Обращение к этой теме актуально также в связи с процессами, происходящими внутри российского общества. Вопрос о российской самоидентификации, о цивилизационном статусе России, темпах и направленности трансформации общества становится особенно острым в связи с реформированием экономики, политики и культуры, в поисках общенациональной идеи.

России навязана западная модель развития, выдаваемая за «универсальную», или «общечеловеческую», цивилизацию. Теоретической основой такого подхода служит однолинейная схема социально-исторического процесса, где за высшую точку принимается западная (европейская или ее модификация — американская) цивилизация, нормы и ценности которой должны якобы быть распространены по всему миру [1, 3].

Реформы в России проводились как попытка переделать Россию в подобие современного западного общества. Главной ценностью этого общества провозглашается полная свобода: свободная рыночная экономика без вмешательства государства, отсутствие общих для всего общества ценностей, единой для всех морали, процветание индивидуализма.

Интересы развития России требовали реализации именно присущих нашей цивилизации ценностей, которые в целом, пишет Б.И. Крегов, можно обозначить понятием «общинность». Сегодня в России возникло противостояние ценностей индивидуализма и общинности. Внешне дело обстоит так, будто общинность отстывает. В то же время до сих пор на ней лишь и держится общество: остатки производственной деятельности, системы жизнеобеспечения, системы безопасности. Если люди работают, по полгода не получая зарплаты, то это — полное отрицание ценностей индивидуализма и утверждение именно общинности. Это — сохранение и даже победа ценностей российской цивилизации, придающих всей политической системе более или менее устойчивое состояние [2, 79—80].

Специфика современного цивилизационного подхода, пишет в заключении своей диссертации О.А. Сергеева, состоит в том, что в настоящее время уже не обсуждаются базовые (общеконцептуальные) положения, а акцент сместился в сторону применения цивилизационной концепции к анализу актуальных проблем современности [3, 334]. В общей форме приведенное выше высказывание можно сформулировать так: задача состоит в применении цивилизационного подхода к анализу исторического процесса.

Как, например, решается проблема общественного прогресса с точки зрения цивилизационного подхода? Согласно формационной концепции общественного развития (К. Маркс), представляющей собой абстрактно-логический подход к анализу общества, общественный прогресс обнаруживает себя в закономерной смене общественно-экономических формаций (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, буржуазной, коммунистической). Следовательно, формационный подход позволяет представить развитие как закономерный

переход от одной общественно-экономической формации к другой, от менее прогрессивной к более прогрессивной ступени развития.

Формационная теория была создана на основе истории и тенденции развития «техногенного общества», т. е. стран Западной Европы.

К традиционным обществам с их общинным устройством социальной жизни, многоукладной экономикой формационный метод не подходил, так как не позволял учитывать неформационные начала общественной жизни: естественно-историческую среду обитания, традиционную культуру [4, 25; 5, 98].

Страны Востока развивались по своим особым законам, позволяющим выделить их в особую «азиатскую формацию», а точнее — в восточную цивилизацию. Отсюда неопределенность формационной методологии, требующей начинать анализ со специфики экономического уклада, в то время как специфика восточного общества заключается в примате духовно-политических факторов (религии, власти), к которым понятие прогресса в принципе не применимо. Поэтому общинный строй традиционных обществ никогда не «переходил» ни в рабовладение, ни в феодализм, ни в капитализм.

Консервативная традиция во всех восточных обществах, пишет Л.С. Васильев, стала естественной и весьма эффективной альтернативой европейской динамике, основанной на новациях. На Востоке исторический процесс — как и вообще отношение ко времени — не воспринимался в качестве линейного, а консервативная стабильность реально превратила его в циклический. В основе цикла лежит примат централизованного государства. Пока государство сильно, все противодействующие ему тенденции ослаблены и не могут создать угрозу структуре [6, 233—234].

Что касается Запада, то с прогрессом здесь не все так однозначно, как с точки зрения формационного подхода: античность — феодализм — капитализм. Важно заметить, пишет Л. Васильев, что до эпохи Античности такого же типа протогосударства, как на Востоке, существовали и на территории Европы, в частности в Греции, начиная с микенского периода ее истории: господствовали общинные связи, существовали мелкие правители-вожди (базилевсы). Именно с возникновения во второй трети I тысячелетия до н. э. Античной Греции и берет дихотомия Восток — Запад [6, 14].

Европа первоначально, в Средневековье, за пределами Античного мира и после его гибели представляла собой особую культуру, а не следующий период ее истории. (Культура Римской империи I—II вв. стала всего лишь своего рода прообразом европейской культуры более позднего времени.)

Средневековая Европа не являлась лидером в мире. Восток превосходил ее по уровню экономического, культурного и духовного развития. (Многочисленные индийские и китайские памятники искусства и архитектуры говорят нам о том, что в I тысячелетии н. э. индийская и китайская цивилизации находились на более высоком уровне развития, чем европейская культура в Средние века.)

Устойчивый динамизм, пишет историк Л.И. Семенникова, европейская цивилизация приобрела в эпоху географических открытий и колониальных войн. Потенциал фактически всей планеты (в виде огромной колониальной системы) был подключен для создания того, что сегодня мы называем Западом [7, 59]. «Техногенная цивилизация начала формироваться в европейском регионе примерно в XIV—XVI столетиях. В эпоху Ренессанса, Реформации и Просвещения сложилось ядро ее системы ценностей» [8, 19].

Теперь перейдем к судьбам России. Не вызывает сомнений тот факт, что даже те страны, которые вступили на путь одного и того же социального развития, в действительности сохраняют во многом свою специфику, свою своеобразную культуру. Более того, именно те страны, которые сохранили свою самобытность, успешно продвигаются и по пути общего развития. Не случайно культурно-гуманистическая стратегия столь характерна для опыта новых индустриальных стран (Тайвань, Гонконг, Южная Корея, Сингапур и в особенности Япония), которые благодаря приоритетному развитию науки, образования, культуры вошли в число современных цивилизаций, минуя стадию «дикого» рынка. Например, Япония идет по пути капиталистического развития, и в этом отношении она сходна с другими западными странами. Но при этом она сохраняет во многом свою самобытность (в образе жизни, в духовной культуре нации), что благоприятно сказывается и в экономической жизни страны (разрыв в уровне жизни между богатыми и бедными в Японии — в 4 раза), а также в ее конкурентоспособности на мировых рынках.

Оценивая те трудности, которые переживает современная Россия, большинство специалистов приходят к мысли, что неудачи реформ в России связаны как раз с тем, что «реформаторы» пытались создать в России такого же типа экономическую систему, как в Западной Европе или в Америке, совершенно не учитывая того фактора, что тысячелетняя история России привела к развитию в ней совсем иной культуры, которая хотя и не противостоит культуре Запада, но существенно от нее отлична, и поэтому в рамках этой культуры нельзя создать экономическую систему, просто копирующую западный вариант.

Российская цивилизация как культурно-историческая общность самобытна, в ней духовно-нравственные ценности преобладали над ма-

териальными. На Руси одной из главных жизненных ценностей было трудолюбие как добродетель. Другой основой трудового мировоззрения крестьянина был общинный принцип в России.

Сложившаяся в России экономика относится к типу общинной модели экономики, которая кроме России наблюдалась в целом ряде других стран, например, Японии, Тайване, Южной Корее.

В начале XX в. народное хозяйство России развивалось значительно быстрее экономики США и других стран, выходило на передовые рубежи техники и технологии. Успехи российской экономики в начале XX в. можно сравнить только с японским экономическим «чудом» последних десятилетий. Основа этого чуда — соединение элементов традиционной культуры с западной техникой и технологией. Коротко это можно выразить формулой Н.Я. Данилевского: «Своя идеология — безразлично чьи техника и технология».

Особое место в России всегда играли государственные предприятия и регулирование производства. Евразиец 1920-х — 1950-х гг. П.Н. Савицкий отмечал: «Образ русской промышленности есть образ особой, государственно-частной системы промышленности».

Итак, с какими проблемами сегодня столкнулась Россия? В первую очередь речь идет о существенном сокращении объема ВВП в период с 1991 по 1998 г. на 50%. Это обстоятельство некоторыми учеными определяется как «социально-экономическая катастрофа, постигшая Россию» [9, 124]. Во-вторых, произошла трансформация социалистической системы в капиталистическую не столько естественным, сколько насильственным путем ценой огромных затрат и потерь — как экономических, так и социальных, политических, национальных, территориальных, культурных, нравственных. В-третьих, в процессе приватизации фактически произошли ликвидация преобладающей части государственной собственности и падение роли государства как важнейшей организующей и управляющей структуры современной экономики. В погоне за тотальным насаждением частной собственности и другими приоритетами рыночной экономики: конкуренцией, прибылью, свободными ценами, за бортом остались важнейшие социальные приоритеты. Так, например, в постсоветской российской экономике 1990-х гг. резко снизились масштабы бесплатного медицинского обслуживания и высшего образования. Существенно сократился объем социальных выплат и помощи малоимущим. Неравенство в доходах между богатыми и бедными слоями населения, по оценкам экономистов, достигло двадцатикратной величины. Безработица и инфляция превысили средние уровни развитых капиталистических стран. Экономика в постсоциалистических странах до сих пор является малоэффективной, ресурсозатратной, технологически отсталой и зависимой от развитых стран.

Предполагалось, что «невидимая рука» рынка сама все расставит по своим местам. («Пусть все идет как идет», — отмечал А. Смит.) Но сама жизнь показывает (в том числе и современный мировой экономический кризис), что рынок не всемогущ. Требуются и другие участники в экономических отношениях, в частности, государство. Сегодня его роль, в силу объективных перемен, неизмеримо возросла.

Рынок не в состоянии удовлетворить большинство растущих потребностей в масштабе всего общества. Это осуществляет только государство, выделяя расходы на поддержание обороноспособности страны, правосудия, управления, судопроизводства. Оно осуществляет финансирование и развитие науки, образования, здравоохранения, культуры, спорта, транспорта, жилья, дорог.

Важная роль принадлежит государству в управлении и регулировании экономикой. Государственная собственность здесь является определяющей. Без достаточного объема собственности государство не может эффективно проводить обоснованную экономическую политику. В современной мировой экономике, в рамках общей тенденции возрастания роли государства, увеличивается и доля госсобственности. К настоящему времени она колеблется от 8—10% в США до 30% и более в европейских странах. В российском хозяйстве в результате перехода в 1990-х гг. от централизованной экономики к рыночной доля государственной собственности, наоборот, резко сократилась — с 80—90% до 15—20%, т. е. стала в среднем меньше, чем в европейских государствах.

Важными формами государственного управления являются планирование и прогнозирование экономики, а также разработка и использование различных планов и программ. Потребность и необходимость планирования вытекают из закона планомерного и пропорционального развития, которого в современных условиях только рыночные регуляторы в полной мере обеспечить не могут. Поэтому необходимо задействовать государственные.

Выдающийся русский экономист Н.Д. Кондратьев в свое время утверждал: «Депрессивное состояние хозяйственной жизни толкает к исканию путей удешевления производства, к исканию новых технических изобретений, способствующих этому удешевлению... в течение этого периода, т. е. в течение длительно-понижательной волны конъюнктуры, технические открытия и изобретения особенно многочисленны» [10, 393]. Иначе говоря, наилучшими стратегиями в подобных ситуациях являются массовое внедрение новой техники и технологий, смена технологической основы экономики.

Об этом говорит опыт Южной Кореи, которая из отсталой страны быстро превратилась в страну передовой технологии.

Только на основе создания принципиально новых продуктов, процессов и технологий, опираясь на расширенное воспроизводство научного и образовательного потенциала, мы сможем уверенно выйти на новый технологический уровень и максимально использовать конкурентные преимущества в тех «областях прорыва», которые имеются в Российской Федерации.

Литература

1. Орлова И.Б. Современные цивилизации и Россия. М., 2000.
2. Кретов Б.И. Политология. Либеральные реформы и политическая стабильность // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6.
3. Сергеева О.А. Теоретические модели цивилизационной концепции. Дис. ... д-ра филос. наук. М., 2002.
4. Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5.
5. Гуревич А.Я. Культура и история // Новая и новейшая история. 1991. № 1.
6. Васильев Л.С. История Востока. М., 2001.
7. Семенникова Л.И. Проблемы цивилизационного подхода к истории. Уфа, 1994.
8. Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2.
9. Сорокин Д.Е. Россия: проблемы цивилизационного выбора // Общественные науки и современность. 2002. № 6.
10. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002.

П.В. СКОТНЫЙ

Феномен знания в науке и типологии познавательной деятельности

Аннотация. В статье рассматривается проблема экономического знания в контексте современных методологических подходов в определении науки и научной деятельности. Исследуется соотношение знания и истины в гносеологическом сознании. Акцентируется внимание на роли и значении веры в познавательной деятельности.

Ключевые слова: знание, наука, гносеологическое сознание, экономическая теория, мнение, вера.

Abstract. The article deals with the problem of economic knowledge in the context of current methodological approaches to the definition of science and scientific activity. It is pointed out the relation of the knowledge and truth in the epistemological consciousness. The role and importance of the faith in cognitive activity is analyzed.

Keywords: knowledge, science, epistemological consciousness, economic theory, opinion, belief.

Современное общество называют *обществом знания*. Известно, какую роль сыграло знание в истории цивилизации. Вместе с тем существует проблема методологического обоснования знания в познавательной деятельности вообще и экономическом познании в частности. Данная ситуация требует выяснения самого феномена знания. И, в первую очередь, необходимо отметить, что понятие «знание» традиционно употребляют в следующих трех значениях. Во-первых — подразумевают определенную способность, навык, умение, основанные на осведомленности, информированности о том, как *что-либо* сделать, осуществить. Во-вторых, имеют в виду в случае идентификации знания с вообще любой познавательно значимой (адекватной потребностям, практике) информацией. Третье значение соответствует специальному толкованию знания как особой познавательной единицы (гносеологического порядка). Это значение предусматривает квалификацию знания как ненаучного — практически-обыденного, художественного, религиозного и другого подобного опыта.

Как результат познавательной деятельности, знание соотносится, прежде всего, с естественной, социальной и духовной реальностью, на изучение которой направлено познание, которую знание воспроизводит в рационально-духовной форме (отображает, представляет, моделирует, символизирует) в науке. Уровень адекватности такого рода воспроизведения реальности находит выражение через понятие истины и ряда сопоставимых с ним понятий («адекватность», «правильность», «правдоподобие», «изоморфность» и т. д.).

Вместе с тем, хотя это и главная линия связи знания как результата познавательной деятельности с другими ее компонентами, но не единственная. Знание как результат познания соотносят также с содержанием решаемой проблемы (задачи), т. е. с формами знания, которые являются выражением характеристики не исследуемой реальности, а исходной познавательной ситуации. В данных случаях полученный результат оценивают соответственно его способности *решать исследуемую проблему* [1, 23—24]. Так возникает наука.

Бесспорно, знание, в первую очередь, ассоциируется с наукой. Но как, когда и где возникла наука в собственном значении слова? Для

точного ответа нужно установить денотат многозначного понятия «наука». В зависимости от интерпретации понятия получаем и точки начала науки. Так, наука как *система профессиональной подготовки и воспроизводства кадров* возникает в первой трети XIX в. в Европе (реформы высшей школы в Германии, организация регулярных научных семинаров, создание научных центров и лабораторий и т. п.). Наука как *непосредственная производительная сила* оформляется в промышленно развитых странах лишь со второй половины XX в. Наука как *социальный институт*, хотя и зарождается в Новое время, данное значение приобретает в полной мере лишь со второй трети XIX в. или даже в более поздний период. Если под наукой как *формой общественного сознания* понимать исторически обусловленную духовную жизнь общества, опирающуюся на определенные гносеологические стандарты, то в данном случае решение проблемы наталкивается на экспликацию этих стандартов. Если под ними понимать теорию *рационального обоснования*, то наука возникла в Античной Греции, где впервые было выработано понятие подобных стандартов. Однако с этих позиций придется признать, что наука практически исчезла в период Средневековья, чтобы вновь возродиться в Новое время [2, 102—103].

Вместе с тем наука — это всегда процесс активной деятельности. Но наука как *деятельность* возникает в зависимости от того, что понимать под деятельностью. Если под ней понимать социально санкционированную профессиональную занятость, то это эквивалентно возникновению науки как социального института. Если же под деятельностью понимать познавательную активность, нацеленную на получение научного знания, то проблема решается в зависимости от толкования гносеологического содержания знания. Если исследовать генезис науки как знания, то возникает вопрос, с каким именно знанием связывать науку? Естественно, ее нельзя связывать с профессиональными знаниями. Тогда окажется, что математика возникла в Античности, естествознание — в Новое время, научное обществоведение — в XIX в. Если идти дальше и выяснять причину, нужно ставить проблему о возникновении науки как *особого типа гносеологического сознания*, ориентированного на производство специфического знания, отвечающего заданным требованиям социальной и экономической практики.

Однако необходимо помнить, что научная математика возникла в Античной Греции в силу появления дедуктивно-теоретического стиля рассмотрения. Будучи основанным на рациональной логической аргументации, дедуктивно-теоретический стиль мог быть оформлен только в социальной ситуации именно этой страны в тот пери-

од. Экономическая ситуация, возникшая в институте рабовладельческой демократии, стимулировала выработку, с одной стороны, имперсонального логического аппарата обоснования, с другой — конструктивно-идеализирующего типа отношения к действительности, избегающего эмпирических апробаций. Но тот же институт был преградой (гальванизирование созерцательности, игнорирование материально-практического отношения к действительности) для образования теоретического естествознания.

Необходимо было совместить принципы деятельности и с абстрактными объектами, и с практической деятельностью. Для этого, кроме объективных социальных сдвигов, нужны были титанические усилия мыслителей Нового времени (Н. Коперник, Д. Бруно, Г. Галилей и др.), которые разрушили концепцию античного космоса путем метода рациональной индукции и обосновали идею «пустотной» механики и путем переосмысления традиции гносеологического платонизма доказали принадлежность (соразмерность) математического аппарата описанию объектов физического мира, что радикально отрицалось античностью. В свою очередь, научное обществоведение возникло в связи с появлением теории исторического процесса, отвечающего общенаучным «критериям повторяемости» [2, 104]. Данное обстоятельство обуславливало появление экономической теории, на основе которой создавались концепции гармоничного социального бытия.

Таким образом, возникновение *науки как знания* следует рассматривать в исторической последовательности: Античность (математика), Новое время (естествознание), XIX в. (научное обществоведение). Каждая наука есть знание. Однако гораздо важнее то, что это знание является результатом деятельности, направленной на его получение. Следовательно, определяющим признаком науки выступает наличие особого рода деятельности, осуществляемой с целью производства нового знания.

Обоснование научного знания, приведение его в стройную систему всегда были одними из важнейших факторов развития науки. Отметим, что существенной характеристикой научного знания в любых формах является его *интерсубъективность*. При всей динамичности науки совокупность жестких требований к ней дает возможность элиминировать из результатов научной деятельности все субъективное, связанное со спецификой самого ученого, а также его мировосприятие. Это приводит к тому, что научное знание становится «общезначимым» [3, 103]. Причем не только для специалистов, но и для всех, кто имеет даже косвенное отношение к науке.

Для того, чтобы быть научным, познание должно быть рациональным, т. е. характеризоваться радикальным исключением мифологиче-

ских, магических и тому подобных представлений, основанных на вере в чрезвычайное. Большинство разрозненных знаний, полученных и функционирующих как набор эмпирических алгоритмов по решению эмпирических (опытных) задач, не образует науку. Теоретика, т. е. ученого, «главным образом интересуется истина и в особенности нахождение истинных теорий, — писал К. Поппер. — При этом, когда он окончательно усвоит, что истинность той или иной научной теории невозможно обосновать эмпирически, то есть с помощью проверочных высказываний, и что, таким образом, перед нами, в лучшем случае, стоит проблема преимущества одних догадок над другими, тогда он может с точки зрения искателя истинных теорий задуматься над такими вопросами: *Какие принципы преимущества стоит нам принять? Могут ли некоторые теории быть “лучше” других?»* [4, 23—24]. Именно с этих позиций можно говорить о развитии науки. Ведь научное знание может быть выделено лишь на последовательно доказательственной основе в результате обоснованного необходимого вывода из теоретически-фундаментального рассмотрения предмета в «чистом виде» [5, 76—77]. «Чистота» научной теории является идеалом научного познания.

Такова наиболее общая гносеологическая модель, «охватывающая» типичное в науке. Но для того, чтобы ответить на вопрос, где и когда образуется наука, нужно выйти за пределы гносеологического рассмотрения и исследовать всю систему материальной и духовной культуры человечества. В данном случае на первое место выходит гносеологическая природа знания, поскольку традиционно познавательным процессом явно или неявно диктовалась интенция на поиск истины, являющаяся знанием, которое описывает исследуемые объекты «в их собственных характеристиках» [1, 24]. Истина — это знание, соответствующее ряду специфических критериев — практическому (экспериментальному), гносеологическому, логическому, эстетическому.

Правда, по мнению К. Поппера, нужно различать «истину» и «правдоподобие» в науке. «Сформулированный тезис “цель науки — правдоподобие” имеет важное преимущество перед, возможно, более простой формулировкой “цель науки — истина”. Последнее может привести к мысли, что цель науки полностью достигается выражением несомненной истины, что все столы — столы или $1 + 1 = 2$. Очевидно, что оба эти высказывания истинны; так же очевидно, что ни одно из них не может считаться каким бы то ни было научным достижением» [4, 63]. Более того, ученые создают теории (подобно теории гравитации), «сохраняющие свой интерес, даже если у нас есть основания считать их ошибочными. Ньютон никогда не считал свою теорию действительно последним словом науки, а Эйнштейн свою теорию — ни-

чем иным, как хорошим приближением к истинной теории — единой теории поля. Все это говорит о том, что идея “поиска истины” удовлетворительна лишь в том случае, если (а) под “истиной” мы понимаем множество всех истинных высказываний... и (б) мы готовы допустить в наш поиск истины ложные высказывания, если они не “слишком ошибочны” (“имеют не слишком большой ошибочный смысл”) и имеют значимое содержание, относящееся к истине» [4, 63—64]. Таким образом, поиск правдоподобия — это не менее важная и реалистичная цель, нежели поиск истины, если она, тем паче, выступает «гносеологическим идеалом» (П.В. Копнин).

Если мы говорим об идентичности знания и познавательно значимой информации, то в данном случае понятие «знание» становится основой познавательного отношения субъекта к истине, формам ее фиксации, ее признанием. Проблематика способа засвидетельствования истины как характерологической особенности знания возникает в связи с различением концептов «истинность в себе» и «знания». Например, «теория стоимости» и знания о стоимости. Когда говорят об «истинности в себе», то имеют в виду, что она является положением, в котором выражается знание о чем-то так, как оно есть, безотносительно к субъективному мышлению, восприятию, переживанию. Здесь знание идет «от сущего», обуславливающего вневременность, независимость истины от любого индивидуального акта сознания и его содержания. В данном случае знание (о стоимости) соотносится с предметным присутствием (экономикой), дистанцируясь не только от уникального, но и от универсального субъекта, от истории экономической науки — только бы то, что утверждается истиной, действительно принадлежало тому, что в ней утверждается.

Будучи сопоставимой с «сущим» (сущностью), «истинность в себе» определяет свою содержательную ценность, которая не соотносится (не «затрагивается») со случайными, темпоральными, психологическими условиями познания: многообразие отдельных познавательных актов выражения одного и того же содержания соответствует единственной истине в качестве «самотождественного содержания» [2, 258] (Г. Риккерт, Э. Гуссерль). В последнем и заключается «момент трансцендентности суждений», передающих истину. Если бы подобные суждения не были трансцендентными, если бы они не обладали никаким значением, выходящим за рамки заключенного в них содержания, если бы вся их ценность совпадала с тем, что они представляют собой в качестве сознательных (психических) процессов, истина тогда осуществлялась бы в актах суждения. То, что отличает познавательную значимость истины в процессах индивидуального сознания, полностью зависит от «в себе истинности» — вне обстоятельств причастности к

ней «конкретных мыслящих духовных инстанций (интеллигенций)» [2, 258]. Это является знанием «высокого уровня» (К. Поппер), которое выходит за пределы «просто данных» или «просто элементов». Для этого нам «нужно знание, устанавливающее ожидания (expectations), связывая существующие данные с элементами, которые еще должны появиться (impending). Это более высокое знание устанавливается... путем ассоциации идей или элементов» [4, 68]. Это, собственно, и является предпосылкой (и фактом) трансценденции, которая, как известно, неотделима от трансцендентального.

Знание, которое определяется (кроме всего остального) как осознаваемая истина, содержит в себе специфическое познавательное отношение субъекта к истине, обусловленное формами ее засвидетельствования и признания. Как процесс объединения субъекта и объекта познание трансформирует объективные и субъективные образы, системы понятий. Если «истина в себе» фиксирует объективное положение дел «с позиций вечности», без становления ее в культуре, постижения человеком, то «знание» как способ задания истины для «субъекта» характеризует меру четкости для субъекта ценности того или иного когнитивного содержания. Знание, таким образом, является не просто констатацией истины, а «правом субъекта на истину («истину для нас») с позиций наличия для этого доказательств, оснований» [2, 258]. В зависимости от определенности последних варьируется модальность (от гипотетической к аподиктической) суждений, изменяется (нарастает, уменьшается) наша уверенность в обладании истиной. Об этом свидетельствует вся история экономических учений. Сегодня это дискуссии о кризисе экономической теории (преимущественно неоклассической); перспективы дальнейшего развития экономической теории перед требованиями нашего времени; применимость базовых моделей экономической теории для анализа экономики в целом и т. д.

Наряду с этим нужно учитывать субъективное определение истины, являющееся «аксиологическим актом». Субъективность истины — это феномен комплексный, который образуется и проходит на фоне наличия объективных и субъективных причин. Между двумя типами знаний существует различие: субъективное знание предполагает существование субъекта познания (познает субъективное «Я»); объективное знание, или знание в объективном смысле, состоящее из логического содержания наших теорий, догадок (в определенном смысле из логического содержания нашего логического кода) [4, 78]. Примеры — «дух капитализма» М. Вебера и «дух предпринимательства» В. Зомбарта.

В данном контексте следует признать, что объективная основа признания чего-либо истинным конституируется объект-интенцией суждений, в которых столько истинного, сколько соответствует природе познаваемых вещей (несет «истину в себе»). В противном случае разрушаются каноны познавательных отношений, появляются симптомы гносеологических девиаций. В такой период приходит время смены методологических парадигм, типов рациональности и т. д. Например, переход от классической к неклассической экономической теории, от формационного к цивилизационному подходу в определение сущности хозяйственной эпохи, от индустриальной к постиндустриальной экономике и т. д.

Субъективная значимость суждений, или признание истинности по субъективной предпосылке (на субъективной основе), базируется на трех уровнях: мнение (взгляд), вера, знание. *Мнение* — сознательное признание чего-то истинного из-за недостаточности субъективных и объективных оснований. Мнение (взгляд) обозначает отсутствие у субъекта принципиального, последовательного взгляда на определенный предмет (объект), одновременное наличие разнородных сомнений, существование которых — из-за отсутствия ясных оснований (аргументов) — не позволяет четко и однозначно судить о предмете. В такой ситуации мнение («я так думаю») не дает основания быть убежденным в получении знания как такового. «Знать» и «знание» не совпадают с «быть истинным», «обладать истиной», а означают «признавать истиной», имея на то соответствующие дискурсивные основания.

Другое дело *вера*, являющаяся сознательным признанием чего-либо истинным, достаточное с субъективной, но недостаточное с объективной стороны. Вера — это акт «больше чувствующей, нежели мыслящей части нашей природы» (Д. Юм). Согласно И. Канту, вера относится к предметам, относительно которых нельзя не только ничего знать, но и иметь мнение, даже предусматривать какую-либо вероятность. Только то является предметом веры, признание чего является необходимо свободным, т. е. не определено объективными, не зависящими от природы и интереса субъекта основами истинности. Объекты эмпирического, теоретического или практического (нравственного, правового) знания не могут быть предметами веры. Поэтому так важны для экономического знания (теории) конкретно-практические факты и аргументы. Поскольку вера является достаточной лишь субъективно, она не обладает убедительностью, которая могла бы быть передана другим и требовала бы общего соглашения, как *убежденность*, предоставляемая знанием. Только для верующего человека имеет значимость, и только для нее, не являясь знанием, она занимает место знания и даже бывает прочнее всякого знания. Так, вера в идеалы марксизма автома-

тически убеждает в абсолютной истинности его экономической науки (политэкономия марксизма).

Необходимо учитывать, что сегодня, в отличие от времен эпохи Просвещения (времени, когда творил И. Кант), понимание взаимоотношения веры и знания серьезно изменилось. Оказывается, что наука не только получает знания, но и принципиально не может обойтись без веры. Вера и знание предусматривают друг друга и неразрывно связаны друг с другом. Знание предполагает обоснованность утверждения, которое выдвигается, предлагается. Но, поскольку о полной обоснованности такого рода можно говорить только в некоторых случаях, научное знание оказывается неотъемлемым от наличия определенного элемента веры, который может быть меньшим или большим. Этот элемент (веры) значительно больший в отношении отдельных теорий (даже если они возникают как неплохо обоснованные существующие факты) и тем более в отношении «картин» и «парадигм» мира, которые принимаются — здесь знание и вера как бы переплетаются. Можно также говорить о принятии на веру некоторых фундаментальных методологических норм и принципов научного исследования. Хотя и здесь нельзя сказать о «чистой вере», ведь эти принципы, например, принцип причинности, должны постоянно демонстрировать свою результативность. Кроме того, «производство научного знания не может осуществляться и без авторитета: речь идет об авторитете научной парадигмы, исследовательской программы» [6, 16]. Если этот авторитет будет отрицаться или постоянно ставиться под сомнение, исследование и получение знания окажутся невозможными. Правда, в условиях постмодернистской методологии последний аргумент становится дискуссионным. Достаточно вспомнить работу Д. Мак-Клоски «Риторика экономики» (1985).

Современная цивилизация — это не только «общество знаний», но и цивилизация экономических, финансовых и других рисков, которые значительно возросли, и необходимости принятия быстрых решений в нестандартных ситуациях. Поэтому во многих случаях деятельность возможна не на основе детально проработанного знания, а посредством большей или меньшей степени обоснованной веры, предположения. Иногда бывает так, что знание не получено, а действовать нужно. Именно крепкая, сильная вера во *что-либо* может иногда породить в социальной жизни соответствующую реальность (то, что К. Поппер называл «эффектом Эдипа») [6, 17]. В этих случаях вера оказывается истинной не потому, что ей предшествовала определенная (некоторая) реальность, соответствующая этой вере, а потому, что вера и основанные на ней действия создали эту реальность.

Литература

1. *Лукашевич В.К.* Философия и методология науки. Мн., 2006.
2. *Ильин В.В.* Философия. М., 1999.
3. *Купцов В.И.* Образование, наука, мировоззрение и глобальные вызовы XXI века. СПб., 2009.
4. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный поход. М, 2009.
5. *Рожанский И.Д.* Античная наука. М., 1980.
6. *Лекторский В.А.* Вера и знание в современной культуре // Вопросы философии. 2007. № 2.

С.В. БИРЮКОВ

Год 2011: начало нового электорального цикла или новой политической эпохи?

Аннотация. Статья исследует политические перспективы на 2011 г., когда в ведущих странах мира (США, Франция, Россия) начнутся кампании по выборам президентов. Кроме того, 2011 г. — начало нового политического цикла, потому что президентские выборы в ситуации глобальной нестабильности означают изменение политической ситуации. От результата выборов зависит политическое развитие ведущих стран мира (G8) и общий курс глобального политического процесса.

Ключевые слова: выборы, избирательный цикл, кампания по выборам президента, глобальная нестабильность, глобальная повестка дня.

Abstract. This article examines the prospects for 2011 — pre-election year when in the leading countries of the world (the USA, France, Russia) new presidential campaign is starting. Moreover, 2011 is the year of the beginning of a new political cycle, because the mentioned presidential election in a situation of global uncertainty means the original «change of marks». From their result depends the political development of significant G8 countries and the general course of global political process.

Keywords: election, the electoral cycle, the presidential campaign, global uncertainty, global «agenda».

2011-й — предвыборный год, когда в ряде ведущих стран мира (США, Франция, Россия) начинается новая президентская кампания с прицелом на следующий год, когда состоятся сами выборы. Одновременно 2011 — год начала нового политического цикла, поскольку упомянутые президентские выборы в ситуации нарастающей глобальной неопределенности выступают как своеобразная «смена вех», ибо от их результата зависит не только политическое развитие значимых стран «Большой восьмерки», но и общий ход мирового политического процесса. Однако и сами события текущего года содержат в себе вызовы, которые способны изменить не только предвыборную «повестку дня», но и саму глобальную конфигурацию сил.

Карту мировой политики спутали случившиеся в начале этого года революции в арабском мире, приведя в движение этот и без того не

слишком стабильный регион. Умеренно авторитарные, умеренно открытые и квазимодернизационные (хотя в большей степени патерналистские) режимы, устраивавшие как элиты стран Запада, так и собственное население, оказались под ударом из-за многолетней нерешенности социально-экономических проблем, усугубленную коррупцией и многолетним ограничением политических свобод. В итоге формула не слишком устойчивого ближневосточного равновесия, одним из ключевых элементов которого со времен Анвара Садата и Кэмп-Дэвида был Египет, была нарушена. Активизировалась улица, набирают активность «низовые движения» (включая исламистов) и выдвигаются новые лидеры. Становится очевидным, что установившиеся правительства могут быть только переходными, поскольку им, очевидно, не справиться с возросшими требованиями.

Детонатором ситуации на Ближнем Востоке, равно как и во всем Средиземноморье, может стать ситуация вокруг Ливии, где идет полномасштабная гражданская война. Варианты развития ситуации вокруг Ливии — военная операция НАТО и союзников, полномасштабная блокада, развертывание полномасштабной войны с перспективами выхода за пределы региона — будут означать сохранение нестабильности на «южном фланге» Европы, что способно дестабилизировать ситуацию во многих странах Евросоюза (события на итальянском острове Лампедуза, как представляется, являются предвестником серьезных проблем).

Ни один из ведущих мировых игроков, по всей видимости, не имеет перспективной стратегии урегулирования ситуации, разворачивающейся на Ближнем Востоке (проекты наподобие создания «Средиземноморской конфедерации» выглядят сегодня излишне утопическими). Позиция официальных властей Франции и Великобритании (а фактически — позиция ЕС), отказавшихся признавать легитимность режима Каддафи, скорее, усложняет складывающуюся вокруг Ливии ситуацию. Так или иначе, Ближний Восток на долгое время становится политическим фактором и инструментом, от которого будут зависеть состояние мировых рынков энергоносителей, ситуация с миграцией в ряде европейских стран, стабильность зоны евро и сами перспективы общеевропейской безопасности.

Однако нестабильность не ограничивается рубежами Северной Африки и Аравийского полуострова. Мир, по признанию многих экспертов, находится в своеобразной точке бифуркации. Ибо кризис переживают не только международные финансовые институты, но и механизмы, обеспечивавшие урегулирование международных конфликтов и поддерживающие современный миропорядок. Так и не найдены общий подход к урегулированию мирового экономического кризиса и

путь спасения мировых финансов, вследствие чего многие могут предпочесть спастись в одиночку. Что неудивительно — слишком уж неодинаковы характер протекания кризиса и меры противодействия ему даже среди членов «элитного клуба» государств.

Как отметил недавно директор-распорядитель (теперь бывший) Международного валютного фонда (МВФ) Доминик Стросс-Кан на пресс-конференции в Сингапуре, экономический рост в странах с большими дефицитами внешней торговли (например, США) по-прежнему основан на внутреннем спросе. В то время как рост в странах с большим внешнеторговым профицитом, например, в Китае и Германии, поддерживается в основном за счет экспорта. Поэтому по мере роста напряженности в отношениях между странами вполне вероятным является рост протекционизма в сфере торговли и финансов. Из-за роста напряженности внутри стран мировое сообщество может столкнуться с усилением социальной и политической нестабильности, конфликтами и даже войнами.

Испытывают кризис и евроинтеграционные стратегии, у стран — членов ЕС отсутствует общий сбалансированный подход к спасению «зоны евро» (где уровень инфляции к январю начавшегося года, по данным журнала «Шпигель», уже составил 2,4%). Объединенная Европа пока не может найти компромисса между механизмами социального государства и обеспечением дальнейшего экономического развития (качественной интеграции с сохранением высоких социальных стандартов), между потребностью в централизации управления и интересами образующих ее стран и регионов. Подтверждением этому является реакция во многих европейских странах на предложенный недавно Германией так называемый «Пакт конкурентноспособности», предполагающий оказание финансовой помощи терпящим «экономическое бедствие» государствам только в обмен на закрепленные в их конституционных актах социально-экономические параметры, включая показатели бюджетного дефицита, долю социальных расходов по отношению к ВВП, официально установленный пенсионный возраст и др. Очевидно, что многие из стран — членов ЕС не захотят либо просто не смогут заплатить столь высокую социальную цену за финансовую стабилизацию в пределах «зоны евро», что грозит Евросоюзу дополнительными внутренними напряжениями и расколами.

Без решения внутренних проблем ведущих стран «Большой восьмерки» вряд ли будет найден общий подход к решению глобальных проблем, в то же время каждое государство не является самодостаточным, и все чаще они функционируют в рамках модели «вызов—ответ». Актуальные «вызовы» современной государственности главным образом связаны с нарастающей сложностью как внутри-, так и внешнепо-

литических процессов. Государства, оказывающиеся неспособными реагировать на нарастающую сложность «прорывными» модернизационными стратегиями и инициативами, оказываются в состоянии системного кризиса. В этом проявилась недостаточная эффективность современной модели национальных государств (причем следующих как либеральной, так и «социалистической» модели), которые явно уступают в гибкости горизонтально-сетевым структурам глобального масштаба. Однако и глобальные сети не в состоянии пока взять на себя функции государств, что порождает вакуум и дисфункции в системе глобального управления.

Важной проблемой является дефицит сильных лидеров на национальном уровне, прежде всего лидеров, способных мыслить глобально, выдвигающих стратегические инициативы. Национальные лидеры современной эпохи, претендовавшие на подобную роль — например, Барак Обама в США или Николя Саркози во Франции, — не смогли преуспеть, поскольку запланированные ими «прорывы» не соотносились с масштабом и сложностью проблем, стоявших перед их государствами.

В США, на наш взгляд, ключевыми являются противоречия между интересами национального государства и глобальными функциями, между интересами экономического развития и социальными издержками. Масштабные социальные реформы Барака Обамы (прежде всего, реформа системы медицинского страхования, благодаря которой 30 млн американцев должны будут впервые получить медицинскую страховку) не принесли ожидаемого социального эффекта, не позволили «запустить» механизмы экономического роста и не решили проблему масштабной безработицы, натолкнулись на сопротивление как со стороны республиканцев в Конгрессе, так и со стороны властей ряда штатов, недовольных введенным отныне обязательным характером приобретения страховки. Но, пожалуй, самое неприятное для Белого дома в нынешней ситуации — это то, что медицинская реформа не пользуется широкой поддержкой в том самом народе, ради которого, собственно говоря, и затевается. В последних опросах общественного мнения на эту тему голоса делились примерно поровну, с небольшим перевесом негативных отзывов.

В результате чего политический маятник качнулся в сторону «правых» — республиканцев. Однако и сами «правые» переживают сегодня существенные трансформации в вопросах идеологии и политической стратегии. О дефиците сплоченности в республиканских рядах свидетельствует и отсутствие до сих пор определенности с единым партийным кандидатом на выборы 2012 г. Наиболее же вероятными кандидатами от Республиканской партии называют бывших губерна-

торов от штатов Массачусетс и Миннесота Митта Ромни и Тима Поленти, известных своим стремлением быть «правее правого». Таким образом, на лидирующие посты в партии прорывается новое поколение «молодых неоконгов», намеренных перейти от стратегии «глобальной солидарности» и «перезагрузки» к приоритетному отстаиванию интересов самих США, в том числе и достаточно жесткими средствами, включая военные. Это вызывает неоднозначную реакцию внутри самой Республиканской партии, где более умеренные представители партийной элиты всерьез озабочены усилением «внесистемных радикалов», выходящих за рамки устоявшегося за многие годы политического «мейнстрима». Барак Обама же в преддверии праймериз практически не имеет серьезных конкурентов внутри Демократической партии (клан Клинтонов пока не заявил о своих амбициях, и едва ли заявит с учетом не слишком удачной деятельности Хилари Клинтон на посту госсекретаря). Поэтому решение Обамы баллотироваться на второй срок было ожидаемым. Его фигура устраивает разные «фракции» партийного истеблишмента (и «правую», и «левую»), но не находит пока должной поддержки со стороны американских избирателей, недовольных неудачами в социально-экономической сфере. По результатам опроса, проведенного по заказу CNN в связи со второй годовщиной пребывания Обамы на посту президента США, 45% американцев считают первую половину срока президента успешной, в то время как 48% придерживаются противоположной точки зрения.

Впрочем, судя по тем же опросам, стартовые позиции Обамы весьма неплохи — практически все исследования дают ему равенство или преимущество по сравнению с условным республиканским кандидатом. Впрочем, ситуация еще может измениться, и в том числе под влиянием действий Обамы во внешнеполитической сфере [1]. Так, после объявленного, но не реализованного вывода войск из Ирака и Афганистана новоиспеченный лауреат Нобелевской премии мира под давлением своего окружения все же был вынужден прибегнуть к силе в Ливии, что, несмотря даже на формальное свертывание американского участия в военной кампании против Каддафи, может несколько осложнить его шансы на переизбрание.

Перенос накопившегося внутри американской политической системы напряжения вовне — достаточно известный и апробированный прием, использовавшийся ранее как республиканцами, так и демократами. Обама не стал исключением в этом ряду. Но неясно, к чему может привести в современной глобальной кризисной ситуации сброс американской системой хаоса и энтропии вовне (как экономическими, так и военно-политическими средствами) — к нарастанию глобальной

энтропии, возникновению нескольких зон «управляемого хаоса» или к постепенному складыванию новой модели миропорядка.

Во Франции главным является конфликт между сложившимися механизмами социального государства и объективными потребностями страны в модернизации, между интересами государства и недовольных его политикой социальных групп, между задачами социальной интеграции и традициями толерантности и мультикультурализма, укорененными в современной французской политической культуре. «Правая модернизация» в версии Николя Саркози, когда необходимые для оживления экономики реформы (налоговую, пенсионную, образовательную и др.) пришлось продавливать сверху, по большому счету не удалась. А рейтинг президента-реформатора упал до критически низкой отметки [2].

По всей видимости, не спасет рейтинг Саркози и активное участие Франции в ливийской кампании с неоднозначными последствиями, вызвавшее публичные протесты и осуждение со стороны как «левых», так и «крайне правых» (Национальный фронт). Теперь решение проблем повышения эффективности государственного управления, конкурентоспособности экономики и системы образования переносится на плечи «левых» — ибо победу кандидата от коалиции левых сил (Соцпартия плюс традиционно примыкающие к ней малые «левые» партии более радикального толка) в 2012 г. сегодня можно прогнозировать с большой степенью уверенности. Однако французские «левые», придя к власти, будут скорее всего отдавать «долги» по накопившимся за время их отсутствия во власти социальным обязательствам — и вопрос о модернизации будет отложен на неопределенное будущее. Процесс деградации институтов «Пятой республики» также, по всей видимости, будет продолжаться. Левые силы Франции в случае выдвижения и победы «нонконформистского» и «леворадикального» кандидата (которым, по всей видимости, может стать нынешний лидер партии Мартина Обри) будут вынуждены сосредоточиться на внутренних проблемах страны, умерив свою активность в деле выстраивания общеевропейской системы антикризисного управления (при том, либеральные методы спасения экономики для них едва ли приемлемы). В свою очередь, углубление системного кризиса во Франции — одной из опор ЕС — создаст значительные затруднения для дальнейшего осуществления евроинтеграционного проекта.

Весьма драматичной в случае дальнейшего экономического «преседания» Франции может оказаться и судьба переживающей серьезный кризис «зоны евро», которая может рассыпаться как «карточный домик» в ситуации нарастания финансовых проблем у немалой части входящих в нее стран. Германия, также испытывающая серьезное со-

циальное напряжение, может оказаться наедине с общеевропейскими проблемами и вызовами, что способно породить уже внутринаемецкий политический кризис и ослабить позиции «право-либеральной» коалиции (подтверждением чему — целый ряд недавних кризисов в отношениях ХДС-ХСС и СвДП). Впрочем, теперь выдвижение от Соцпартии и победа на президентских выборах в Пятой республике представителя «системной левой» бывшего директора-распорядителя МВФ Доминика Строс-Кана, связанного системой обязательств перед европейскими и «глобальными» элитными кругами, вряд ли возможны и Франция едва ли полностью выйдет из системы взятых на нее обязательств и откажется от неолиберальной политики «экономического роста» [3]. В таком случае шанс на стабилизацию ситуации в зоне евро и новое укрепление отношений Франции и Германии после «ливийской кампании» заметно повышаются. Так или иначе, очень многое будет зависеть от того, кто в конечном итоге будет выдвинут Социалистической партией в качестве кандидата на президентский пост.

В России в контексте президентских выборов — 2012 наибольшее значение приобретает противоречие между сложившейся в 2000-е гг. моделью политической стабилизации и потребностями модернизации общества, между следующей корпоративным интересам и стратегиям элиты и ожиданиями широких социальных групп, между «инерционной» и основанной на «эффектах вертикали» моделью политики и накапливающимися кризисными явлениями [4]. Но прежде всего — между «российской сложностью» и потребностью выработки ясных и определенных ориентиров в политике. Можно с немалыми основаниями предположить, что в обозримом будущем российское «окно возможностей» во внешней политике будет объективно уменьшаться, и будет весьма сложно найти баланс между необходимостью качественного совершенствования основных подсистем общества и все более кризисным состоянием модернизационных ресурсов — образования, социального капитала, «качеством» гражданского общества в России.

России предстоит выбор не между либерализмом и авторитаризмом — характер этого выбора весьма сложен. Скорее, речь идет о выборе между построением национального государства и возвращением в той или иной версии к неоимперской модели, между инерционным и динамичным развитием, между последовательной политической модернизацией и набором имитационных мероприятий без качественного изменения самой политической системы.

Во внешнеполитической области России предстоит сделать выбор между членством во Всемирной торговой организации и Таможенным союзом, между ставкой на партнерство с Евросоюзом и более глубокой ориентацией на участие в евразийском интеграционном процессе.

Тесное партнерство с США после смены команды в Белом доме едва ли возможно, шансы на углубленное партнерство с ЕС более высоки, но от России потребуются активные шаги навстречу в разных областях, причем соответствующее благоприятное восприятие этих шагов европейскими партнерами вовсе не гарантировано.

При всем различии внутренней ситуации в трех рассматриваемых странах моментом схождения для них является отсутствие в обществе и в элите устойчивого консенсуса в отношении всех вышеперечисленных внутренних и внешних проблем. Поэтому выборы 2012 г. в США, России и во Франции, помимо внутривнутриполитического значения, являются своеобразным плебесцитом, на котором будут определены их долгосрочные стратегии развития. Подменить последние «виртуальной политикой» и верхушечной «конвенцией элит» без изменения политической «повестки дня», по всей видимости, уже не удастся. Ибо слишком масштабны накопившиеся в трех государствах и их внешнеполитическом окружении проблемы, и общество потребует от политических элит определенного ответа на свои запросы (идеологического, стратегического, тактического), который существенно изменит содержание как внутривнутригосударственной, так и мировой политики. Это и станет, на наш взгляд, главным итогом избирательного цикла, начинающегося в 2011 г. Точка бифуркации, связанная с началом глобального кризиса в 2008 г., таким образом, будет пройдена, и проявятся более устойчивые и очевидные тренды, в соответствии с которыми и будет формироваться мировая политика.

Литература

1. *Myson*. A Drop of Hope to the People // <http://www.whowillwinthe2012election.com/a-drop-of-hope-to-the-people>.
2. *Piquard A.* Sondages: les retraits de Borloo et Villepin profiteraient peu à Sarkozy // LEMONDE.FR. 2011. 26 apr.
3. *Noblecourt M.* Dominique Strauss-Kahn face à l'obstacle de la primaire socialiste // LEMONDE.FR. 2011. 7 apr.
4. *Павловский Г.* Дмитрий Медведев и новая Realpolitik—2012 // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Dmitrij-Medvedev-i-novaya-Realpolitik-2012>.

Э. ШАЦ

Некоторые размышления о нетрадиционной традиции романа*

Аннотация. Размышления автора после прочтения романа-загадки Ю. Михайлова «Реквием» и рассуждения о традициях жанра романа.

Ключевые слова: роман, «Реквием», «Мастер и Маргарита», Ю. Михайлов.

Abstract. Reflections of the author after reading the novel-mystery «Requiem» by Ju. Mikhailov and arguments about the traditions of the genre of the novel.

Keywords: novel, «Requiem», «The Master and Margarita», Ju. Mikhailov.

В категориях имяславия

«Не желаете ли, добрые люди, послушать прекрасную повесть о любви и смерти?» — начальные строки средневекового романа «Тристан и Изольда» могут служить эпиграфом к метафизической прозе, которая разворачивается на шестистах страницах «Реквиема» Юр. Михайлова. *Роман о романе, или роман с романом.* Видимо, поэтичной, романтической и вместе с тем трагичной должна быть и история, которая последует за названием предлагаемого романа. Надо думать, это будет история о новых многострадальных возлюбленных — века XX го. Название романа, таким образом, уже сразу заявляет тему любви — одну из главных для М. Булгакова, которому посвящается этот бесконечный поток сознания, страстного соучастия истории, размышлений о ней долгими бессонными ночами нашего автора. В результате открывается целый веер тем, задач, представлений.

Заглавие художественного текста (как и эпиграф, если таковой имеется) представляет собой обобщение существеннейших элементов композиции и самой поэтики текста, кажется, у о. Павла Флоренского сказано «заглавие — это имя произведения, мыслимое в категориях имяславия, т. е. манифестация его сущности». *По имени и житие.* Или: *«Собаке собачья смерть»*, — говорит народ.

Есть более глубокие слои: музыка имени, его цвет и неуловимо тонкий дух, влияющий на характер и судьбу. Учение о. Павла Флорен-

* Отклик на: Михайлов Ю. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. — М.: ТЕИС, 2010. — 592 с.

ского — это учение об имени, вокруг которого творится не только человеческая личность, но и все мироздание. Флоренский считает эту идею универсальной: «Человечество, всегда и везде, утверждая имена в качестве субстанциональных сил или силовых субстанций или энергий, имело же за собою подлинный опыт веков и народов, вылившийся в вышеуказанной форме».

«Requiem» — имя роману (от первого слова лат. текста «Requiem aeternam dona eis, Domine» — «Покой вечный дай им, господи»). Но по ком звонит колокол и почему на латыни? «Слово, и, в частности, имя, есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения» (Лосев).

Флоренский, Лосев, Бахтин подчеркивают, что слово есть символ, являющийся в конкретном образе и форме свою идею. Так по ком же звонит колокол и почему на латыни?

Dies irae, dies illa,	День гнева, тот день,
solvet saeculum in favilla,	повергнет мир во прах,
teste David cum Sibylla.	так свидетельствуют Давид с Сивиллой.
Quantus tremor est futurus	О, как все затрепещет
quando iudex est venturus,	когда придет судья,
cuncta stricte discussurus.	и будет всех судить.

День гнева... Чей гнев имеется в виду? Бога? Человек готов терпеть какие угодно страдания, лишь бы избежать еще больших страданий. Страшат страдания нравственные, очищающие, связанные с переоценкой ценностей, духовным перерождением. Это на латыни. А по-русски?

В «Реквиеме» Ахматовой: *«Звезды смерти стояли над нами, / И безвинная корчилась Русь»*.

Что же начало российского XXI в. приобретает из нового метафизического текста о России? Прежде всего — контекст победил текст, перипетии истории заслонили творчество. «Мастер и Маргарита» выступает как сакральный роман с системой тайнописи, творчество Булгакова в целом вписано в криптографические шифры. *Код Булгакова*, его историческое декодирование, становится целью и канвой романа Ю.М.

«В “Реквиеме” он делает одну важную работу — он постоянно расшатывает, раскачивает устоявшиеся в науке, в философии и в жизни смыслы и значения слов. Осипов (автор романа. — Э.Ш.) с ними не церемонится. Стараясь уловить, поймать те оттенки смыслов, которые слышит его ухо, видит его глаз, различает его ум, он меняет границы слова» (Ф.И. Гиренок) [1, 228—230]. Тут можно было бы поразмышлять о нетрадиционной традиции романа.

Код Булгакова

При этом язык автора отнюдь не язык учителя русской словесности. Он — живой, вкусный, сочный, многообразный, он говорит на языке Москвы и на идиомах России. Используются не только строго литературные, но и внелитературные средства языка — старинные просторечные, диалектные, которые подчиняются общему эстетическому настрою. Палитра языковых средств насыщена и своеобразна. Благодаря этому роман о романе вдруг набирает скорость, бег времен и пространств, и вот уже взволнованные ритмы поэто-философической прозы множатся в жутчайших текстах-зеркала, из которых Ю.М. строит свою поэму или скорее свой театр.

В отличие от своего Героя, автор в чудо не верил. Но вот Театр! Театр — мысль, фабрика, школа, ключик, источник, фонтан. Театр — фантазмагория, калейдоскоп, чародейство. Театр — сила. Театр — это целый мир, большой и сложный, многоуровневый, не единожды окольцованный, центростремительный и центробежный, сетевой, паутинный, химерный... Кажется, автор сам описал свой роман.

Поэзия заземляется прозой, миф — реальностью, пока все не сливается в некую обобщенную метафору: жизнь и есть самый абсолютный театр, ирреальное представление, бурлеск, травестия.

Или квази-мениппея, в которой абсолютная свобода сюжетного вымысла мотивируется «идейно-философской целью — создавать исключительные ситуации для провоцирования и испытания философской идеи — слова, правды, воплощенной в образе мудреца, искателя этой правды» (М.М. Бахтин). Содержанием мениппеи становятся не приключения конкретного героя, а перипетии самой идеи. Такая постановка вопроса позволяет прощупать в сложных наложениях глубоко упрямую внутреннюю целостность как образа Писателя, так и произведения в целом.

По словам Юлии Кристевой, «мениппея — это своего рода политическая журналистика Древнего мира». Между тем сама эпоха, сформировавшая жанр мениппеи, обнаруживает парадоксальное сходство с современностью. По словам Бахтина, становление «Менипповой сатиры» происходило «в эпоху разложения национального предания, разрушения тех этических норм, которые составляли античный идеал *благообразия*, в эпоху напряженной борьбы многочисленных и разнородных религиозных и философских школ и направлений»

Черты мениппеи встречаются и в древне-русском шутовстве, раёшном стихе, сатирах XVII—XVIII вв.

В романе — злободневная современность, публицистичность, полемика с различными философскими, религиозными, идеологическими, научными школами, многостильность и разноголосие, свобода

философского вымысла, утопический элемент. И, наверное, это не все. Текст, по преимуществу, это роман-эссе.

Чтобы отыскать точку пересечения сюжетных линий, следует вникнуть в отдельные мелодии полилога наших героев, хотя кажется иногда, что звучит один зубодробительный, тлетворно безнадежный, трагичный лейтмотив: напомнить, как носители коммунистической идеологии, светочи пролетарского гуманизма, топили в крови собственную страну, а дьявольская нечисть превращалась в оружие божественного возмездия, защиту нравственности, последнюю надежду униженных. На глазах у русского народа какая-то циничная и безмерно могучая сила, дергая за тысячи невидимых нитей, реализовывала чудовищный замысел преобразования мира на одной шестой части планеты. При этом все человечество упорно убеждали, что происходящее и есть истинное воплощение добра и свободы. И даже сейчас *Массолит живет и процветает*.

Будучи и сам влеком этим чудовищным водоворотом, Ю.М. пытается сложить фрагменты истины в целостную картину окружающего мира и найти путь к спасительному берегу.

«Похоже, что именно поэтому для Юр. Михайлова Сталин абсолютен — идея, символ, знамя, текст; тот, от которого в мир могли идти только добро, истина, все, что не вызывало сомнения и оправдывало репрессии и жертвы. Абсолютный исторический субъект; мощный проективный заряд; монумент, хоть и созидательно действенный», — пишет З. Скрынник в своей многостраничной рецензии на роман («Россия в преддверии великого неизвестного») [2, 187—198].

А вот прав, пожалуй, И. Шевченко, это книга-головомломка, книга-лабиринт, книга в книге — как китайская шкатулка [3, 230—231].

Гиперборея

А за окном — Россия.

Русь-тройка Гоголя — принцип динамический. Она движется по бело-черно-серой равнине «Мертвых душ». Россия поэтов-мыслителей, Россия художников — певцов сокровенной близости к природе, сдвоенный образ Обломова и Штольца. Сонная, довольствующаяся вековым оцепенением, но вместе и цыганка — свободная и пропадающая в пути. Города как мифические кони.

От «Сокровенного сказания» монголов до тройки Гоголя, до степи Чехова, до бури Пильняка — всегда и везде несется по равнине погоня и обрушивается на Россию. Революция, т. е. движение тела (см. исконный смысл слова *revolutio*), которое, обращаясь по замкнутой кривой, последовательно проходит через одни и те же точки.

Равнина, океан земли, волнами которого в веках были народы. Все недвижно. Все медленно. И вдруг — буря. «Если у вас есть ключи от

хозяйства, то бросьте их в колодец и уходите. Будьте свободны как ветер», — говорит Трофимов — Чехов в «Вишневом саде». Так избы Есенина—Пугачева срываются с круга и становятся неуправляемыми. Несказанное возбуждение, передаваясь от избы к избе, врывается лавиной, белым всепожирающим пожаром, огромным цветущим вишневым садом. Отношения между людьми на конях, мчащихся галопом неизвестно куда, по-звериному жестоки. Ярость народа бросается из стороны в сторону в некоем жутком карнавале, как табор пляшущих макабрный танец цыган.

Равнина — горизонт, удаляющийся как комета.

«Мастер и Маргарита» — уникальный контент Михаила Булгакова, завораживающая мистическая дьяволиада, обнажающая вечные темы любви, борьбы добра со злом, смерти и бессмертия. Эта книга — на века. Здесь же она, а не Писатель — главный герой нового романа, в кривых и множественных зеркалах прозы Ю.М. В них достойные бесы мелькают среди неприметных диссидентов. Да кто их и любил когда бы то ни было, диссидентов? Их все сажают и сажают... Более трогательно теперь, иногда более терпимо...» Мы, люди, лишь элементы некоего неведомого нам энерго-информационного поля, обычно называемого мировым духом, и Господь все еще надеется на человека».

А современный человек как бы скользит по поверхности окружающих его текстов, переставая проникать в их глубину. Так стираются смыслы, а вместе с ними и ценности, оставляя после себя мир симулякров.

От этого страдает автор. Он опускается в ад своей поэмы-эссе. От Монтеня до Борхеса туда сопровождали нас на страницах пессимистической прозы безразличные, порой отчаянные и обескураженные эрудиты.

О разночтении

Все прочтения, независимо от несовпадающих точек зрения, участвуют в завершении эстетической формы, состоящей из многочисленных элементов фабулы. Разночтения в *прочтениях* как Булгакова, так и Ю.М., определяются исключительно различием в субъективных позициях *авторов-созерцателей*, отвечающих одновременно нескольким образам романа.

Не могу доказать, но сдаётся мне, что имеются несколько различных и преднамеренно вызванных автором толкований содержания романа.

А вот коротко то, чтобы написал не поэт, а литературовед: вопрос, таким образом, сводится к определению соотношения вкладов *автора-творца* и *автора-созерцателя* в создание ложного образа романа; эта задача может быть решена только после максимально полного выяснения содержания *автора-творца*, включая и интенцию автора романа.

Это означает, что исследование должно осуществляться с позиций не *автора-созерцателя* (читателя, публициста), а *идеального читателя* (к воплощению в себе этой функции должен стремиться каждый ученый-исследователь, поскольку эта эстетическая категория условно подразумевает владение всеми контекстами *автора-творца*).

Но как пройти сквозь залы кривых зеркал и разобраться во всех многочисленных контекстах, кроме тех, которых мы здесь едва коснулись?

Эпитафию на свою могилу Михаил Булгаков сочинил задолго до наших булгаковедов. Она совсем простая — «Дописать раньше, чем умереть». Так и не дописал, ибо Книга, как оказалось, не знает конца. Подобно и нашему тексту о ней, который выступает как введение в более развернутую работу с размышлениями о *Книге-о-книге*. Вот вам и китайская шкатулка¹.

Так, Господь все еще надеется на человека. «Человеческий ум, — говорил пронизательный Павлов, — ищет причину всего происходящего, и когда он доходит до последней причины, это есть Бог. В своем стремлении искать причину всего он доходит до Бога. Но сам я не верю в Бога, я неверующий».

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* О книге Юр. Михайлова «Реквием» // *Философия хозяйства*. 2010. № 5.
2. *Скрынник З.Э.* Россия в преддверии великого неизвестного: ответы и вопросы (о романе Юр. Михайлова «Реквием») // *Философия хозяйства*. 2011. № 2.
3. *Шевченко И.Г.* Мгла // *Философия хозяйства*. 2010. № 5.
4. *Рудяк И.И.* Русская пирамида («Мертвые души» Гоголя, «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Реквием» Осипова) // *Философия хозяйства*. 2010. № 5.

¹ И. Рудяк пишет: «Гоголь сжег второй том “Мертвых душ” (в котором он их захотел оживить). В подобном смысле живая книга “Мастер и Маргарита” — это и есть (фигурально выражаясь) второй том “Мертвых душ” Гоголя. Рукописи Мастера не горят, а возвращают (эманация) перекомпонованную Мастером информацию в глобальное информационное поле. “Реквием” — это третий том: о процессе оживления душ все еще работающей в наши дни машинной-пирамидой булгаковского романа. Так “три романа” создали “русскую пирамиду”: как голограмму. Обратное воздействие книги на реальность идет от Библии (которая действительно повлияла): поэтому литература может изменить жизнь. Сжигание рукописей — это “принесение информации в жертву”: для “построения полноты” компьютерного текста Вселенной (структуралисты) — для соборного бессмертия человечества» [4, 233].

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Реквием, или Откровение к Откровению?*

На пути Откровений Твоих Я
радуюсь, как во всяком богатстве.

Псалтырь, Псалом 118, 14

Аннотация. В статье автор раскрывает историческое и эпистемиологическое значение книги Ю. Михайлова «Реквием».

Ключевые слова: откровение, радость, апокалипсис, софиология, роман-шифр, роман-мистификация, роман-тайна.

Abstract. The author reveals the historical and epistemological significance of the book Yu. Mikhailov «Requiem».

Keywords: revelation, the joy, apocalypse, sophiology, novel-the-code, novel-the-hoax, novel-the-secret.

Новая книга Ю.М. Осипова (вышедшая под псевдонимом Юр. Михайлов) озаглавлена «Реквием». В подзаголовке стоит: Роман о романе, или Роман с романом. Автор пытается найти ключ к самому удивительному роману прошлого века, роману-шифру, роману-мистификации, роману-тайне. Роман этот, будучи совершенной тайной во время его написания (доступной лишь возможно вождам или вождю), недопроявленным (даже для мыслящего и образованного сословия интеллигенции при его выходе в свет в середине прошлого века), только-только начал раскрывать свои скрытые смыслы полвека спустя. Да и то не всем.

И потому автор «Романа о романе», увидя эту совсем не книжную жизнь романа, но жизнь творящую, решил поведать читателю свое открытие, чтобы не заставлять читателя пребывать в неведении еще многие десятилетия или даже столетия. Гении милостивы к людям и доверяют им, прежде всего близким людям, соотечественникам. Гении — всегда пророки с большим запасом мужества, потому что и знать тайну, и носить ее, и ее открывать, особенно людям из своих отечеств, — дела опасные.

Но вот чудо! Раскрывая или даже поверяя, сверяя со своим временем, а то и с вневременьем или безвременьем, или иновременьем², ключ, загадку, мистификацию и великую тайну романа, Автор творит свою загадку, мистификацию и тайну. Проникая в одни тайны, проходит через темные коридоры, подводит к занавешенным окнам, открывает занавески — и тот, кто идет за Ним — видит залитый солнцем

* Отклик на: Михайлов Ю. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. — М.: ТЕИС, 2010. — 592 с.

² См. также книгу Ю.М. Осипова «Иное» (М.: Экономистъ, 2006. — 704 с.).

холм, на котором возвышается замок, окруженный глубоким рвом, двери которого на замке и ждут нового гения-хозяина или мастера, кто бы их отворил. Или, подводя вас к бездне, показывает вам ее дно, еле прикрытое, похожее на охотничью яму, за которой таится вот уж действительно бездна! Или ухватившись за один лучик святилища, подбирается к ослепительному солнцу ведания. Или за тьмю-темнью угадывает тьму непроглядную, но во тьме тьмущей — искорку, свечу, огниво.

Так, Апостол Иоанн своим Откровением, будучи сподоблен величайшей милостью Бога и Сил Ангельских с благоговением открыть Книгу Жизни Человечества и уготовленных ему судеб, посвящает в нее человечество и, посвящая, открывает покров тайны и одновременно возвещает, создает новую и новую тайну. Посвящение требует просвещения. И просвещение дано посвященным. Возможно, такова участь всякого великого творения. Потому что во всяком великом творении заключен (снят) образ Первообраза творения, который связан с замыслом Творца, Его Тайной Сущностью, с Тайной Мироздания, с Вечностью, которые являются особым посвященным — пророкам, или гениям, или мастерам — и в то же время связывает воедино времена и людей. Всякое великое творение не имеет конечной разгадки, да и не может и не должно иметь ее. Уже потому, что побуждает своих читателей (читателей, слушателей, зрителей) к работе над раскрытием скрытых, затаенных, притаившихся смыслов, т. е. к сотворчеству. Указывает, куда смотреть, и дает глаза и уши и, может быть, даже сердце (Чудо Дарения Сердца!), чтобы смотреть и видеть, и слышать, и биться в унисон. *В этом и состоит Радость Причастности к Откровению, которую воспел Великий Псалмопевец Царь Давид.*

Как и у Первооткровения Иоанна, в Романе о романе Ангел следует за Ангелом и изливает свою чашу скорби и суда, но и радости и света. Открывает свой Храм Знания, который есть не бледная копия знания кучки посвященных, но Столп на Пути к Истине Бога.

У каждого времени и у каждого человека свой Апокалипсис. Земные события и земная жизнь пишутся на небесах и имеют свой отпечаток в Вечности, поэтому каждый человек в ответе перед Богом и своей вечностью. Чужая вечность и есть ответ на пренебрежение к своей.

Храм Библейского Суда, мистификация Библии, подмена главных действующих лиц библейской истории раскрывает способ действия проекта мироздания, в котором схватываются и борются не на жизнь, а на смерть две силы — Божественная и антибожеская. Если первая побеждает, перевешивает вторую — возобладает принцип просветления, прямоты и мира. Если вторая перевешивает, побеждает первую — возобладает принцип искажения, превратности и войны. Между ними на перепутье третья — Человеческая. Она в движении, она меняет окра-

ску, в ней отголоски Великой Битвы Бога — за любимое творение Его — за Человека. Ведь Сын Божий — Человек, не Ангел!

Великое Откровение автора романа о романе в том, что искажения возможны даже в Святая Святых. Иисус превращается в Иешуа, Иешуа в иешуанов. Уже в самом имени «Иешуа» что-то сразу от Иисуса и Ницше, и христианин уживается с антихристианином, а Христос с Антихристом в сознании запутавшегося цивилизационного человека.

Метод сопоставления и сопереживания одинаковых событий или подобных мизансцен в романе и романе о романе дает возможность как бы прирастить булгаковский роман новым, метафизическим, *осиповским*, измерением. А новые события ложатся в канву старых, обозначенных или намеченных в булгаковском романе исходов, и таким образом приобретают уже не временное, а субстанциональное, вечностное значение.

Книга-реквием раскрывает пласт за пластом напластования метафизической жизни, которая видна взору посвященного, тайн божественной жизни сподобленного, и проступает через обыденные, рядовые, на первый взгляд, события. Тайна поглядывает сквозь обычную беседу не совсем обычных людей, или сквозь необычную беседу людей обычных, или через необычные события или грядущие необычных событий. Тайна грядет и через повторение одних и тех же событий, характеров, сценариев, проектов. Раскрывает свой сокровенный смысл через стакато повторов в разных временах и тех же обстоятельствах. И перетекает в новые времена, обрастая новой замысловатостью. И в новые обстоятельства перенося извечные смыслы.

В романе о романе есть сциентизированные, сугубо онаученные места, как, например, проходящий через все повествование вопрос о том, какими метафизическими мотивами руководствуется или должна руководствоваться земная власть, чтобы устоять, или даже не может не руководствоваться, даже зная, что упадет. Остается тайной, догадкой, намеком то, как приводятся в движение трансцендентные пружины власти, каково соотношение метафизического и историко-физического в фигуре политического лидера, какова его трансцендентная задача и трансцендентная формула его личности. Какова здесь расстановка сил между силой личности, силой элит, замкнутых группировок, тайных союзов и сообществ³. И вообще, каково сцепление

³ Один из выводов-извлечений из книги состоит в том, что у кланов посвященных — сепаратно посвященных — будущего нет, как и нет подлинного знания, а есть лишь обветшалость. Это показал и опыт пифагорейцев, и розенкрейцеров, и тамплиеров, и новейших масонов. Сепаратная посвященность, при всей ее внешней обходительности и антураже загадочности и политической и иной заманчивости, — уродлива, это прекрасно показано в романе о романе. Сильна

тайного и явного в истории, в движении обществ? Насколько мощна и определяющая сила трансценденции и где она сильнее в то или иное историческое время — в том или ином народе, во властителях, в элите, в тайном сообществе? Как соотносятся между собой историческое и метафизическое время? Насколько просвещенной и явной может быть власть посвященных? Есть ли цель у истории и что тогда означает лозунг конца истории? Неужели дальнейшая неспособность к социальному творчеству, движение на холостом ходу, вхождение в общемировую бессмысленность? Трагедию Истории? Таких вопросов в романе великое множество, они нарастают как снежный ком и обрушиваются лавиной на голову читателя, даже не совсем подготовленного⁴. Но зато и какая радость и как захватывает дыхание новичка от приближения к сверкающим снежным вершинам подлинного знания!

В романе о романе есть пронзительно задушевные места — как тихие беседки, есть места-омуты и заводи, есть места-капканы и места смущения, смятения духа и смуты народной. Есть там свои храмы и свои монастыри, и казармы и тюрьмы, и кабаки и варьете, и поезда и подворотни, и космосы и миры, и миры и войны, свои оказии и неизбежности. Свое и мира и надмирья неизбежное в нем есть.

Есть места Великой Поэзии и Великой Правды. Дантова Рая и Ада, всех Беатриче и Маргарит сразу стоит мысль о Великом Неизвестном, с которым считается даже Бог (!) (С. 325). Или великолепная первых времен христианства мысль о том, что Богу нужно помогать, сосрывать Ему...

Поэтому ничего удивительного в том, что сколько ни будет читателей у этого удивительного романа-реквиема, Открытия к Открытию, Реквиема к Реквиему, Апокалипсиса к Апокалипсису, каждый увидит и услышит в нем нечто, сообразное его глазу, его слуху, его сердцу. И даже камертон при том не будет одним для всех. И даже лейтмотив.

Почитатели Михаила Булгакова найдут в «Реквиеме» продолжение Мастера и Маргариты, почитатели детективов — занимательную повесть в духе «Семнадцати мгновений весны» и других остросюжетных повествований, почитатели исторического психологизма и мистики — род «Кода да Винчи», или Матрицы, булгаковеды (почитатели Сергея Булгакова) — изложение идей софиологии. Каждый увидит то, что дано увидеть ему его духовными очами.

и по-настоящему прекрасна посвященность отдельных личностей, которые открыто несут ее людям, не замыкаясь в кружке.

⁴ Чтобы подготовить читателя вполне, нужен своеобразный подстрочник-толкователь. И это будет не менее интересно. Поэтому есть смысл во второй редакции «Реквиема» — нарративной авторской.

И в этом тоже — чудо романа о романе. Его переливчатость. Открытие перемежения ипостасей. Мастер — это и Иешуа, и Воланд, и Фауст, и даже Бездомный. Маргарита — это Мария-Магдалина и фаустианская Маргарита, и Вечная Женственность, и даже Наташа-домработница. Иуда — это Пилат и Афраний, и толпа, иступленная в крике «Распи!...»⁵.

Так и мотив реквиема — для кого-то похоронный марш, для кого-то апассионата, для кого-то — ода к радости. Но он — не похоронный марш, не апассионата и не ода к радости.

Святое Откровение от Иоанна — повествование и о конце света, и о его началах, и о его начале.

Реквием — не только горечь прощания, но и радость встречи.

Произведение, которое дано до конца понять тому, кто его написал, и то не до конца. Потому что кому-то далеко и потом дано будет раскрыть больше, чем написал Автор. Но это будет уже новый роман о романе. Но и теперь уже ясно, что роман, живущий собственной жизнью, настоятельно требует авторского продолжения. Просим продолжить!

И.И. РУДЯК

Михайловичи: Бахтин, живая книга в «Реквиеме» Осипова, «Чайка» Чехова и принцип дополнительности в искусстве*

Аннотация. В данной статье сопоставляются учения Бора и Бахтина — на примере романа «Реквием» Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: живая книга, интерактивная книга.

Abstract. This communication is comparison of doctrines by Bor and Bahtin. Romance «Requiem» by Osipov is example of this comparison.

Keywords: living book, interactive book.

Введение. Роман «Реквием» Юр. Михайлова (Ю.М. Осипова), который повествует о приключениях в реальной жизни «живого романа» М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», представляет собою «роман в романе». «И недаром он спрятал все самое страшное и ответственное... в роман в романе, превратив создаваемый им роман... в роман о

⁵ Поэтому Христос прощает толпу, ибо не ведают, что творят, а затем, сойдя в Ад, прощает и Иуду. Без этого прощения он не был бы Спасителем.

* Размышления автора после прочтения: *Михайлов Ю.* Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. — М.: ТЕИС, 2010. — 592 с.

романе, понадежнее укутав все грозное сакральное вполне комедийным обыденным, чтобы никто ничего тут не понял: что же там было от самого писателя-романиста, а что уже от внутрироманного писателя, а что и не от того и не от другого, а от обстоятельств, среды, контекста, вообще от человечества, оплодотворяемого вроде бы неустанно Господом Богом и постоянно искушаемого не без успеха господином хорошим дьяволом» [1, 127]. Подобный подход в искусстве чрезвычайно принципиален, потому что он определяется одной из основных составляющих современной физической парадигмы, определяющей также и онтологию: «принципом дополнительности» Бора. Однако искусство, как это всегда бывало, открывает законы физики — задолго до самой физики (Сезанн творил по законам теории относительности — перед ее созданием!). Мы видим «пьесу в пьесе» у Шекспира («Гамлет») и у Блока («Балаганчик»); «закристалъе в повести» у Одоевского («Сильфида»), «зазеркалье в повести» у Кэрролла (повести об Алисе), «закартинье в повести» у А.Н. Толстого (повесть о Буратино); «фильм в фильме» у Феллини («Восемь с половиной»), Ростюцкого («Доживем до понедельника»), Вайды («Все на продажу»). Сегодня, на примере творчества «трех Михайловичей»: Михаила Михайловича Бахтина, Сергея Михайловича Эйзенштейна и Юрия Михайловича Осипова — мы можем рассмотреть данное явление в сферах: философии, кино (в качестве современного изобразительного искусства) и литературы.

1. *Михаил Михайлович и роман как душа*. Михаил Михайлович Бахтин считал, что искусство возможно только тогда, когда существует «другой» — как потенциальный герой со своим сознанием. При этом автор эстетически оформляет этого другого снаружи, превращая его в героя. Бездушные предметы только окружают героя (Стриндберг, «Парк»; архитектурный комплекс Боривар в Венгрии), но они не могут быть центром произведения. «Эстетическое творчество... относит все моменты бытия и смысловой заданности к конкретной данности человека — как событие его жизни, судьбу его. Данный человек — конкретный ценностный центр архитектоники эстетического объекта; вокруг него осуществляется единственность каждого предмета... все предметы и моменты объединяются во временное, пространственное и смысловое целое завершенного события жизни. Все, что входит в художественное целое...» [2, 87]. В подобном смысле даже роман и пьеса могут быть приравнены к сознанию человека, который послужил «другим», героем при создании «другого произведения» новым автором. В данном случае мы можем условно предположить, что сознание автора «внутреннего романа» либо сознание одного из его героев («внутренний фильм» в фильме «Все на продажу» Вайды оживляет актер Цыбульский) якобы «переселилось» в роман (или в фильм, картину и т. д.), как в тело — и оживляет созданное на его основе новое

произведение (чаще это делает новый автор, хотя Матисс вписывал в интерьер свои собственные картины). Поэтому «внутренний роман», который послужил «человеком», мы, конечно, можем считать «живым». Таким «живым романом» в романе Осипова «Реквием» мы можем считать роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

«Живые центры» произведения (будь то человек или книга) необходимы (Бахтин) именно потому, что настало время принципа дополнительности. Действительно, классическое искусство (которое опирается на физику Ньютона) предполагает, что автор или читатель, т. е. человек, который создает или изучает произведение, своим прикосновением само произведение не меняет. Сегодня принцип дополнительности Бора предполагает, что невозможно прикоснуться к объекту микромира (внутреннему объекту), не создав изменений. Это значит, что выявлять физические явления или даже создавать произведения искусства мы способны только в совокупности с человеком (мы выявляем свойства не самой по себе частицы, а свойства частицы в совокупности с познанием ее Бором). Подобно Бору, автор входит в героя (чтобы его познать), а затем выходит из него — и его меняет. «Первый момент эстетической деятельности — вживание... я проникаю внутрь его и почти сливаюсь с ним изнутри... собственно эстетическая деятельность еще и не начиналась... Эстетическая деятельность и начинается собственно тогда, когда мы возвращаемся в себя и... оформляем и завершаем материал вживания... мы восполняем материал вживания... из избытка моего видения, воления и чувствования» [2, 106—107]. Без антропологического вмешательства невозможно ни создание произведения, ни изучение элементарной частицы. При этом мы всегда узнаем лишь прошлое (в физике мы узнаем, где была частица до начала эксперимента: Бахтин писал, что герой произведения находится как бы в прошлом. Сегодня интерактивность («личность плюс частица» Бора или «личность плюс произведение» Бахтина) характеризует эпоху. И если ньютоновская классика одновекторно познает метафизическую реальность, то боровская современность двувекторно познает диалектическую (в момент ее познания) реальность (у Бахтина читатель сливается с автором: познание, как и сочинение, есть вмешательство). Мы сегодня сталкиваемся с «диалектикой диалога»: романов (если роман в романе) или автора и героя (если герой в романе), а в сфере физики — физики и элементарной частицы.

2. *Чеховская «Чайка» как пьеса в пьесе: Чехов как предшественник Бора.* Чехов в искусстве предвидел Бора в науке. В пьесе Чехова «Чайка» существует «внутренняя пьеса», автором которой является Треплев. Подобно Бору, вошедшему в мир элементарных частиц, автор Чехов, предварительно раздвоившись, вошел одной своей половинкой в «Чайку» (другая половинка Чехова осталась снаружи «Чайки») — и

ее своим касанием изменил. В подобном смысле Треплев есть «Чехов в пьесе». В соответствии с принципом дополнительности, мы на самом деле видим не саму пьесу Чехова, а пьесу Чехова вместе с изменяющим ее автором (т. е. Треплевым как «внутренним Чеховым», как одной из двух чеховских ипостасей). Поэтому пьеса Треплева не закончена — это оставляет поле для авторских изменений. При этом Треплев как автор «внутренней пьесы» также одушевляет свою же «живую пьесу» (про оленей и куропаток) — в рамках пьесы Чехова «Чайка». Также пьеса Треплева как героя-другого относительно автора-Чехова и есть осязаемое бахтинское «оформление» Треплева. Но в то же время пьеса Треплева является и «оформлением» Нины в качестве героя-другого, если Треплев выступает в качестве ее автора.

В вечных боровских изменениях заключается неизжитость прошлого (неизжитость любви Треплева к Нине, неизжитость любви других героев, неизжитость нераскрытых талантов) как «карман метафизики» в осевом времени Ясперса. «Мы сталкиваемся с тем, что нами по каким-то причинам не может быть пережито. И поэтому непережитое... мучает нас, не дает нам покоя... поскольку мы его вытесняем... но вытесненное выходит не в прошлое, а в будущее, из которого оно постоянно к нам возвращается... смысл чего от нас ускользнул... мы принуждены всякий раз заново встречаться со своим непониманием... как наше незабвенное... незабвенность непережитого и вводит нас в пространство пата» [3, 96]. В искусстве это неизжитое и непонятое порождают роман в романе, пьесу в пьесе, картину в картине (как у Матисса), фильм в фильме... Поэтому неизжитая смерть Христа и породила роман «Мастер и Маргарита», а непонятый роман Булгакова породил роман «Реквием» Осипова. Поэтому в пьесе Чехова «Чайка» — неизжитые «три пуда любви». Поэтому у Бахтина герой, которого автор эстетически завершил, подобен мертвецу — и находится в прошлом (чтобы выйти из пата, Треплев себя убил), а автор (со своим непережитым) устремляется в будущее.

3. *Михаил Афанасьевич и роман в романе.* У Булгакова «диалог романов» происходит как «диалектический карнавал» (объединение противоположностей в «третье качество»). Когда в России карнавал революции совершил историческую инверсию: диалектически заменил государственную религию на воинствующее безбожие (Блок, «Двенадцать»), то мир, как старая шуба, которую на карнавале (Бахтин) вывернули мехом наружу, также вывернулся наизнанку — преисподней наружу. И тогда произошел «карнавал онтологии» — Земля оказалась не снаружи царства чертей (как это описал Данте), а внутри него. Поэтому в романе Булгакова Антитроица (Воланд, Азazelло и Бегемот) явилась на Землю, чтобы найти свою «четвертую ипостась» — Анти-

софию (Маргариту). А Библия (в качестве романа Мастера) оказалась внутренним частным случаем мироздания.

Но если исходить из учения Бахтина, то «внутренний роман» Мастера в каком-то смысле играет роль живого человека (Бор: Мастер плюс Библия), одухотворенного Мастером (так Церковь есть «невеста Христа»). Когда литературное произведение начинает играть роль личности, человека, то это предполагает, что данная пьеса или роман представляет собою внутреннее пространство личности автора, которое по-карнавальному вывернуто наизнанку (фильм Вайды «Все на продажу») в процессе творчества (в подобном смысле творчество выступает как карнавал). Тогда «внешний роман», созданный автором вокруг героя-другого, превращается в «черепную коробку», которая хранит в себе это внутреннее пространство. Поэтому и в «Реквиеме» у Осипова роман Булгакова «Мастер и Маргарита» представляет собою «живую книгу».

4. *Юрий Михайлович и роман в романе.* Как «литературный сын» Михаила Афанасьевича Булгакова автор романа «Реквием» Юрий Михайлович превратил в его рамках роман Булгакова «Мастер и Маргарита» в «роман в романе», в «живую книгу»: как вывернутое по-карнавальному наизнанку внутреннее пространство человека (Булгакова), героя, другого (относительно Осипова, если следовать учению Бахтина). Тогда роман «Реквием» (как об этом пишет Бахтин) в каком-то смысле есть «черепная коробка» Михаила Булгакова. «Сначала вырос в саду жизни человек-роман — юноша киевский... человек-роман перелил себя... в действительный роман, как оказалось, в роман-существо, заговоривший вдруг собственным... голосом... ставшего в итоге романом-писателем...» [1, 128].

Касаясь романа Булгакова чтением (то же самое происходило и с самим Булгаковым в момент написания), читатель (в соответствии с принципом дополнительности Бора) тем самым этот роман меняет: и получается — «роман плюс читатель», роман в голове читателя (а не роман в готовом виде — как таковой). Но человек и сам меняется от контакта с романом. «Роман, ставший вдруг независимым волевым субъектом, буквально вцепился в своего создателя... он сам стал... произведением... своего же произведения» [1, 126]. При этом каждый читатель романа Булгакова становится его «литературным сыном», Михайловичем, соавтором. Таким «интерактивным романом» Булгакова, который изменяется от каждого чтения (и меняет самих читателей), романом нового типа, основанным на современной физической парадигме, и является роман «Реквием» Юрия Михайловича Осипова. Однако нас, читателей романа Булгакова, очень много. Как и множество читателей Библии. Метафизически собравший эту «ауру изменений» Библии от ее тысячелетних прочтений в романе «Мастер и Мар-

гарита», Булгаков создал «роман, интерактивно выросший из романа» Мастера (т. е. Библии, но понятой именно по-боровски — только Мастером!). Метафизически собравший эту «ауру изменений» от многих разных прочтений романа «Мастер и Маргарита», Осипов создал роман «Реквием» — как «роман, интерактивно выросший из романа» Булгакова. При этом Осипов создал свой «роман плюс читатель» в такой же мере самостоятельным, в какой роман Булгакова был самостоятельным относительно романа Мастера о библейских событиях. «Род Библии» есть исторический род «соборных прочтений», где сам народ есть «соборный автор» Библии — с точки зрения интерактивности Бора.

5. *Сергей Михайлович: кадр в кадре и фильм в фильме.* В рамках своего научного труда «Метод» Сергей Михайлович Эйзенштейн создал учение о «кадре в кадре», что впоследствии выросло в «фильм в фильме»: у Феллини («Восемь с половиной»), у Ростоцкого («Доживем до понедельника») и у Вайды («Все на продажу»). У Ростоцкого героем фильма в фильме (вернее, телепередачи как документального фильма) является «Моцарт, которого нет» (отпечаток от Моцарта, язык которого сохранен), потому что компьютер сочиняет музыку в стиле Моцарта. «Нужно быть программистом, чтобы, проанализировав стиль, манеру гениальных композиторов, выделить необходимые в их творчестве элементы и создать на их основе компьютерную программу, посредством которой мы могли бы производить ноктюрны и хоралы. Примерно этим делом занимался профессор Д. Коуп, который создал около 5 тысяч хоралов Баха и тысячу ноктюрнов Шопена. Баха и Шопена нет, а Коуп есть, и он при помощи компьютера создает новые хоралы Баха и ноктюрны Шопена... но значит ли это, что Коуп — это Бах?.. Сознание, не связанное с эмоциями и воображением, это не сознание, а в лучшем случае язык. Булгак играет не с сознанием Деррида, а с языком Деррида» [4, 283—285]. Действительно, без двух личностей, по мнению Бахтина, эстетическое событие решительно не возможно. Профессор Коуп — это Анти-Бахтин, который фабрикует «Баха без Баха» и «Шопена без Шопена», отказывая в личности даже автору: ведь программист не является ни Бахом, ни Шопеном, ни Моцартом — он на самом деле является всего лишь композитором-симулякром. В подобном смысле Булгаков — это совсем не Коуп, а Мастер — вовсе не является тем компьютером, который продуцирует тексты на основе «концептуального языка» Библии. Потому что Мастер — и страдал, и влюблялся, и с Библией общался — по закону Бора, а не по принципу профессора Коупа.

Следуя учению Бахтина, мы можем рассмотреть «фильм в фильме» Вайды «Все на продажу» (его режиссера играет Анджей Лапицкий) как авторское оформление личности Збигнева Цыбульского, душа ко-

торого, освободившись после смерти от тела, как бы вселилась в фильм «о нем без него». В подобном смысле и роман Юрия Михайловича «Реквием» мы можем рассматривать как роман «о нем без него» — роман, в который вселилась душа «литературного отца» Михаила Афанасьевича, потому что «Реквием» (в соответствии с учением Бахтина) есть авторское оформление личности Михаила Булгакова. В фильме Вайды «Все на продажу» существует «внутренний фильм», автором которого является Анджей (Лапицкий — как в фильм «вошедшая половинка» Анджея Вайды, как одна из вайдовских ипостасей). Подобно Бору, вошедшему в мир элементарных частиц, автор Вайда, предварительно раздвоившись, вошел одной своей половинкой в фильм (другая половинка Вайды осталась снаружи фильма) — и его своим касанием изменил (поэтому фильм Лапицкого, подобно пьесе Треплева как «интерактивной книге», не закончен: это полигон для вайдовских изменений). В соответствии с принципом дополнительности Бора, мы на самом деле видим не сам фильм Вайды как таковой, а фильм плюс изменяющего его автора (у Вайды это — процесс создания фильма в рамках самого фильма: мебиус процесса и результата). Как автор «внутреннего фильма» Анджей Лапицкий также одушевляет свой «живой фильм» — в рамках фильма Вайды «Все на продажу». К тому же фильм Лапицкого как героя-другого относительно автора-Вайды есть также осязаемое бахтинское «оформление» Лапицкого как героя. Но, в то же время, фильм Лапицкого является и «оформлением» Збигнева Цыбульского в качестве героя-другого, если Лапицкий выступает в качестве его автора. В вечных боровских изменениях заключается неизжитость прошлого (неизжитость женской и режиссерской любви к Цыбульскому). Формулой боровского подхода является фильм Феллини «Восемь с половиной».

Заключение. У Одоевского («Городок в табакерке»), словно по теории Бора, изучая строение и принцип работы музыкальной шкатулки, мальчик становится очень маленьким — и погружается во внутренний мир шкатулки. Внутри шкатулки в процесс ее познания мальчиком музыкальная шкатулка меняется. Если бы мальчик не захотел вернуться в свое нормальное «внешнее» состояние, то он навсегда застрял бы в музыкальной шкатулке, став при этом «бесконечным», как любая часть работающего в ней механизма. Эту боровскую «бесконечность касаний» и отобразил автор романа «Реквием».

Бахтин считает, что автором оформленный герой произведения как бы мертв (потому что он завершен). И в этом смысле «живая книга» («Мастер и Маргарита») в романе «Реквием» — живая именно потому, что она еще не завершена (здесь речь идет не об авторском литературном незавершении, а об историческом читательском незавершении), не изжита (Гиренок). Так в «Гамлете» смерть отца еще не изжита прин-

цем — и поэтому отец (в качестве живого!) является. Призрак отца Гамлета (как и литературного отца Осипова — Михаила Булгакова) представляет собой сознание, которое оживляет (в качестве героя, другого) «пьесу в пьесе» в «Гамлете» («мышеловка»). Эта пьеса в пьесе — как «патовый возврат» неизжитой любви и мести Гамлета (Гиренок), в качестве «живого трупа» (бахтинского еще эстетически неоформленного героя) — на самом деле представляет собой раздумье, логическое дискурсивное размышление Гамлета (как автора) об отце (о другом, герое), которое возникло при разрубе рефлекторной дуги (отставной рефлекс, ведущий к неврозу): «пьеса в пьесе» пребывает внутри разруба как в «полости патового возврата». Появление среди живых призрака отца Гамлета (как и Воланда) есть онтологический невроз навязчивых состояний, которым заболела Вселенная.

Итак, Михаил Михайлович Бахтин философски обосновал, Сергей Михайлович Эйзенштейн визуализировал (в каждом «внутреннем кадре» — собственный, отдельный герой), а Юрий Михайлович органически вырастил как роман идею о том, что никакое эстетическое явление не существует без участия человеческой личности. «Возьмем картину Ван Гога “Крестьянские башмаки”... Суть дела не в башмаке, а в крестьянине. Картина Ван Гога раскрывает не то, что поистине есть башмак, а то, что поистине есть крестьянин. Башмак — это лишь то, что указывает на него» [4, 286—287]. И если древние египтяне считали, что душа фараона существует доколе существует в целостности и неизменности его мумия, то сегодня мы понимаем (в соответствии с учениями Бора и Бахтина), что душа Булгакова (в качестве неизжитого) существует доколе своими прикосновениями мы ее изменяем.

Литература

1. Михайлов Ю. Реквием. М., 2010.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. М., 2003.
3. Гиренок Ф.И. Мир после истории // Философия хозяйства. 2011. № 3.
4. Гиренок Ф.И. Алгоритмическая эстетика // Философия хозяйства. 2011. № 3.

Российский ученый десант в Париже

По случаю 140-летия Сергея Николаевича Булгакова (о. Сергия) в Париже прошел 2 июня 2011 г. российско-французский симпозиум «Русская мысль в Париже: С.Н. Булгаков», организованный ЦОН при МГУ и Свято-Сергиевским православным богословским институтом (Париж) с участием Торгового представительства Российской Федерации во Франции. Симпозиум подтвердил актуальность творческого наследия Булгакова, важность обращения современной мысли к идеям, высказанным Булгаковым. Кроме основного заседания в институте, в котором с 1925 по 1944 г. работал о. Сергий, российские участники симпозиума нанесли визит в Торговое представительство РФ во Франции, побывали у могилы С.Н. Булгакова на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, встретились с известным историком и литературоведом профессором-славистом Никитой Струве (внуком П.Б. Струве — сподвижника и друга Булгакова), посетили православные церкви св. кн. Александра Невского на ул. Дарю и св. преп. Серафима Саровского. Российским участникам особенно запомнились встречи и беседы с деканом Свято-Сергиевского института профессором о. Николаем Чернокраком и профессорами института о. Николаем Озолиным и Д. Шаховским.

С российской стороны в симпозиуме и знакомстве с русской мыслью в Париже приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, Ф.И. Гиренок, С.С. Мишуков (Иваново), В.Т. Рязанов (СПб.), В.С. Сизов (Киров), Л.Г. Чередниченко, Т.Н. Юдина; кандидаты наук К.С. Бакулев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.П. Недзвецкая (Париж), И.В. Простаков (Париж), Е.В. Шелкопляс (Иваново); научные сотрудники Т.М. Осипова, А.А. Сизова (Киров), Т.С. Сухина; генеральный директор В.В. Балашов (Муром), исполнительный директор, депутат областной думы А.В. Петелин (Иваново).

Ю.М. ОСИПОВ

Век Булгакова (Москва — Париж — Москва)

Аннотация. Об историческом значении творческого наследия великого русского мыслителя XX в. С.Н. Булгакова — основателя философии хозяйства, одного из столпов русской софийной философии и крупнейшего богослова.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, философия, философия хозяйства, русская софийная философия.

Abstract. About the historic meaning of creative heritage of the great Russian sophist of XX cent. S.N. Bulgakov — the founder of philosophy of economy, one of the pillars of Russian Sophian philosophy and major theologian.

Keywords: S.N. Bulgakov, philosophy, philosophy of economy, Russian Sophian philosophy.

2011 — год 140-летия *Сергея Николаевича Булгакова*, великого русского мыслителя — экономиста, философа, литератора, богослова. Пройдя сложный жизненный и творческий путь, полный испытаний, искушений и поиска, Булгаков, он же о. Сергей, оставил богатое и неоднозначное письменное наследие, частично еще находящееся в рукописном виде и не изданное. Однако и то, что издано, говорит не просто о многом, а об исключительно глубоком и важном, что не может не волновать современного думающего, страждущего и переживающего человека.

Булгаковский мир — не для каждого, это менее всего ученый мир, с которым лишь надо ученически познакомиться; это мир, который нужно упорно осваивать, но и этого мало, ибо это мир, в который надо... войти. А чтобы войти, потребно хорошо представлять самого Булгакова, этого мыслителя-бунтаря, вовсе не склонного лишь преумножать накапливаемые образованным человечеством «правильные» знания, а более всего нацеленного на поиск и преподнесение знания как раз «неправильного» — *иного*, которое совсем не обязательно подвержено адекватному восприятию со стороны ученых авторитетов и уж тем более способно вызвать у знатоков «правильных» знаний прилив неопишуемого восторга.

Булгаков признан и не признан, его чтут, но и не замечают, поднимают ввысь, но и остаются равнодушными. Ничего удивительного: во всем он критик, во многом ниспровергатель и только в малом он скромный утвердитель, хоть это малое стоит больших фолиантов и безмерных энциклопедий.

Что привлекает нас в Булгакове — человеке и творце? Стремление к истине, ее ощущение и умение ее выразить. В итоге нас влечет то *иное*, что прозревал Булгаков, что он как мог, описывал и предлагал нам для непредвзятого осмысления. Именно для осмысления, а не безоговорочного приятия. Вот почему Булгаков дорог нам не столько формулировочными сентенциями, сколько выходами на *иное*, обнаружением этого иного, его нам размыслительным представлением.

Булгаков — еретик, ибо везде он инноватор, следственно — уклонист, но не ради просто нового, как и не ради попросту иного, а ради проникновения в суть, причем не накопленных уже знаний, которых давно переизбыток, а отгороженной этими знаниями человеческой реальности. Пришло время «продирок» к этой реальности через тросы знаниевых нагромождений, и Булгаков продирался, прозорливо пре-

одолевая науку, философию, марксизм, экономизм, интеллектуализм, любую догматику, вырываясь на метафизический, воззренческий, концептуальный простор.

Был ли он в своих сентенциях прав? Был, наверное, как и, наверное, не был. Главное, тут все-таки не в том, был или не был он прав, а в том, что он был *там*, где каким-то невероятным образом очутился, что-то *такое* увидел и об *этом* по-честному нам поведал. Вот и выходит, что для нас, его потомков, важно более всего не то, что он непосредственно высказал, а то, о *чем* он говорил, а может, просто только *то*, о чем он лишь подумал, а может, и не успел даже ничего подумать, ибо Булгакову довелось быть рядом с Софией Премудростью Божией, а София — сплошная тайна, хоть и кажется образованному люду вполне познаваемой.

Любого мыслителя можно открыть, прочитать, понять и... закрыть, хоть и не забыть насовсем, а вот Булгакова... ни понять до конца, ни всецело усвоить, ни навсегда забыть, хоть и отложить можно, и задвинуть подальше, и отправить в университетское небытие, но... ни стереть его из сознания, ни упрятать в подвалах, ни уничтожить в огне... как, собственно, и саму *благовую весть с откровением*, не уничтожить, которые не то что есть, а еще и вовсю работают!

* * *

16—17 июня 2011 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась международная научная конференция «Философско-хозяйственное осмысление современной и исторической реальности», посвященная 140-летию со дня рождения С.Н. Булгакова (1871 — 1944).

На конференции выступили доктора наук Ю.М. Осипов, С.П. Богачев (Калуга), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Ф.И. Гиренок, Р.М. Гусейнов (Новосибирск), Л.А. Тутов, С.Г. Ковалев (СПб.), В.И. Корняков (Ярославль), С.П. Макаров, С.С. Мишуков (Иваново), С.В. Перевезенцев, М.Г. Покидченко, И.В. Пшеницын, Н.М. Чуринов (Красноярск), И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина; кандидаты наук А.В. Андреева (Ростов н/Д), К.С. Бакулев, Г.В. Будкевич, Ю.В. Гава (Киев, Украина), М.Н. Глазунов, О.В. Доброчеев, Г.Ю. Дубянская, П.В. Кухта (Киев, Украина), М.С. Мокий, А.А. Нагорный, В.К. Петров, Л.Д. Петряков (Ярославль), А.А. Погребняк (СПб.), М.А. Румянцев (СПб.), М.В. Ситницкий (Киев, Украина), П.С. Толкачев, В.А. Ушанков (СПб.), Е.В. Шелкоплас (Иваново); соискатели И.И. Рудяк, Ю.Н. Сенчина; аспиранты М.С. Сушенцова, Т.Н. Шелегина; магистрант Т.С. Черников; президент компании «Неокон» М.Л. Хазин.

* * *

14—16 июня 2011 г. в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина состоялась международная научная конференция «Парадигма державности в развитии Российского государства», в работе которой принял участие директор ЦОН профессор Ю.М. Осипов с пленарным докладом «Имперская обусловленность России».

* * *

7—9 октября 2011
VI ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ МГУ

Круглый стол

на тему:

Русская мысль рубежа XIX — XX вв.

в Московском университете

(концептуальные аспекты)

Рубеж XIX—XX вв. вошел в историю России и мира как время небывалого подъема оригинальной русской мировоззренческой мысли, нашедшей конкретное выражение в русской софийной философии. Среди творцов последней оказались и представители Московского университета, его выпускники и преподаватели, профессора В. Соловьев, П. Флоренский, С. и Е. Трубецкие, С. Булгаков, Н. Бердяев и др. На Фестивале науки МГУ вполне уместно провести заинтересованный разговор об этом исключительном феномене, имевшем место в России и непосредственно в Московском университете, тем более что в настоящее время — в начале XXI в. — важность обращения к отечественному размыслительному наследию подкрепляется нарастанием аналогичных кризисных социально-экономических и идейно-духовных процессов.

В дискуссии примут участие ведущие ученые МГУ, РАН и других научных учреждений и учебных заведений РФ.

8 октября 2011 г., суббота, 11.00 — 14.00

МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, холл 3-го этажа

Ломоносовские чтения — 2011

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

*Историческая поступь великоросса —
М.В. Ломоносов*

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Великий русский мыслитель: «вся Россия» и «весь в Россию». Ученый-энциклопедист. Целостность и органичность Универсальность. Философ, исследователь, просветитель, создатель. Естественник и гуманитарий. Физик, химик, географ. Теоретик и экспериментатор. Лингвист, историк, социолог, экономист, философ хозяйства. Проектант. Осмыслитель России и ее будущего. Модернизатор. Ломоносов и российская мысль, им вдохновленная (Карамзин, Пушкин, Л. Толстой, Федоров, Менделеев, С. Булгаков, Циолковский, Вернадский). Ломоносов сегодня и сегодня с Ломоносовым. Подвиг великоросса: память и слава!

15 ноября 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 5.11.2011 г.

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 1 ноября 2011 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183,
пн., чтв., 13.00 — 19.00

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Интеллект-революция:
свершения и ожидания***

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Интеллект как хозяйственный и хозяйствующий фактор. Интеллект как производительная сила. Интеллектуальная сфера хозяйства. Общественный интеллект, его обустройство. Производительная сила интеллекта. Интеллект и техника, техника и интеллект. Интеллектуализированная техника и технизированный интеллект. Технобщество. Интеллект и этика, интеллект и свобода. Метафизика интеллекта. Современная интеллект-революция. Свершения и ожидания. Интеллект, сознание, человек. Современный интеллектуал. Интеллект, ноосфера, общество. Интеллектообщество. Контуры интеллект-будущего.

7—9 декабря 2011 г.

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 25 ноября 2011 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2012 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>)

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 25 ноября 2011 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183,
пн., чтв., 13.00 — 19.00

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ТУТОВ ЛЕОНИД АРНОЛЬДОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заместитель декана по науке, экономический факультет МГУ (*tutov@econ.msu.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

ПОГРЕБНЯК АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, философский факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*aapogrebnyak@gmail.com*).

ЛУКОВЕНКО ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

член-корреспондент АФХ, соискатель ученой степени к.э.н.

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет (*vikorn1@rambler.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, Институт бизнеса и делового администрирования, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*managerial@mail.ru*).

БУЗГАЛИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*alternativy@tochka.ru*).

КОЛГАНОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ,

д.э.н., в.н.с., заведующий, лаборатория изучения рыночной экономики, экономический факультет МГУ (*alternativy@tochka.ru*).

РУМЯНЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*churila@yandex.ru*).

РОСТОВЦЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА,

д.соц.н., профессор, Тульский филиал Российского государственного торгово-экономического университета (*rostovtsevali@rambler.ru*).

РОСТОВЦЕВ РОМАН НИКОЛАЕВИЧ,

д.т.н., профессор, кафедра физики, Тульский государственный университет (*rostovtsevali@rambler.ru*).

УСИК НИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономики и финансов, Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий (*nius50@yandex.ru*).

ШАПИРО НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории и экономической политики, Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий (*v-shapiro@mail.ru*).

ГОРДЕЕВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Ярославский государственный технический университет (*vagordeev@rambler.ru*).

ЮДИНА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, кафедра экономической теории, факультет государственного управления МГУ (*orchidflower@list.ru*).

ЧЕРНОКРАК НИКОЛАЙ,

протоиерей, д. богосл., профессор, декан, Свято-Сергиевский Православный богословский институт (г. Париж, Франция) (*cernokrak@yahoo.fr*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@volsu.ru*).

НАЗАРОВ ИЛЬЯ ВЛАДИСЛАВОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, экономический факультет, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, член Совета Киевского Религиозно-философского общества, руководитель семинара «Православие и культура» (*krfo@rambler.ru*).

ФИЛИППЕНКО НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА,

к.ф.н., старший научный сотрудник, Институт философии им. Г.С. Сковороды НАН Украины, ученый секретарь Киевского Религиозно-философского общества, главный редактор журнала «Христианская мысль» (*krfo@rambler.ru*).

СОБОЛЕВСКАЯ АЛИСА АЛЕКСАНДРОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН (*a-k-porov@yandex.ru*).

ПОПОВ АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., ст. эксперт, Институт экономических стратегий (*a-k-porov@yandex.ru*).

ОЗОЛИН НИКОЛАЙ,

профессор иконологии, Свято-Сергиевский православный богословский институт (г. Париж, Франция) (*ozoline@wanadoo.fr*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина) (*sumer@ukr.net*).

ГУСЕЙНОВ РИФАТ МИР-АХМЕД ОГЛЫ,

действительный член АФХ, заслуженный экономист Российской Федерации, д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, (*guseinra@ngs.ru*).

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, президент Ноосферной общественной академии наук, д.э.н., д.ф.н., к.т.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, Крестьянский институт им. Кирилла и Мефодия (г. Санкт-Петербург) (*subal1937@yandex.ru*).

КЛЕПАЧ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., заместитель министра, Министерство экономического развития и торговли (*Klepach@economy.gov.ru*).

ДОБРОЧЕЕВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; ведущий эксперт, Минэкономразвития РФ; доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (*olegdobro@list.ru*).

ХАЗИН МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный государственный советник РФ в отставке, президент компании экспертного консультирования «Неокон» (*khazin@yandex.ru*).

ЕФИМЧУК ИРИНА ВИКТОРОВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (*marivr@mail.ru*).

БУДКЕВИЧ ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА,
к.э.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ
(*papyrus7@mail.ru*).

ШЕЛЕГИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА,
аспирант, кафедра макроэкономики, Финансовый университет при Правительстве РФ (*Sheleginat@yandex.ru*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,
действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕН, д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы, Шуйский государственный университет (ШГПУ); научный руководитель, Центр кризисологических исследований при ШГПУ (*ocean_65@mail.ru*).

ПОРОХОВСКАЯ ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,
к.ф.н., доцент, заслуженный преподаватель Московского университета, кафедра этики, философский факультет МГУ (*632712@mail.ru*).

МАСЛОВ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ,
старший преподаватель, кафедра политологии и социальных технологий, Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ) (*osipoff_58@mail.ru*).

ОРЛОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ) (*osipoff_58@mail.ru*).

СКОТНЫЙ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ,
к.э.н., старший преподаватель, кафедра экономики, Дрогобычский государственный педагогический университет им. Ивана Франко (*ilin_vv@ukr.net*).

БИРЮКОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ,
к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ (*birva@magnuil.ru*).

ШАЦ ЭВЕЛИНА,
действительный член Международной академии исследований будущего (МАИБ), поэт, эссеист, художник (г. Милан, Италия) (*eve@evelinaschatz.com*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,
действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, департамент монетарной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛAVОВНА,
действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2012 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.